Фотот. П. Павлова

I.

Петръ Михайловичъ Вишняковъ въ 1818 году.

Свѣдѣнія

о купеческомъ родѣ

Вишняковыхъ

(1762—1847 гг.),

собранныя

Н. Вишняковымъ.

Часть вторая.

Москва.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1905.

Фотот. П. Павлова

Петръ Михайловичъ Вишняковъ въ 1818 году.

Свѣдѣнія

о купеческомъ родѣ

Вишняковыхъ

(1762—1847 гг.),

собранныя

Н. Вишняковымъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1905.

Дозволено цензурою. Москва 18 мая 1905 года.

> Дѣломъ и словомъ почитай отца твоего и мать, чтобы пришло на тебя благословеніе отъ нихъ, ибо благословеніе отца утверждаетъ домы дѣтей, а клятва матери разрушаетъ до основанія.
>
> *Іис. с. Сирах. III 8, 9.*
>
> Wohl dem, der seiner Väter gern gedenkt!
>
> **Göthe.**

Въ первой части „Свѣдѣній" я сообщилъ то, что мнѣ стало извѣстнымъ изъ архивныхъ источниковъ. Это были свѣдѣнія о нашихъ родичахъ, которыхъ никто изъ моихъ современниковъ не зналъ и не помнилъ.

Теперь я перехожу къ болѣе позднему времени. За исключеніемъ немногихъ, чья память сохранилась лишь по наслышкѣ, огромное большинство лицъ, упоминаемыхъ здѣсь, были извѣстны или мнѣ, или моей матери и братьямъ. Здѣсь уже должно чувствоваться присутствіе настоящей жизни, пульсація крови и субъективизмъ.

Наконецъ, въ послѣдней части, которая вся построена на личныхъ воспоминаніяхъ, субъективизмъ получаетъ все больше значенія. Разсказывая про прошлое, я не могу передавать его иначе, какъ такъ, какъ это прошлое рисуется у меня въ памяти, со всѣми недостатками, пробѣлами и ошибками, свойственными памяти. Вся задача заключается только въ томъ, чтобы быть строго правдивымъ, писать только то, что дѣйствительно помнишь и знаешь, безъ подрисовокъ, подмалевокъ, дополненій и догадокъ. Что неполно уцѣлѣло въ памяти, то неполнымъ и должно быть передано; что не ясно, то такъ и должно остаться неяснымъ.

Но зато то, что дѣйствительно извѣстно, должно быть такимъ и передано. Здѣсь пишется исторія нашей семьи, а исторія не должна знать замалчиваній. Если писать только съ постоянной оглядкой и боязнью сказать что-нибудь лишнее и неумѣстное, то дѣло все сведется либо къ сообщенію вся-

кихъ мелочей, никому ненужныхъ и никому неинтересныхъ, потому что не характерныхъ, либо къ отыскиванію высокихъ добродѣтелей, которыхъ обыкновенно нигдѣ нѣтъ, а слѣдовательно — къ извращенію истины, ко лжи и неправдѣ.

Я думаю, что теперь можно спокойно говорить о тѣхъ временахъ, безъ опасенія быть заподозрѣннымъ въ стремленіи сказать кому-нибудь что-нибудь непріятное.

Тѣмъ болѣе, что въ этихъ воспоминаніяхъ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо семейныхъ тайнахъ или о людяхъ исключительно дурныхъ, память которыхъ лучше не тревожить.

Такихъ у насъ, по счастью, не было. Были люди — средніе, съ очень обыкновенными, общечеловѣческими недостатками, не заключающими въ себѣ ничего ни чудовищнаго, ни удивительнаго, и съ тѣми добрыми качествами, которыя, по счастью, существуютъ почти въ каждомъ человѣкѣ.

Обо всемъ этомъ, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, можно говорить очень спокойно, безъ нареканій, безъ обвиненія въ оскорбленіи личностей.

Выполняя по силамъ эту задачу, я счастливъ, что сохраню своему роду память о старинныхъ временахъ, о людяхъ давно покинувшихъ житейское поприще и отъ которыхъ безъ этого осталось бы только одно имя, — объ интересахъ давно забытыхъ, о бытѣ давно исчезнувшемъ...

„Я помню“ — вотъ вся моя заслуга.

Къ этому, пожалуй, можно прибавить: только я одинъ и могу писать, потому что въ настоящее время я — единственное существо въ мірѣ, которое помнитъ и знаетъ большую часть того, что разсказано на этихъ страницахъ.

Февраль 1905 г.

I.

Времена Екатерины II и Павла I.

Дѣдъ мой переселился въ Москву изъ Кашина въ самый годъ воцаренія императрицы Екатерины II (1762 г.). У насъ сохранилось мало извѣстій о томъ, какъ слагалась жизнь его семьи въ теченіе почти всего слѣдующаго полустолѣтія; кромѣ сухихъ данныхъ о личномъ составѣ, возрастѣ и мѣстожительствѣ, заключающихся въ ревизскихъ сказкахъ, не имѣется почти ничего. Само-собою разумѣется, семья дѣда не могла избѣжать вліянія времени и общественной и сословной обстановки. Обзоръ этихъ общихъ условій, той исторической атмосферы, среди которыхъ слагалась ихъ жизнь, очень важенъ именно въ виду скудости другихъ свѣдѣній. Онъ долженъ проливать извѣстный свѣтъ на развитіе отдѣльныхъ членовъ нашей семьи, и служить къ освѣщенію иныхъ фактовъ. На складѣ характеровъ особенно должны отзываться отголоски прошлаго. Вотъ почему, несмотря на то, что историческое изслѣдованіе не должно входить въ мою задачу, я считаю необходимымъ напомнить существенныя черты двухъ послѣднихъ царствованій XVIII вѣка: Екатерины II и Павла I.

Вѣкъ Екатерины*) съ ея времени и почти до сихъ поръ былъ предметомъ ревностнаго прославленія. Военные успѣхи, выдвинувшіе имена Румянцева, Орлова Чесменскаго и Суворова, обширныя завоеванія, выразившіяся въ пріобрѣтеніи Новороссіи и Крыма, а также Западнаго края, блестящая литература съ именами Державина, Фонвизина, Княжнина,

*) Послѣдующее составлено по сочиненію А. Н. Пыпина: „Времена Екатерины II“ („Вѣстникъ Европы“ 1895 г., май, іюнь и іюль), съ дополненіями изъ 29 тома исторіи Соловьева и статей „Русской Старины“.

Новикова и др., смѣлая и великодушная мысль о новомъ Уложеніи производили сильное впечатлѣніе на умы. На все окружающее дѣйствовали ея необычайная личность: со временъ Петра на русскомъ престолѣ не было лица съ умомъ столь сильнымъ, съ характеромъ столь энергическимъ, съ такимъ, повидимому, пониманіемъ духа времени, которое ставило ее на уровнѣ величайшихъ умовъ той эпохи. Казалось, сама судьба предназначала ее для осуществленія тѣхъ коренныхъ преобразованій, въ которыхъ такъ нуждалась тогда внутренняя жизнь русскаго народа.

Вторая половина XVIII в. отмѣчена въ особенности обширнымъ и разнообразнымъ вліяніемъ французской литературы. Екатерина II была воспитана на ней и проникласъ извѣстными общественными понятіями, „философскими мыслями". Она оказывала величайшее вниманіе энциклопедистамъ, корифеямъ французской философіи, Вольтеру, Дидро, д'Аламберу и любовалась въ себѣ самой философскимъ умомъ. Про Монтескьё она писала: „Его Духъ Законовъ есть молитвенникъ государей, если только они имѣютъ здравый смыслъ". Ея знаменитый „Наказъ" былъ построенъ, главнымъ образомъ, на Монтескьё, какъ она сама объ этомъ заявляла. „Желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь", писала она еще будучи великой княгиней..." Свобода, душа всего на свѣтѣ, безъ тебя все мертво! Хочу повиновенія законамъ, но не рабовъ; хочу общей цѣли — сдѣлать счастливыми, но вовсе не своенравія, ни чудачества, ни жестокости, которыя несовмѣстимы съ нею". Въ то время, въ этомъ настроеніи, для нея очевидна была необходимость освобожденія крестьянъ. „Противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей (они всѣ рождаются свободными)", писала она и уже придумывала средства достигнуть постепеннаго освобожденія крестьянъ посредствомъ постановленія, что при продажѣ имѣній крестьяне дѣлаются свободными.

Не трудно догадаться, какъ относились къ такого рода направленію окружавшіе ее политическіе дѣльцы, сами крупные душевладѣльцы, воспитанные на крѣпостничествѣ. Любопытно, что одинъ изъ выдающихся писателей того времени Сумароковъ высказался противъ освобожденія крестьянъ. Вотъ эти замѣчательныя соображенія съ помѣтами Екатерины:

„Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя", писалъ Сумароковъ: — „скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ; и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ („и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ", прибавляетъ Екатерина), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища... А это примѣчено, что помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ („и имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи", прибавляетъ Екатерина)".

Но главное разочарованіе пришлось испытать Екатеринѣ отъ той же комиссіи о составленіи новаго уложенія, для которой она составила свой „Наказъ". Она должна была убѣдиться, что мнѣнія большинства депутатовъ не совпадали съ ея идеями, что благія ея намѣренія или не были поняты, или встрѣтились съ упорнымъ противорѣчіемъ своекорыстія или невѣжества. Ея идеямъ о личной свободѣ каждаго депутаты противопоставили желанія совершенно противоположнаго свойства. Купеческіе депутаты настаивали, чтобы право владѣть крестьянами предоставлено было и ихъ сословію, мотивируя это тѣмъ, что на вольнаго приказчика положиться нельзя. Противъ этого возстало дворянство. За купцами потребовали права владѣть крестьянами казаки и духовенство. Такимъ образомъ, крѣпостное право не только защищали, но и желали его распространенія. Такое же противорѣчіе съ мыслями „Наказа" представилъ и вопросъ о пыткѣ: депутаты возставали противъ ея уничтоженія.

Слѣдуетъ думать, что послѣ собранія комиссіи Екатерина охладѣла къ своему идеалистическому порыву и пришла къ заключенію, что нѣтъ надобности торопиться съ преобразованіями, которыя, по голосамъ самихъ депутатовъ комиссіи, оказывались не только ненужными въ данную минуту, но и вообще нежелательными. Она понемногу впадала въ столь частую иллюзію правителей, что дѣйствительно государственныя дѣла идутъ какъ слѣдуетъ, что „все обстоитъ

благополучно". Отсюда легко возникало раздраженіе противъ людей, которые, напротивъ, находили въ этомъ благополучномъ порядкѣ вопіющіе недостатки. Это было начало того настроенія, когда она нетерпѣливо и уже угрожающимъ образомъ останавливала всякое противорѣчіе, всякую мысль, которая ей не нравилась, когда она дѣлала суровые выговоры за „свободоязычіе", когда она раздражалась, предполагая, что ее хотятъ „учить царствовать". Чѣмъ сильнѣе были прежнія увлеченія императрицы въ пользу свободы и просвѣщенія, тѣмъ рѣзче былъ поворотъ къ реакціи, ознаменовавшей большую половину ея царствованія. Въ 1775 г. она сама уже назвала Наказъ „болтовней" (bavardage).

Завершить переворотъ въ идеяхъ Екатерины суждено было французской революціи, которой значенія она совершенно не понимала: она была ею только напугана и раздражена. Ей было непонятно, что философское вольномысліе, всѣ поиски за естественнымъ и справедливымъ устройствомъ человѣческаго общества, которые и ее занимали нѣкоторое время, не были дѣломъ только немногихъ свѣтлыхъ или необузданныхъ умовъ, но были также и отраженіемъ стремленій цѣлыхъ массъ, утомленныхъ устарѣвшими формами быта и искавшихъ избавленія въ новомъ, болѣе разумномъ и справедливомъ устройствѣ общества и государства. Екатерина была въ полной мѣрѣ представительницей той правительственной системы, которой дали имя „просвѣщеннаго деспотизма". По ея понятіямъ, монархія можетъ быть только абсолютной и должна лишь отличаться „просвѣщеніемъ", которое принесетъ необходимыя и полезныя улучшенія; о народныхъ массахъ она не думала, пренебрегала ихъ мнѣніемъ или полагала, что онѣ необходимо должны быть привержены къ монархіи. Наравнѣ съ нею въ разрядъ такихъ правителей ставятъ Фридриха II Прусскаго и Іосифа II Австрійскаго. Между ними была однако громадная разница: послѣдніе дѣйствовали въ странахъ, гдѣ независимо отъ нихъ существовало уже сравнительно высокое просвѣщеніе, которому ихъ примѣръ служилъ только новымъ одобреніемъ и укрѣпленіемъ. Иное было въ Россіи.

Передъ Екатериной было общество крайне мало развитое. До фанатизма ревнивое къ вѣрованіямъ, преданіямъ, обычаямъ своихъ отцовъ, общество это было вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, въ высшей степени подозрительно: во всемъ новомъ, во всякой новой мысли и словѣ видѣло посягательство на свою святыню, на народную самостоятельность, честь и т. д., съ другой — было крайне невѣжественно, совершенно наивно во всемъ, что касалось науки, литературы, политики. Оно жило старымъ обычаемъ, преданіями дѣдовскаго быта. Въ самомъ „шляхетствѣ" была велика старая умственная лѣнь и сомнѣніе въ какой-либо пригодности науки. Это унаслѣдованное отъ предковъ пренебреженіе къ свѣтской наукѣ, даже боязнь ея, крѣпко держалась въ цѣлыхъ классахъ общества, напримѣръ въ купечествѣ. Мысль политическая не существовала: съ давнихъ поръ она была поглощена слѣпою вѣрою въ авторитетъ власти и безпрекословной покорностью; послѣ опыта протестовъ противъ реформы, кончавшихся пытками и казнями, послѣ дворцовыхъ переворотовъ первой половины XVIII вѣка, страхъ тайной канцеляріи, „слова и дѣла", отбивалъ всякое помышленіе о политическихъ дѣлахъ; для такихъ помышленій не было ни матеріала ни органа: неустройства внутренняго быта сказывались только стихійно — въ религіозномъ броженіи раскола и въ крестьянскихъ возстаніяхъ, изъ которыхъ самымъ крупнымъ былъ такъ называемый Пугачевскій бунтъ.

Уходя изъ стараго дѣдовскаго быта, вслѣдствіе новыхъ вліяній, молодыя поколѣнія могли перенять только поверхностную моду, кое-какой французскій разговоръ, слегка познакомиться съ французской книгой и всего чаще сохранить при этомъ тѣ же дѣдовскіе нравы. Но и желавшимъ учиться было негдѣ. Средства просвѣщенія были очень скудны. Многіе должны были ограничиваться одной грамотностью, другіе должны были обращаться къ помощи иностранцевъ, часто невѣжественныхъ, съ сомнительной моралью и неопредѣленнымъ прошлымъ, являвшихся искать счастія въ Россіи на какомъ попало поприщѣ. Французская философія затрогивала поверхностно только нѣкоторые умы; въ массѣ къ ней относились враждебно. Поборники старины находили огромное зло въ „волтерьянствѣ". Это слово проникло даже въ захолустья и стало для благочестивыхъ людей стараго вѣка настоящимъ пугаломъ, олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ. Подъ нимъ подразумѣвалось всякое самостоятельное критическое отношеніе къ дѣйствительности, которое на-

зывалось „вольномысліемъ и свободоязычіемъ“ и безусловно осуждалось.

Конечно, Екатерина имѣла передъ собою полную свободу дѣйствій для воспитанія общества, огромную власть и была чрезвычайно самолюбива. Можно было бы думать, что если бы она осталась на высотѣ того настроенія, въ которомъ написанъ былъ „Наказъ“, она успѣла бы совершить очень многое для русскаго общества и для русскаго народа, — совершить гораздо больше чѣмъ произошло на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, въ концѣ концовъ, она оставила нетронутыми существенные вопросы народной жизни, полагая, что они рѣшаются полумѣрами. Весьма характеренъ слѣдующій фактъ. Еще въ началѣ царствованія, Екатеринѣ, тогда настроенной либерально, во время путешествія ея по Волгѣ, было подано больше 600 челобитенъ, большая часть которыхъ была отъ помѣщичьихъ крестьянъ, жаловавшихся на тяжкіе поборы отъ помѣщиковъ. Жалобы эти были возвращены съ подтвержденіемъ, чтобы впредь такихъ не подавали. О судебномъ разслѣдованіи не было и рѣчи. Впослѣдствіи она осуждаетъ Салтычиху, — которую нельзя было не осудить, такъ какъ эта помѣщица рѣшеніемъ юстицъ-коллегіи была обвинена положительно въ убійствѣ 38 человѣкъ и оставлена въ подозрѣніи относительно 26, — но въ сущности не устраняетъ возможности злоупотребленій крѣпостного права, потому что жалобы крестьянъ на помѣщиковъ оставались запрещенными попрежнему. Она въ началѣ царствованія работаетъ надъ воспитательными учрежденіями, которыя должны были произвести „новую породу“ людей; основываетъ народныя училища, къ сожалѣнію, слишкомъ малочисленныя; въ своихъ административныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе о губерніяхъ, дворянская грамота, жалованная грамота городамъ, она старается поднять гражданское, именно сословное чувство. Но во всемъ этомъ было что-то отрывочное и неполное: не было положено предѣла административному произволу, который хозяйничалъ попрежнему, не было принято мѣръ къ обезпеченію правильности суда, и во все теченіе царствованія продолжаются жалобы на господство ябеды, взяточничества и необузданнаго казнокрадства, а главное не было принято, къ удивленію, никакихъ мѣръ къ расширенію высшаго образованія. Московскій университетъ,

основанный Елисаветою, оставался единственнымъ въ громадной монархіи до Александра I. Также мало было и школъ, и Екатерининское царствованіе мало ихъ прибавило. Гимназіи въ Петербургѣ при Академіи Наукъ, въ Москвѣ и въ Казани, нѣсколько военныхъ училищъ, всѣ основанныя еще при Елисаветѣ, остались и теперь единственными средними учебными заведеніями. Внѣшней славѣ не отвѣчалъ внутренній порядокъ: современники, свои и чужеземные, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ, о возрастающемъ разстройствѣ и злоупотребленіяхъ администраціи. Не оправдывались тѣ благія ожиданія, съ которыми царствованіе было начато, и, между прочимъ, одинъ изъ основныхъ вопросовъ, о которомъ нѣкогда Екатерина имѣла весьма опредѣленное мнѣніе, вопросъ крестьянскій, не только не подвинулся къ разрѣшенію, но еще усложнился: обильная раздача деревень, особливо фаворитамъ, увеличили число крѣпостныхъ. Цифра крестьянъ, розданныхъ Екатериной въ частное владѣніе, преимущественно изъ дворцовыхъ, достигаетъ до 400,000 ревизскихъ душъ, слѣдовательно до милліона людей всѣхъ возрастовъ. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть системы, но уже совершенно противоположной идеямъ „Наказа“.

Реакціонное направленіе, какъ всегда, прежде всего отразилось на отношеніи къ литературѣ. Невинный тонъ общественнаго мнѣнія, насколько оно выражалось въ ней, — а другого органа его выраженія и не было, — былъ тонъ или льстиваго панегирика, или очень умѣренной и пугливой публицистики. Когда русскіе писатели конца XVIII ст. полагали, что „россіянамъ дарована свобода мыслить и изъяснятся“ и что, „наслаждаясь“ этой свободой, „имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству“; когда это говорили Новиковъ, Фонвизинъ, Державинъ и Радищевъ, въ дѣйствительности литература могла сказать лишь очень немногое: какъ скоро она говорила не въ „улыбательномъ“ духѣ, ее останавливали, — и это было даже въ тѣ годы, когда Екатерина хвалилась у насъ бо́льшей свободой, чѣмъ было во Франціи, поддерживала гонимыхъ философовъ, дозволяла переводить книги, запрещенныя въ Парижѣ (въ Парижѣ былъ запрещенъ и „Наказъ“), думала, что сѣверъ можетъ поучать западную Европу. Еще въ 1780 г. она говорила: „chez moi tout

le monde a son franc parler") („у меня каждый может
изъясняться свободно"). Тѣмъ менѣе литература могла полу
чить просторъ въ то время, когда въ настроенiи императриц
все болѣе усиливалось враждебное отношенiе къ „философiи"
Къ концу восьмидесятыхъ годовъ положенiе совершенно измѣ
нилось: Екатерину безпокоилъ и тотъ лепетъ общественнаг
мнѣнiя, который только и былъ допущенъ, и въ результат
она собственными руками разрушала слабые зачатки просвѣ
щенiя, которые прежде хотѣла насаждать. Писатели, остав
шiеся вѣрными идеямъ „Наказа", стали преслѣдоваться: та
кова была судьба Новикова, Радищева, гоненiе противъ трагедi
Княжнина „Вадимъ", предостереженiя, данныя Фонвизину
Самымъ печальнымъ было то, что, какъ замѣчаютъ даж
иностранные источники, эти послѣднiе взгляды стали антец
дентомъ къ послѣдующему тяжелому положенiю русской лите
ратуры: недовѣрiе къ просвѣщенiю, которое по историческо
необходимости было въ своемъ источникѣ чуждымъ, „запад
нымъ", осталось до самой второй половины XIX вѣка
а въ сущности остается и до сихъ поръ. Но если не был
движенiя въ литературѣ, оно сказалось въ другой области
Трудно было предположить, чтобъ воспитанiе обществъ, хот
и элементарное, на западныхъ образцахъ, не оставило слѣд
на умѣ людей серьёзныхъ и воспрiимчивыхъ. Прежде всег
въ нашъ литературный обиходъ вошло высокое представленi
о человѣческомъ достоинствѣ, представленiе, которое так
настойчиво развивала западная просвѣтительная литератур
и которое желала объяснить и Екатерина въ „Наказѣ"
Въ этомъ понятiи соединялось и личное достоинство, и об
занности гражданина къ своему отечеству, а, наконецъ,
обязанности правителя къ народу. Для человѣка образован
наго становились обязательными идеи о пользѣ просвѣщенiя
о гражданскомъ долгѣ, о необходимости человѣколюбiя
справедливости къ низшимъ и т. п. Эти идеи должны был
сближать людей въ болѣе тѣсный кругъ одного образа мысл
и сходныхъ стремленiй. Мы разумѣемъ распространенiе масонскихъ ложъ и дѣятельность Новикова.

Первыя масонскiя ложи появились у насъ съ тридцатыхъ
годовъ XVIII ст., какъ еще одно нововведенiе на ряду
съ другими заимствованными съ запада. Первоначально цѣл
масонства заключалась въ нравственномъ совершенствованi

и братолюбiи, но скоро въ ущербъ этому развилась другая сторона „ордена", его обрядность и чиноначалiе. Тайна, какою окружалъ себя „орденъ", оказалась чрезвычайно заманчивой. Хотя она сводилась въ концѣ концовъ къ стремленiю дѣлать золото и приготовлять жизненный элексиръ, т. е. къ бреднямъ алхимiи и магiи, однако въ масонствѣ отражалось не только это устарѣвшее, что способно было увлекать только людей наивныхъ и мало просвѣщенныхъ или прямыхъ обскурантовъ; въ немъ находили мѣсто и отголоски лучшихъ стремленiй XVIII в. Въ успѣхѣ масонства выразилось, что оно вѣрно угадывало и высказывало затаенную мысль общества, которое тяготилось феодальнымъ преданiемъ, съ негодованiемъ смотрѣло на ожесточенную вражду христiанскихъ исповѣданiй и сектъ, забывавшихъ о самомъ христiанствѣ, и инстинктивно искало какихъ-то неизвѣстныхъ формъ жизни, въ которыхъ она была бы свободна отъ этихъ вопiющихъ противорѣчiй и которыя дали бы, наконецъ, мѣсто нравственному чувству и человѣческому достоинству. Масонство хотѣло предвосхитить будущiй порядокъ человѣческихъ отношенiй, который былъ бы христiанскимъ, а не только церковнымъ. Съ самаго начала масонскiя системы отстранялись отъ офицiальной церковности, а впослѣдствiи становились къ ней даже во враждебное отношенiе. Причина была въ томъ, что эта церковность, по масонскому мнѣнiю, или пренебрегала своею обязанностью нравственнаго руководства, или придавала слишкомъ большое значенiе внѣшнему обряду въ ущербъ внутреннему содержанiю. Уже вскорѣ масонство стало противополагать церковь внѣшнюю и внутреннюю, и свое ученiе связывало именно и этой послѣдней. Отсюда понятно, почему наше духовенство обыкновенно строго осуждало масоновъ, видя въ ихъ мнѣнiяхъ и обычаяхъ противленiе ученiямъ церкви. Церковь католическая строго осуждаетъ масонскiя ложи и до сихъ поръ.

Неудивительно, что отношенiе массы къ масонству у насъ было отрицательное. Масонъ или фармазонъ, какъ и волтерьянецъ, были пугаломъ для людей стариннаго обычая, которые не любили и боялись новизны: въ тѣхъ и другихъ они видѣли опасныхъ нарушителей старосвѣтскаго благочестiя; волтерьянцы были просто вольнодумцы и безбожники;

фармазоны не были безбожниками, но они толковали вѣру по своему, вносили въ нее что-то прежде небывалое, и на нихъ, въ популярныхъ понятіяхъ, легла черта какого-то подозрительнаго волхвованія — отголосокъ ихъ наклонности къ алхиміи и магіи, и ихъ отрицательнаго отношенія къ офиціальной церкви. Этотъ типъ фармазона, извѣстный съ конца прошлаго вѣка и дожившій въ преданіи почти до нашихъ дней, — типъ, конечно, на половину фантастическій въ этомъ преданіи, — указываетъ, что масонское движеніе въ свое время произвело сильное впечатлѣніе на умы.

Екатерина относилась къ масонамъ (или мартинистамъ какъ ихъ называли) очень враждебно. Съ одной стороны по самому складу ума холоднаго и наклоннаго къ раціонализму, она не понимала и не любила ничего туманнаго, мистическаго; ей казалось, что всякое мистическое направленіе мысли есть всегда заблужденіе, а когда оно складывалось въ секту, когда къ нему присоединялось что-нибудь чудесное, необычное, здѣсь непремѣнно должны были быть „обманутые“ и „обольщенные“. Ей нравилось то, что она „и знать и мыслить позволяетъ“, но просвѣщенный абсолютизмъ Екатерины ничего не уступалъ изъ той суровой и недовѣрчивой опеки, въ какой уже давно жило русское общество; быть можетъ, просвѣщенный абсолютизмъ еще усилилъ эту опеку, потому что внесъ въ ея кругъ умственную жизнь общества, на которую прежде почти не обращали вниманія. Нетерпимость императрицы сказалась теперь въ ея отношеніи къ масонству. Новое ученіе являлось внѣ ея контроля; правда, ученіе было очень мирное; кромѣ добродѣтели вообще, оно спеціально внушало послушаніе власти, въ дѣлахъ общественныхъ внушало только филантропію и заботу о просвѣщеніи, но во всемъ этомъ оно хотѣло остаться свободнымъ отъ всякихъ офиціальныхъ указаній. Екатеринѣ видимо не нравилась самая мысль какой-то организаціи, имѣвшей притязаніе на независимость и тайну. Раздраженіе Екатерины высказалось въ ея комедіяхъ, направленныхъ противъ масоновъ: она неправильно передаетъ содержаніе масонскихъ ученій, впадая въ карикатуру, и насмѣхается надъ тѣмъ, что вовсе было не смѣшно: надъ филантропіей масоновъ, надъ ихъ исканіемъ нравственной истины. Но этого мало: на самаго крупнаго

представителя тогдашняго масонства въ литературѣ — Новикова, обрушилось самое жестокое преслѣдованіе.

Три событія царствованія Екатерины должны были быть особенно памятны москвичамъ: бунтъ во время чумы, сопровождавшійся убійствомъ архіерея Амвросія, казнь Пугачева и преслѣдованіе Новикова. Всѣ эти событія должны были произвести глубокое впечатлѣніе на современниковъ и состояли въ связи съ дѣятельностью Тайной Экспедиціи, которой главнымъ дирижоромъ былъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Но чумной бунтъ былъ дикимъ взрывомъ малоосмысленной толпы; казнь Пугачева составляла только эпилогъ трагедіи, главная завязка которой была не въ Москвѣ; Новиковская же исторія, хотя и менѣе эффектная, состояла въ тѣсной связи съ направленіемъ умовъ лучшей части общества, и отголоски ея должны были чувствоваться далеко за предѣлами масонскихъ кружковъ. Вотъ почему надо на ней остановиться подробнѣе.

Въ началѣ царствованія Екатерины, Новиковъ извѣстенъ былъ какъ издатель сатирическихъ журналовъ, въ которыхъ заявилъ прямой и энергическій протестъ противъ злоупотребленій и повелъ открытую борьбу съ невѣжествомъ и предразсудками, осмѣивая все пошлое и безнравственное. При всей своей безобидности эти журналы имѣли несчастіе показаться Екатеринѣ черезчуръ радикальными и не заслужить ея одобренія; кромѣ того она считала себя лично задѣтой ими. Это личное раздраженіе императрицы противъ Новикова никогда не прекращалось. Когда впослѣдствіи, въ Москвѣ, Новиковъ и его друзья соединили съ мистическимъ масонствомъ ревностную образовательную дѣятельность, учреждали школы, устраивали для избранныхъ юношей возможность высшаго образованія, вели обширное издательское дѣло, такъ что дѣятельность ихъ получила значеніе знаменательнаго историческаго событія, — Екатерина слѣдила за ними зоркимъ и недоброжелательнымъ окомъ. По поводу недоразумѣнія по издательству одной книги прислано было предписаніе описать всѣ изданія Новикова и отдать ихъ на разсмотрѣніе Московскаго архіепископа Платона, которому повелѣно также *испытать въ вѣрѣ* самого Новикова. Платонъ далъ о Нови-

ковѣ благородный и сочувственный отзывъ: „Молю Бога чтобы во всемъ мірѣ были такіе христіане, какъ онъ“. Отзывъ этотъ имѣлъ тѣмъ большее значеніе, что духовенство наше какъ выше объяснено, не относилось сочувственно къ масонамъ. И другое довѣренное лицо императрицы, графъ Безбородко, которому было поручено негласное разслѣдованіе не нашелъ никакихъ поводовъ къ преслѣдованію Новикова.

Между тѣмъ въ интимной обстановкѣ Екатерины произошла важная перемѣна. Послѣ добровольнаго удаленія отъ двора графа Дмитріева-Мамонова, съ осени 1789 г., началось возвышеніе Платона Зубова. Взглядъ Екатерины на новаго любимца отличался ошибочностью старческаго зрѣнія: она восторгалась его умомъ, котораго не было. Очень мало образованный и дурно воспитанный, Зубовъ не понималъ, что духъ новаго времени требовалъ отъ престарѣлой императрицы уступокъ и преобразованій, и вліялъ на нее дурно въ духѣ реакціи. Онъ былъ участникомъ и въ гоненіяхъ на Радищева, Новикова и Княжнина. Не таковъ былъ Потемкинъ: при всей своей гордости и надменности въ обращеніи съ вельможами, онъ понималъ требованія времени, сочувствовалъ народу и могъ назваться добрымъ помѣщикомъ. Сама Екатерина сознавала, что она много потеряла въ Потемкинѣ, что ей требовались новые люди, а такихъ около нея не было. „Я стара стала“, вырвалось у нея однажды.

1790-й годъ былъ особенно тяжелымъ для Екатерины II. Кромѣ войны съ Турціей и со Швеціей она была сильно озабочена французской революціей, день ото дня принимавшей обширнѣйшіе размѣры. Опасенія, чтобы мятежный духъ не проникъ въ Россію путемъ сношеній заграничныхъ масоновъ съ русскими, побудили императрицу принимать строгія и суровыя мѣры къ предупрежденію зла, болѣе воображаемаго, чѣмъ дѣйствительнаго. Какъ разъ въ это время произошла исторія съ книгой Радищева: „*Путешествіе изъ Санктъ-Петербурга въ Москву*“; — Екатерина убѣждалась, что къ намъ проникла „французская зараза“. Уже о прежней свободѣ „мыслить и изъясняться“ не было и рѣчи. Радищева судила Палата Уголовнаго Суда, и онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, при чемъ для мотивировки приговора не нашлось даже подходящей статьи Уложенія. Казнь ему

мѣнили ссылкой въ восточную Сибирь, и велѣно было его ти въ кандалахъ. И въ томъ же году въ Москву былъ наченъ новый главнокомандующій, князь Прозоровскій, — прозванію „Сирѣчь“, такъ какъ онъ кстати и некстати обилъ употреблять это слово, — человѣкъ невѣжественный, далекій и жестокій. Князь Потемкинъ не стѣснился откровенно высказать Екатеринѣ свое неодобреніе по поводу его назначенія. Такимъ образомъ блюстителями спокойствія невозмутимой Россіи стали Прозоровскій, петербургскій полицмейстеръ Архаровъ и заплечный мастеръ Шешковскій — лица, какъ-бы явившіеся на свѣтъ Божій изъ заброшенныхъ застѣнковъ Преображенскаго приказа. Для полноты перечня правительственныхъ мѣропріятій противъ призрака революціи въ 1790 г. слѣдуетъ упомянуть и перлюстрацію писемъ, которой исправно занимался московскій почтъ-директоръ Пестель.

Прозоровскій сталъ слѣдить за Новиковымъ и доносилъ въ Петербургъ, что дѣйствія его находитъ очень подозрительными. На своемъ полуграмотномъ языкѣ онъ изображалъ Новикова какъ человѣка „натурой острой“, „характера смѣлаго и дерзкаго“, „таковаго коварнаго и лукаваго мало видалъ“, „хотя видно, что робѣетъ, но не замѣшивается“; онъ полагалъ, что „весь его предметъ въ томъ, чтобъ закрыть преступленіе“, но въ чемъ состояло преступленіе не понималъ. Говорятъ, Прозоровскій такъ неумѣло распорядился относительно рукописей, конфискованныхъ у Новикова, что ихъ сожгли безъ его вѣдома, даже безъ просмотра. И Екатерина продолжала заподозрѣвать всѣ дѣйствія Новикова, полагая даже, что Новиковъ завелъ больницу, аптеку, училище и печатаніе книгъ не ради любви къ человѣчеству, а ради корысти, „уловляя пронырствомъ и ложною яко бы набожностію слабоумныхъ людей, корыстуясь *грабленіемъ* ихъ имѣній“. Болѣе безпристрастные люди, знакомые съ дѣятельностью мартинистовъ, иначе относились къ нимъ. Одинъ изъ современниковъ, вовсе не принадлежавшій къ мартинистамъ и относившійся къ нимъ даже иронически*), читалъ ихъ переписку и ничего въ ней не нашелъ, что бы указывало на замышленіе переворота, низверженіе самодержавія. „Мнѣ показалось, пишетъ онъ, что они были всѣ мечтатели, сума-

*) Александръ Михайловичъ Тургеневъ.

сброды, или умные изъ нихъ кружили головы глупым
Въ числѣ мартинистовъ было очень много дураковъ, мн
бездѣльниковъ, небольшой кругъ честныхъ, добросовѣстны
людей. Дураки и добросовѣстные вѣрили отъ отъ всей ду
и всего помышленія наитіямъ, вдохновеніямъ, видѣнія
гласамъ и золотой бабѣ (?). Бездѣльники смѣялись внутре
и извлекали собственныя выгоды. Однако скажу, что вид
много добра и полезнаго, сдѣланнаго обществомъ марти
стовъ. Они устроили хорошую аптеку и бѣднымъ люд
отпускали лѣкарства даромъ. Полезныя книги для нравств
наго образованія были переведены ими и изданы. Они раз
давали бѣднымъ пенсіи, помогали ремесленникамъ".

Дурной для Новикова оборотъ приняло дѣло послѣ то
какъ при дворѣ заподозрѣнъ былъ поваръ-французъ въ н
мѣреніи отравить императрицу. Прозоровскому были посла
новыя инструкціи для допроса Новикова. Но Прозоровс
уже изнемогъ отъ умственныхъ потугъ. Признавая, что
можетъ справиться съ этимъ коварнымъ человѣкомъ, о
просилъ, чтобъ прислали ему на подмогу Шешковскаго. С
знаменитый въ своемъ родѣ мужъ явился, допрашивалъ
своему Новикова въ Московской Тайной Экспедиціи,
тоже ничего не добился. Екатерина сперва было хотѣ
Новикова „предать законному сужденію, избравъ надежны
вамъ (Прозоровскому) людей", но Прозоровскій затруднил
исполнить порученіе. Пришлось прибѣгнуть къ излюбленно
административному пріему. Въ маѣ 1792 г. Екатерина велѣ
тайно отвезти Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость, г
опять новые допросы дѣлалъ ему Шешковскій, и, наконецъ, бы
подписанъ указъ, по которому Новиковъ былъ осужденъ на з
ключеніе въ Шлиссельбургской крѣпости на пятнадцать лѣтъ

До какой степени въ осужденіи Новикова замѣшанъ бы
личный элементъ видно изъ того, что суровое осужденіе п
стигло только его одного; никто другой изъ его друзей
единомышленниковъ не пострадалъ. Поразился этимъ даж
тупоумный князь Прозоровскій-Сирѣчь: „я не понимаю кон
сего дѣла", писалъ онъ: „какъ ближайшіе сообщники, есл
онъ преступникъ, то и тѣ преступники".

А молва дѣлала свое дѣло. „Въ народѣ говорили", ра
сказываетъ упомянутый выше современникъ, „что якобинц
и фармазоны умыслили отравить императрицу. Молва эт

ла распространена по всей Россіи. Къ крамольникамъ при-
единяли и мартинистовъ. Народъ толковалъ о дьяволь-
омъ навожденіи фармазоновъ и мартыновъ. Многіе изъ
арода были совершенно въ томъ увѣрены, что фармазоны
мартыны всѣ съ хвостиками. Въ Москвѣ были видны пре-
бавныя сцены, преимущественно въ кругу купечествующаго
словія, бесѣдовавшаго и обращавшагося тогда еще болѣе
монахами и попами. Пьяный попъ или монахъ, обнимаясь
ужески за стопою бархатнаго пива (съ виномъ тогда ку-
чество еще не было знакомо), проклинали злочестивыхъ
армазоновъ и мартыновъ".

Еще при жизни Екатерины Безбородко говорилъ о пре-
ѣдованіи Новикова: „дѣло сіе несоотвѣтственно ея славѣ".
арамзинъ называлъ Новикова „невиннымъ страдальцемъ,
ертвою несправедливаго подозрѣнія". Конечно, направле-
е, которому служилъ Новиковъ, было общеобразовательное
воспитательное въ томъ *консервативномъ* духѣ, который
второй половинѣ XVIII в. выразился оппозиціей скепти-
изму и матеріализму французской философіи. Въ этомъ
ухѣ онъ долженъ былъ считаться одной изъ самыхъ проч-
ыхъ опоръ существовавшаго въ Россіи монархическаго по-
ядка. Къ Новикову вовсе не могли итти упреки въ возбу-
деніи въ обществѣ какихъ-либо революціонныхъ стремленій,
акъ какъ онъ никогда политическихъ цѣлей не преслѣдо-
алъ. Вся вина Новикова заключалась въ томъ, что онъ
ылъ самостоятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ: этого-то
Екатерина не хотѣла простить ему.

Черезъ четыре года Екатерина скончалась. Императоръ
Павелъ 5 декабря 1796 г. приказалъ освободить невиннаго
страдальца, принялъ его на аудіенціи, обласкалъ и въ чисто
рыцарскомъ порывѣ просилъ прощенія за мать. Чего однако
стоили эти четыре года и знакомство съ Шешковскимъ Но-
викову, видно изъ того, что друзья едва узнали его: онъ
явился къ нимъ изъ тюрьмы „дряхлъ, старъ, согбенъ и —
въ разодранномъ тулупѣ".

Павелъ I*) никогда не стѣснялся выражать ненависть
къ порядкамъ и дѣятелямъ предшествовавшаго царствованія,

*) Составлено по сочиненію Шильдера „Императоръ Павелъ I".

такъ что можно было бы ожидать перемѣны въ направлен
политики, однако этого не произошло. Оно оставалось реа
ціоннымъ въ крайней степени, принимая только подчасъ ч
даческія, уродливыя формы. Причина продолжавшейся реакц
понятна: какъ у Екатерины, такъ и у ея преемника реа
ціонное направленіе стояло въ связи съ французской рев
люціей, и покамѣстъ существовали порядки во Франці
имѣвшіе своимъ источникомъ революцію, трудно было ож
дать примирительнаго къ нимъ отношенія со стороны пре
ставителей русской монархіи. Правительство Павла заяви
намѣреніе „противиться всевозможными мѣрами неистово
французской республикѣ“, „французскому богомерзкому пра
вленію“, угрожающему всей Европѣ „совершеннымъ истре
бленіемъ закона, правъ и благонравія“. Такимъ образом
непониманіе причинъ, вызвавшихъ во Франціи протест
противъ феодальнаго строя, обнаруженное Екатериной
продолжалось и теперь. Убѣжденіе Павла было, что „раз
вратныя правила и буйственное воспаленіе разсудка, раз
сѣянныя въ нѣкоторой части Европы, попрали законъ
Божій и повиновеніе установленнымъ властямъ“. Разсчиты-
вая предохранить Россію отъ источника заразы, Павелъ
повелѣлъ „запретить впускъ изъ-за границы *всякаго рода*
книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія,
въ государство наше, равномѣрно и музыку“. Вѣроятно,
никогда еще гоненіе на печатное слово не принимало та-
кихъ радикальныхъ формъ. Въ связи съ этимъ была и
внутренняя цензура. Карамзину запретили печатать переводъ
рѣчей Демосѳена, на томъ основаніи, что Демосѳенъ былъ
республиканецъ. „Вы якобинецъ!“ было самое обычное вы-
раженіе неудовольствія Павла. Ненависть ко всему фран-
цузскому распространялась на всевозможныя мелочи, на моды,
костюмы, принятые во Франціи, при чемъ нарушителей поу-
чали или наказывали съ небывалой грубостью и строгостью.
Съ самыхъ первыхъ дней воцаренія Павла была объявлена
безпощадная война круглымъ шляпамъ, отложнымъ воротни-
камъ, фракамъ, жилетамъ, сапогамъ съ отворотами, панта-
лонамъ... Полиція у каждаго идущаго по улицѣ въ круглой
шляпѣ срывала ее съ головы; той же участи подвергались
и другія части костюма. У фраковъ полицейскіе обрѣзывали
отложные воротники, жилеты рвали по произволу и благо-

смотрѣнію начальника партіи, капрала или унтеръ офицера
олицейскаго. „Развратнымъ поведеніемъ“ называлось, если
то ходилъ въ круглой шляпѣ и фракѣ; это считалось „не-
благопристойной одеждой“. „Всѣмъ предписывалось употре-
леніе пудры для волосъ, косичекъ, башмаковъ; волосы слѣ-
овало зачесывать назадъ, а отнюдь не на лобъ“. Даже
альчишки были принуждены носить трехрогія шляпы, баш-
маки съ пряжками и нѣмецкую одежду вмѣсто курточекъ.
а этимъ такъ слѣдили, что „даже на частныхъ вечерахъ
хозяинъ дома обязанъ былъ предупреждать полицію, которая
посылала квартальнаго въ мундирѣ присутствовать на оныхъ“.
Запрещено было танцовать вальсъ...

Ѣдущимъ и пѣшеходамъ на улицахъ, вмѣнено было въ обя-
занность зорко слѣдить за встрѣчами особъ императорской
фамиліи для поклона; сидящіе въ экипажахъ должны были
выходить, хотя бы въ грязь; дамамъ предоставлялось право
останавливаться на подножкѣ кареты. Нарушители могли
подвергнуться аресту или другому наказанію, болѣе строгому.
Оттого выходъ на улицу городскихъ жителей не всегда пред-
ставлялся дѣломъ безопаснымъ. Случайная встрѣча съ импе-
раторомъ наводила паническій страхъ. Если было время,
убѣгали и прятались. При своемъ подозрительномъ характерѣ
Павелъ вездѣ склоненъ былъ усматривать ковы противъ
своей особы. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ
доносы стали получаться въ небывалыхъ размѣрахъ. Дворян-
ская грамота, дарованная Екатериной, претерпѣла существен-
ное измѣненіе. Екатерина установила: „тѣлесное наказаніе
да не коснется до благороднаго“, а Павелъ нашелъ: „коль
скоро снято дворянство, то ужъ и привилегія до него не
касается“. Поэтому провинившихся по уголовнымъ дѣламъ
дворянъ начали, сверхъ лишенія дворянскаго званія, при-
суждать къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей,
заклейменію и ссылкѣ въ тяжелую работу.

Но никому не пришлось вынести столько, сколько военному
сословію. Павелъ благоговѣлъ передъ Фридрихомъ Великимъ
и старыми прусскими порядками. Поэтому все пошло на прус-
скую стать: мундиры, большія шпаги, длинныя перчатки съ
крагенами, высокія треугольныя шляпы, усы, косы, пукли.
Уродливыя и непрактичныя перемѣны возбуждали удивле-
ніе. Пошли ежедневные вахтъ-парады съ прусской муштров-

кой, мелочной, мучительной и безполезной. Государь час был гнѣвенъ и всегда очень быстръ въ выраженіи неуд вольствія и опредѣленіи карательныхъ мѣръ. Дождемъ сы пались аресты, отставки, новыя назначенія и быстрыя смѣны Особенно доставалось Екатерининскимъ служакамъ: гатчин скій капралъ смирялъ ихъ высокомѣріе. Гнусавый голос не стѣснялся въ выраженіяхъ, и слово „ракалія" при вы говорахъ получило большую популярность. Въ четыре год и четыре мѣсяца своего царствованія Павелъ I уволилъ, отста вилъ и выкинулъ изъ службы 7 фельдмаршаловъ, болѣе 30 генераловъ и свыше 3000 штабъ- и оберъ-офицеровъ.

Это необыкновенное время выдвинуло своихъ людей. Са мымъ типичнымъ изъ нихъ былъ Аракчеевъ. Онъ самъ го варивалъ, что за обученіе его россійской грамотѣ и ари метикѣ заплачено было одна четверть ржи и двѣ четверт овса. Главнымъ достоинствомъ его было—исправное выпол неніе всѣхъ приказаній, а наипаче строгихъ, а въ осталь номъ мораль его не отличалась высокопробностью. Когда ему было выгодно, онъ не стѣснялся и лгать. Уже, конечно такой дѣятель могъ быть только преслѣдователемъ „вреднаго умствованія". Муштруя Преображенскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, Аракчеевъ осыпалъ стоявшихъ въ строю солдатъ и офицеровъ, даже подполковниковъ, отборными ругательствами, билъ нещадно солдатъ и въ азартѣ даже вырывалъ у солдатъ усы, а офицеровъ награждалъ пощечи нами. Доходило дѣло до того, что въ остервененіи онъ ку салъ солдатъ за носъ.

Не легко жилось въ Россіи современникамъ событій 1800-го г. Петербургскіе жители были въ совершенномъ ужасѣ: все трепетало, и никто не зналъ, какъ окончится день. Столица приняла небывалый, своеобразный видъ: въ 9 час. вечера, послѣ пробитія зори, по большимъ улицамъ перекладывались рогатки, и пропускались только врачи и повивальныя бабки. Конечно, отъ передрягъ въ высшей сферѣ и причудливыхъ перемѣнъ терпѣли болѣе непосред ственно въ Петербургѣ, чѣмъ въ Москвѣ или провинціи, однако и въ Москвѣ, которую Павелъ во время своего царствованія успѣлъ посѣтить два раза, нововведенія давали себя чувствовать. Во время коронаціи Павла (5 апрѣля 1797 г.) очевидецъ писалъ: „Сей городъ увидѣлъ я пре-

разованный на прусскую ногу; все здѣсь было по-нѣмецки бы угодить вкусу новаго царя. Вахтъ-парады происходили е въ послѣдніе дни Страстной недѣли". А съ ними, ко но, происходили и неизмѣнныя неудовольствія, выговоры, сканія. Ко времени второго проѣзда Павла чрезъ Москву 798 г.) первоначальная популярность его очень убави сь, если не исчезла совсѣмъ. Не мало этому способство и „ежедневныя скаканья установленныхъ симъ государемъ Россіи фельдъегерей, которые поселяли страхъ во всѣ ни; сихъ гонцовъ должность была увозить въ Сибирь и угія заточенія тѣхъ, на кого упадалъ гнѣвъ Павла I". „Россіяне безмолвствовали", писалъ Карамзинъ, „и смо ли на сего монарха, какъ на грозный метеоръ, считая нуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней".

Крестьянскій вопросъ оставался въ томъ же положеніи, къ при Екатеринѣ I. Манифестъ Павла, выпущенный при ронаціи, въ которомъ государь предписывалъ крестьянамъ ботать три дня на помѣщика, а три дня на себя, практи скаго примѣненія не нашелъ. Дворяне сочли это за со тъ или за желаніе, съ которымъ можно было, по желанію, образоваться или не сообразоваться, и все осталось по арому. Во время коронаціи произошла щедрая раздача крестьянъ—болѣе 82000 душъ. Жалобы на помѣщиковъ, прежнему, были запрещены. Понятно потому, что въ ародѣ царствованіе это называли „желѣзнымъ". Говорили, о хотя и при старой императрицѣ „босоты да наготы навѣшены шесты, а холоду да голоду амбары стоятъ", о теперь все-таки „народу жить похужѣло, всему царству очежелѣло". Волненія между крестьянами не прекращались. прошелъ, между прочимъ, слухъ о свободѣ, указъ о кото ой скрываютъ помѣщики и чиновники. Въ Орловской гу ерніи произошелъ бунтъ, кончившійся пушечными выстрѣ ами. Въ другихъ мѣстахъ ограничились плетями и батогами. Въ народѣ говорили, что прорицатель Авель, предсказав шій кончину Екатерины II и посаженный за это въ Шлис ельбургскую крѣпость, откуда его освободилъ Павелъ I, новь началъ пророчествовать и предсказалъ скорую кон чину Государя, за что его опять заключили въ крѣпость, еперь уже Петербургскую.

Въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 г. Павла не стало.

Тайная Экспедиція оставила по себѣ такую памят
Москвѣ, что для оцѣнки тѣхъ временъ не безполезно ска
объ ней нѣсколько словъ*).

Это административное учрежденіе занималось розыс
по дѣламъ, носившимъ политическій характеръ. Сюда
сились дѣла по оскорбленіямъ Величества, по дерзкимъ
двусмысленнымъ словамъ насчетъ правительственныхъ
и административныхъ мѣръ. Дѣлопроизводство сохраня
въ глубочайшей тайнѣ. Розыски обыкновенно производи
ночью. Подсудимые содержались въ каменныхъ мѣшкахъ
къ нимъ не допускались ни родные, ни знакомые. Для
нужденія признанія, съ одной стороны, стоялъ священн
съ крестомъ и Евангеліемъ, съ другой — палачъ съ розга
плетьми и другими инструментами пытки. Если увѣща
священника не производили желаемаго дѣйствія на подсу
мыхъ, ихъ подвергали пыткамъ: забивали ноги въ коло
сажали на стѣнную, накладывали цѣпи, клали въ ротъ „кляп
который вынимали только тогда, когда давалась пища, на
нецъ, вздергивали на дыбу.

Тайная Экспедиція было страшное слово. Можно б
судиться не за дѣла, а за слова, криво, съ злымъ умысло
перетолкованныя или сказанныя въ нетрезвомъ видѣ.
новники экспедиціи подчасъ пользовались этимъ для сво
выгодъ.

„Нѣтъ ли у васъ такого-то указца?“ спросилъ одинъ
пецъ у знакомаго чиновника Тайной Экспедиціи.—„У насъ е
только Высочайшіе именные указы, а не указцы“, отвѣча
тотъ. „Указецъ — слово унизительное и по долгу службы
доведу объ этомъ до свѣдѣнія начальства“. Испуганный
пецъ бросился чиновнику въ ноги, умоляя о пощадѣ, и ко
чилъ дѣло тѣмъ, что подарилъ тому домъ, на который то
имѣлъ виды.

На какихъ-то именинахъ хозяйка угощала гостью и, упр
шивая ее выпить лишнюю рюмку, употребила выражен
„выкушайте, всемилостивѣйшая государыня!“ Кто-то
гостей донесъ объ этомъ, и кумушекъ забрали къ допро
въ Тайную Экспедицію.

*) См. Историческое описаніе Москвы, изд. Прѣснова (1873 г.) со сс
ками на другіе источники.

Въ 1769 г. московскій купецъ Поповъ, будучи взятъ подъ
караулъ по дѣлу въ камеръ-коллегіи, въ которомъ онъ обви-
нялъ одного чиновника въ лихоимствѣ, позволилъ себѣ
воскликнуть: „нѣтъ правосудія въ Государынѣ!“ За это его
отправили для допроса въ Тайную Экспедицію. Это дѣло до-
ходило до самой Екатерины II, которая приказала: „неосто-
рожныя слова Попова уничтожить“.

Въ концѣ XVIII вѣка начальникомъ этого учрежденія былъ
Степанъ Ивановичъ Шешковскій. Онъ не жилъ постоянно
въ Москвѣ, а гастролировалъ вездѣ, куда его посылали. По-
нятно, что родъ его занятій при обширности полномочій
создавалъ ему извѣстность совершенно особаго рода.

Это былъ человѣкъ небольшого роста, плотный, съ по-
стоянной улыбочкой на устахъ, очень веселый и шутливый,
въ особенности въ дамскомъ обществѣ. Во время допросовъ
„съ пристрастіемъ“ онъ отличался замѣчательнымъ хладно-
кровіемъ, обыкновенно читывалъ въ это время акаѳистъ
Іисусу Сладчайшему и Божіей Матери, прерывая свое на-
божное занятіе увѣщаніями или вопросами, а къ просьбамъ
о пощадѣ былъ довольно равнодушенъ.

— Что подѣлываешь, Степанъ Ивановичъ? — спросилъ
его однажды Потемкинъ. Все кнутобойничаешь попрежнему?

— По маленечку, Ваша Свѣтлость! — отвѣчалъ, хихикая,
Шешковскій.

Неудивительно, что появленіе Шешковскаго вездѣ наво-
дило страхъ. Однажды поздно вечеромъ онъ вздумалъ на-
вѣстить знакомаго купца. Въ домѣ уже всѣ спали. Насилу
достучавшись, Шешковскій сказалъ дворнику доложить о себѣ.
Разбуженный хозяинъ до того перепугался, что едва могъ
стоять на ногахъ и еле шевелилъ языкомъ. Беременная жена
его выкинула ребенка и вскорѣ умерла.

Вотъ какъ вспоминали Тайную Экспедицію тридцать лѣтъ
спустя послѣ ея уничтоженія Александромъ I:

„Старожилы московскіе еще запомнятъ желѣзные ворота
сей Тайной, обращенные къ Лубянской площади; караулъ
стоялъ во внутренности двора. Страшно было, говорятъ,
ходить мимо, и страхъ сей служилъ къ обузданію стропти-
выхъ“*).

*) „Москва или Историческій Путеводитель“ 3 части, 1831 г.

До сихъ поръ еще уцѣлѣло зданіе, въ которомъ помѣщ лась Тайная Экспедиція съ 1774 по 1801 г., — т.-е. до с маго своего упраздненія по указу императора Александра I, — хотя дни его сочтены, такъ какъ оно предназначено в сломку. Оно стоитъ въ началѣ Мясницкой, наискось против ц. Гребенской Божіей Матери, за невысокой желѣзной р шеткой, и останавливаетъ на себѣ вниманіе тѣмъ, что фа садъ его не совпадаетъ съ направленіемъ улицы. Пишущем эти строки удалось осмотрѣть его зимою 1904 г. Нижні этажъ представляетъ подземелье, скудно освѣщенное сверху узкими окнами въ уровень съ тротуаромъ. Стѣны, толщиною до двухъ аршинъ, сходятся въ низкіе и тяжелые своды, с уродливыми выступами и нескладными арками для оконъ дверей. Видно, что строитель, человѣкъ невѣжественный безталанный, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о чувствѣ кра соты и гармоніи и тупо заботился лишь объ одномъ: чтобъ было крѣпко и прочно. По срединѣ находится самая большая комната, совершенно безъ оконъ; другія комнаты освѣщены болѣе или менѣе. Въ двухъ мѣстахъ нашлись *ввинченныя въ сводъ надъ головою большія желѣзныя кольца*. Невольно припомнилась „дыба", одна изъ самыхъ употребительныхъ пытокъ, когда паціенту закручивали руки кверху веревкой и вздергивали на воздухъ, выворачивая лопатки. Въ этихъ стѣнахъ были Пугачевъ и бѣдный Новиковъ!... Кромѣ этого рода комнатъ, есть мелкія, одиночки. Во второмъ этажѣ, совершенно свѣтломъ, — очевидно, подвергшемся наибольшему измѣненію на новый ладъ, сохранились въ толстыхъ стѣнахъ глубокія впадины, служившія недавно шкафами какой-то канцеляріи. Но стоитъ только вообразить себѣ на мѣстѣ деревянныхъ дверей желѣзныя, и — „каменные мѣшки" готовы...

II.

Дѣдъ мой Михаилъ Ивановичъ.

Дѣдъ мой Михаилъ Ивановичъ Вишняковъ*) родился около 1733 года въ городѣ Кашинѣ и происходилъ отъ стариннаго рода мѣстныхъ посадскихъ людей, котораго представителей

*) Объ орѳографіи нашей фамиліи, а также о другихъ сюда относящихся подробностяхъ, см. первую часть „Свѣдѣній о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ".

можемъ прослѣдить по архивнымъ документамъ до второй ловины XVI вѣка. Еще отецъ его Иванъ Гавриловичъ, шій въ Кашинѣ, съ самаго начала XVIII вѣка велъ торыя дѣла съ Москвою. Дѣдъ переписался изъ Кашинскаго Московское купечество, въ Новгородскую сотню, въ 1762 г., ѣтъ 30 отъ роду. Онъ былъ женатъ на дочери московскаго пца Кошельной слободы, Марьѣ Алексѣевнѣ Пустоваловой, дѣтей у нихъ не было. Поселились они въ Кожевни хъ, въ приходѣ ц. Живоначальныя Троицы, на квартирѣ домѣ купца Сергѣева*). Черезъ четыре года послѣ этого хаилъ Ивановичъ жилъ у Николы на Пупышахъ, у купца ана Иванова Королькова, „по свойству", числился купмъ 2-й гильдіи и имѣлъ торговлю въ Юхотномъ ряду 1 душа: 2 руб. 40 коп."). Кромѣ того платилъ окладъ 1 руб. коп. Торговлю въ Юхотномъ ряду Михаилъ Ивановичъ велъ сколько десятковъ лѣтъ. По крайней мѣрѣ такъ было еще 1795 и въ 1801 гг.

Первая жена Михаила Ивановича умерла въ 1767 г., не ставивши дѣтей. Вскорѣ онъ вступилъ во второй бракъ Авдотьей Петровной, дочерью купца Напрудной слободы етра Ивановича Черняева (прилож. А), которая подарила у многочисленное потомство: трехъ дочерей: Татьяну (род. 1773 г.), Вѣру (род. въ 1776 г.) и Анну (род. въ 1792 г.) трехъ сыновей: Степана (род. въ 1777 г.), Петра (моего ца, род. 1 октября 1781 г.) и Михаила (род. въ 1789 г.). Михаилъ Ивановичъ числился купцомъ 3-ей гильдіи и жилъ же въ собственномъ домѣ въ Кожевникахъ, въ приходѣ Успенія, въ Савинскомъ переулкѣ, 1-го квартала, 3-ей асти**), № 432. Теперь такого переулка въ Кожевникахъ ѣтъ (прилож. В).

Въ 1795 г. двѣ старшія дочери дѣда были уже замужемъ. Татьяна Михайловна, 22 лѣтъ, была за чайнымъ торговцемъ Григоріемъ Ивановичемъ Хлѣбниковымъ (прилож. С), а Вѣра Михайловна, 20 лѣтъ, — за вдовцомъ, богатымъ фабрикантомъ Семеномъ Алексѣевичемъ *Серебрениковымъ*. Это — примѣръ, какъ у насъ возникали фамиліи изъ прозвищъ,

*) Какъ эта, такъ и другія подобныя справки взяты изъ Матер. д. ист. моск. купечества, изд. Н. А. Найденовымъ.

**) Москва въ то время была раздѣлена на 20 частей, значившихся по нумерамъ.

состоявшихъ въ связи съ торговымъ или промышленн
дѣломъ. У отца Семена Алексѣевича вовсе не было фами
завелась у сына канительная фабрика золота и серебра -
его окрестили Серебрениковымъ. Искусственность этой фами
лучше всего выразилась въ томъ, что она и не удержала
потомство Семена Алексѣевича всегда носило фамилію про
Алексѣевыхъ. Семенъ Алексѣевичъ былъ прадѣдомъ Нико
Александровича Алексѣева, бывшаго Московскимъ городски
головой съ 1885 по 1893 г. (Приложеніе D).

Вѣра Михайловна была, говорятъ, красавицей. Портре
ея, хотя уже въ видѣ немолодой женщины, служитъ это
подтвержденіемъ. Она была слишкомъ на 25 лѣтъ моло
своего супруга. Конечно, только за красоту и молодость
могъ взять ее Семенъ Алексѣевичъ, потому что за нею н
какого приданаго не было. У насъ въ семействѣ сохран
лось извѣстіе, что Вѣра Михайловна была выдана чрезв
чайно рано, 12 лѣтъ отъ роду. Справедливость этого по
твердилась сказками 5-ой ревизіи (1795 г.), по которы
Вѣрѣ Михайловнѣ значится 20 лѣтъ, а ея старшей дочер
Ольгѣ 9. Такимъ образомъ, еслибъ эту справку принима
съ буквальной точностью, то слѣдовало бы допустить, ч
Вѣра Михайловна вышла замужъ десяти лѣтъ. Однако, какъ б
рано ни была она развита физически и какъ бы ни был
непроченъ контроль со стороны духовенства, слѣдуетъ д
мать, что здѣсь произошла утайка лѣтъ, которая обыкновенн
практиковалась при ревизіяхъ для мальчиковъ, чтобъ позд
привлекаться къ уплатѣ повинностей, для дѣвочекъ — рад
моложавости для замужества.

Еще въ 1782 г., до второго брака, Семенъ Алексѣевич
2-й гильдіи купецъ, 32-лѣтнимъ вдовцомъ, проживалъ „в
своемъ дворѣ, въ приходѣ ц. Іоакима и Анны, что въ Бол
шой Екиманской". Владѣніе это выходило одними воротам
на Малую Якиманку, другими — въ Полянскій переулок

Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ родство съ богачем
Алексѣевымъ имѣло вліяніе на благосостояніе семьи дѣда
по имѣющимся свѣдѣніямъ, Алексѣевы были болѣе нежел
расчетливы. Дѣдъ попрежнему торговалъ въ Юхотномъ ряду
и, какъ видно, безъ особенно блестящихъ результатовъ. Н
важныя послѣдствія имѣло это родство для судьбы второго
брата Вѣры Михайловны, моего отца Петра Михайловича.

III.

Дѣтскія впечатлѣнія моего отца.

Отецъ мой былъ четвертымъ ребенкомъ въ семьѣ моего
а; всего въ домѣ было шесть человѣкъ дѣтей. Надо было ихъ
ть-кормить, а торговыя дѣла дѣда никогда не было блестя-
ими, и все что наживалось, то и проживалось. Нечего было
ладывать на черный день, и дѣду по временамъ прихо-
ось туго. Извѣстно, что ему даже не удалось удержать
собой до конца жизни дома въ Кожевникахъ, послужив-
аго гнѣздомъ его семьѣ. Обстановка была скудная и бѣд-
, а потому съ этой стороны первыя впечатлѣнія отца не
гли быть очень розовыми. Съ самаго начала сознатель-
го отношенія къ окружающему міру, отцу приходилось
ть свидѣтелемъ упорной, мелочной борьбы за существо-
ніе, углубляться въ значеніе всякой лишне истраченной
пейки, присутствовать при пререканіяхъ, жалобахъ, упре-
хъ, однимъ словомъ — при всѣхъ тѣхъ проявленіяхъ су-
вой дѣйствительности, когда съ одной стороны заявляются
еланія и потребности, а съ другой указывается на недо-
аточность средствъ для ихъ удовлетворенія. Это дало отцу
нятіе о значеніи денегъ, сдѣлало его экономнымъ. Онъ
но понялъ, что бережливостью достигается обезпечен-
ость, а обезпеченность дѣлаетъ человѣка болѣе независи-
ымъ, застрахованнымъ до извѣстной степени отъ ужасовъ
всякихъ случайностей.

Какого бы мнѣнія мы ни держались, познакомившись съ
ичностью моего отца по разнымъ источникамъ, одно не-
омнѣнно: въ характерѣ его была нѣкоторая доза суровости.
Суровость эта проявлялась по отношенію къ его собствен-
нымъ дѣтямъ, послѣ того какъ они выходили изъ младенче-
скаго возраста, такъ послѣдовательно, что могла назваться
системой. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что, если, быть
можетъ, суровость и не лежала въ его натурѣ, то онъ счи-
талъ ее необходимой для закала подростающаго молодого по-
колѣнія. Это убѣжденіе не могло быть привито ему иначе,
какъ собственнымъ опытомъ. Извѣстно, какъ прочны и не-
изгладимы впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ. Слѣдуетъ думать, что

его собственное воспитаніе было не мягкое, и что дѣдуш Михайла Ивановичъ придерживался изреченія Сына Си хова: „Кто любитъ своего сына, тотъ пусть чаще наказ ваетъ его, чтобы впослѣдствіи утѣшаться имъ“ (XXX, 1 „Нагибай выю его (дитяти) въ юности и сокрушай реб его, доколѣ оно молодо, дабы сдѣлавшись упорнымъ, оно н вышло изъ повиновенія тебѣ“ (тамъ же, 12). Такіе взгля на воспитаніе были въ характерѣ и той среды, изъ котор вышелъ отецъ, и той суровой эпохи, среди которой протек его дѣтство. Вѣроятно, это „согбеніе выи и сокрушеніе р беръ“ практиковалось такъ энергически дѣдомъ, что ост вило послѣ себя несовсѣмъ пріятныя воспоминанія. Разск вали, что отецъ мой дѣда не любилъ. Не въ слишкомъ строгихъ пріемахъ воспитанія слѣдуетъ искать причины это нерасположенія? Такъ какъ отецъ мой, наоборотъ, очень л билъ бабушку, то сама собою напрашивается мысль, что Авдот Петровна была смягчающимъ элементомъ въ его дѣтствѣ. Н неудовольствіе на злоупотребленіе властью, какъ часто бываетъ у отца не распространялось на самыя мѣры, принимавшіяс властью, и онъ самъ въ зрѣломъ возрастѣ, конечно, всецѣл присоединился бы по существу къ взглядамъ сына Сирахова Да и трудно бы ему было думать иначе, когда всѣ кругомъ такъ думали, считая, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“

Маленькому Петѣ немного нужно было сообразительности чтобы понять, что онъ рожденъ на низшихъ ступеняхъ обще ственной лѣстницы. Онъ не могъ не видѣть, что у его ро дителей было очень мало правъ на то, чтобы командоват жизнью, и что, наоборотъ, жизнь всецѣло командуетъ ими Всякій квартальный, всякій чиновникъ-крючкотворецъ имѣл возможность дѣлать при случаѣ имъ огромныя непріятности и надежды не было на заступничество. Весьма рано Петя долженъ былъ понять всю необезпеченность существованія тогдашняго непривиллегированнаго русскаго человѣка. Вѣчная оглядка, страхъ передъ всѣми, мало-мальски власть имущими, передъ неизвѣстностью и случайностью, развивали подозрительность, осторожность и — вѣчный атрибутъ рабства — робость. Правосудіе стояло на крайне низкой степени; взяточничество вездѣ процвѣтало и способствовало извращенію понятій о правѣ и справедливости. Приходилось слышать о цѣлой массѣ вопіющихъ дѣлъ. Конечно, лично претер-

пѣнныя немотивированныя неудачи и удары судьбы особенно сильно вліяли на слабые характеры, притупляли въ нихъ нравственное чувство, и, заставляя отказываться отъ надежды на возстановленіе нарушеннаго права и на людское безпристрастіе, настраивали ихъ пессимистически или прямо доводили до отчаянія. Это было то знакомое русскому человѣку состояніе, когда онъ стремится найти хоть временное забвеніе тяжелой дѣйствительности. Гдѣ же искать утѣшенія отъ тоски-змѣи, гдѣ развеселиться, какъ не за чарой зелена вина, въ старомъ знакомомъ убѣжищѣ униженныхъ и оскорбленныхъ — „царевомъ“ кабакѣ?!...

Какую печальную роль въ народной жизни играло пьянство, конечно, не могло скрыться отъ вниманія мальчика, который росъ такъ, какъ росли его сверстники, находившіеся съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ, т.-е. безъ особаго призора, среди впечатлѣній улицы, случайныхъ, грубыхъ или наивныхъ. Онъ не могъ не видѣть, какъ изъ питейныхъ домовъ выходили люди, которые теряли человѣческій образъ, неистовствовали или падали безъ сознанія гдѣ попало. И былъ около него кто-то, кто рано указалъ ему на позоръ превращенія мыслящаго существа въ животное, на унизительность и смѣхотворность такого состоянія въ глазахъ трезвыхъ людей. Онъ понялъ, что трезвые люди, имѣютъ только въ этой своей добродѣтели огромное преимущество, чтобы ставить пьяныхъ къ себѣ въ зависимое и подчиненное отношеніе. Это заставило его прійти къ убѣжденію, что трезвость есть большая сила въ борьбѣ за существованіе для человѣка, желающаго жить не кое-какъ, стремящагося стать хозяиномъ, а не желающаго оставаться рабомъ. Вотъ откуда навѣрное вышли корни того отвращенія, той брезгливости, которыя отецъ всегда проявлялъ по отношенію къ людямъ нетрезваго поведенія.

У кого учился отецъ грамотѣ, на этотъ счетъ не существуетъ никакихъ извѣстій. Я никогда не слыхивалъ, чтобы у отца были друзья дѣтства. Вѣрнѣе всего, что онъ нигдѣ не учился, ниже у приходскаго дьячка. Да и потребность образованія въ средѣ низшаго купечества была такъ мало развита, что едва ли кто-нибудь помышлялъ о томъ, чтобы учить отца чему нибудь кромѣ грамоты, которой онъ могъ выучиться и дома. Конечно, и въ этой средѣ находились немногіе люди, которые говорили, что надо читать умныя книги,

что онѣ чему-то хорошему научаютъ, но и эти люди, еслиб
ихъ тогда серьёзно спросили, для чего собственно нуж
книжная мудрость небогатому купеческому сыну, очень за
труднились бы дать на это удовлетворительный отвѣтъ. Д
если бы они и были въ состояніи доказать пользу просв
щенія, едва-ли кто-нибудь понялъ бы ихъ тогда, потому чт
практическая непримѣнимость образованія — „ученія", как
тогда выражались, — для торговаго человѣка стояла незыблемо
Гораздо легче привлекали вниманіе другіе люди, горазд
болѣе многочисленные, которые увѣряли, что въ книгахъ
ядъ и зараза, называли образованныхъ людей волтерьянцами
безбожниками, масонами, мартынами (мартинистами), гово
рили, что такихъ людей, какъ вредныхъ, надо отлучать отъ
общества, всячески преслѣдовать, сажать въ тюрьмы, даж
казнить. Все это надо дѣлать для того, чтобы эти опасные
люди не читали книгъ и не разсказывали ихъ содержанія
другимъ. Такъ говорили и квартальные, и попы, и цѣло
вальники кабацкіе, вся мелкая „интеллигенція" захолустья.
И онъ, Петя, плохо понимая въ чемъ дѣло, но слыша, что
черезъ книги можно пропасть, самъ начиналъ думать, что
лучше быть отъ нихъ подальше. Ибо, хотя самъ премудрый
Соломонъ вѣщаетъ: „Главное — мудрость: пріобрѣтай муд-
рость и всѣмъ имѣніемъ твоимъ пріобрѣтай разумъ", однако
изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мудрость была въ книгахъ;
къ тому же Соломонъ въ другой притчѣ какъ бы предосте-
регаетъ отъ вреда знанія, говоря: „человѣкъ разсудительный
скрываетъ свое знаніе, а сердце глупыхъ высказываетъ глу-
пость". Въ это же время ходили слухи о преслѣдованіи
мартинистовъ, и, не имѣя никакихъ данныхъ для правиль-
наго сужденія, народъ естественно склонялся къ мысли, что
масоны составляли общество противоправительственное, за-
служивавшее кары. А въ перспективѣ виднѣлся грозный
инквизиторъ Степанъ Ивановичъ Шешковскій съ Тайной
Экспедиціей.

Все это отстраняло отъ просвѣщенія, внушало къ нему
недовѣріе. Не было около отца никого, кто бы разъяснилъ ему
недоразумѣнія, указалъ истинную пользу знанія не въ одной
узкой практической сферѣ. Да отцу было и не до этого.
Практическая жизнь очень рано захватила его своимъ же-
лѣзнымъ колесомъ, и ему было некогда думать о чемъ дру-

ъ, хотя бы о пополненіи знаній, которыхъ ему недоста-
о. Онъ вышелъ въ люди безъ какихъ бы то ни было
ній книжнаго характера и, какъ часто случается, полу-
ъ твердое убѣжденіе, что ихъ вовсе и не нужно для
ни.

Та сфера, изъ которой вышелъ мой отецъ, стояла слиш-
ъ близко къ крѣпостному народу, чтобы не сочувство-
ь его безправному положенію. Не надо было быть осо-
но наблюдательнымъ, чтобы видѣть, что особо привилле-
ованное сословіе — дворянство, за немногими исключеніями,
своему умственному и нравственному уровню стояло не
ше остальной массы, что оно было крайне дурно воспи-
о и отличалось тѣми же пороками. Совершенная празд-
сть, невѣжество, неумѣнье заняться чѣмъ-нибудь умственно
нравственно развивающимъ, отсутствіе разумнаго обще-
а вели его представителей нерѣдко къ полному паденію.
и такомъ положеніи привилегіи, которыми оно пользо-
ось, казались необъяснимыми и возмутительными. Помѣ-
къ могъ по капризу сослать своего крѣпостного въ Си-
рь на поселеніе; крестьянская дѣвушка не смѣла выйти
ужъ безъ указанія помѣщика; о продажѣ людей печатали
газетахъ наравнѣ съ продажей скота или мебели; иногда
ъ мѣняли на карету или на лягавыхъ собакъ; цѣлые де-
евни и имѣнія проигрывались въ карты. Насилія рабовла-
льческаго класса доходили нерѣдко до послѣднихъ гра-
ицъ жестокости и кончались убійствами, вызывавшими со-
твѣтствующіе репрессаліи со стороны крестьянъ. Обо всемъ
томъ всегда разсказывалось много исторій, истинныхъ или
ымышленныхъ, но основанныхъ на подкладкѣ существую-
цихъ порядковъ. Создавалось то невыносимое положеніе,
оторое породило столько недоразумѣній, вражды и преступ-
еній, грозило государству самыми серьёзными опасностями
ъ будущемъ и было прекращено только волею Царя-Осво-
одителя 19 февраля 1861 года, то-есть на сто лѣтъ позже
ослѣ того, какъ помышляла о томъ же Екатерина II.
о въ тѣ времена нельзя было не жалѣть о горемычной
ужицкой долѣ, и отецъ рано долженъ былъ прійти къ со-
нанію, что съ подчиненными дурно обращаться грѣшно и
есправедливо. Впослѣдствіи онъ высказалъ это очень опре-
ѣленно при одномъ случаѣ.

Урывками до маленькаго Пети доносилось, что дале
въ другой столицѣ у моря, живетъ великая царица, что
одержала блестящія и многочисленныя побѣды, что она м
всѣмъ подданнымъ, что она всемогуща, но самъ онъ, конеч
это богоподобное существо изъ глубины Кожевниковъ
могъ видѣть. Правда, иногда говорили, что это высшее
щество пріѣхало въ Москву, въ Кремль; туда шли тол
народа, изъ которыхъ нѣкоторые возвращались, простоя
цѣлый день подъ дождемъ или солнцемъ, на холодѣ или
жарѣ, но счастливые и радостные тѣмъ, что видѣли изда
ее, матушку. Но тутъ же разсказывали, на ухо другъ дру
что въ чуму при этой богоподобной царицѣ былъ больш
бунтъ въ Москвѣ, во время котораго архіерея убили;
на Яикѣ рѣкѣ самозванецъ Пугачевъ поднялъ противъ эт
царицы цѣлый край, собравъ около себя большое войс
и долго разбивалъ царскихъ воеводъ, что простой наро
былъ за Пугачева, за бунтовщика и злодѣя. Толковали ост
рожно о „случайныхъ“ людяхъ, бывшихъ и настоящих
объ Орловыхъ, Потемкиныхъ, Мамоновыхъ, Зубовыхъ—о
ихъ несмѣтномъ богатствѣ и безчисленныхъ душахъ кр
стьянъ, имъ пожалованныхъ; о томъ, что обойденъ „пр
вами“ наслѣдникъ Павелъ Петровичъ...

Когда послѣ Екатерининскаго царствованія, наступи
Павловское, Петя былъ очевидцемъ, какъ на ночь Моск
словно вымирала, какъ ворота къ вечеру замыкались и з
пирались крѣпкими запорами, какъ по улицамъ ставили
рогатки, чтобъ преграждать проѣздъ мирнымъ обывателям
Нельзя было ни засидѣться, ни заговориться со знакомым
Надо было въ опредѣленный часъ бѣжать домой и садить
какъ бы въ осаду. Почему это было нужно, никто не знал
Но именно это невѣдѣніе было жутко. Въ народѣ не могл
не ходить слухи, что такой-то вельможа посланъ въ ссылк
такому-то приказано жить въ имѣніи, а такого-то схватил
ночью, посадили на фельдъегерскую тройку и увезли. Тѣ, кт
были побойчѣе, толковали вкривь и вкось о причинахъ,
тѣ, кто потише, предпочитали уклоняться даже отъ разгово
ровъ на ухо. Неровенъ часъ! съ инымъ поговоришь,
можетъ онъ на тебя донесетъ, или кто другой лихой по
слушаетъ. Въ Тайную Экспедицію не долго попасть, а когд
изъ нея выйдешь съ помятыми ребрами или вывороченным

атками, калѣкой на всю жизнь, неизвѣстно. Степанъ
ановичъ Шешковскій хоть и акаѳистъ читаетъ, а пощады
даетъ.

Вотъ та почва, на которой выросъ и развивался и раз
ается тотъ политическій и общественный индефферен
мъ, который характеризуетъ непривиллегированные слои
скаго общества. Какія бы вопіющія дѣла не совершались
ругъ насъ, мы привыкли только пожимать плечами и сто
иться. И не безъ основанія! Мы знаемъ, съ какой легкостью
рушается благосостояніе единицъ и цѣлыхъ семей за
явленіе самостоятельности, признанной неблаговременной.
И маленькій Петя привыкъ быть осторожнымъ. Господ
ующей моралью было: „благоразумный видитъ бѣду и
ывается; а неопытные идутъ впередъ и наказываются“ [1]).
что бы то ни было, но о дѣлахъ общественныхъ или
ударственныхъ не смѣть говорить вслухъ! Надо бояться,
чать, держать языкъ за зубами, какъ будто ничего не
ешь. Особенно надо остерегаться писать что-нибудь въ пись
ъ. Письма читаются на почтѣ, и за всякое неосторожное
во можно отвѣтить. Что дѣлалось „наверху“, народъ и знать
точности не могъ, но, имѣя причины всего опасаться,
лько жался и трепеталъ, шепча молитву: „Господи помилуй!“
Да, вотъ она гдѣ, правда, вотъ оно гдѣ, утѣшеніе! Здѣсь
устроено такъ, что только и приходится маленькому
овѣку мучиться и страдать за себя и за другихъ, но
ъ, Всеблагій и Многомилостивый, Царь Царствующихъ и
сподь Господствующихъ, воззритъ рано или поздно спра
дливымъ окомъ на наши испытанія и воздастъ каждому
жное, кому уже въ сей жизни, кому въ той, идѣ же нѣсть
ѣзни и печали!... Онъ — прибѣжище и сила слабаго,
ъ — утѣшитель въ скорбяхъ. „Господь будетъ судить на
ъ Свой и надъ рабами Своими умилосердится. Если я
ду посреди напастей, — Ты оживишь меня, прострешь
ярость враговъ моихъ руку Твою, и спасетъ меня дес
ца Твоя“.

Вотъ какія мысли начинали шевелиться въ головѣ малень
о Пети, когда онъ ребенкомъ въ теплый лѣтній вечеръ
одилъ по песчанистымъ низкимъ берегамъ Москвы-рѣки

[1]) Притчи Соломоновы.

въ Кожевникахъ, среди вихровъ репейника и острово
осоки. Гдѣ-нибудь невдалекѣ у хибарки дремалъ лодочни
необходимый человѣкъ для переправы на ту сторону, та
какъ моста не было. А вдаль во всѣ стороны открыва
одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ Москвы.

За серебристымъ зеркаломъ рѣки медленно поднимает
противоположный лѣвый берегъ. Эта обширная волнист
возвышенность, которой только береговая кайма заливает
въ половодье, въ XVIII вѣкѣ была чистой деревней.
зеленыхъ лужайкахъ, между дикимъ кустарникомъ и поросля
ветлы и ольхи, пасся скотъ; по срединѣ извивался длинн
прудъ. Въ полуверстѣ берегъ поднимается крутымъ живопи
нымъ откосомъ, изрѣзаннымъ тропинками. Наверху, велича
командуя надъ всей окрестностью, стоитъ, какъ на ладо
Симоновъ монастырь съ своей высокой колокольней. По
нею тѣснятся главы и куполы церквей, бѣлыя стѣны
зеленыя крыши монастырскихъ зданій, красныя стѣны огра
съ конусообразными башнями. Все это утопаетъ въ зеле
Направо берегъ уходитъ вдаль ровной полосой, теряясь
рощами; налѣво отъ монастыря тянется вѣковая сосно
роща со своими рѣдкими деревьями. Высоко раскинули
свои чернозеленыя растрепанныя кроны, видѣвшія на свое
вѣку столько бурь и непогодъ. Еще лѣвѣе бѣлѣются пор
ховые погреба такъ называемаго „Гранатнаго двора".
дальше — все сады и сады!...

Петя смотритъ и любуется панорамой. Солнце, склоня
щееся къ западу, золотитъ своими лучами главы соборов
стѣны монастыря, высокіе берега, зеленыя поляны и рощ
Но, чу! загудѣлъ монастырскій колоколъ... Въ монасты
дѣтъ всенощная. Петя снимаетъ картузъ и набожно креститс
Ему давно знакомъ этотъ звонъ. Нерѣдко, въ праздник
вдвоемъ съ матерью они переѣзжаютъ подъ этотъ звонъ
ту сторону рѣки, карабкаются по тропинкѣ вверхъ и скво
темныя ворота идутъ монастырскимъ дворомъ къ обѣдн
Онъ любитъ мрачные своды древняго собора, любитъ стро
ное монастырское пѣніе, въ которомъ преобладаетъ ва
ный и густой тонъ басовъ, любитъ проповѣдь любви
милосердія среди этой торжественной, строгой и отчас
печальной обстановки. Какой она кажется ему возвыше
ной и неземной послѣ той повседневной суеты и тѣ

зг житейскихъ, которыя окружаютъ его тамъ внизу,
Кожевникахъ?! Здѣсь онъ находитъ тишину и миръ ду-
вный и испытываетъ минуты счастія и жизни въ Богѣ,
ершенно неизвѣстныхъ ему тамъ. Послѣ службы онъ
уляетъ по тѣсному монастырскому кладбищу, любуется па-
никами и старается прочитать имена, стертыя отъ времени.
о знаетъ, не въ эти ли минуты въ его дѣтской головѣ,
ьёзной не по годамъ, уже зарождалось желаніе: лечь для
нкаго покоя именно тутъ, въ этихъ монастырскихъ стѣ-
хъ, гдѣ онъ пережилъ лучшія впечатлѣнія своего дѣтскаго
раста, не богатаго радостями?!... (Прилож. Е).

Только такъ можно объяснить, почему, проживя большую
сть своей жизни далеко отъ Симонова монастыря, на Яки-
нкѣ, откуда ближайшими монастырями были Донской и
ниловъ, Петръ Михайловичъ сохранилъ удивительную и
постижимую привязанность къ Симонову монастырю, по-
ронилъ тамъ всѣхъ своихъ близкихъ людей и самъ завѣ-
лъ себя похоронить тамъ же. Это не могло быть иначе,
къ слѣдствіемъ дѣтскихъ, какъ извѣстно наиболѣе проч-
хъ воспоминаній.

Таковы были главныя исходныя точки, на которыхъ
ладывалось дѣтское міросозерцаніе Петра Михайловича.

IV.

ецъ мой вступаетъ въ жизнь. — Испытанія французскаго года. —
тецъ становится самостоятельнымъ. — Первый его бракъ съ Софьей Ивановной Чероковой.

Моему отцу было девять лѣтъ, когда въ судьбѣ его про-
ошелъ важный переворотъ.

Однажды онъ пришелъ въ гости къ Алексѣевымъ. Конечно,
впервые случилось ему навѣщать старшую сестру и зятя,
на этотъ разъ Семенъ Алексѣевичъ разговорился съ нимъ
почему-то больше обыкновеннаго и потомъ сказалъ женѣ:
„Я хочу оставить Петю погостить".

— Ну вотъ еще! отвѣчала на это Вѣра Михайловна.
у насъ онъ, пожалуй, только избалуется.

Однако Семенъ Алексѣевичъ настоялъ на своемъ: Петя
стался. Въ теченіе нѣсколькихъ дней мальчикъ успѣлъ такъ
понравиться, что Алексѣевъ не захотѣлъ съ нимъ раста-

ваться и предложилъ оставить его у себя на житье совс…
Въ семьѣ дѣда не могли, конечно, ничего имѣть прот…
этого, такъ какъ видѣли въ этомъ устройство судьбы Пе…
Съ оставленіемъ дѣдовскаго дома въ Кожевникахъ у мо…
отца соединено было слѣдующее воспоминаніе.

Когда переселеніе къ Алексѣевымъ было окончател… рѣшено, бабушка Авдотья Петровна, заливаясь слезами, сня… со стѣны старинную семейную икону Казанской Бож… Матери и благословила ею сына на новую жизнь. Затѣм… облобызавшись съ нимъ, она вручила ему серебряный анни… скій рубль „на счастье". Оба дара отецъ мой благоговѣй… берегъ. Икону Казанской Божіей Матери — „родительск… благословеніе" — считалъ онъ первымъ своимъ сокровищ… и приписывалъ молитвенному обращенію къ ней особое з… ченіе. Въ его письмахъ, полвѣка спустя, неоднократно встр… чается упоминаніе объ этой иконѣ. Сохраняя и материнск… рубль, какъ талисманъ, онъ хотѣлъ, чтобы и его потомст… помнило объ этомъ рублѣ, принесшемъ ему счастье: въ д… скую копилку каждаго изъ своихъ дѣтей онъ клалъ … такому же аннинскому рублю, отмѣчая его краснымъ су… гучемъ. Такой есть и у меня. На одной сторонѣ его изобр… жена императрица въ коронѣ, съ лицемъ обращенным… вправо; кругомъ надпись: „Б. М. Анна Імператрица і сам… держица всеросиская"; на обратной сторонѣ — государственн… гербъ и надпись: „рубль 1731 монета".

Семенъ Алексѣевичъ не даромъ оставилъ у себя мален… каго шурина: онъ догадывался, что изъ умнаго и смѣтлива… мальчика выйдетъ ему полезный помощникъ, и — не ошибс… Поселившись у Алексѣевыхъ, Петя занимался нѣсколько лѣт… въ лавкѣ, пріучаясь къ торговому дѣлу, потомъ сдѣлал… приказчикомъ и наконецъ — главнымъ довѣреннымъ. По ем… давались и болѣе деликатныя порученія: присмотръ за с… новьями Семена Алексѣевича, а также нерѣдко сопров… жденіе ихъ на прогулку. Послѣдствія показали, что он… сумѣлъ пріобрѣсти и расположеніе своихъ племянников… особенно младшаго Владиміра Семеновича, съ которымъ е… соединяла всю жизнь настоящая дружба. Цѣлыхъ 26 лѣт… пробылъ онъ на службѣ у Алексѣевыхъ.

За годъ до французскаго нашествія, (1811 г.) Михаи… Ивановичъ считался 3-й гильдіи купцомъ, но уже не жил…

своемъ домѣ въ Кожевникахъ, а на Большой Полянкѣ, …приходѣ церкви Спаса въ Наливкахъ, въ домѣ купца …дрея Зѣвакина, своего третьяго зятя, за котораго выдалъ …ю послѣднюю дочь Анну Михайловну. Зѣвакинъ былъ … свое время извѣстнымъ ювелиромъ*). Всѣ трое сыновей …хаила Ивановича числились при немъ, но старшій изъ …хъ Степанъ выбылъ въ мѣщанство. По офиціальнымъ …дѣніемъ Михаилу Ивановичу было въ это время 73 года, …бабушкѣ Авдотьѣ Петровнѣ 60.

…Вскорѣ бѣднымъ старикамъ пришлось пережить большое …пытаніе.

…Наступивъ страшный 1812-й годъ. Наполеонъ надвигался … Москву съ огромной арміей, которую не остановили …рашныя потери, понесенныя подъ Бородинымъ (26-го августа). …сковскій главнокомандующій графъ Растопчинъ въ широко…щательныхъ воззваніяхъ не переставалъ увѣрять, что …скву не сдадутъ. Однако, извѣстный военный совѣтъ подъ …едсѣдательствомъ Кутузова на Филяхъ происходилъ 1-го сен…бря, 2-го Наполеонъ прибылъ къ Дорогомиловской заставѣ, …3-го главная квартира его уже была перенесена въ Кремль. …Успокоительные бюллетени Растопчина нанесли массѣ мо…овскаго населенія, а въ томъ числѣ и нашему семейству, …ромный вредъ. Населеніе до послѣдней минуты вѣрило, что …пріятеля не впустятъ въ столицу, а когда обнаружилась …стина, то всѣхъ охватила безумная паника. Бѣжали опро…тью, какъ попало и куда попало, лишь-бы спастись, лишь-бы …городить собственную особу, не заботясь объ участи род…хъ и друзей. Точно такъ, очевидно, эмигрировали и …ексѣевы. Иначе нельзя объяснить, почему они бросили … произволъ судьбы Михаила Ивановича и Авдотью Петровну …также старшаго ихъ сына Степана Михайловича. Съ своей …роны старики были черезчуръ бѣдны, чтобы самимъ про…шлять о себѣ. Отецъ мой не могъ ничѣмъ помочь роди…лямъ: въ это время онъ находился въ разъѣздахъ по Россіи … качествѣ довѣреннаго лица Алексѣевыхъ.

*) Андрей Семеновичъ Зѣвакинъ происходилъ изъ купцовъ г. Калуги и при…лъ въ московское купечество въ 1793 г. Тетка моя Анна Михайловна была …рой его женой; отъ перваго брака у него уже былъ сынъ и двѣ дочери. Онъ …ъ старше Анны Михайловны болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ.

Отъ конца 1812 года сохранилась небольшая серія писе
писанныхъ отцу Алексѣевыми и другими лицами. Корресп
денція эта даетъ любопытныя указанія насчетъ современн
событій, а также отношеній, существовавшихъ между на
и родственными ей семьями. Она приведена сполна н
(Прилож. F). Все существенное изъ нея сводится къ с
дующему.

Укрываясь отъ нашествія, московское купечество разс
лось по разнымъ городамъ. Алексѣевы думали сперва уѣх
въ Нижній, но потомъ выбрали Муромъ, куда перевез
были наиболѣе уважаемыя святыни — иконы Иверской и В
димірской Божіей Матери, въ сопровожденіи преосвящ
наго Августина, архіепископа Московскаго. Въ Муромъ
ѣхали Семенъ Алексѣевичъ, его супруга Вѣра Михайлов
ихъ двое сыновей Петръ и Владиміръ и младшая дочь Ел
бывшая еще дѣвицей. Они нашли гостепріимство въ д
мѣстнаго богача Кирилы Ивановича Зварыкина. У Зва
кина же нашла пріютъ и другая сестра моего отца Ан
Михайловна Зѣвакина съ мужемъ Андреемъ Семенович
и дѣтьми. Старшая дочь Алексѣевыхъ Елизавета Семенов
бывшая замужемъ за Андреемъ Семеновичемъ Быковски
укрылась съ мужемъ въ Шуѣ, а вторая Александра, быв
замужемъ за Шелапутинымъ, попала въ Вязники. Гдѣ б
отецъ мой при самомъ занятіи Москвы французами, н
вѣстно; изъ переписки видно только, что онъ выѣх
на низовье Волги изъ Мурома; Алексѣевы пишутъ,
послали ему письмо въ Саратовъ на другой же день по
его отъѣзда изъ Мурома. Вслѣдствіе безпокойства о суд
родителей, онъ находился въ печальномъ и мрачномъ настр
ніи духа. На это неоднократно указывается въ письм
Алексѣевыхъ, которые стараются ободрить его.

Отецъ уѣхалъ на югъ, снабженный обширными полном
чіями. Онъ долженъ былъ продавать высылаемый ему
варъ, получать деньги по векселямъ и ревизовать отдѣле
при чемъ ему приходилось убѣждаться въ благонадежно
приказчиковъ, которыхъ онъ могъ своей властью устран
отъ должности. На его волю представлялся и маршрутъ: о
можетъ заѣхать, напр., въ Нахичевань или нѣтъ, прод
жить или сократить путешествіе, смотря по надобности; еж
ѣхать нѣтъ особой нужды, ему предлагаютъ скорѣе возвр

ться назадъ. Изъ всего видно, что отецъ занималъ вы-
оцйся постъ довѣреннаго въ крупномъ торговомъ дѣлѣ,
стъ отвѣтственный, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшійся зна-
тельной свободой дѣйствія. Изъ переписки видно, что отецъ
ылъ въ Арзамасѣ 4-го октября, въ Саранскѣ 9-го, потомъ,
роѣхавъ чрезъ Пензу, былъ въ Саратовѣ 17-го октября,
 Царицынѣ 15-го ноября, а около 6-го декабря въ Астра-
ани. Не въ этотъ ли разъ онъ попалъ и въ Тифлисъ? Мнѣ
вѣстно, что во время своихъ поѣздокъ по Россіи по але-
сѣевскимъ дѣламъ, Петръ Михайловичъ побывалъ на Кав-
ѣ и въ Тифлисѣ.

Французы начали выступленіе изъ Москвы еще 6-го ок-
ря, а въ ночь на 11-ое взорваны были, по приказанію
полеона, Кремлевскія стѣны въ пяти мѣстахъ начальни-
мъ аріергарда, маршаломъ Мортье. Казаки немедленно за-
ли городъ. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась. Рѣ-
тельному отступленію непріятеля еще не вполнѣ довѣряли;
которые опасались, какъ бы Наполеонъ, тѣснимый рус-
ими войсками, не принялъ рѣшенія вернуться въ Москву
мовать.

Не рѣшаясь сами оставить свое убѣжище, Алексѣевы по-
лаютъ 16-го октября на рекогносцировку въ Москву млад-
го брата моего отца — Михаила Михайловича. Оно и по-
тно: ему только 24 года, онъ холостъ, одна голова, если
пропадетъ, такъ некому горевать. Не прошло двухъ дней
слѣ его отъѣзда, какъ явился неожиданно изъ Москвы
тавленный тамъ лакей Алексѣевыхъ Іуда. Онъ сообщилъ,
 вышелъ изъ Москвы вдвоемъ съ алексѣевскимъ же си-
льцемъ Яковомъ Саломатовымъ; около Измайловскаго звѣ-
нца они паткнулись на французовъ, которые ихъ разлу-
ли; Іудѣ удалось ускользнуть, а Яковъ Саломатовъ, обо-
анный, долженъ былъ вернуться обратно въ Москву. Вѣсти,
ивезенныя Іудою, были неутѣшительны: пожаръ истребилъ
ексѣевскіе и сосѣдніе дома, такъ что „черезъ всѣ дворы
али прямыя улицы"; все добро ограблено; старики Михайло
вановичъ и Авдотья Петровна вмѣстѣ со Степаномъ Михай-
вичемъ живутъ въ подвалѣ, раздѣтые почти до нага, терпя
евозможныя лишенія и питаясь распаренной горѣлой пше-
цей; вдобавокъ Степанъ Михайловичъ больно раненъ фран-
узскимъ штыкомъ въ бокъ и въ руку. Съ ними вмѣстѣ прію-

тились кое-кто изъ приказчиковъ съ семействами. Грабеж
имуществъ занимались, быть-можетъ, больше свои, чѣмъ
жіе; въ одномъ письмѣ прямо указывается, что зарытыя де
и часть товара *были вырыты своими*. Узнавши объ это
какъ Алексѣевы, такъ и Зѣвакины тотчасъ посылаютъ
Москву все нужное для стариковъ Вишняковыхъ.

Получивъ эти извѣстія Семенъ Алексѣевичъ уже не
хотѣлъ ждать возвращенія Михаила Михайловича и 23-го
тября уѣхалъ по дѣламъ со вторымъ своимъ сыномъ Вл
міромъ въ Нижній. Михаилъ Михайловичъ вернулся дн
двумя позже и, подтвердивъ всѣ разсказы Иуды, сообщ
еще массу интересныхъ новостей. Тѣмъ не менѣе Алексѣ
долго еще не двигались изъ Мурома, ожидая возвращ
главы семейства изъ Нижняго, гдѣ онъ пребывалъ
20-го ноября. Святыни московскія увезли обратно цѣл
мѣсяцемъ раньше, 20-го октября, и съ ними уѣхалъ и
освященный Августинъ. Быковскіе отправились въ Мос
очень рано, а Зѣвакины 12-го ноября.

Такимъ образомъ, Алексѣевы вернулись домой одними
послѣднихъ, не ранѣе конца ноября. За все это время отнош
ихъ къ моему отцу были дружескія, задушевныя и вмѣ
съ тѣмъ полныя уваженія. Отцу въ это время минулъ 31 г

Тотчасъ послѣ французскаго года Михайла Иванов
Вешняковъ попалъ въ списокъ кандидатовъ отъ „наст
щихъ городовыхъ обывателей“ для поступленія въ Моск
скую Городскую думу въ гласные на наступавшее трехлѣ
При баллотировкѣ онъ получилъ 29 избирательныхъ
18 неизбирательныхъ шаровъ (13 апрѣля 1813 г.). —
1815 г. 3-ей гильдіи купецъ Михаилъ Ивановъ Вешняко
77 лѣтъ, съ женой Авдотьей Петровой, 64 лѣтъ, значи
живущимъ въ Мясницкой части, въ приходѣ Спаса на Гли
щахъ, въ домѣ купца Серебрякова.

Въ 1814-мъ г. Семенъ Алексѣевичъ Алексѣевъ, 1-й гиль
купецъ и коммерціи совѣтникъ, избранъ былъ къ кандида
депутаціи для встрѣчи Государя, а Андрей Семеновичъ З
вакинъ въ число распорядителей маскарада, устроенн
купечествомъ по случаю празднества въ честь взятія Пари
русскими войсками. (Прилож. G.)

Этотъ же 1814 г. былъ знаменателемъ въ жизни мое
отца: онъ обзавелся собственнымъ гнѣздомъ. Имъ бы

брѣтены у Алексѣевыхъ погорѣвшіе при пожарищѣ фран
скаго года дома на Малой Якиманкѣ, и, не ломая стѣнъ,
приступилъ къ приведенію ихъ въ надлежащій поря
. (Прилож. H). Точно также сосѣдній каменный домъ,
слѣдствіи принадлежавшій моей матери, горѣлъ въ 1812 г.,
ко его не ломали до основанія, а только ремонтировали,
стѣны его существуютъ и поднесь въ томъ видѣ, какъ
ли до француза.

ъ 1816 г. Петръ Михайловичъ оставилъ службу у
ксѣевыхъ и завелъ свое собственное золото-прядильное
.

Школа, которую онъ у нихъ прошелъ, была школой
овой. Тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились о теткѣ
Михайловнѣ, не даютъ основанія предполагать въ
особый фондъ сентиментальности или нѣжности по
шенію къ роднымъ. И она, и ея супругъ были очень
четливы. Я никогда не слыхалъ, чтобы отецъ мой обя
нъ былъ своимъ независимымъ положеніемъ ихъ особливой
держкѣ, щедрости или великодушію. Какъ видно изъ
респонденціи 1812 г., къ нему относились хорошо, но
ли придавали при этомъ особое значеніе родственнымъ
ямъ, а не его работоспособности. Съ своей стороны
ъ зналъ, что значитъ зарабатывать деньги, когда ихъ
, былъ экономенъ и умѣлъ откладывать на черный день.
какъ-бы ни были хороши отношенія къ хозяину, въ
всякаго подчиненнаго заложено естественное стре
еніе къ свободѣ и независимости. Неудивительно, что,
да явилась возможность, отецъ пожелалъ стать на свои
и и работать на себя. Онъ разстался съ хозяевами такъ,
ъ рѣдко случается: они помнили его труды для нихъ, а
помнилъ ихъ хлѣбъ-соль и — науку.

Такимъ образомъ отецъ могъ вполнѣ назваться self-made
, и отнынѣ будущность зависѣла отъ него самого. Ту
омимую любовь къ труду, которую онъ проявлялъ на
жбѣ у другихъ людей, онъ теперь обратилъ не удовле
реніе собственныхъ нуждъ. И онъ всю жизнь остался
ренъ себѣ, всю жизнь проработалъ, не покладывая рукъ.
бота была для него второй натурой.

Было тутъ еще одно обстоятельство, которое нельзя те
ъ изъ виду. Выступивъ по близкой съ Алексѣевыми

специальности, отецъ мой имѣлъ тактъ работать только та
товаръ, который самими Алексѣевыми не изготовлялся,
такимъ образомъ его фабрика при полной самостоятельно
сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ отдѣленія большого промышле
наго и торговаго дома Алексѣевыхъ. Не вступая нико
въ конкурренцію со своими прежними хозяевами, отецъ избѣ
опаснаго пути для взаимныхъ неудовольствій и до ко
жизни остался съ ними въ отличныхъ отношеніяхъ*).

При интимную жизнь моего отца до его женитьбы мнѣ,
понятнымъ причинамъ, ничего неизвѣстно. Темпераментъ
никакъ нельзя было назвать флегматическимъ. Такъ ка
онъ женился въ первый разъ только на 36-мъ году жиз
трудно допустить, чтобы у него не было до этихъ поръ каки
нибудь сердечныхъ привязанностей, хотя онъ отъ этого упо
отрекался. Во всякомъ случаѣ, на послѣдующую его жизнь
отношенія, если и были, не оказали никакого вліянія.

Въ 1816 г., 29 октября, отецъ женился на Софьѣ И
новнѣ Чероковой. Чрезъ нѣсколько времени она запис
въ свою памятную книжку: „1816 г. 17 декабря переѣха
мы въ нашъ домъ".

Чероковы или Чориковы, какъ произносилась, а ино
и писалась эта фамилія, были или считались очень сост
тельными гжатскими купцами. У нихъ была фабрика и д
въ Москвѣ. Въ 1816 г. въ Мясницкой части, въ прих
свв. Козьмы и Даміана, значится домъ мануфактуръ-совѣтн
Чорикова. Это былъ Иванъ Петровичъ Чориковъ, от
Софьи Ивановны. Чориковы жили широко, много принима
въ торжественные дни у нихъ въ имѣніи палили изъ
шекъ. Однако между тестемъ и зятемъ произошло очень п
скорбное, хотя довольно обычное „недоразумѣніе". О
обѣщали выдать 25000 руб. приданаго, оттянули упл
до свадьбы, и въ концѣ концовъ не дали ничего. От
разсказывалъ:

„Когда я наконецъ сталъ настаивать, тесть мой тол
засмѣялся въ отвѣтъ и сказалъ: „мы у васъ, Петръ Мих
ловичъ, ничего не украли". Только я и видѣлъ!"

Дурная сторона подобныхъ ловкихъ операцій заключае
въ томъ, что онѣ никогда не забываются, портятъ отноше

*) Подробнѣе о торговыхъ дѣлахъ отца будетъ упомянуто ниже.

Фотот. П. Павлова.

2.

Софья Ивановна Вишнякова.

людей и часто вліяютъ на судьбу той, которая менѣе всего повинна въ обманѣ — новобрачной. Я надѣюсь, что въ данномъ случаѣ этого не было, но мнѣ извѣстно, что Чориковыхъ отецъ не любилъ. Про тещу свою онъ въ своихъ письмахъ однажды выражается такъ: „Отъ Надежды Сергѣевны слушать можно все, но вѣрить надо не всему, что говоритъ. Ихъ не узнаешь!“ (1835).

Новобрачной было всего 16 лѣтъ. Судя по сохранившемуся портрету, она была недурна собой. Она изображена въ бальномъ бѣломъ платьѣ empire, en face къ зрителю, съ поворотомъ торса вправо. Темные волосы ея падаютъ мелкими кольцами кругомъ лба и висковъ; темнокаріе раскрытые глаза смотрятъ впередъ съ нѣсколько наивно-удивленнымъ выраженіемъ; на устахъ — легкая улыбка. Въ общемъ — большое сходство со старшимъ ея сыномъ Иваномъ.

Въ pendant къ этому ея портрету существуетъ и портретъ моего отца, относящійся, къ этому же времени. На это указываетъ, кромѣ сходства живописи, одинаковость размѣровъ обоихъ портретовъ (14¾ верш. на 12 в.), размѣры головъ и поза: Софья Ивановна изображена въ поворотѣ торса вправо, а Петръ Михайловичъ — въ поворотѣ влѣво отъ зрителя. Онъ сидитъ, облокотившись лѣвой рукой на спинку стула, въ широкомъ темнозеленомъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ и высокомъ бѣломъ галстукѣ или жабо, въ которое воткнута булавка съ большимъ изумрудомъ, осыпаннымъ брилліантами. Очертаніе головы правильно-овальное, негустые черные волосы зачесаны напередъ съ висковъ, а также и на лбу; глаза сѣрые, лицо бритое, нижняя губа выдается слегка впередъ; лицо озарено легкой улыбкой. (Прилож. I).

Софья Ивановна обладала нѣкоторымъ образованіемъ и говорила по-французски; послѣдняго, говорятъ, бабушка Авдотья Петровна терпѣть не могла и передразнивала невѣстку. Надо замѣтить, что хотя отецъ мой очень любилъ свою мать, однако наотрѣзъ отказался взять ее къ себѣ въ домъ, чѣмъ она была очень обижена и непрочь была приписать это вліянію Софьи Ивановны. Однако Софья Ивановна едва ли могла имѣть какое-нибудь вліяніе на своего энергическаго супруга, тѣмъ болѣе, что и жилъ онъ съ ней не особенно дружно. Она была недалека и слезлива. Отецъ долго помнилъ,

2

какъ она его однажды „сконфузила“ при многочисленномъ обществѣ у Алексѣевыхъ. Разговоръ зашелъ о соленьи огурцовъ. Софья Ивановна сказала, что ихъ солятъ въ боченкахъ.

— Какъ? — воскликнулъ кто-то, желая ее поддразнить. — Развѣ вы не знаете, что огурцы солятся въ кадушкахъ? Ай да хозяйка!

— А я знаю, что огурцы солятся въ боченкахъ, — повторила Софья Ивановна.

— Спросите кого хотите, — продолжалъ ея собесѣдникъ, — и всякій скажетъ, что въ кадушкахъ.

Другіе гости, поддерживая шутку, тоже утверждали, что огурцы никогда не солятся въ боченкахъ, а всегда въ кадушкахъ.

— Нѣтъ, знаю, знаю, что въ боченкахъ, — твердила Софья Ивановна и, наконецъ, не зная къ какимъ еще прибѣгнуть аргументамъ, ударилась въ слезы.

Преданіе говоритъ, что при Софьѣ Ивановнѣ былъ такой случай. Однажды ночью ей приснилось, что къ изголовью ея подошла высокая женщина, вся въ бѣломъ, и промолвила: „Проснись! Я горю“. Софья Ивановна вскочила съ постели, стала оглядываться и увидала, что зажженная восковая свѣча, забытая передъ иконой Казанской Божіей Матери, „родительскимъ благословеніемъ“, нагнулась къ образу и подпаливаетъ его. Разумѣется, порча чтимой святыни, а можетъ быть и пожаръ были немедленно предупреждены.

Софья Ивановна подарила ему отцу шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ двое умерли въ младенчествѣ. Изъ оставшихся въ живыхъ Надежда родилась въ 1817 г., Иванъ въ 1820, Семенъ въ 1821, а Людмила въ 1822.

Въ бумагахъ моей матери сохранился одинъ документъ, значеніе котораго довольно загадочно. Это — проектъ духовнаго завѣщанія, писанный неизвѣстною рукою, неизвѣстно въ какое время и даже неизвѣстно для кого. Судя по тому, что завѣщатель имѣетъ въ виду недвижимое имѣніе „состоящее въ Москвѣ и внѣ оной въ разныхъ мѣстахъ, въ каменныхъ и деревянныхъ дворахъ и лавкахъ, все безъ изъятія самимъ мною пріобрѣтенное, а отнюдь не наслѣдственное и не родовое“, можно думать, что проектъ этотъ написанъ какимъ-нибудь юристомъ для моего отца, *принимая во вниманіе выраженную имъ волю*. Въ этомъ проектѣ завѣщатель

оставляетъ все свое движимое и недвижимое имущество въ полное владѣніе своей женѣ, при чемъ „дѣтямъ моимъ и другимъ послѣ меня оставшимся родственникамъ ни до какого моего имѣнія дѣла нѣтъ и ни подъ какимъ предлогомъ не вступаться въ оное“. Другимъ параграфомъ выражается воля, чтобы по смерти жены все безъ изъятія перешло „въ полную волю *единой дочери моей* такой-то, а не другимъ“.

Если этотъ проектъ дѣйствительно писанъ по волѣ отца, то онъ очень ранняго происхожденія и долженъ относиться къ промежутку времени 1817—1820 гг., когда у отца была только одна дочь Надежда. Не былъ ли въ то время отецъ чѣмъ-нибудь опасно боленъ? Если это такъ, то распоряженія являются многознаменательными по рѣшительному устраненію братьевъ Степана и Михаила Михайловичей, изъ которыхъ никто даже не назначенъ въ душеприказчики; объ дѣдѣ Михаилѣ Ивановичѣ можно было не упоминать по причинѣ его преклоннаго возраста. Рѣшаясь оставить все имущество на волю своей, еще молодой супруги Софьи Ивановны, отецъ, очевидно, былъ убѣжденъ, что это лучше, чѣмъ надѣяться на помощь своихъ родныхъ, которымъ онъ, какъ видится, не довѣрялъ.

15 іюля 1823 г. дѣдъ мой Михайла Ивановичъ закрылъ навѣки глаза, видѣвшіе на своемъ вѣку много заботъ. На надгробномъ памятникѣ его, въ Симоновомъ монастырѣ, начертано: „скончался 90 лѣтъ“.

Свѣдѣнія, имѣющіяся о немъ, крайне скудны и сводятся къ слѣдующему. Онъ былъ бѣденъ и никакого торговаго дѣла подъ конецъ жизни не имѣлъ, а жилъ на средства доставляемыя сыновьями и дочерьми. Въ купечествѣ онъ уже не состоялъ, а перечислился въ мѣщанство. У него подъ старость была какая-то накожная болѣзнь на лицѣ, очень его безобразившая. Отецъ его не любилъ.

Вскорѣ (18 ноября 1823 г.) умеръ и престарѣлый Семенъ Алексѣевичъ Алексѣевъ, съ которымъ отца связывало столько воспоминаній. Про разсчетливость его разсказывали слѣдующій случай. Однажды, когда онъ былъ у насъ въ гостяхъ, старая няня Прокофьевна, — которая, къ слову сказать, выходила всѣхъ дѣтей моего отца кромѣ одного меня, да и то только потому, что умерла до моего рожденья — подучила

маленькаго Сеню подойти къ Семену Алексѣевичу и попросить на конфекты. Богачи въ такихъ случаяхъ, не моргнувши, дарили золотыми. Когда Сеня пролепеталъ что научила нянюшка, Семенъ Алексѣевичъ порылся въ карманѣ, досталъ оттуда — двѣ копѣйки мѣдью и вручилъ ихъ ребенку къ величайшему конфузу Прокофьевны, которая не могла забыть этого случая.

Софья Ивановна скончалась преждевременно отъ несчастныхъ родовъ, происшедшихъ вслѣдствіе ея паденія съ лѣстницы. Въ февралѣ 1824 г. она разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ, прожившимъ только нѣсколько дней, а 4-го марта умерла и сама. Погребена она въ Донскомъ монастырѣ.

Чтобы покончить съ Чероковыми, я замѣчу, что величіе ихъ было очень кратковременное. Вскорѣ они разорились. Мануфактуръ совѣтникъ Иванъ Петровичъ уже въ 1828 г. принужденъ былъ зачислиться въ мѣщане и скоро послѣ этого умеръ, а вдова его, Надежда Сергѣевна, мать Софьи Ивановны, по недостатку средствъ, поселилась у насъ при фабричномъ флигелѣ [1]), гдѣ и жила до своей смерти. Она сперва была этимъ помѣщеніемъ не очень довольна и просилась въ большой домъ, но отецъ, вѣрный своей политикѣ, рѣшительно отказалъ ей, какъ и своей матери. Онъ, какъ видно, держался того мнѣнія, что только въ рѣдкихъ случаяхъ совмѣстная жизнь свекрови или тещи съ молодыми не кончается непріятностями, и желалъ этого избѣжать. (Приложеніе J.)

V.

Второй бракъ моего отца. — Мать моя Анна Сергѣевна. — Ея культурный уровень. — Ея глухота.

Еще не исполнилась година по Софьѣ Ивановнѣ, какъ 9 ноября 1824 г. отецъ вступилъ во второй бракъ съ Анной Сергѣевной Болдыревой, матерью пишущаго эти строки. Ей

[1]) Это двухъэтажное зданіе, выходящее въ Полянскій переулокъ, до сихъ поръ (1904 г.) мало отличается по внѣшности отъ того, какимъ я его зналъ 50 лѣтъ тому назадъ. По старой отцовской переписи онъ значится Якиманской части, 6 квартала, подъ № 563 старымъ, а нынѣ 579 „Данъ ассигнаціями 8400 р.“ Теперь этотъ домъ помѣченъ № 579/668, полицейскимъ № 4, и принадлежитъ Герасимову.

не пришлось знать ни своего свекра Михаила Ивановича, ни зятя Семена Алексѣевича, умершихъ за годъ раньше. Она припоминала, что вскорѣ послѣ свадьбы ѣздила на годину по Семенѣ Алексѣевичѣ къ его вдовѣ Вѣрѣ Михайловнѣ.

Семья Болдыревыхъ не принадлежала къ коренному московскому населенію. Первые представители ея появились въ Москвѣ за нѣсколько лѣтъ до переселенія Вишняковыхъ изъ Кашина, но родной дѣдъ матери Ѳедоръ Андреяновичъ переписался изъ купцовъ города Малоярославца въ купцы московскіе лишь въ 1777 году (Прилож. К). Сынъ его Сергѣй Ѳедоровичъ велъ мѣховую торговлю, былъ женатъ три раза и имѣлъ шестерыхъ дѣтей. Анна Сергѣевна, моя мать, происходила отъ второго брака. Ей было только два года, когда умерла ея мать Марья Васильевна.

Свѣдѣнія мои о дѣдѣ Сергѣѣ Ѳедоровичѣ очень ограничены. Слышалъ я, что онъ отличался музыкальностью и хорошо игралъ на гусляхъ; былъ онъ, говорили также, охотникомъ до прекраснаго пола, отчего приходилось страдать его супругамъ, но насколько это вѣрно, я не знаю.

Потерявши свою родную мать въ младенчествѣ, мать моя осталась на попеченіи мачихи Анны Ивановны, третьей жены Сергѣя Ѳедоровича. Каковы были ихъ отношенія, заставила-ли мачиха любить себя падчерицу, неизвѣстно. Кажется, и мачиха умерла очень рано, не успѣвши оставить по себѣ воспоминаній. Въ очень старой запискѣ, писанной раннимъ дѣвичьимъ почеркомъ моей матери, помѣчено: „августа 19 дня маменька Марья Васильевна скончалась“ и тамъ же ниже: „октября 15 дня маменька Анна Ивановна скончалась“. Обѣ помѣтки безъ года, такъ какъ съ церковной точки зрѣнія это не имѣло значенія. Также и въ старомъ поминаньѣ, тотчасъ послѣ имени Маріи стоитъ имя Анна, которое не можетъ относиться ни къ кому другому, кромѣ мачихи. Во всякомъ случаѣ Анна Ивановна не дожила до свадьбы моей матери. Пригласительные билеты на сговоръ 4 ноября 1824 г. написаны были отъ лица Сергѣя Ѳедоровича, Дарьи Аѳанасьевны и Александра Сергѣевича Болдыревыхъ, т.-е. отца, бабушки и брата невѣсты. Если бы супруга Сергѣя Ѳедоровича благополучно здравствовала въ это время, объ ней непремѣнно было-бы упомянуто.

Итакъ, слѣдуетъ думать, что Сергѣй Θедоровичъ, выдавалъ замужъ дочь, будучи вдовцомъ послѣ третьей жены. Въ то время не любили, чтобы дѣвушки засиживались: мать моя была выдана по семнадцатому году, тогда какъ отцу шелъ сорокъ четвертый. Можетъ быть Сергѣй Θедоровичъ спѣшилъ пристроить дочь и по другой причинѣ. Мать моя разсказывала, что ей нравился одинъ изъ молодыхъ приказчиковъ ея отца, и она была-бы не прочь выйти за него, но это было не по сердцу Сергѣю Θедоровичу. Въ лицѣ Петра Михайловича являлся хорошій женихъ, человѣкъ солидный и самостоятельный. Конечно, молодежь этихъ достоинствъ не понимала и больше обращала вниманіе на то, что женихъ былъ далеко немолодъ и вдовецъ съ четырьмя дѣтьми. Надо думать, что дѣло не обошлось безъ слезъ, уговариваній и увѣщаній, а пожалуй и угрозъ, какъ это водилось тогда во всѣхъ общественныхъ слояхъ въ подобныхъ случаяхъ. Что сватовство происходило приблизительно такъ, я заключаю изъ одного шутливаго замѣчанія моей матери, когда она уже была въ преклонномъ возрастѣ. Однажды, ей сообщили, что какая-то дѣвушка изъ нашей родни вышла замужъ за *черезчуръ* молодого человѣка. Мать моя, бывшая всегда большой поборницей браковъ, сказала на это, усмѣхнувшись:

„Ну что-жъ, что молодъ? Развѣ лучше, какъ меня выдавали за старика?“...

Поэтому я полагаю, что обстановка брака моей матери ничѣмъ не отличалась отъ тысячи другихъ подобныхъ. Развѣ въ то время можно было разговаривать въ купеческой средѣ о необходимости сближенія, сердечнаго чувства, привязанности, любви? Конечно нѣтъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ браковъ, которые устраивались старшими, почти помимо воли невѣсты; старшіе не стѣснялись брать на себя всю отвѣтственность за послѣдствія, какъ за счастье, такъ и за бѣдствія, могущія возникнуть. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что переговоры велись черезъ сваху — эту первобытную, милліонъ разъ осмѣянную и все-таки очень живучую форму брачной конторы. Признаться, меня насмѣшки эти всегда приводили въ нѣкоторое недоумѣніе. Я очень хорошо понимаю, что можно смѣяться надъ вульгарнымъ типомъ свахи, то есть надъ глупой, грубой, невѣжественной и алчной бабой, но вѣдь на свѣтѣ не все одни глупые люди живутъ. Бывали

конечно, и умныя свахи, которыя добросовѣстно дѣлали благое дѣло: знакомили между собой подходящія семьи, которыя безъ того никогда-бы не сошлись, ибо не знали-бы, гдѣ найти другъ друга. Особенно въ то время, когда всѣ жили особнякомъ, почти при полномъ отсутствіи общественности. Такія свахи не мало устроили и счастливыхъ союзовъ. Такимъ оказался, по счастію, и второй бракъ моего отца.

При первомъ знакомствѣ отецъ не понравился невѣстѣ. Конечно, тутъ игралъ главную роль возрастъ. Но была и другая важная причина: отецъ явился одѣтымъ не по модѣ, въ брюкахъ, засунутыхъ, по старинному, въ сапоги съ кисточками, а это — о ужасъ! — напоминало молодцевъ изъ Новой линіи. Отцу было передано объ этомъ, и вторично онъ явился въ домъ къ Болдыревымъ уже одѣтымъ по современному: панталоны были выпущены наружу и закрывали сапоги. Такое вниманіе произвело на невѣсту благопріятное впечатлѣніе и она взглянула на жениха другими глазами.

4 ноября 1824 г. происходилъ сговоръ у Болдыревыхъ, 8-го ноября — дѣвичникъ, на который дружка моего отца, братъ его Михаилъ Михайловичъ, привезъ невѣстѣ въ подарокъ богатую шкатулку. 9-го ноября состоялась свадьба*).

Совершенно непонятно, почему не существуетъ портрета моей матери въ молодости. Что отецъ цѣнилъ портретную живопись, доказываютъ портреты его самого и его первой супруги; ясно, что онъ не имѣлъ суевѣрныхъ предразсудковъ противъ изображенія близкихъ лицъ, какъ это бываетъ у иныхъ приверженцевъ старины. Однако онъ не позаботился увѣковѣчить черты своей второй, горячо любимой жены. Имѣются ея портреты только отъ 1850 годовъ и позже, т. е. такою, какою я ее помню — пожилой дамой и старушкой, а потому я упомяну объ нихъ позже.

Была-ли хороша собою моя мать? Припоминая ея дорогія черты, я долженъ дать отрицательный отвѣтъ, но если она не была красавицей, то, должно быть, была очень миловидна въ молодости; ее очень красили ясные сѣрые глаза, въ ко-

*) Обручальныя кольца моихъ родителей перешли въ потомство брата моего Владиміра и хранятся въ настоящее время у сына его Петра Владиміровича. На внутренней ихъ сторонѣ начерчено: „Петръ Аннѣ“ и „Анна Петру“ съ датой 9 ноября 1824 г. Вѣсу въ обоихъ кольцахъ 10 граммъ.

торыхъ свѣтился умъ и жизнерадостное настроеніе. Объ не[й] говорили, — и она сама охотно признавала это, — что характеръ у нея веселый. Не удивительно, что она понравилас[ь] отцу, и съ годами онъ все больше и больше привязывалс[я] къ ней, цѣня въ ней не только физически женщину, н[о] умную и добрую подругу, хорошаго товарища въ жизни. [И] онъ не ошибался.

Анна Сергѣевна принесла отцу въ домъ еще кое чт[о] поцѣннѣе своего небольшого приданаго, то, чего недоставал[о] отцу: извѣстную культуру. Она не знала иностранныхъ языковъ, но ее интересовала русская литература ея времени[,] она сохранила и въ складѣ ума своего вѣяніе Карамзинско[й] эпохи. У нея была склонность ко всему чувствительному [и] сентиментальному, что въ ея письмахъ иногда выступает[ъ] рѣзкимъ контрастомъ среди практически-реальныхъ интересовъ окружающаго міра. Однажды ѣдетъ она помолитьс[я] въ Даниловъ монастырь и находитъ на кладбищѣ могил[у] двухъ супруговъ Лухмановыхъ, которыхъ лично она никогд[а] не знала и которые ей были извѣстны лишь потому, чт[о] были родителями ея невѣстки. Она умиляется и пишетъ отцу: „Какъ мнѣ, другъ мой, понравилось мѣсто, гдѣ положены ея (невѣстки) родители! Ахъ, какъ хорошо! Счастлив[ъ] тотъ, кто заживо приготовитъ себѣ такое мѣстечко! Я не могла утерпѣть, чтобъ не заплакать: такъ стало чувствительн[о] смотрѣть на эти одинокіе два бѣлыхъ столбика!“ (1844 г.) Это совершенно во вкусѣ „бѣдной Лизы“. Но это был[и] именно зачатки той гуманности, которой не доставало въ средней купеческой семьѣ, поглощенной всецѣло матеріальным[и] разсчетами. На характеръ отца, вліяніе матери было громадн[о] и принесло ему немало пользы.

Въ бумагахъ ея сохранилось не мало доказательствъ ея интереса къ русской словесности. Сохранились списки, сдѣланные ея рукой, поэмъ Козлова: „Чернецъ“, „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“ и „Безумная“; Пушкина[:] „Кавказскій плѣнникъ“, „Талисманъ“ (Тамъ гдѣ море вѣчно плещетъ), „Гляжу я безмолвно на черную шаль“, „Ничт[о] не ново подъ луною“; Жуковскаго: „Свѣтлана“. Затѣмъ много рукописныхъ романсовъ и пѣсенъ: „Томлюсь и день и ночь въ печали я моей“, „Оставь меня, враждебный духъ“, „Тщетно ищетъ грусть рѣчей“, „Чернобровый, черноглазый“

„Въ часъ разлуки пастушекъ“, „Ты не повѣришь, какъ ты [м]ила“, „Лучина“, „Я бѣдная пастушка“, „Выду ль я на [р]ѣченьку“, „Злые люди все за страсть меня бранятъ, бѣд[на]го любить, возможно ль, говорятъ“ и т. п. Послѣдній [р]омансъ, быть можетъ, служитъ отголоскомъ нѣжнаго [ч]увства, о которомъ упомянуто выше. Ея же рукою спи[са]нъ прозаическій переводъ романса, приписываемаго импе[ра]трицѣ Жозефинѣ: „Вы меня оставляете, чтобъ достигнуть [с]лавы“ (Vous me quittez pour atteindre la gloire), ода на [ср]ѣтеніе московскими жителями тѣла незабвеннаго монарха Александра I. Интересно, что нѣкоторыя изъ этихъ произве[де]ній списаны рукою отца, доказательство, что молодая [ж]ена успѣла заинтересовать „стишками“ и своего серьезнаго [с]упруга.

Мать моя всегда была очень благочестива. Поэтому послѣ [н]ея осталась еще масса списанныхъ ею молитвъ, проповѣ[де]й, духовныхъ стиховъ и выписокъ изъ духовно-нравствен[ны]хъ книгъ. Нѣкоторыя выписки сдѣланы рукою отца, а [по]зднѣе дѣлались рукою старшаго ея сына Сергѣя, какъ главнаго ея сподвижника по церковнымъ дѣламъ. Попадается, напримѣръ, цѣлый разговоръ изъ книги „Златого бисера, а бисеры трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста“. Правда, культурное значеніе этихъ выписокъ не всегда высокаго достоинства. Вотъ образчикъ изъ упомянутаго разговора: „Вопросъ: Что суть высота небесная, широта земная и глубина морская? — Отвѣтъ: Высота небесная — Отецъ, широта земная — Сынъ, глубина морская — Духъ Святый“. Еще вопросъ: „Кто крестилъ Богородицу? — Отвѣтъ: Верховный апостолъ Павелъ. Еще вопросъ: Чего Богъ не видитъ, а царь видитъ да рѣдко, а Богъ никогда, а мы завсегда? Отвѣтъ: Богъ подобнаго себѣ Бога не видитъ, а царь видитъ царей да рѣдко, а мы подобныхъ себѣ видимъ завсегда, а Богъ никогда и т. п. Тутъ же находимъ и легенду о царѣ Аггеѣ, который за высокомѣріе былъ превращенъ въ нищаго. Въ „Разговорѣ путешественника съ нищимъ“ нищій назидаетъ своего собесѣдника духовно-нравственными разсужденіями на разныя темы. Напримѣръ его спрашиваютъ: Откуда ты? — Отвѣтъ: Иду отъ Бога и къ нему же возвращаюсь. — Вопросъ: Гдѣ же ты нашелъ Бога? — Отвѣтъ: Вездѣ, гдѣ небесныя твари.

Сюда же относятся и духовные стихи. „Читала часто грустью дѣтской сказаніе святое я“ (стихотвореніе о явлен Спасителя ученикамъ на озерѣ Геннисаретскомъ), „На гор горѣ Сіонскія“, „Съ пятницы на субботу жиды Христа ра пинали“, „о раю мой, раю!“ и т. п. Почеркъ этихъ стиховъ самый ранній: видно, что мать моя списывала ихъ еще молодости. Развившись, очень вѣроятно, подъ вліяніемъ м стическаго направленія александровской эпохи, интересъ духовно-нравственнымъ сочиненіямъ существовалъ у нея вс жизнь и съ годами усилился, вытѣснивъ собою почти сове шенно влеченіе къ поэзіи и свѣтской литературѣ.

Мать моя внесла съ собой не только любовь къ литер турѣ, но и къ музыкѣ. Какъ видно, музыкальность бы унаслѣдована ею отъ отца. Этимъ объясняется и музыкальн образованіе, полученное ею, составлявшее довольно рѣдк явленіе въ небогатой купеческой семьѣ 20-хъ годовъ. Она свое время, должно быть, недурно играла на фортепіан Она разсказывала, что страстно любила музыку и, бывал когда они вмѣстѣ съ отцомъ посѣщали оперу, музыка тр гала ее до слезъ. Можно представить себѣ ея горе, ког неумолимый недугъ отнялъ у нея возможность наслаждать міромъ звуковъ.

Въ бумагахъ ея не сохранилось нотъ, а лишь два списк пьесъ, которыя она играла на фортепьяно; одинъ изъ ни сдѣланъ рукою отца. Тутъ есть кадрили, мазурки, казачек барыня, вальсы, экосезы, какая-то матрадура, „гросъ фатръ вальсъ-казакъ, вальсъ Фильда и „краковятка“, кромѣ то около двадцати пяти текстовъ русскихъ пѣсенъ. Въ чис ихъ находятся отрывки изъ „Аскольдовой Могилы“: „У какъ вѣетъ вѣтерокъ“, „Близко города Славянска“, а так „Соловей“.

Замѣчательно, что, потерявши почти совсѣмъ слухъ е въ 1830-хъ годахъ, мать моя до 60-хъ годовъ доволь вѣрно наигрывала на рояли кое-какія незамысловатыя вещ Помню нѣсколькихъ русскихъ пѣсенъ и первые два колѣн „Marche turque“ Моцарта. При этомъ она имѣла привыч подпѣвать себѣ вполголоса; конечно, не будучи въ состоян слышать себя и соразмѣрять силу голоса, она пѣла нес всѣмъ въ тонъ, и по временамъ либо выкрикивала черезчур громко, либо переходила въ черезчуръ тонкіе звуки. Я всег

спытывалъ при этомъ чувство безконечной жалости къ ней старался приласкаться... Да, черной полосой черезъ всю изнь моей матери прошла ея глухота. Она отравила ей все ществованіе, обрекши на почти полное отчужденіе отъ щества ее, жизнерадостную, общительную и очень музы-льную. Это былъ тяжелый крестъ, который ей пришлось ести, и потому немудрено, что она горько жаловалась вре-енами на свою судьбу.

„Цѣлыхъ три года у меня не было дѣтей“, разсказывала нѣ она. „Въ октябрѣ 1827 г. наконецъ родилась дочь Ели-авета, болѣзненная, съ опухолью и болячками на головкѣ. на умерла девяти мѣсяцевъ. Но еще раньше ея рожденія стала страдать шумомъ въ ушахъ. Домашнимъ докторомъ папеньки былъ тогда Рожали изъ Маріинской больницы. огда я къ нему обратилась, онъ отнесся къ моей болѣзни очень внимательно, говоря, что это пустяки, что у всѣхъ это ываетъ сто разъ и проходитъ. Я вѣрила ему и надѣялась. днако мнѣ лучше не становилось, а хуже. Шумъ не только е исчезалъ, а сталъ временами переходить въ глухоту. Я чень грустила, и Петръ Михайловичъ безпокоился. Конечно, стала лѣчиться, но толку не было. Глухота моя вначалѣ риходила припадками: сижу, напримѣръ, и все слышу и твѣтъ даю, а потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего за-ожитъ уши: гляжу я на людей, вижу, что они говорятъ, ничего не понимаю. Какъ меня это стѣсняло, ты себѣ редставить не можешь. Одинъ разъ былъ такой случай. ріѣхали гости; я съ папенькой сидѣла съ ними въ гости-ой и занимала ихъ. Вначалѣ все шло хорошо. Вдругъ на-ала на меня глухота: сижу и ничего не слышу. Стало мнѣ еловко и стыдно, хоть сквозь землю провалиться, потому то въ то время я этотъ мой недостатокъ скрывала отъ юдей: не хотѣлось сознаваться, что такая молодая, а глухой тановлюсь. Но мнѣ понадобилось высморкаться, и вотъ разу слухъ ко мнѣ вернулся. Ужъ какъ я была рада, что икто не замѣтилъ. Да вотъ еще: всѣ мои недуги пропа-али, когда я была беременна. Я становилась покойнѣе и еселѣе. Много докторовъ меня лѣчили, между прочимъ Маркусъ, лейбъ-медикъ, и все безъ всякаго успѣха, а про Маркуса даже говорили, что отъ его невѣрнаго лѣченія я слухъ-то совсѣмъ потеряла“.

Братъ мой Владиміръ, родившійся въ 1832 г., утверждалъ, что онъ не помнитъ мою мать иначе, какъ глухой. Съ другой стороны, говорили, будто она окончательно лишилась слуха послѣ моего рожденія, то есть около 1845 года. Мнѣ смутно припоминается, что когда я былъ ребенкомъ, она еще слышала праздничный звонъ изъ большого колокола нашей церкви, которая была очень близко отъ дома, и пушечные выстрѣлы, доносившіеся изъ Кремля въ царскіе дни при открытыхъ окнахъ, но впослѣдствіи глухота ея стала полной. Мнѣ всю жизнь приходилось объясняться съ нею либо посредствомъ аспидной доски, либо жестами и выразительнымъ шопотомъ, который она понимала иногда превосходно.

Несмотря на цѣлый рядъ безплодныхъ попытокъ, она долго не теряла надежды. Когда врачебная помощь оказалась несостоятельной, она обратилась къ святой водѣ и освященному елею отъ разныхъ угодниковъ и иконъ, а также къ случайнымъ совѣтамъ разныхъ доброжелателей. Было время, что она носила въ ушахъ по кусочку магнита, обернутому въ корпію, пускала въ уши миндальное масло и т. д. Пользы никакой отъ этого не вышло.

VI.

Бабушка Авдотья Петровна. — Дядья мои съ отцовской стороны.

Кромѣ того, что разсказано выше, мнѣ ничего не извѣстно про мать моего отца Авдотью Петровну. Небольшія указанія на отношеніе къ ней Петра Михайловича заключаются въ трехъ записочкахъ его, писанныхъ наскоро изъ города моей матери.

1) „Милая Аннушка, моя маменька Авдотья Петровна ночью сдѣлалась больна очень. Пріѣзжай послѣ обѣда пораньше и привези съ собою стклянку одеколона. У нея его нѣтъ. П. В. 11 апрѣля 1825 г.“

2) „Анна Сергѣевна, миленькая, мой другъ, поѣзжайте уже въ 5 час. къ маменькѣ, а я къ вамъ буду въ 7 и 8 часу и пройдемъ садомъ пѣшкомъ, а можетъ и набережною. А о крючкахъ, милая Анюта, поговоримъ ужо вечеромъ. Вашъ вѣрный другъ П. В. 16 апрѣля 1825 *)“.

3) „Миленькая Аннушка моя, другъ сердцу моему, пріѣзжай обѣдать прямо къ маменькѣ, а я буду изъ лавки Т. В. Д. и С. П. В. 8 ноября 1825“.

Бабушка Авдотья Петровна вскорѣ послѣ этого и скончалась 14 марта 1826 г.

Про старшаго моего дядю *Степана Михайловича* почти ничего неизвѣстно. Говорятъ, онъ былъ недалекъ, уже пожилымъ женился на своей кухаркѣ и дѣтей не имѣлъ. Отношенія его съ моимъ отцомъ не были близкими. На это указываетъ, что въ шестилѣтній срокъ отецъ въ письмахъ своихъ вспомнилъ объ немъ только одинъ разъ, по поводу его именинъ 2 августа 1830 г. Степанъ Михайловичъ въ этомъ же году осенью и скончался, 55-ти лѣтъ отъ роду.

Гораздо интереснѣе былъ младшій братъ моего отца *Михаилъ Михайловичъ*. И объ немъ свѣдѣнія очень скудны и скорѣе такого рода, что способны возбудить, а не удовлетворить любопытство. То, что извѣстно, указываетъ, что Михаилъ Михайловичъ былъ натура самостоятельная и оригинальная, ни въ чемъ не похожая на отца. Отецъ былъ человѣкъ труда и дѣла, степенный и богомольный, и выше всего на свѣтѣ любилъ свою семью. Его мало интересовала чужая жизнь, и къ окружающему міру онъ относился недовѣрчиво, значенія культуры не понималъ. А Михаилъ Михайловичъ понималъ, что, помимо мелкихъ личныхъ и матеріальныхъ интересовъ, есть широкій Божій міръ, въ которомъ кроется безконечный источникъ познаній и наслажденія, бьетъ ключемъ жизнь, волнуются могучія страсти, вѣетъ духъ свободы. Правда, подготовленъ онъ былъ къ пониманію мало, чуялъ только инстинктомъ, что жизнь должна протекать широкой рѣкой, а не стоять болотомъ, и свое независимое отношеніе

*) Вторая записка служитъ подтвержденіемъ словъ моей матери, что Авдотья Петровна жила въ одномъ домѣ съ сыномъ своимъ Михаиломъ Михайловичемъ, въ Черкасскомъ пер. (См. Примѣч. на стран. 58). Отсюд. дѣйствительно можно итти на Якиманку и Александровскимъ садомъ и набережной. Въ томъ-же „Указателѣ жилищъ и зданій въ Москвѣ 1826 г.“ значится мѣщанка Авдотья Вешнякова владѣлицей дома въ Хамовнич. ч., № 206. Если это былъ домъ бабушки, то она, значитъ, въ своемъ домѣ не жила, ибо по дорогѣ съ Якиманки въ Хамовники никогда не было ни сада, ни порядочной набережной.

къ жизни проявлялъ въ обычныхъ формахъ русской безшабашности, но уже одно то, что онъ чуялъ жизнь и ея благо, ставило его особнякомъ. Это была совершенно другая натура, чѣмъ отецъ, и, конечно, они никогда не могли понимать другъ друга.

Судя по тому, что Михаилъ Михайловичъ 22-лѣтнимъ юношей попалъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ семьей Алексѣевыхъ въ Муромъ слѣдуетъ думать, что отецъ мой пробовалъ его пристроить у Алексѣевыхъ. Мы видѣли, что изъ Мурома его посылали развѣдчикомъ въ Москву, чтобы узнать о положеніи дѣлъ. Долго ли онъ пробылъ у Алексѣевыхъ — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ прочныхъ связей съ ними у него не установилось.

„Михаилъ Михайловичъ чѣмъ-то торговалъ“, разсказывала моя мать, „даже имѣлъ обширныя дѣла, много приказчиковъ, но жизнь велъ разгульную, много пилъ и съ азартомъ игралъ въ карты. Когда бывалъ пьянъ, то дѣлался буяномъ. Ходили слухи, что онъ живетъ съ чьей-то мужней женой, на которую тратитъ большія деньги, и что онъ — франмасонъ. Насколько все это справедливо, я рѣшать не берусь. Но папенька вашъ, конечно, не сходился по характеру съ нимъ: папенька терпѣть не могъ разгула, пилъ за обѣдомъ только по рюмкѣ санторинскаго или мадеры, въ карты не игралъ, табакъ давно пересталъ курить и во всѣхъ своихъ дѣлахъ любилъ порядокъ. Михаилъ Михайловичъ жилъ вмѣстѣ съ моей свекровью Авдотьей Петровной въ одномъ домѣ: она занимала верхъ, а онъ — низъ. Когда я, бывало, ѣзжу къ свекрови съ визитами, то прохожу прямо наверхъ, а внизъ никогда не захожу къ деверю: это было неугодно папенькѣ. А Михаилъ Михайловичъ меня любилъ и припоминалъ, что знавалъ меня еще раньше папеньки, когда я дѣвочкой въ зеленомъ салопѣ хаживала въ нашъ приходъ Козьмы и Демьяна на Ильинкѣ. Михаилъ Михайловичъ квартировалъ гдѣ-то поблизости*). Бывало, деверь всегда зоветъ насъ къ себѣ на именины и угощаетъ на славу. Петру Михайловичу эти посѣщенія были не по душѣ, но дѣлать было нечего: неловко было не ѣхать и обижать брата. Помню одинъ разъ былъ такой случай. Деверь на именинахъ выдумалъ, чтобы каждый

*) Онъ жилъ еще въ 1826 г., въ Черкасскомъ переулкѣ.

Фотот. П. Павлова.

3.

Вѣра Михайловна Алексѣева.

гость непремѣнно выпилъ по цѣлому бокалу шампанскаго. Я боялась головной боли и отказалась. Онъ на меня разсердился и долго не могъ мнѣ этого простить. Впослѣдствіи Михаилъ Михайловичъ служилъ гдѣ-то въ „опасномъ мѣстѣ“, какъ говорили, по причинѣ какихъ-то запутанныхъ дѣлъ. Поэтому, когда онъ умеръ холостымъ, папенька долго не рѣшался принимать его наслѣдство, опасаясь отвѣтственности и долговъ. Но папеньку чуть не силой заставили взять имущество на сохраненіе, потому что дѣвать было некуда“.

При отсутствіи всякой сердечности между обоими братьями трудно допустить, чтобы они переписывались. Въ письмахъ своихъ къ женѣ, отецъ, щедрый на поклоны, *никогда* не проситъ кланяться брату. Это умолчаніе очень знаменательно. Если и есть указанія на переписку съ Михаиломъ Михайловичемъ, то только на дѣловую. Въ 1827 г. дядю обокрали, о чемъ онъ увѣдомилъ отца въ Нижнемъ. Отецъ интересуется узнать, гдѣ это произошло, на старой или на новой квартирѣ. Слѣдуетъ думать, что со старой квартиры въ Черкасскомъ переулкѣ, въ д. Прокофьева, онъ куда-то переѣхалъ по смерти матери Авдотьи Петровны.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Михаила Михайловичъ намѣревался продать или подарить брату рояль. Изъ тѣхъ выраженій, въ которыхъ отецъ говоритъ объ этомъ незначительномъ предметѣ, видно однако, какъ холодно и недовѣрчиво было его отошеніе къ брату.

„Насчетъ брата и фортепьянъ“, пишетъ отецъ, „то ты пошли Василья спросить его, когда онъ прикажетъ прислать за ними... да пожалуйста безъ меня дѣло сіе приведи къ концу“. „Братъ пишетъ о рояли. Онъ вамъ говорилъ прислать, но лучше всего пусть онъ пришлетъ, то прими ихъ“. „Насчетъ рояли братъ пишетъ, что ты взяла ихъ, но ѣхать благодарить — не знаю, ибо я хочу заплатить деньги, а когда ихъ не возьметъ, тогда кажется пристойнѣе. Ибо онъ мнѣ сколько разъ говорилъ, что хочетъ поставить ихъ у меня, а чтобы подарить — того я не слыхалъ... Про деньги лично поговорю. Онъ хочетъ тебя навѣстить какъ будетъ лучше (значитъ Мих. Мих. уже хворалъ въ это время), а твое посѣщеніе брата съ Надюшею оставляю на твое благоусмотрѣніе“.

Это было въ срединѣ августа 1830 г., а 8-го ноября Михаила Михайловича не стало. Онъ умеръ сравнительно

молодымъ, всего 42 лѣтъ отъ роду. Похороненъ онъ, какъ и Степанъ Михайловичъ, въ Симоновомъ монастырѣ. Очень жалко, что послѣ него не осталось ни одного письма, чтобъ судить объ немъ изъ прямого источника. Думается, что это была несовсѣмъ заурядная личность.

Братъ мой Михаилъ Петровичъ, родившійся уже послѣ смерти дяди, передавалъ изъ того, что̀ объ немъ слыхалъ, слѣдующее:

„Михаилъ Михайловичъ былъ рыжій. Онъ до извѣстной степени образовалъ самъ себя и былъ для своего времени esprit fort. Торговалъ онъ старинными художественными вещами, былъ антикваріемъ, въ родѣ Гаврилы Григорьевича Волкова, и на этомъ и деньги нажилъ. Большая часть художественныхъ вещей, оставшися намъ послѣ папеньки, навѣрное происходятъ изъ его наслѣдства. Отецъ его не любилъ, но маменька была съ нимъ въ ладахъ. Онъ никогда не былъ женатъ и жилъ съ какой-то не то замужней женой, не то цыганкой; былъ viveur, libre penseur (!) и масонъ. Послѣ него осталось много книгъ, большую часть которыхъ отецъ приказалъ сжечь. Вѣдь отецъ былъ благочестивый и богомольный въ старомъ духѣ!... Я до сихъ помню и печку, въ которой при мнѣ производилось это аутодафе, помню и недоумѣніе, которое по этому поводу овладѣло моимъ дѣтскимъ умомъ. У меня, должно быть, уже тогда въ крови была любовь къ книгамъ, и мнѣ ихъ было жалко. Долго у меня сохранялась одна изъ немногихъ книгъ, которыя отецъ пощадилъ: старинная латинская библія съ надписью рукою дяди на заглавномъ листѣ: Michael Vischniakovius. Кромѣ книгъ послѣ дяди осталось и денегъ что-то тысячъ около тридцати, и изъ-за нихъ, помнится, у отца была непріятность съ Вѣрой Михайловной Алексѣевой, которая требовала своей части“.

Братъ Владиміръ вспоминалъ слѣдующее:

„Когда умеръ дядя Михайла Михайловичъ, отецъ долго колебался, принимать ли его наслѣдство или отказаться: говорили, что дѣла дяди были запутаны, и можно было опасаться, что долги его не покроются наличностью. Однако въ концѣ концовъ наслѣдство было принято, и дѣло обошлось благополучно. Я припоминаю, какъ къ намъ въ домъ перевозили изъ Опекунскаго Совѣта серебро Михаила Михайловича. У насъ въ домѣ былъ и портретъ его, а также портретъ Семена Алексѣевича и Вѣры Михайловны Алексѣевыхъ. Куда все это дѣвалось, Богъ вѣсть!“

На одномъ старинномъ счетѣ*), писанномъ рукою отца, я нашелъ отмѣтку: „Получено наслѣдство отъ брата Михаила Михайловича 25376 руб.“. Этимъ разрѣшаются всѣ сомнѣнія.

Михаилъ Михайловичъ не былъ личностью неизвѣстною въ Москвѣ. Въ 1824 г., въ декабрѣ, онъ выбирался купечествомъ въ 3-й департаментъ магистрата и, получивъ 118 шаровъ бѣлыхъ противъ 47 черныхъ, занялъ мѣсто 5-го кандидата. Въ 1826 г. 3 сентября, по случаю коронаціи, купечество устроило обѣденный столъ, который Государь намѣревался удостоить своимъ присутствіемъ. Для бытія за столомъ выбрано было изъ купечества 40 почетныхъ лицъ и въ ихъ числѣ Михаилъ Михайловичъ. Въ 1827 г. октября 20 происходили выборы повѣренныхъ отъ купечества въ домъ Градскаго Общества на новое трехлѣтіе, начиная съ 1828 г., и въ числѣ повѣренныхъ по 3-й гильдіи находился Михаилъ Михайловичъ, получившій 44 бѣлыхъ шара противъ 17 черныхъ. Изъ этой справки, а также и другихъ, мною наведенныхъ, не видно, чтобъ Михаилъ Михайловичъ служилъ въ какомъ-либо „опасномъ мѣстѣ“ и, вѣроятно, въ этомъ отношеніи мать моя ошибалась.

VII.

Переписка моихъ родителей.

Личныя воспоминанія о моемъ отцѣ со стороны его семейства относятся главнымъ образомъ къ послѣднимъ годамъ его жизни и изображаютъ его такимъ, какимъ онъ былъ на склонѣ дней, постарѣвшимъ, полубольнымъ. Въ это время уже онъ былъ не тотъ, что въ болѣе ранніе годы. Объ этой ранней порѣ его сохранилось мало воспоминаній, но зато драгоцѣнный матеріалъ въ видѣ его писемъ къ моей матери за все время ихъ совмѣстной жизни съ 1825 по 1846 годъ. Особенно интересны годы 1838—1846, отъ

*) Изъ бумагъ А. С. Вишнякова.

которыхъ сохранились и отвѣтныя письма моей матери, дающія возможность прослѣдить шагъ за шагомъ ихъ интимныя бесѣды и взаимныя отношенія*). Правда, эти письма писаны почти исключительно только съ Нижегородской ярмарки, которую отецъ посѣщалъ аккуратно каждый годъ, а слѣдовательно охватываютъ ежегодно одинъ и тотъ же періодъ времени, посвященный исключительно дѣловымъ интересамъ, однако при простотѣ тогдашняго семейнаго строя и немногосложности общественныхъ отношеній, отецъ высказался въ этихъ письмахъ настолько, насколько вообще позволяли ему его убѣжденія и взгляды. Кромѣ того сохранились и письма младшихъ членовъ нашей семьи къ моей матери, служащія въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополненіемъ корреспонденціи ея съ отцомъ.

Общія черты писемъ отца заключаются въ слѣдующемъ. Онѣ писаны обыкновенно на четверткѣ старинной плотной бѣлой или синей бумаги большого формата и никогда не содержатъ болѣе одной страницы. На обратной сторонѣ — адресъ. Первые три года письма присылаются часто на имя старшаго приказчика: „Въ Золотокружевномъ ряду, господину Василью Ивановичу Епанешникову, для передачи А. С. В — ой“. Иныя письма идутъ чрезъ Петра и Владиміра Семеновичей Алексѣевыхъ „въ домѣ, бывшемъ Жигарева“. Иногда отецъ пишетъ на свое собственное имя, или прямо: „Любезнѣйшему моему другу А. С. В.“, „Госпожѣ А. С. В., Московской первой гильдіи купецкой женѣ, въ Москвѣ. Почтенно“. Изъ такихъ адресовъ видно, что письма шли чрезъ руки знакомыхъ. Письма всегда запечатываются краснымъ сургучемъ. На самой старой изъ печатей, круглой, изображенъ вензель ПАВ съ летящей надъ нимъ птицей; вокругъ девизъ: „подвизаюсь правдою путемъ“. На другой печати въ овалѣ изображена стоящая женская фигура, облокотившаяся на якорь и взирающая на пальму, которая отчасти прикрываетъ ее сверху своей вѣткой; на пальмѣ повѣшенъ круглый щитъ съ надписью: Петръ Вишняковъ.

*) Эта переписка по моей просьбѣ была подарена мнѣ моей матерью года за четыре до ея кончины. Никогда не забуду печальную улыбку, съ которой она мнѣ сказала: „Возьми, пожалуй. Только не знаю, что тебѣ тутъ интереснаго. Все это такъ давно... прошло“.

Въ тридцатыхъ годахъ появляется еще печать съ буквами PMW — первый слѣдъ иностраннаго вліянія. Почтовый штемпель почти всегда неразборчивъ: очевидно, гг. почтовые чиновники считали его лишь за пустую и совершенно лишнюю формальность. На одномъ письмѣ удалось прочесть: „Ниж*ней*-Новгородъ“ — доказательство, что избыткомъ грамотности не страдало и само почтовое вѣдомство. Многія письма совсѣмъ безъ штемпеля: очевидно, онѣ присланы чрезъ знакомыхъ или низшихъ служащихъ. На послѣднее указываютъ помѣты отца: „подателю гривенникъ“, „подателю дать двугривенный“.

Почеркъ отца — бойкій, твердый, хотя со стариннымъ очертаніемъ нѣкоторыхъ буквъ *(ж, я)*, указываетъ, что отцу не мало пришлось писать въ жизни. Вообще говоря, почеркъ его читается свободно, но въ немъ есть недочеты, напримѣръ, одинаковость очертаній буквъ *а* и *и*. Самъ отецъ, кажется, былъ убѣжденъ, что пишетъ красиво. Онъ очень цѣнилъ каллиграфію, конечно, со стороны ея необходимости въ дѣловой корреспонденціи, и за плохое писаніе по временамъ доставалось отъ него и женѣ и дѣтямъ. „Довольно ты мнѣ настрочила: цѣлый листъ исписала, а ошибокъ множество“ (1834). Упреки по адресу моей матери едва ли были основательны: она всегда писала очень разборчиво, хотя почеркъ ея былъ болѣе дѣтскій, неустановившійся, и указывалъ на недостаточную практику. Иногда, впрочемъ, онъ ее и хвалилъ: „Какъ видится, ты, милашка, писать старалась: написано чистенько“ (1831). У отца самого много орѳографическихъ ошибокъ; въ этомъ отношеніи письма моей матери гораздо удовлетворительнѣе. Формы возвратнаго залога были отцу непонятны и онъ писалъ: „управитца“, „продолжаетца“. Буква *ѣ* въ рѣдкихъ случаяхъ поставлена у мѣста. Причину другихъ ошибокъ трудно и объяснить. Такъ онъ пишетъ нерѣдко: „нащимъ“ вм. „нашимъ“, „совершенный“ вм. „совершенный“, „Сенюшта“ вм. „Сенюшка“, „жеребеночта“ вм. „жеребеночка“. О знакахъ препинанія отецъ не имѣлъ правильнаго понятія.

При началѣ письма отецъ почти всегда ставитъ крестъ въ знакъ того, что пишетъ, испрашивая Божьяго благословенія. Затѣмъ слѣдуетъ: „Макарьевская ярмарка“, число и годъ. Усвоивъ себѣ дѣловой тонъ, отецъ переноситъ его и

въ свою интимную корреспонденцію и нерѣдко начинаетъ ее стереотипной фразой: „Письмо твое получилъ и содержаніе онаго видѣлъ". Такъ какъ существенную часть писемъ образуютъ нѣжныя и дружескія обращенія къ женѣ, поздравленія съ праздниками или домашними торжествами — рожденіями и именинами, а также мелочныя хозяйственныя распоряженія, и все это повторяется изъ году въ годъ, то печатаніе корреспонденціи отца сполна не можетъ представлять интереса. Тѣмъ не менѣе, просматривая длинный рядъ писемъ его за 22 года, эти пожелтѣвшіе листы, пропитанные запахомъ стараго комода, нельзя не прійти къ заключенію, что въ нихъ много такого, что̀ проливаетъ большой свѣтъ на его личность и служитъ къ ознакомленію съ нею въ томъ видѣ, какова она была въ болѣе молодые годы. Отецъ былъ, правда, мало образованъ, но онъ былъ, несомнѣнно, очень уменъ; кромѣ того, это былъ не только хорошій рядскій купецъ, но и человѣкъ съ любящей душой и теплымъ сердцемъ. Для подтвержденія этого отдѣльныя мѣста его корреспонденціи даютъ цѣнный матеріалъ. Но прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ отца по его письмамъ, необходимо познакомиться, на основаніи ихъ же, съ тѣмъ, какое значеніе имѣла вообще Макарьевская ярмарка для нашего семейства.

VII.

Макарьевская ярмарка по письмамъ отца.

Нижегородская или, какъ ее по старой привычкѣ тогда называли: Макарьевская ярмарка, была капитальнымъ событіемъ года*). Отецъ никогда не пропускалъ ее, когда былъ въ силахъ. Съ ней соединены были не только торговые, но и хозяйственные интересы: на ярмаркѣ закупалась масса предметовъ нужныхъ для дома, а также и предметовъ роскоши. Кажется, не было такого хозяйственнаго продукта, котораго не покупали бы на ярмаркѣ. Теперь невольно спрашиваешь себя: да неужели покупать тамъ было выгоднѣе

*) Первоначально ярмарка была въ г. Макарьевѣ, но послѣ пожара 1816 г., уничтожившаго ярмарочныя постройки, была переведена въ Нижній.

чѣмъ въ Москвѣ, да еще съ провозомъ? Въ Нижнемъ закупалось мыло, сухіе грибы, сапожки дѣтямъ, чай цыбиками, кружева, полотна, платки, матеріи для платьевъ, икра, балыки, ведра, ковши, полотенца, клей, нитяные чулки, воротнички, ящикъ съ музыкой, фуляровые и креповые платки, чайники, варенье цареградское, дорогія шали и т. п. Эта закупка такъ вошла въ обычай, что уже покупалось нужное и ненужное, безъ разбора — и это при извѣстной разсчетливости отца. Мать моя не разъ въ своихъ письмахъ протестуетъ противъ закупокъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ потребленію. „Да пожалуйста для меня не покупай ничего лишняго и не трать попусту деньги. У меня всего много, а если бы что и понадобилось, такъ всегда можно все имѣть по желанію въ Москвѣ" (1842 г.). Напрасно! Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ своихъ писемъ отецъ увѣдомляетъ: „покупокъ сдѣлалъ много, что̀ надо и что̀ не надо купилъ, а бранить меня не надо" (1846 г.). По словамъ моей матери, послѣ смерти отца кладовыя были наполнены вещами, закупленными въ Нижнемъ, не находившими себѣ употребленія.

Мнѣ думается, что съ ежегодной поѣздкой въ Нижній соединены были не одни матеріальные интересы. Поѣздка эта являлась полезнымъ отвлеченіемъ отъ однообразія московской жизни; приводя въ соприкосновеніе людей различныхъ національностей, вѣрованій и обычаевъ, она вводила оживленіе въ ихъ существованіе, освѣжала ихъ, предохраняла отъ отупѣнія при наличности обычнаго односторонняго труда. Правда, сами заинтересованныя лица этого не сознавали и смотрѣли на путешествіе какъ на большую, хотя неизбѣжную непріятность. Мать моя писала въ 1840 г.: „вотъ уже 10 дней, какъ мы разлучены и ничего не знаемъ. Надо на ярмонку ѣздить деревянному и оставаться также деревяннымъ, иначе нельзя. Для чувствительнаго человѣка это невыносимо, какъ тяжело". И отецъ неоднократно въ письмахъ съ ярмарки твердитъ, что, если бъ не дѣла, онъ немедленно „полетѣлъ бы въ Москву".

Кажется, нѣкоторые купцы, уѣзжавшіе на Макарьевскую ярмарку, запирали совсѣмъ на это время свои лавки въ Москвѣ. На это указываетъ замѣтка матери: „вчера отъ лавки брали у меня ключъ: вы что ли приказывали тамъ

что-то красить. Я отпускала Володю съ Акимомъ" (1843). Въ то время съѣздить за 400 верстъ не было такъ просто и легко, какъ теперь: цѣлыя недѣли уходили на сборы. Надо было обо всемъ заранѣе позаботиться. Впередъ посылался отдѣльнымъ обозомъ товаръ подъ надзоромъ надежнаго приказчика, при чемъ требовался разсчетъ времени, чтобъ товаръ пришелъ на ярмарку не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно по отношенію ко дню пріѣзда хозяевъ. Для этого надо было принимать во вниманіе не одно разстояніе, но и погоду, отъ которой зависѣло состояніе дороги. О шоссе въ то время еще не было понятія, а плелись дорогами грунтовыми, существовавшими споконъ вѣку въ томъ видѣ, какъ ихъ сотворилъ Господь. Надо было потому позаботиться и о своемъ экипажѣ, который долженъ былъ выдержать путь въ оба конца, быть прочнымъ, удобнымъ и укладистымъ для багажа. Это была кибитка или повозка. Такъ назывался вмѣстительный ковчегъ, въ которомъ надо было ѣхать лежа. Это подтверждаетъ отецъ въ повѣствованіи о путешествіи 1827 г. Ѣхалъ онъ въ этотъ разъ вдвоемъ съ Александромъ Сергѣевичемъ Болдыревымъ. Погода была ненастная и холодная, такъ что отецъ не выходилъ изъ ватнаго сюртука и тулупа. „Во всю ночь ѣхали, не открывая кибитки", пишетъ онъ: „дождь безпрестанно. Товарищи къ намъ какіе-то пристали евреи и другая братья, Шишовы старшіе, слѣдовательно мы ѣдемъ четырьмя тройками, благодареніе Всевышнему, благополучно. *А лежать въ кибиткѣ и не показать носу наружу, и не видать свѣту* — весьма скучно". Я припоминаю изъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній, что таковъ былъ и тарантасъ, въ которомъ ѣздили на ярмарку мои старшіе братья. Внутренность представляла сплошной кожаный матрацъ, на которомъ можно было отлично вытянуться во весь ростъ, что составляло большое удобство для ночи, давая возможность спать, не прерывая ѣзды, но за то позволяло ѣхать только лежа или сидя по-турецки, поджавши ноги. Жалобу отца на лишеніе свѣта надо понимать буквально: въ тарантасѣ передняя и задняя стѣнки были глухія, только съ боковъ было два окна безъ стекольныхъ рамъ, которыя завѣшивались кожаными занавѣсками. Если шелъ дождь и занавѣски были спущены, то внутри тарантаса наступала почти полная темнота.

Помимо качества экипажа слѣдовало еще во время позаботиться о попутчикахъ; одному ѣхать было жутко: по дорогѣ „пошаливали". Въ 1838 г. мать моя, безпокоясь, пишетъ: „Слышно, что есть непріятности по дорогѣ, когда ѣдутъ одиноко; и съ ними*) что-то было немного. Я вамъ, мой другъ, не совѣтую ѣхать безъ товарищей: все лучше осторожнѣе быть. Я ужъ эти анекдоты не одинъ разъ слышала. Говорятъ, что и солдатъ бѣглыхъ много"... Въ отвѣтъ отецъ успокоиваетъ ее: „а я, другъ мой, никогда не ѣздилъ одной тройкой, а все съ товарищами". Въ 1841 г. у нашего обоза съ товаромъ при возвращеніи съ ярмарки былъ незамѣтно подрѣзанъ коробъ, но злоумышленникамъ не удалось ничѣмъ поживиться, хотя грозившую бѣду замѣтили только въ Москвѣ. Отцу случалось выѣзжать и одному — въ 1841 г., напримѣръ, онъ большую часть пути проѣхалъ одной повозкой, — однако это явно дѣлалось съ разсчетомъ найти попутчиковъ дорогою. Это было легко, потому что во время ярмарки дорога между Москвою и Нижнимъ всегда была очень оживлена. На станціяхъ купцы съѣзжались, „приставали" другъ къ другу и потомъ продолжали путь уже вмѣстѣ. Общій страхъ сближалъ и незнакомыхъ. Отецъ въ письмахъ всегда отмѣчаетъ эти случайныя встрѣчи, очевидно довольный. „Ѣхали мы", пишетъ онъ въ 1826 г., „четырьмя повозками, Карпъ Ильичъ съ нами двумя экипажами". „Товарищи къ намъ еще пристали: Колокольниковъ, Хлѣбниковъ и Поляковъ" (1832 г.). „Ѣхали больше одною повозкою, а подъ конецъ и семью повозками благополучно" (1841 г.).

Вначалѣ отецъ уѣзжалъ на ярмарку очень рано: въ 1825 году онъ выѣхалъ 17 іюля. Съ теченіемъ времени онъ сталъ выѣзжать на недѣлю позже, а подъ конецъ жизни, когда подросли старшіе сыновья, и того позже: только въ августѣ. Это, повидимому, состояло въ связи съ общей тенденціей въ купечествѣ. „Я скучаю сидѣть безъ дѣла", писалъ Петръ Михайловичъ 29 іюля 1841 г. „Товару много, а не пишутъ, да и пріѣзжающихъ мало. *Нынче поздно пріѣзжаютъ годъ отъ году*". Запаздыванье могло также зависѣть отъ его пошатнувшагося здоровья; однако еще въ

*) Протопоповыми.

1846 г., уже послѣ постигшаго его удара, хоть и послѣ Успеньева дня, онъ все-таки выѣзжалъ на ярмарку недѣли на полторы. Это была и послѣдняя его поѣздка.

Въ Нижній ѣздили двумя дорогами: по Владимиркѣ и по Стромынкѣ, такъ названной по имени села Стромыни на границѣ Московской и Владимірской губерній. Ѣздили на перекладныхъ. Съ первой же станціи отецъ посылалъ первое о себѣ увѣдомленіе съ обратнымъ ямщикомъ или почтальономъ. Оно состояло изъ коротенькой записочки, содержавшей, кромѣ нѣжнаго прощанья съ женой, лишь сообщеніе, какова погода и дорога, и просьбу писать на ярмарку. Никогда отецъ не забудетъ упомянуть о дѣтяхъ, то въ шутливомъ, то въ строгомъ тонѣ, судя по настроенію. Въ припискѣ указывается выдать подателю за доставку 15—20 коп. на чай. Нерѣдко эти записки измяты и запачканы настолько, что свидѣтельствуютъ безошибочно о своемъ пребываніи въ ямщичьихъ карманахъ или голенищахъ. Въ теченіе 15 лѣтъ отецъ ѣздилъ 6 разъ по Владимиркѣ и 9 по Стромынкѣ. Выборъ дороги, вѣроятно, обусловливался свѣдѣніями о состояніи пути въ зависимости отъ погоды. Если ѣхали по Владимиркѣ, то записка посылалась съ первой станціи Купавна, либо со второй Буньково въ 30 верстахъ отъ Москвы. Однажды отецъ послалъ первое письмо со станціи болѣе отдаленной, изъ деревни Лапны или Липны за 120 верстъ отъ Москвы. Владимирка шла на Богородскъ и Покровъ; общее направленіе ея было восточное. Если путь шелъ на Стромынь, то первое письмо присылалось изъ села Филипповскаго, Покровскаго уѣзда, верстахъ въ 70 отъ Москвы на сѣверо-востокъ. Дальше путь шелъ на Киржачъ, Юрьевъ и на Гаврилову слободу (посадъ), затѣмъ, мимо Золотниковской пустыни, чрезъ такъ называемые Бутурлинскіе лѣса, на Лежнево и на Шую.

Мнѣ нѣсколько знакомы Бутурлинскіе лѣса.

Въ 1876 году я гостилъ у моего тестя Василія Степановича Каретникова въ селѣ Тейковѣ, Шуйскаго уѣзда. Однажды мы отправились съ нимъ прокатиться верстъ за 15 на такъ называемое Рубское озеро. Былъ чудесный лѣтній день. Покачиваясь въ тарантасѣ подъ однообразный звонъ

бубенчиковъ, мы завели разговоръ про времена давно прошедшія, до чего Василій Степановичъ былъ большой охотникъ. Я разсказывалъ ему про моего отца; онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до озера, онъ вдругъ приказалъ кучеру свернуть на „Паниху" и сказалъ мнѣ:

— „Панихой называется часть старыхъ Бутурлинскихъ лѣсовъ, въ которыхъ охотилась еще императрица Елисавета Петровна. Такихъ лѣсовъ теперь немного осталось не только здѣсь, но и вообще-то въ Россіи. Вамъ любопытно будетъ взглянуть".

Довольно дурной колеистой дорогой мы проѣхали нѣсколько верстъ среди мелколѣсья и постепенно вдались въ величественный проспектъ среди дремучаго вѣкового бора. Словно колонны огромнаго собора уходили въ высь стройные стволы двухсотлѣтнихъ сосенъ, теряясь верхушками въ небѣ. Таинственная лѣсная глушь манила глазъ безконечными перспективами. Я безмолвно любовался этой картиной, подобной которой мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть, хоть я не мало путешествовалъ на своемъ вѣку. Чрезъ нѣсколько времени мой тесть приказалъ остановиться и сказалъ:

„Вотъ здѣсь проходитъ знаменитая Стромынка, по которой въ старое время большая часть Московскаго купечества ѣздила на Макарьевскую ярмарку. Здѣсь проѣзжалъ и вашъ батюшка не одинъ разъ, любуясь на эти сосны, которыя сорокъ лѣтъ тому назадъ, конечно, не многимъ отличались отъ нынѣшняго своего вида".

И я взглянулъ съ особымъ чувствомъ на сосновыхъ великановъ, дремавшихъ на полуденномъ солнцѣ. Да, конечно! Они также задумчиво глядѣли на эту самую дорогу и тогда, когда отецъ мой въ жаръ или непогоду пробирался мимо нихъ въ своей повозкѣ въ далекій — тогда даже очень далекій Нижній...

Въ настоящее время „Панихи" уже не существуетъ: она вся вырублена.

Возвратимся къ путевымъ впечатлѣніямъ отца.

Ѣхали, нигдѣ не останавливаясь на ночь. Успѣшной ѣздой считалось попасть въ Нижній чрезъ двое сутокъ, но это

бывало лишь изрѣдка и только при очень хорошей дорогѣ. Обыкновенно ѣздили $2\frac{1}{2}$ сутокъ; случалось однако, что тащились по $3\frac{1}{2}$ сутокъ.

Дорогой отца больше всего занимаетъ погода и повозка, а поэтому въ первомъ письмѣ съ ярмарки онъ рѣдко говоритъ о чемъ-либо постороннемъ. Однажды онъ упоминаетъ, что какіе-то купцы, ѣхавшіе передъ нимъ, задавили до смерти двухлѣтняго мальчика. Въ другой разъ, ѣдучи вдвоемъ со старшимъ сыномъ, они оба растеряли картузы. Онъ началъ ѣздить на ярмарку съ двумя старшими сыновьями съ 1834 г. Въ 1837 г. онъ вышелъ пройтись по дорогѣ съ сыновьями, нарвалъ васильковъ и послалъ ихъ женѣ съ припиской: „Вотъ тебѣ посылаю и цвѣтовъ, которые самъ дорогою нарвалъ, — васильковъ, мой любезный цвѣтокъ“. Мать моя любовно сберегла этотъ букетикъ на память.

Но вотъ пріѣхали на ярмарку.

Прежде чѣмъ приступив къ дѣлу, надо помолиться. На слѣдующій уже день послѣ ранней обѣдни служится молебенъ Казанской Божіей Матери и чудотворцу Макарію. Иногда и въ Москвѣ одновременно съ этимъ мать моя служитъ такой же молебенъ, къ большому удовольствію отца. „Благодарю“, пишетъ онъ въ 1827 г., „за то усердіе къ Божіей Матери и преподобному чудотворцу Макарію. Дѣло хорошее! Богу молиться — впередъ пригодится“. Св. Макарій считался покровителемъ ярмарки, а потому его имя упоминается изъ году въ годъ неизмѣнно, но вмѣсто Казанской Божій Матери иногда въ молебнѣ называется Ѳеодоровская Божія Матерь, а также Московскіе чудотворцы Петръ, Алексій и Іона (св. Петръ митрополитъ былъ ангеломъ моего отца). Въ 1844 г. передъ моимъ рожденіемъ, впервые упоминается при молебнѣ св. чудотворецъ Николай, мой ангелъ. Въ этомъ нельзя не видѣть послѣдствія прорицанія юродивой Агаѳьюшки, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

Первая забота — разборка товара. Товаръ пришелъ раньше, его надо вынимать и раскладывать по полкамъ. Съ этого и начинается ярмарочная сутолока. Почти всегда въ началѣ отецъ жалуется на дѣла: покупатель не идетъ. Потомъ обыкновенно дѣла поправляются. Причина заминки объясняется такъ: „нашъ товаръ — легкій; къ нему приходятъ подъ конецъ, послѣ тяжелыхъ“.

И вотъ начинается обычная трудовая жизнь, хотя при нѣсколько измѣненной обстановкѣ. Отецъ любилъ трудъ, какъ всѣ истинно дѣловые люди, не только ради необходимости и матеріальной выгоды, но и ради привычки къ дѣлу. Не даромъ въ письмахъ къ матери онъ иногда подписывается „Твой работникъ, другъ и супругъ“ или „Твой труженикъ“. Это не было пустой фразой. „Изъ лавки никуда не выхожу“, пишетъ онъ однажды. Въ другомъ письмѣ: „Никому не пишу кромѣ тебя. Чтобы извинили!“... „Писать никому время не имѣю, кромя тебя, моя милая!“ Онъ весь въ дѣлѣ и всегда направляетъ свое дѣло самъ лично. Помимо торговли, онъ озабоченъ закупками хозяйственныхъ вещей для Москвы, а также подарковъ. Послѣдняя статья доставляла не мало заботъ. Обычай требовалъ, чтобы всѣмъ близкимъ было непремѣнно привезено что-нибудь, иначе обидятся. Вообще нельзя было куда-нибудь выѣхать безъ того, чтобы не привезти „гостинцевъ“. Это, навѣрное, очень старый обычай, коренившійся въ рѣдкости дальнихъ отлучекъ изъ дому и въ разнообразіи чисто мѣстныхъ продуктовъ, которыхъ нельзя было достать у себя. Но обычай этотъ уже въ это время потерялъ смыслъ, ибо навѣрное все то, что можно было достать на ярмаркѣ, можно было купить и въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва. Затрудненіе было не въ издержкахъ, а въ придумываньи что кому подарить, при чемъ надо было взвѣсить обстоятельно, не обидится ли Надежда Сергѣевна, если ей подарятъ платокъ, а Дарьѣ Аѳанасьевнѣ шаль, или наоборотъ. Это было мелочно и скучно, но избѣжать этого было невозможно. Очень часто отецъ затрудняется, и спрашиваетъ у жены совѣта, и она, какъ болѣе опытная въ дамскихъ ощущеніяхъ, обстоятельно разбираетъ значеніе шали передъ платкомъ, платья передъ ковромъ и т. п. Иногда мать моя присылаетъ реэстръ лицъ, коихъ слѣдуетъ одарить. Кромѣ своихъ домашнихъ и близкихъ родныхъ, тутъ находятся крестники и крестницы, учителя, дьячкова и пономарева жена и т. п. Всего человѣкъ около 20. Съ любовной заботливостью Петръ Михайловичъ обдумывалъ подарокъ для жены. „Платокъ тебѣ, милая, купилъ, но лучшій десейнъ, который сама императрица носить изволитъ, какъ меня продавецъ увѣрялъ“ (1833 г.) „Шаль я вчерась торговалъ полосатую, точно такую, какъ у сестры Анны (Зѣва-

киной). 500 руб. меньше не берутъ. Чуть не купилъ! Увѣдомь купить или нѣтъ. Можетъ, до тѣхъ поръ не продастся". (1834 г.).

Трудовая ярмарочная жизнь не оживлялась для отца никакими развлеченіями. Онъ не ходилъ въ театръ, хотя ничего противъ театра не имѣлъ и дѣтей отпускалъ туда охотно. Очевидно, у него не было большой потребности въ лицедѣйствѣ, и онъ по складу ума своего не былъ способенъ увлекаться вымышленными страстями и страданіями. О Кунавинскихъ развлеченіяхъ нечего и говорить: онъ ненавидѣлъ разгулъ и пьянство, какъ главный мотивъ разгула, а пьяныхъ презиралъ. Даже упоминая въ 1840 г. о пароходахъ на Волгѣ — большой новости, — отецъ никогда не поинтересовался самолично испытать новый способъ передвиженія, а только безстрастно замѣчаетъ, что знакомые „ѣздили Волгою на пароходѣ за 80 верстъ къ старому Макарью". И больше ничего! Весь отдыхъ заключался въ томъ, что отецъ ходилъ въ праздникъ въ церковь. „Сейчасъ отъ обѣдни ранней пришли, за чай принимаемся съ Саровской просвирой" (1841). Изрѣдка онъ ѣздилъ въ Нижегородскій Крестовоздвиженскій монастырь ко всенощной и въ гости къ знакомой игуменьѣ, которая присылала ему въ подарокъ сливокъ и сотовъ.

У отца не могло быть никакой потребности въ развлеченіяхъ, потому что всѣми помыслами души своей онъ былъ въ Москвѣ. Главная радость его состояла въ письмахъ жены и вѣстяхъ изъ дому. Оттого и вопросъ объ этихъ письмахъ, объ ихъ своевременной отсылкѣ и своевременномъ полученіи составлялъ его главную заботу. Мать мою онъ часто и совершенно неосновательно укоряетъ за рѣдкость писемъ, при чемъ однако всегда готовъ сознаться, если ошибся.

Въ тѣ времена помимо обыкновенной почты, корреспонденція доставлялась еще такъ называемой *экстрой*, которая ходила въ опредѣленные дни съ усиленной быстротой между Москвою и Нижнимъ; ею такъ же дорожили, какъ отъѣздомъ знакомыхъ. Въ концѣ 1820 годовъ экстра ходила по вторникамъ и субботамъ, а съ 1833 г. стала ходить по вторникамъ и пятницамъ. Впослѣдствіи, съ 1842 г., экстра ходила уже по 4 раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ, такъ что для обыкновенной почты

ставались два дня. Экстра прекращалась въ болѣе поздніе оды 1 сентября. Отецъ всегда аккуратно предупреждаетъ ою мать по какимъ днямъ ходитъ экстра, настаиваетъ, тобы она посылала въ эти именно дни письма, страшно ердится и безпокоится, если ожидаемое письмо по чему-либо поздаетъ. Въ 1836 г. вышло недоразумѣніе съ экстрой, отецъ былъ крайне недоволенъ, что письма замедлили. Какой дуракъ", пишетъ онъ женѣ, „тебѣ сказалъ, что суббота кстра? Я при отъѣздѣ тебѣ говорилъ: вторникъ и пятница. ѣрно кто нибудь нарочно сказалъ, чтобы я здѣсь больше учился". Почтовое сообщеніе на все время ярмарки облегалось еще тѣмъ, что почтовая контора изъ города Нижняго, ъ праваго берега Оки, переводилась на ярмарку, на лѣвый ерегъ, и только по окончаніи ярмарки снова переселялась ъ городъ. Объ этомъ отецъ пишетъ 15 августа 1825 г.: Вотъ письмо съ экстрою пишу послѣднее, ибо отъ насъ онтора почтовая въ городъ выѣдетъ, а потому и письма ы другъ отъ друга получать будемъ рѣже".

Обыкновенная почта не отличалась ни аккуратностью, ни быстротой. Она часто запаздывала и доставляла заразъ письма азныхъ сроковъ. Мать моя писала, что получила заразъ письма отъ 3, 4 и 5 августа (1843 г.) Отца запаздываніе писемъ постоянно волновало; онъ завидовалъ знакомымъ и роднымъ получившимъ письма, хотя и долженъ былъ сознавать, что его корреспонденты въ этомъ ни мало не виноваты. Я вчерась былъ некураженъ", пишетъ онъ въ 1842 г., „потому что В(асилій) Х(арлампіевичъ) получилъ отъ Надюши письмо, а я отъ своей Аннушки нѣтъ. А письма вы всѣ будете получать отъ Г(аврилы) Х(арлампіевича) Протопопова скорѣе, чѣмъ посылать на почту, а посылайте къ Г. Х." Такимъ образомъ частнымъ лицамъ довѣряли больше, чѣмъ казенному учрежденію.

Зато, когда письма приходятъ во время, отецъ имъ радуется какъ молодой человѣкъ, какъ новобрачный, какъ влюбленный. Замѣчательно, что пылкость чувствъ его не измѣняется съ годами, и онъ волнуется по поводу писемъ 60-лѣтнимъ старикомъ такъ же, какъ 20 лѣтъ тому назадъ. Всѣ мысли его въ Москвѣ, и онъ только и думаетъ о томъ, когда онъ безъ вреда для дѣла можетъ уѣхать назадъ. „Не кончивши дѣла ѣхать нельзя: самому нужно быть... еще

много дѣла... окончивъ дѣла, ни мало не мѣшкавъ, выѣд къ тебѣ, моя милая" (1840). Любимая фраза его въ таких случаяхъ: „Полечу къ тебѣ, моя милая; жаль, что крыльев нѣтъ".

Изъ корреспонденціи нельзя вывести никакого точнаг заключенія о торговыхъ дѣлахъ отца. Большей частью он довольствуется заявленіемъ, что „дѣла идутъ, слава Богу хорошо", либо „дѣла идутъ дурно". Кажется, мать моя оби жалась этимъ лаконизмомъ. На это по крайней мѣрѣ ука зываетъ слѣдующее мѣсто письма отца 1835 г. „Ты пеняеш что о ярмонкѣ не писалъ я тебѣ... мы торгуемъ, слава Богу по сей день изрядно. Но о другомъ сказать ничего не знаю ибо изъ лавки никуда не выхожу. А ты, душенька, напрасн пишешь, что бы я тебя таился: этого никогда не было, д и не будетъ, потому что не нужно таиться, чего нѣтъ" Но, повидимому, отецъ все таки зорко оберегалъ коммерче скую тайну и быть можетъ, боялся говорить обо всем черезчуръ откровенно. Если ему случается дѣлать интимно сообщеніе, онъ оговаривается и подчеркиваетъ: „Богъ дастъ окончу дѣло, минуты здѣсь жить не буду, но, не окончивш дѣла, не поѣдешь. Торгую, слава Богу, кажется, не хуж прошлогодняго. *Это пишу тебѣ одной, другъ мой, зна про себя*" (1830 г.) Вотъ его отзывъ объ ярмаркѣ 1827 г. „Ярмонка у насъ по сіе число очень плоха... ибо, как война съ Персіею продолжается, то и некуды наши товар продать, кромѣ тѣхъ мѣстъ, да и вообще для всѣхъ убыточ ная ярмонка для бумажниковъ". Изъ писемъ слѣдующаг года мы узнаемъ, что отецъ дѣлалъ дѣло съ Кизлярским армянами (1828). „Торговля у меня, Богу благодареніе идетъ по заведенію, а розничной и денежной совсѣмъ почти нѣтъ" (1831). „Покупатели меня давно ждутъ и реестры начали давать на товары съ вчерашняго дня" (1832). „Спѣш писать: Татары ждутъ, надо ихъ обдѣлить (одѣлить)" (1842). Татары въ данномъ случаѣ — рабочіе, прислуживавшіе пр лавкѣ. „Костроминъ хотѣлъ быть на ярмонкѣ да не пріѣхалъ. А мнѣ есть полученіе съ него и, видно, сіи денежки засядутъ вовсе!" (1842 г.) Костроминъ былъ зять Алексѣевыхъ. „Полученія туги", пишетъ отецъ въ томъ же году; „денег въ народѣ мало, а товаровъ гибель, на худой ярмонкѣ и пла тежи худо отдаютъ. Торгуемъ, дѣлаемъ разсчеты. И такая

кука, да и холодъ становится. Дай Богъ терпѣнія, а ярмонка ыла ненадежная. Старые долги не можемъ собрать: все оворятъ: „до завтра". А уѣхать безъ разсчету, то капиталъ останется до будущаго года. На деньги покупателей совсѣмъ ѣтъ ни на какіе товары, а народу по сіе число здѣсь много, развязка худа. Все ждутъ покупателей, а ихъ нѣтъ на еньги". Это рѣдкость, чтобы отецъ такъ много говорилъ дѣлахъ, какъ въ этомъ году. „Бухарцы насъ заставятъ ень лишній прожить", пишетъ онъ въ 1844 г., „потому мъ готовить товару довольно, и деньги получать надо ъ нихъ".

Болѣе опредѣленныхъ указаній о торговлѣ не встрѣчается. Какъ извѣстно, послѣдніе дни ярмарки особенно волнуютъ купечество. Настаютъ разсчеты, платежи, объявляются несостоятельности. Со страхомъ ожидаетъ этого времени и Петръ Михайловичъ. „Писать болѣе не вижу что", пишетъ онъ въ 1841 г., „вы свободнѣе, а мнѣ теперь къ концу ярмонки дѣла больше становится начала оной... На меня не гнѣвайся: теперь разсчеты и духу нѣтъ, разстроенъ ѣмъ-нибудь. Кто долго денегъ не несетъ, либо слѣпую мелочь несетъ, и разныя есть причины: вотъ тебѣ мое оправданіе. Пожалѣй и обо мнѣ!" „Пробудемъ позже прежняго, полученія денегъ насъ задержатъ, а оставить ихъ никакъ нельзя: останутся и до будущаго года. Здѣсь манера новая оказалась: уѣзжаютъ тихонько. Двое у меня уѣхали: одинъ армянинъ 525 руб., а другой нѣмецкій еврей 1000 руб. увезли. Еще казанскій купецъ Сокольскій задолжалъ шурьимъ Ѳедора Ульянова 42.000 руб. и тоже уѣхалъ, а всѣмъ задолжалъ, какъ говорятъ, до полумилліона руб."

Но время идетъ, сентябрь на дворѣ, разсчеты подходятъ къ концу, пора ѣхать въ обратный путь. Прежде всего надобно убирать товаръ и отпускать его въ Москву. „Вотъ сейчасъ отправилъ Аѳанасья съ частью товара на тройкѣ: за то пораньше пріѣдетъ. А намъ то и будетъ оный готовъ! А то безъ товару въ Москвѣ съ недѣлю бываетъ очень скучно... А мы, мой другъ, еще торгуемъ, да разсчеты дѣлаемъ. Скучно! Летѣлъ бы къ тебѣ, душа моя!" (1830 г.). „Начинаемъ товары убирать; разсчеты дѣлаемъ и еще торгуемъ. О выѣздѣ писать не могу, ибо какъ Богъ поможетъ окончить дѣла свои. Но, кончивши и помолясь Создателю

нашему Богу, Пресвятой Матери Его Казанской и угодникамъ Его Макарію и моему ангелу Петру митрополиту, и и тогда къ тебѣ и дѣтямъ нашимъ буду летѣть на свое жилище“ (1829).

На тѣхъ, кого задерживаютъ дѣла, особенно раздражительно дѣйствуетъ отъѣздъ купцовъ, уже благополучно закончившихъ торговлю. То и дѣло звенятъ бубенчики и мимо несутся повозки, уносящія счастливцевъ. Но наконецъ наступаетъ давно желанный моментъ и для отца. Послѣднее письмо съ ярмарки, самое раннее, помѣчено 22-го августа, самое позднее — 29-го. Тройка подана. Скорѣе! Пора, пора въ Москву!

Для полноты картины слѣдуетъ упомянуть о сотрудникахъ моего отца, приказчикахъ.

Въ 20-хъ годахъ долго жилъ Василій Ивановъ Епанешниковъ, который на ярмарку не ѣздилъ, а оставлялся въ Москвѣ домовничать. Ему поручались всякія мѣропріятія по дому въ отсутствіе хозяина: ремонтъ, наемъ и увольненіе прислуги и т. п. Обыкновенно, отецъ называетъ его просто Васильемъ. На его имя шлется иногда корреспонденція. Жилъ еще другой Епанешниковъ, Ѳедоръ Ульяновъ, памятный особенно тѣмъ, что женился на одной недѣлѣ съ отцомъ. Жену его звали Александрой Ѳедоровной. Лѣтъ пять жилъ Александръ Панфиловъ или, какъ его зоветъ отецъ, Панфилычъ. Это былъ неизмѣнный спутникъ отца на пути въ Нижній, должно быть весельчакъ и балагуръ, если судить по замѣчанію отца: „Панфилычъ насъ утѣшаетъ“. Былъ еще приказчикъ Степанъ Ларіоновъ Поликарповъ, о которомъ упоминается съ 1826 г. Долго жилъ Аѳанасій Малаховъ. Ему поручалось немаловажное дѣло: сопровождать товары, отправляемые въ Нижній; впослѣдствіи, когда отецъ подарилъ матери сосѣдній домъ, этотъ Аѳанасій повысился въ рангѣ, сдѣлавшись управляющимъ. Сообразно этому возросъ и почетъ. Въ 1844 г. 14 августа мать моя пишетъ: „Нонче у насъ въ новомъ домѣ посѣщала святыня отъ Спаса Новаго, Нерукотворенный Спаситель. Чай пили у Аѳанасья. Мнѣ кажется, другъ мой, надо-бы намъ послать имъ хлѣбъ-соль на новоселье“. На это отецъ немедленно отвѣтствуетъ 16 августа: „закажи хлѣбъ для Малаховыхъ въ одинъ рубль серебромъ и пошли до меня. Они люди намъ всегда надобные“.

Въ письмахъ отца упоминаются уже и приказчики, которыхъ впослѣдствіи я лично зналъ: Лобановъ (съ 1830 г.), Сорочинскій (съ 1834 г.) и Адребежановъ (съ 1844 г.). Михайла Ивановичъ Лобановъ уже очень немолодымъ женился въ 1850-хъ годахъ на крестницѣ моей матери, а посему являлся къ намъ съ особымъ визитомъ на Рождество и Пасху. Это былъ полусѣдой брюнетъ лѣтъ 55, бритый, съ порядочными морщинами и геморроидальнымъ цвѣтомъ лица; говорилъ онъ тихимъ голосомъ, вкрадчиво, и всегда казался словно чѣмъ-то испуганнымъ. Петръ Ѳедоровичъ Сорочинскій былъ старичекъ лѣтъ 60 или 65, небольшаго роста, совсѣмъ сѣдой, бритый, съ робкими манерами и вѣчно озабоченнымъ видомъ. Николай Павловичъ Адребежановъ былъ значительно моложе обоихъ, довольно высокаго роста, сухопарый, носилъ характерные бакенбарды котлетами и отличался умѣньемъ разсказывать смѣшные анекдоты, за что его очень любили. Въ 50-хъ годахъ, по смерти уже отца, онъ оставилъ службу у насъ, купилъ себѣ небольшой домикъ неподалеку отъ Полянки въ Денежномъ переулкѣ и занялся оранжерейнымъ хозяйствомъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ своего отца. Иногда онъ приносилъ намъ въ гостинецъ превосходныхъ персиковъ и сливъ, за что, конечно, я особенно былъ ему признателенъ. Онъ производилъ впечатлѣніе безобиднаго и услужливаго человѣка. Женатъ онъ не былъ. Смутно припоминаю, что по поводу его кончины ходили какіе-то нехорошіе слухи. Домикъ его потомъ принадлежалъ пріюту слѣпыхъ.

VIII.

Характеристика отца по его письмамъ и воспоминаніямъ близкихъ лицъ.

Панегиристъ отца, свящ. Лебедевъ, такъ характеризуетъ его въ своемъ некрологѣ, напечатанномъ въ „Моск. Вѣд.“ 1848 г.: „Отличительными свойствами души его были: доброта сердечная, правдолюбіе и стойкость за правду, простота, бережливость, трудолюбіе и то, что онъ далекъ былъ зависти,

чуждъ недоброжелательства. Въ обращеніи съ родными и съ чужими былъ откровененъ, уважителенъ и гостепріименъ. Обладая таковыми качествами, Петръ Михайловичъ постоянно выражалъ горячее усердіе къ пользамъ общественнымъ и не увлекался самолюбіемъ, когда требовалось точное изслѣдованіе дѣла для блага ближняго". Приводя этотъ отзывъ, я придаю ему то значеніе, какое имѣютъ вообще подобные отзывы полуоффиціальнаго характера. Какъ по моменту, къ которому пріурочено его составленіе, такъ и по положенію автора по отношенію къ нашей семьѣ, онъ не могъ сказать объ отцѣ ничего другого. Отличительнымъ недостаткомъ такихъ отзывовъ всегда было преувеличеніе положительныхъ достоинствъ, отсутствіе критики и высокопарность.

Изъ воспоминаній близкихъ лицъ первое мѣсто должно принадлежать, по праву, моей матери.

„Папенька любилъ во всемъ порядокъ", разсказывала она, „а потому у насъ всему соблюдались часы. Вставали мы около 8; послѣ 9 онъ уѣзжалъ въ городъ на весь день, тамъ обѣдалъ и возвращался только къ 5 часамъ, къ вечернему чаю. Послѣ чаю онъ опять уходилъ заниматься къ себѣ въ кабинетъ. Только по праздникамъ ему приходилось обѣдать со всѣми. Покушать хорошо онъ любилъ, но никогда не пилъ водки и очень мало вина: его порціей была рюмка мадеры за обѣдомъ и за ужиномъ. Спать мы ложились часовъ въ 11. Передъ сномъ папенька имѣлъ привычку долго читать въ постели „Сенатскія Вѣдомости"*). Вообще онъ всегда много занимался, но особенно хлопотливымъ для него временемъ была Святая недѣля, когда подводились годовые счета, а также сборы передъ ярмаркой, лѣтомъ. Бывало, я прошу Петра Михайловича съѣздить со мной вмѣстѣ куда-нибудь, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: „прости, матушка, времени не имѣю". Поэтому мы и на дачѣ никогда не живали".

„Изъ старшихъ сыновей папенька больше любилъ Семена, чѣмъ Ивана: Ивану Петровичу всегда больше доставалось отъ плетки, которая висѣла въ кабинетѣ. Впрочемъ, это больше было прежде: подъ старость порки стали рѣже".

„Папенька былъ очень горячъ. Я слыхала, что при первой женѣ вспыльчивость его бросалась всѣмъ въ глаза. Благодареніе Богу, мнѣ удавалось его сдерживать. Родственники его первой жены, Чориковы, говаривали мнѣ, будто-бы въ комплиментъ, что я его *укротила*. Папенька терпѣть не могъ пьяныхъ и всегда выходилъ изъ себя, если замѣчалъ, что кто-нибудь изъ прислуги пьянъ. Это знали и, бывало, ужъ если кто провинится въ этомъ, то прячется, чтобъ не попасться ему на глаза. Случалось, что онъ колачивалъ ихъ собственноручно. Этой расправы я очень не жаловала и нерѣдко ему за нее выговаривала; бывали случаи, онъ самъ придетъ ко мнѣ просить прощенія. — Очень онъ также ревнивъ былъ и не прочь наушниковъ слушать. Конечно, это у него происходило оттого, что онъ былъ ужъ въ лѣтахъ, а я совсѣмъ молодая. Помню, на одномъ вечерѣ подсѣлъ ко мнѣ какой-то офицеръ и долго со мной разговаривалъ. Говорилъ онъ, конечно, то, что всегда говорятъ молодымъ дамамъ: любезности и комплименты. Когда мы вернулись домой, Боже мой! какую сцену сдѣлалъ мнѣ Петръ Михайловичъ! Никогда не забуду!"

*) Кажется, впослѣдствіи „Московскія Вѣдомости".

Про вспыльчивость отца вспоминала моя кормилица много лѣтъ спустя. „Петръ Михайловичъ былъ, не приведи Богъ, какой горячій. Бывало разсердится, всѣхъ святыхъ уноси! Конечно, если оно за дѣло, такъ и говорить нечего, а то вѣдь иногда наговорятъ ему со стороны чего и не было, а онъ и распалится. Я убѣгу и схоронюсь гдѣ-нибудь. Ну, когда это у него пройдетъ, онъ самъ первый идетъ и зоветъ: „Ну что, кормилка, испугалась? Небось, иди! Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость!" Это была у него любимая поговорка".

Вотъ все, или почти все то немногое, что сохранилось въ воспоминаніяхъ о моемъ отцѣ въ болѣе раннюю эпоху его жизни. Дополненія можно искать только въ его письмахъ.

Оцѣнивая этотъ матеріалъ по достоинству, не слѣдуетъ придавать ему больше значенія, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ можетъ имѣть. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что главная цѣль писемъ — узко семейные интересы, желаніе получить и дать о себѣ вѣсточку близкому человѣку, что письма пишутся среди кипучей торговой дѣятельности, между дѣломъ, а потому отличаются краткостью, упоминаютъ только о самыхъ выдающихся происшествіяхъ, разнообразившихъ нехитрое существованіе московскаго купца, пріѣхавшаго на

ярмарку съ спеціальною цѣлью торговать, и что уровень общественныхъ интересовъ отца не былъ высокъ въ силу его воспитанія и характера эпохи. Поэтому заранѣе надобно отказаться отъ мысли искать въ письмахъ освѣщенія фактовъ современной дѣйствительности и критическаго къ нимъ отношенія. Что таковое существовало, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но говорить объ этомъ въ письмахъ не считалось желательнымъ. Явленія государственной и общественной жизни во всю эту эпоху стояли такъ далеко отъ компетенціи лицъ, не призванныхъ „начальствомъ" спеціально ими заниматься, что оставляли ихъ въ большинствѣ случаевъ равнодушными или боязливо осторожными. Руководящими принципами тогда были лишь афоризмы въ родѣ: „не суй своего носа куда не слѣдуетъ", или „моя хата съ краю, ничего не знаю". Какъ бы не были вопіющи иные факты, которыми изобиловала современная жизнь, говорить объ нихъ, а кольми паче писать считалось неудобнымъ. Что письма всегда рискуютъ быть на почтѣ вскрытыми, у насъ никогда не сомнѣвались. Кому же охота подставлять шею? Не ровенъ часъ, за какое-нибудь неосторожное выраженіе и отвѣтишь. Такого рода заячья осторожность всегда была, и будетъ тамъ, гдѣ личность не неприкосновенна и не подавлена подъ твердую охрану закона.

Насколько можно проникнуть интимныя убѣжденія Петра Михайловича, отрицательное отношеніе къ современнымъ условіямъ жизни было ему чуждо. Онъ, повидимому, находилъ, что въ общемъ все въ нашемъ любезномъ отечествѣ обстоитъ благополучно; если-де и есть темныя пятна, то гдѣ-жъ ихъ не бываетъ? Однимъ словомъ, отецъ былъ для своей эпохи консервативнаго образа мыслей; его не волновало и не коробило несоотвѣтствіе явленій жизни и требованіями здраваго смысла и справедливости. Еще менѣе ему была доступна оцѣнка русской жизни по сравненію съ политическимъ и общественнымъ строемъ болѣе передовыхъ странъ, потому что этого заморскаго строя не зналъ. Мало того, что не зналъ. Подчиняясь поддерживаемому сверху и усердно пропагандируемому взгляду, онъ склоненъ былъ заподозрѣвать, что знакомство съ чужестранными идеями и образомъ мыслей влечетъ за собою нарушеніе общественнаго порядка, безбожіе и вольнодумство, отъ которыхъ нельзя ждать добра ни для отдѣльныхъ лицъ, ни для общества. Отъ этого и до отрицанія пользы образованія вообще были только одинъ шагъ. Къ чему образованіе купцу, который долженъ знать только свое дѣло? Таковъ былъ взглядъ отца. Это подтверждается постановкой воспитательнаго дѣла въ его собственномъ семействѣ. Видно, что онъ придавалъ значеніе только усвоенію нѣкоторой незначительной суммы практическихъ знаній, а не развитію сердца и ума, то-есть тому, что собственно должно пониматься подъ словами: воспитаніе и образованіе. Въ этомъ былъ главный и коренной недостатокъ его міровоззрѣнія, въ которомъ однако было бы ошибкой обвинять его одного лично: виновато въ этомъ было его темное время и его собственное примитивное воспитаніе. Послѣднее давало ему полное право думать, что успѣхъ въ жизни дается лишь трудомъ и добросовѣстностью и не нуждается ни въ чемъ остальномъ. Тѣмъ не менѣе и отецъ сознавалъ нѣкоторыя привлекательныя стороны культуры. Онъ въ первое время вмѣстѣ съ моей матерью охотно посѣщалъ театръ, оперу и драматическія представленія, и не отказывалъ впослѣдствіи и своимъ дѣтямъ въ этомъ удовольствіи. Грѣховнымъ онъ ни въ какомъ случаѣ посѣщеніе театра не считалъ. Онъ любилъ слушать игру матери на фортепьяно и училъ музыкѣ и рисованію своихъ дѣтей.

Оставляя, покамѣстъ, подробности, я постараюсь здѣсь собрать только общія черты, клонящіяся къ выясненію его характера.

Прежде всего останавливаетъ вниманіе его религіозность, какъ фундаментъ всего его міровоззрѣнія. Въ ней коренился, какъ всегда, большой устой нравственной силы. Вышедши изъ среды строго православной, онъ горячо вѣровалъ въ Божественный Промыслъ и въ тѣ догматы, которымъ учитъ Церковь, не мудрствуя лукаво. Къ самому упоминанію имени Божія онъ относится съ особымъ уваженіемъ и пишетъ обыкновенно слово *Богъ* большими буквами. Въ радости онъ благодаритъ Бога и его милости, въ горести обращается къ Нему за утѣшеніемъ. Благочестіе это было искреннее и глубокое, и глубина его доказывается лучше всего тѣмъ, что отецъ въ письмахъ говоритъ вообще очень мало о религіозныхъ предметахъ. Ни изъ чего не видно, чтобъ онъ придавалъ преувеличенное значеніе обрядовой

сторонѣ религіи, непомѣрно частому посѣщенію церквей, частому служенію молебновъ, собиранію реликвій, а тѣмъ менѣе общенію съ лицами духовнаго званія. Поэтому нельзя не прійти къ заключенію, что отецъ былъ благочестивъ въ лучшемъ смыслѣ слова, безъ всякаго оттѣнка ханжества, суевѣрія и фетишизма. Этимъ онъ, конечно, очень отличался отъ очень многихъ представителей тогдашняго купечества. Въ 1826 г. онъ писалъ съ ярмарки: „Богу благодареніе, по сіе число все хорошо, и впредь полагаюсь на помощь Божію, да сохранитъ Его святая десница!“ Это одна изъ многихъ подобныхъ тирадъ, въ которыхъ просто и опредѣленно выразилась главная основа его религіозныхъ убѣжденій.

Вѣрноподданническія чувства Петра Михайловича не подлежатъ сомнѣнію: о личности Государя Императора, царскомъ семействѣ и всѣхъ событіяхъ, къ нимъ относящихся, упоминается всегда съ уваженіемъ и интересомъ. Видѣть Государя или кого-либо изъ императорской фамиліи — большое счастіе и удовольствіе, къ которому стремится особенно моя мать. Пріѣздъ Высочайшихъ особъ въ Москву или на ярмарку составляетъ выдающееся событіе, которое отмѣчается. Но, при наличности полной лояльности у отца нигдѣ не проглядываетъ влеченіе къ обществу великихъ міра сего. Никогда онъ не напрашивался на ихъ вниманіе, не пресмыкался передъ ними, а молча сторонился, какъ-бы придерживаясь Грибоѣдовскаго правила:

„Ахъ, отъ господъ подалѣй!
У нихъ себѣ бѣды на всякій часъ готовь.
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь“.

Хотя о томъ, что у него было на душѣ, можно иногда только догадываться, однако я съ удовольствіемъ констатирую, что въ то рабье время у отца моего нигдѣ не проскользнула ни одна рабья нотка. Это чего-нибудь и стоило въ русскомъ небогатомъ купцѣ въ то время, когда Аракчеевскій духъ смѣнился Николаевскимъ. Вотъ, напримѣръ, что содержится въ его письмѣ отъ 21 августа 1828 года: „Въ завтрешній день даютъ обѣдъ въ губернаторскомъ ярмоночномъ домѣ здѣшніе купцы, а другіе говорятъ, что Куманинъ съ Колесовымъ*). А Ѳома вчерась заѣзжалъ ко мнѣ въ лавку звать отъ имени ихъ, а на балъ и вечерній столъ въ тотъ же день губернскій предводитель дворянства здѣшняго, кн. Грузинскій, и мнѣ билетъ прислалъ. *А у меня въ головѣ-то, душа моя, не обѣды съ ужинами и балами! Лишь бы Богъ велѣлъ поскорѣе и благополучно свои дѣла кончить, да съ молитвою отправиться къ тебѣ, душа моя, и семейству нашему*“.

Пріѣздъ какой-нибудь особы на ярмарку обыкновенно просто отмѣчается, безъ комментарія. Напримѣръ, по случаю пріѣзда принца Ольденбургскаго отецъ пишетъ: „сюда пріѣхалъ принцъ *какой-то*, племянникъ нашего любезнаго Государя Императора“,... „пріѣхалъ и ходитъ по рядамъ“ (1834 годъ). Только совершенно исключительное событіе заносится въ письмо съ явнымъ удовольствіемъ. Въ 1845 году на ярмаркѣ былъ товарищъ министра И. Г. Синявинъ и въ сообществѣ московскаго градскаго головы Андрея Петровича Шестова посѣтилъ лавку отца, осматривалъ издѣлія его фабрики и принялъ угощеніе фруктами и шампанскимъ. Конечно, отцу было пріятно вниманіе правительственныхъ лицъ къ его промышленной и торговой дѣятельности.

Какъ относился отецъ къ разнаго рода почетнымъ должностямъ, предлагавшимся купечеству, показываетъ его отношеніе къ выбору директоровъ изъ купечества въ Комерческое Отдѣленіе Государственнаго Банка во время ярмарки. Вотъ что онъ пишетъ 3 авг. 1837 г.: „Увѣдомляю тебя, что мы всѣ, славу Богу, здоровы и благополучны, только я духомъ непокоенъ: боюсь, чтобы меня не выбрали въ директоры банка. Служба неважная, но — дѣла ярмоночныя! Каждый день надо быть въ присутствіи 2 часа. Впрочемъ, да будетъ Его Святая воля!“ 7-го августа онъ пишетъ: „въ директоры, я, славу Богу, не попалъ“. Въ 1840 году однако отца выбрали. Объ этомъ, равно какъ и о лаконическомъ объясненіи обязанностей директора, упомянуто ниже.

Какъ большинство горячихъ людей, отецъ не былъ ни золъ, ни жестокъ и, когда проходилъ гнѣвъ, скоро прощалъ и забывалъ мелкія людскія провинности. Не всѣ хозяева

*) Куманинъ, Конст. Алексѣев., былъ московскимъ городскимъ головою съ 1825—1827 г., а Колесовъ Иванъ Алексѣев., — съ 1834—1836. Вѣроятно, тутъ говорится объ нихъ.

были таковы. Прислуга состояла тогда большей частью изъ людей крѣпостныхъ, отпущенныхъ своими помѣщиками на оброкъ и привыкшихъ ко всякимъ злоупотребленіямъ власти надъ собой. Хотя купцы не имѣли крѣпостныхъ, но при желаніи могли обходиться съ прислугою не лучше, чѣмъ помѣщики со своими крѣпостными, и послѣдніе должны были безропотно переносить все, потому что жалобы грозили имъ же самимъ большими непріятностями. Указаніе на одно злоупотребленіе осталось у меня въ памяти. Это относится къ началу пятидесятыхъ годовъ. Когда у насъ были недовольны кѣмъ-нибудь изъ прислуги, то мнѣ случалось слышать изъ устъ моей матери или старшихъ братьевъ:

„Слѣдовало-бы такого-то или такую-то (имя рекъ) отправить въ часть“.

Этого никогда не практиковалось, но это означало вотъ что. Квартальному посылали письмо со вложеніемъ денежныхъ знаковъ, прося его „распорядиться“ относительно провинившагося. Безъ дальнихъ околичностей, означеннаго субъекта призывали черезъ хожалаго въ часть и тамъ сѣкли. Женскій полъ не избавлялся отъ этого. Случалось, что простота нравовъ доведена была до идилліи: квартальному посылали прямо самого провинившагося съ письмомъ, такъ что представитель власти могъ даже не затруднять себя посылкой хожалаго.

Могу сказать къ чести нашего семейства, никогда у насъ къ такимъ мѣрамъ не прибѣгали. Напротивъ, я помню, говорили съ отвращеніемъ о нѣкоторыхъ купцахъ, которые позволяли себѣ подобныя злоупотребленія властью. Одинъ такой случай зарегистрованъ въ корреспонденціи отца. Онъ пишетъ съ ярмарки 7 августа 1843 г.: „Вчерась у меня была Прасковья*). Она живетъ у М. Кони. Бѣдная плачетъ! Заѣхала сюда! Ей М. денегъ не платитъ что зажила и *дерется съ нею*. Проситъ о неоставленіи. Я ей сказалъ, чтобы она въ сентябрѣ пришла съ новымъ пачпортомъ ко мнѣ и тогда что-нибудь придумаемъ. Она съ часъ у меня была и при всѣхъ безъ стыда разъ двадцать принималась плакать. Какого ты о ней мнѣнія? Напиши. Она говоритъ, что она не пьетъ“. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ читаемъ: „О Прасковьѣ ты мнѣ еще не пишешь ничего. Она попала на мѣсто!! Будетъ помнить, ибо *Кони ни одной дѣвки не спуститъ, чтобы не отправить въ часть и не выпороть*“. Въ этомъ замѣчаніи по адресу человѣка, извѣстнаго своего жестокимъ обращеніемъ съ подчиненными, нельзя не видѣть отвращенія къ подобнаго рода пріемамъ, какъ къ системѣ. Это позволяетъ догадываться, что за суровой подчасъ внѣшностью у Петра Михайловича билось въ груди теплое и отзывчивое сердце.

*) Ключница, жившая прежде у нашихъ родныхъ.

Если нельзя не признать, что извѣстная черта суровости лежала въ характерѣ отца, то выступать замѣтно она стала только въ его поздніе годы и несомнѣнно подъ вліяніемъ болѣзни. Письма болѣе ранней эпохи служатъ доказательствомъ, что, когда его не озабочивали дѣла, онъ находился обыкновенно въ благодушномъ и шутливомъ настроеніи. Читая въ его письмахъ выраженія самой теплой любви къ женѣ и дѣтямъ, нельзя не признать, что такихъ строкъ не написать самодуру-деспоту, а впору лишь человѣку глубоко и правильно чувствующему. Семья была святыней Петра Михайловича, на которой сосредоточивались всѣ его привязанности. Другой основой его жизни была большая любовь и привычка къ своему дѣлу. Оба мотива были такъ тѣсно сплетены между собой, что сливались въ одинъ цѣльный, хотя и односторонній жизненный мотивъ.

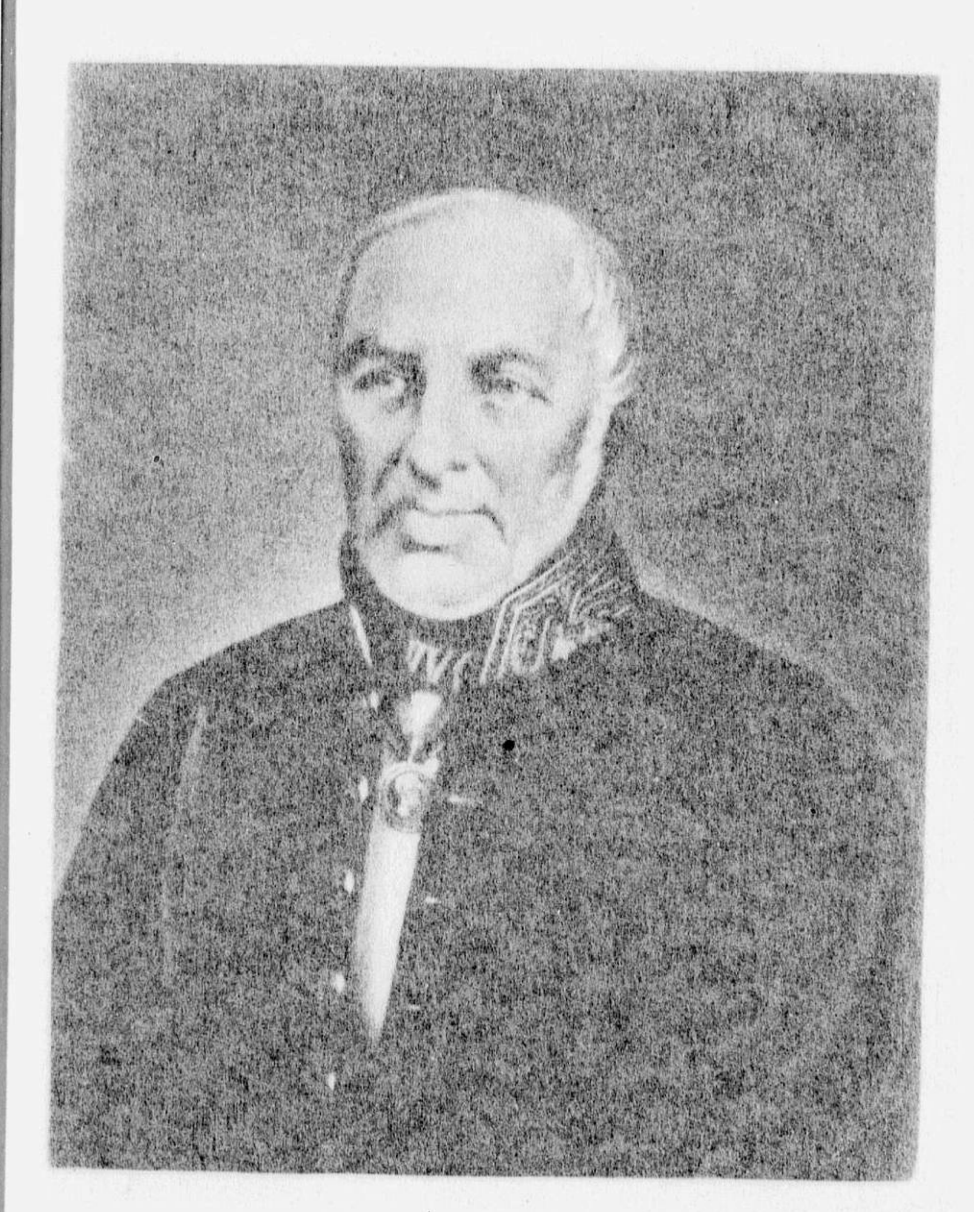
Жену свою онъ любитъ глубоко, искренне и — страстно. Онъ ее любитъ не только какъ женщину, нужную ему физически, — письма содержатъ не мало нѣжныхъ изліяній, указывающихъ на горячій темпераментъ —, но и какъ умную подругу, чей совѣтъ дорогъ, чьего совѣта надо спросить и чьему совѣту нерѣдко слѣдуютъ. Она была ему и женою, и сотрудницей вмѣстѣ, и мнѣніемъ ея онъ съ годами дорожилъ все болѣе и болѣе. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ горячей любовью, шла рука объ руку и почти неразлучная ея спутница — ревность. Вѣроятный плодъ житейскихъ разочарованій, подозрительность и недовѣрчивость къ людямъ были въ характерѣ отца. Онъ себѣ отравлялъ жизнь, ревнуя мою мать при всякомъ случаѣ, спускаясь даже до шпіонства. Конечно, мать моя пережила совершенно безпричинно не мало непріятныхъ минутъ. Въ отсутствіе отца она не смѣла выѣхать изъ дому даже въ чужую церковь безъ того, чтобъ

Петръ Михайловичъ сейчасъ не насторожился, если она не позаботилась его объ этомъ увѣдомить. Что у него есть за нею соглядатаи, онъ не стѣснялся при случаѣ и признаться. Но все-таки это были лишь облачка на синемъ небѣ. Мать моя понимала, что источникомъ ревности была безконечная къ ней любовь отца, и прощала ему. Въ общемъ между ними всегда существовала, нигда не прерываясь, та взаимная гармонія, безъ которой немыслимо супружеское счастіе.

Если отецъ съ нетерпѣніемъ ждалъ писемъ отъ жены, то и она ждала ихъ съ неменьшимъ нетерпѣніемъ отъ мужа. Она подписываетъ свои письма: „Любящая васъ сердечно супруга ваша, другъ вѣчный", а къ нему обращается: „Милый и любезный другъ души моей". „Цѣлую васъ безъ счета, милый мой супругъ, и остаюсь всегда послушная жена и вѣрная супруга, душей и сердцемъ преданная, другъ вашъ иль твоя — простѣе, ближе къ сердцу". „Вспоминаю ваши слова, что не надо любить неумѣренно. Конечно это правда, что тяжело послѣ бываетъ. Желала-бы теперь перемѣнить себя да не умѣю" (1838 г.). На нѣкоторыхъ, особенно ей пріятныхъ письмахъ отца она дѣлаетъ отмѣтки: „письмо милое сердцу" (1828 г.).

Любовь къ дѣтямъ стояла у Петра Михайловича наравнѣ съ любовью къ женѣ. Въ письмахъ онъ постоянно говоритъ о дѣтяхъ: интересуется ихъ занятіями, успѣхами, шутитъ съ ними, ласкаетъ ихъ, требуетъ отъ нихъ писемъ, журитъ ихъ подчасъ, и все это съ тѣмъ неослабѣвающимъ интересомъ, который даетъ одна любовь. Есть въ его чувствахъ къ нимъ и индивидуальная черта. Онъ всегда оказываетъ предпочтеніе, вполнѣ пристрастное, къ послѣднему изъ своихъ дѣтей — и не скрываетъ этого, не стѣсняется въ этомъ признаться. Всѣ мелкія проявленія младенческаго сознанія его забавляютъ и радуютъ, и онъ возвращается къ нимъ постоянно. Болѣе полувѣка спустя по его кончинѣ внучка его (*) припоминала, какъ дѣдушка возился съ ней на полу, когда она была маленькимъ ребенкомъ. Однако быть ласковымъ и шутить отецъ любилъ только съ маленькими дѣтьми, несмысленочками; только относительно ихъ онъ былъ женственно нѣженъ, мягокъ, уступчивъ и снисходителенъ.

*) Анна Васильевна Войнова, рожд. Протопопова.

Фотот. П. Павлова

4.

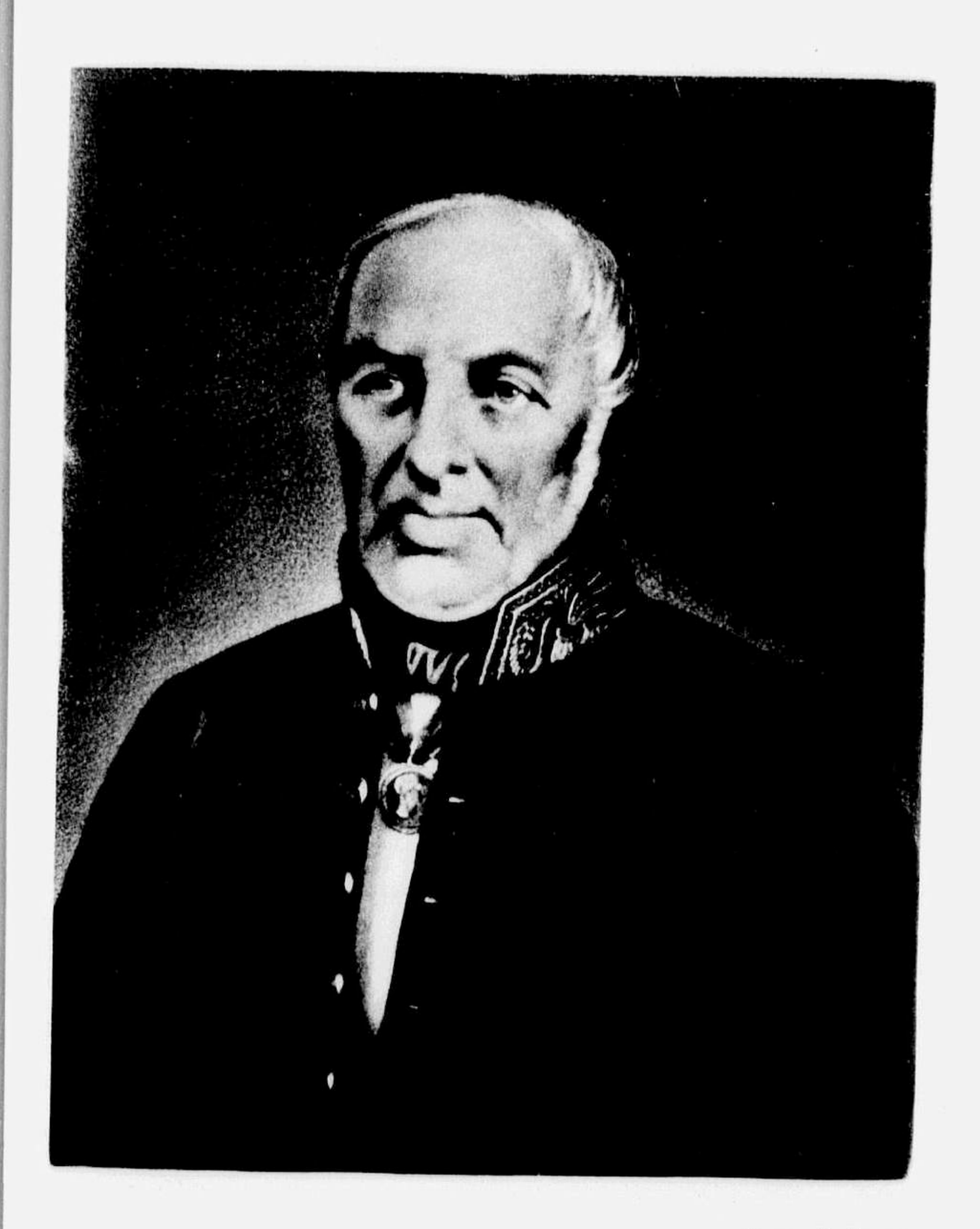
П. М. Вишняковъ въ 1840-хъ годахъ.

Петръ Михайловичъ сейчасъ не насторожился, если она н позаботилась его объ этомъ увѣдомить. Что у него есть з нею соглядатаи, онъ не стѣснялся при случаѣ и признаться Но все-таки это были лишь облачка на синемъ небѣ. Мать мо понимала, что источникомъ ревности была безконечная к ней любовь отца, и прощала ему. Въ общемъ межд ними всегда существовала, нигда не прерываясь, та взаим ная гармонія, безъ которой немыслимо супружеское счастіе

Если отецъ съ нетерпѣніемъ ждалъ писемъ отъ жены то и она ждала ихъ съ неменьшимъ нетерпѣніемъ от мужа. Она подписываетъ свои письма: „Любящая васъ сер дечно супруга ваша, другъ вѣчный", а къ нему обращается „Милый и любезный другъ души моей". „Цѣлую васъ безъ счета, милый мой супругъ, и остаюсь всегда послушная жена и вѣрная супруга, душей и сердцемъ преданная, другъ ваш иль твоя — простѣе, ближе къ сердцу". „Вспоминаю ваши слова, что не надо любить неумѣренно. Конечно это правда, что тяжело послѣ бываетъ. Желала-бы теперь перемѣнить себя да не умѣю" (1838 г.). На нѣкоторыхъ, особенно ей пріятныхъ письмахъ отца она дѣлаетъ отмѣтки: „письмо милое сердцу" (1828 г.).

Любовь къ дѣтямъ стояла у Петра Михайловича наравнѣ съ любовью къ женѣ. Въ письмахъ онъ постоянно говоритъ о дѣтяхъ: интересуется ихъ занятіями, успѣхами, шутитъ съ ними, ласкаетъ ихъ, требуетъ отъ нихъ писемъ, журитъ ихъ подчасъ, и все это съ тѣмъ неослабѣвающимъ интересомъ, который даетъ одна любовь. Есть въ его чувствахъ къ нимъ и индивидуальная черта. Онъ всегда оказываетъ предпочтеніе, вполнѣ пристрастное, къ послѣднему изъ своихъ дѣтей — и не скрываетъ этого, не стѣсняется въ этомъ признаться. Всѣ мелкія проявленія младенческаго сознанія его забавляютъ и радуютъ, и онъ возвращается къ нимъ постоянно. Болѣе полувѣка спустя по его кончинѣ внучка его (*) припоминала, какъ дѣдушка возился съ ней на полу, когда она была маленькимъ ребенкомъ. Однако быть ласковымъ и шутить отецъ любилъ только съ маленькими дѣтьми, несмысленочками; только относительно ихъ онъ былъ женственно нѣженъ, мягокъ, уступчивъ и снисходителенъ.

*) Анна Васильевна Войнова, рожд. Протопопова.

Фотот. П. Павлова

4.

П. М. Вишняковъ въ 1840-хъ годахъ.

Выходя изъ дѣтскаго возраста, ребенокъ терялъ привилегіи: баловать дѣтей отецъ считалъ вреднымъ, разъ они подросли. Что въ этомъ взглядѣ была система, доказывается словами отца, обращенными къ матери въ одномъ изъ писемъ (1846 г.): „Не балуй (дѣтей) ничѣмъ: гдѣ страхъ, тамъ и благочестіе". Память объ экзекуціяхъ сохранилась еще у внуковъ Петра Михайловича. Наказывая своихъ дѣтей, братъ Иванъ приговаривалъ: „не такъ насъ учивали въ дѣтствѣ!"

Несомнѣнно, отецъ отличался большою чувствительностью. Если его волновало что-нибудь, онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ. У него была привычка въ такихъ случаяхъ нѣсколько разъ возвращаться къ тому предмету, который его озабочивалъ. Это можно прослѣдить въ письмахъ, какъ по отношенію къ мелочнымъ, такъ и болѣе важнымъ случаямъ жизни. Въ 1827 г. по дорогѣ въ Нижній у него сломалась повозка. Объ этой мелкой житейской непріятности онъ разсказываетъ очень пространно, переходитъ затѣмъ къ другимъ предметамъ, а въ концѣ письма опять таки возвращается къ злополучной повозкѣ. Отголосокъ раздраженія слышится даже въ слѣдующемъ письмѣ. Взволнованный письмомъ матери относительно ея головныхъ болей и глухоты, отецъ три раза возвращается въ своемъ отвѣтѣ все къ этому вопросу, проявляя уже этимъ однимъ самое жестокое безпокойство (1837).

Когда отецъ сильно разстроганъ, то плачетъ. Эта черта подмѣчена была еще Семеномъ Алексѣевичемъ Алексѣевымъ, въ его письмахъ 1812 года. Это случается съ отцомъ нерѣдко по поводу какихъ нибудь радостныхъ или грустныхъ извѣстій объ его семействѣ, и онъ никогда не стыдится признаться въ этомъ. „Письмо твое и Надюшино получилъ", пишетъ онъ въ 1825 г., „равно отъ Ванюши и Сенюши и ученка нарисованная нашей *бойкой головы* *). Какъ ты меня утѣшила, что я отъ радости со слезами читалъ ваши оба письма!" „Читавши (письмо), я крайне радъ былъ и веселъ, но донизу дошелъ, что еще скучаешь, то въ одно мгновеніе слезы показались. Я такъ думалъ, что время забыть, а ты

*) Такъ называлъ онъ Людмилу, которой было 3 года. Мать моя имѣла обыкновеніе въ письмахъ посылать контуръ рукъ очень маленькихъ дѣтей, не умѣвшихъ еще писать.

еще изъ головы не бросаешь мысль сію“ (1828 г.). „Я письма читалъ твое и нашихъ дѣтей, плакалъ отъ радости, увидя Надюшино письмо, въ лавкѣ, при всѣхъ, безъ стыда. Вотъ каковы дѣтки! Я вспомнилъ слова старыхъ и опытныхъ людей“ (1829 г.). Причина особой радости при видѣ письма старшей дочери была та, что отецъ опасался передъ этимъ, что она больна. „Я увидѣлъ Сереженькину руку, смѣялся и плакалъ, и купцы, которые тутъ были — тоже. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „это видно матка ручку водила перомъ по бумагѣ“. Я всмотрѣлся и — вѣрно! Кажется, правду сказалъ сіе армянинъ“ (1833 г.).

Чувствительность отца не была поверхностной нервностью, проявлявшейся и исчезавшей безъ послѣдствій. Она получала практическое примѣненіе въ отношеніяхъ Петра Михайловича къ бѣдной роднѣ и подчиненнымъ. Отецъ умѣлъ уважать людей независимо отъ ихъ богатства. Нигдѣ въ письмахъ его не проглядываетъ преклоненіе передъ золотымъ тельцомъ, никогда онъ не стремится вращаться въ средѣ богатыхъ людей. Онъ упоминаетъ о своихъ встрѣчахъ съ ними совершенно равнодушно, ѣдетъ къ нимъ или принимаетъ ихъ, когда нужно, по дѣламъ или въ силу общественныхъ отношеній, но нельзя указать ни одно мѣсто въ его письмахъ, откуда можно бы заключить, что онъ особенно смаковалъ общеніе съ Алексѣевыми, Перловыми, Усачевыми, Лепешкиными и т. д. Напротивъ, нельзя не обратить вниманія на пунктуальность, съ которою онъ въ каждомъ письмѣ шлетъ усердные поклоны бѣднымъ родственникамъ, напр. сестрѣ своей Татьянѣ Михайловнѣ Хлѣбниковой, тещѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ Чориковой и бабушкѣ Дарьѣ Аѳанасьевнѣ Болдыревой. Послѣднія двѣ старушки, не имѣвшія своихъ средствъ, тихо доживали свой вѣкъ на его иждивеніи, въ маленькихъ квартиркахъ фабричнаго дома въ Полянскомъ переулкѣ. Мать моя нерѣдко упоминаетъ объ нихъ въ своихъ письмахъ, называя ихъ „наши старухи“. Дарья Аѳанасьевна была крестной матерью моей матери. Хотя она умерла, когда мнѣ было только четыре года и два мѣсяца (въ январѣ 1849 г.), однако въ памяти моей довольно хорошо сохранилась ея высокая фигура и старческое, обросшее сѣдою бородою лицо съ большимъ носомъ. Она скончалась въ глубокой старости. — На ряду съ этими родственницами отецъ

шлетъ всегда поклоны и почтеніе случайнымъ членамъ семьи: гувернанткамъ и учителямъ. Къ своимъ приказчикамъ онъ относится почти также, какъ къ роднымъ, о здоровьѣ ихъ увѣдомляетъ, какъ о своемъ собственномъ. „О себѣ увѣдомляю, что я и приказчики всѣ живы и здоровы, Богу благодареніе“ (1831). „Степанъ у меня захворалъ, однако, слава Богу, лучше“ (1827). На ярмаркѣ онъ живетъ въ одномъ помѣщеніи и ѣстъ за однимъ столомъ съ ними. Повидимому, люди уживались съ нимъ легко и удерживались подолгу — хорошій знакъ. Но будучи очень простъ и доступенъ, онъ знаетъ, чего слѣдуетъ требовать съ подчиненныхъ, держитъ ихъ въ рукахъ и не спуститъ неправильнаго поступка по отношенію къ себѣ. Если онъ сердится, то у него всегда къ этому есть болѣе или менѣе основательный поводъ. Хорошей чертой въ немъ была всегдашняя готовность сознаться въ ошибкѣ.

Слѣдуя православному обычаю, онъ не скупился на милостыню нищимъ, которые въ праздничные дни послѣ обѣдни обступали его и провожали всю дорогу отъ церкви до дома. „Очень часто“, пишетъ въ его некрологѣ о. Лебедевъ, „изъ среды сей нищеты онъ оказывалъ тѣмъ, которые заслуживали болѣе состраданія, значительнѣйшее пособіе, а иныхъ бралъ къ себѣ въ домъ, и тамъ уже награждалъ ихъ щедрою рукою. Кромѣ сего, онъ въ своемъ домѣ давалъ постоянный пріютъ бѣднымъ роднымъ, которыхъ питалъ, одѣвалъ и покоилъ, какъ членовъ своего семейства“. Послѣднія строки не могутъ относиться ни къ кому другому, кромѣ Н. С. Чориковой и Д. А. Болдыревой.

При случаѣ отецъ охотно ссылается на пословицы и поговорки. Онѣ служатъ указаніемъ на тотъ источникъ, откуда онъ почерпалъ свою практическую мудрость: бесѣды съ простыми, безхитростными людьми, жившими однимъ житейскимъ здравымъ смысломъ со всей его непосредственностью и наивностью. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Богу молиться — впередъ пригодится“. „Гдѣ страхъ, тамъ и благочестіе“. „Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость“. „Когда будетъ рожь, тогда будетъ и мѣра“. „Не жди начала, а жди конца: конецъ вѣнчаетъ дѣло“. „Своя ноша не тянетъ“. „На рукахъ и пальцы не равны“. „Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. „Подъ лежачъ камень и вода не потечетъ“. „Отъ

міру не прочь". „Жена мужемъ красна". „Спокойствіе сравниться ни съ чѣмъ не можетъ". „Ранняя птичка", т. е. рано принялся за дѣло и рано кончилъ. „Дорожка учитъ". „Въ гостяхъ — не на постланномъ". Замѣчаніе его: „я вспомнилъ слова старыхъ и опытныхъ людей", лучше всего указываетъ, какую цѣну онъ придавалъ житейскому опыту, не заботясь о незнакомой ему книжной мудрости.

Жизнь не баловала отца въ молодости, и это лучше всего отразилось на его простыхъ привычкахъ. Не имѣя потребности въ роскоши и совершенно чуждый чванства, онъ довольствовался немногимъ и находилъ удовольствіе въ томъ, о чемъ другіе и не говорятъ. Впечатлѣнія свои онъ подчасъ пересыпаетъ выходками своеобразнаго юмора. Посмотримъ, каковы его гастрономическіе вкусы. Упомянувъ, что хорошо пообѣдалъ, онъ охотно входитъ въ подробности и при случаѣ выписываетъ цѣлое меню своихъ нехитрыхъ блюдъ. „Мы всѣ здоровы. Ѣдимъ винегретъ изъ паюсной икры и свѣжихъ огурцовъ, севрюгу съ хрѣномъ, уксусомъ и огурцами. Уха изъ харчевни прекрасная и соты отличные. А чесноку еще мало пришлось покушать! Вотъ съ Успеньева дня начнемъ употреблять" (1841). Перечисливъ однажды кушанья, онъ прибавляетъ: „вотъ хоть это тебѣ написалъ: будто дѣло!". Изъ письма 1825 г.: „А я здѣсь теперь щи похлебываю, да еще съ чеснокомъ, да кашу гречневую поѣдаю, и баранинку кушаю *со всѣми моими прислужниками*". Упоминаніе о чеснокѣ имѣетъ особое значеніе. Мать моя его не выносила; находясь въ Нижнемъ, отецъ говоритъ съ удовольствіемъ объ употребленіи этого запретнаго плода, поддразнивая жену. „А я съ чеснокомъ щей накушался, забывъ, что ты, душенька, его не любишь; теперь сомнѣваюсь въ твоихъ со мною поцѣлуяхъ. Увѣдомь, ежели успѣешь, можно ли надѣяться въ нихъ". Шутка эта пользовалась въ семьѣ большой популярностью, и ее охотно повторяли и другіе. Въ одномъ изъ раннихъ писемъ сынъ его Семенъ пишетъ: „А насчетъ чеснока, любезнѣйшая маменька, папенька меня не слушаютъ: я его удерживалъ отъ онаго и приказаніе ваше исполнилъ" (1837 г.). Само собою разумѣется, посты строго соблюдались. Постомъ даже потребленіе чеснока считалось грѣховнымъ. „Чеснокъ ѣсть пересталъ", пишетъ отецъ въ 1837 г.

„ибо теперь постъ". „Поѣли хорошо икры паюсной съ провансkимъ масломъ и уксусомъ и послѣ выпили съ Панфилычемъ по чарочкѣ мадеры, а потомъ и чайку попили" (1828). — Очень любилъ отецъ соты. „Ѣдимъ соты лучшіе и спѣлые" (1833). Ему присылала это лакомство знакомая игуменья Крестовоздвиженскаго монастыря въ Нижнемъ. Большой охотникъ былъ отецъ до всякаго соленья, а потому всегда посвящаетъ этому предмету большое вниманіе. „Смотри, огурцы посолены-ли? брусника, клюква куплены-ли?" „Огурцы солить съ чеснокомъ и безъ онаго, а съ лимонами не надо" (1843).

Отецъ всегда брилъ гладко лицо; матери очень не нравилось, если онъ запускалъ бороду. Шутки на эту тему нерѣдки: „Цѣлую тебя до усталости, хотя борода еще не брита. Не колется ли, скажи? А съ чеснокомъ щи ѣдалъ въ полномъ удовольствіи" (1830). О посѣщеніи бани всегда упоминается. „Въ баню по сіе время не ходилъ", пишетъ отецъ въ 1828 г.; „весь черный въ грязи!" Въ другой разъ онъ высказываетъ шутливо: „насчетъ бани, я былъ только одинъ разъ здѣсь. *Чисто ходить не нужно. Это не въ Москвѣ!*" (1830). Въ Москвѣ топка нашей домашней бани составляла какъ бы общественное событіе. Къ участію привлекаются родственники, которые своевременно оповѣщаются. „Вчера топили баню", пишетъ мать моя 1839 г., „и всѣ перемылись. И Наденька, и зять нашъ, всѣ были. А ныньче старухъ посылаю". „Вчера топили баню и всѣ ходили: даже и Болдыревы дѣти пріѣзжали" (1840). По старому обычаю, отецъ всегда ходилъ въ баню мыться вмѣстѣ съ женою. Въ письмахъ его разсѣяно немало шуточныхъ замѣчаній по этому предмету.

IX.

Взгляды купечества на образованіе.

Отецъ мой вышелъ въ люди только путемъ труда, скопидомства и любви къ порядку, а потомъ не имѣлъ ни случая, ни необходимости оцѣнить значеніе образованности. Онъ ничего не читалъ, кромѣ одной газеты; отношеніе его къ библіотекѣ брата Михаила Михайловича показываетъ, что онъ даже враждебно относился къ книгѣ, какъ про-

водницѣ культуры. Конечно, его одного нельзя винить въ такомъ взглядѣ на просвѣщеніе: онъ только стоялъ на уровнѣ своей среды и своего вѣка.

Тогдашнее купечество не довѣряло просвѣщенію и не признавало для себя его необходимости. До средины 1850-хъ годовъ между нашей многочисленной родней и знакомыми не было ни одного лица съ университетскимъ образованіемъ. Старики держались того взгляда, что наука только отбиваетъ отъ дѣла, и съ своей точки зрѣнія были безусловно правы. Условія, среди которыхъ жило купечество, были до такой степени первобытны, что у человѣка, получившаго мало-мальски сносное образованіе, должно было являться непреодолимое желаніе уйти изъ этой среды. Конечно, этому бывали не разъ и примѣры. Старое поколѣніе запоминало это и сердилось, не будучи въ состояніи оцѣнить причины отвращенія.

Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія, напримѣръ, моего отца, что̀ требовалось для его сыновей? Требовалось, чтобъ они вышли хорошими купцами, поддержкой ему на старость и продолжателями его дѣла, которое кормило семью и давало хорошій барышъ. А что̀ для этого нужно? Нужно умѣть писать по-русски не столько правильно, сколько красиво, по-конторски, затѣмъ умѣть считать, то-есть знать четыре ариѳметическихъ правила съ выкладкой на счетахъ и учитывать векселя; наконецъ, такъ какъ, очевидно, завязывались отношенія съ нѣмцами, полезно было знать немножко по-нѣмецки. Это была чисто утилитарная и близорукая цѣль, но зато очень точно опредѣленная, безъ всякихъ широкихъ и туманныхъ горизонтовъ. Если сыновей образовывать дальше, то сдѣлаешь изъ нихъ только „ученыхъ", которые будутъ брезговать отцовскимъ дѣломъ, и оно, значитъ, рано или поздно обречено будетъ на погибель, а сами молодые люди подъ конецъ пойдутъ по міру. Наука плохо кормитъ, а въ чиновники имъ идти не къ лицу: зазорно состоятельному купеческому сыну отъ своего-то прибыльнаго дѣла записываться въ чернильныя крысы. Такимъ образомъ наука была страшилищемъ, враждебнымъ какъ семейнымъ, такъ и торговымъ интересамъ. Ея надо было чураться доброму купцу, сколько силъ хватаетъ, а не толкать на нее родныхъ чадъ. Да и не только

для купечества, а вообще-то, для чего она, эта наука, разсадникъ гордости, вольнодумства и безбожія? Во всѣхъ сферахъ впередъ выдвигались тогда вовсе не высокоумные гордецы и всезнайки. Кто правилъ, напримѣръ, столичнымъ городомъ Москвою въ концѣ 40-хъ годовъ? Его сіятельство графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, правая рука Государя, бывшій министръ, пользовавшійся Его почти безграничнымъ довѣріемъ, имѣвшій бланки, чтобы безъ промедленія препровождать „куда Макаръ телятъ не загонялъ" неблагонамѣренныхъ лицъ. А спросите графа, какого онъ мнѣнія объ ученыхъ?! Онъ, гляди, достигъ какихъ высокихъ степеней, а самъ-то грамотно двухъ строкъ написать не умѣетъ. На что ему? Значитъ, вовсе дѣло не въ учености, а въ доброй нравственности, да благочестіи, да послушаніи волѣ старшихъ. Таковъ былъ катехизисъ успѣха. Съ его точки зрѣнія, образованіе служило больше во вредъ въ практической дѣятельности, чѣмъ къ пользѣ, потому что власть имущіе сплошь и рядомъ предпочитали послушныхъ и исполнительныхъ невѣждъ и тупицъ, лишь бы не имѣть возлѣ себя людей развитѣе себя, — такихъ людей, которые способны „разсуждать", считать себя „умнѣе старшихъ", „критиковать приказанія". На эту тему можно бы было привести много иллюстрацій и трагическаго, и комическаго характера. Я разскажу анекдотъ, уцѣлѣвшій у меня въ памяти.

Одинъ изъ видныхъ представителей московскаго купечества, бывшій городскимъ головою, Семенъ Логиновичъ Лепешкинъ ѣхалъ однажды на Макарьевскую ярмарку въ сопровожденіи сына. Дорогою ихъ застала гроза. При каждой вспышкѣ молніи Семенъ Логиновичъ приподнималъ картузъ, набожно крестился и приговаривалъ: „Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ, свято имя Его!"

Не слыша ничего со стороны сына, Семенъ Логиновичъ обернулся и замѣтилъ на его устахъ ироническую улыбку.

„Ты это что жъ не крестишься?" спросилъ онъ.

— Я причины не вижу-съ, папенька...

„Какъ причины на видишь? А силы и гнѣва Божія не видишь въ небесномъ знаменіи?"

— Да вѣдь это что же съ? Электризмъ — и больше ничего.

Семенъ Логиновичъ замолчалъ и отвернулся. Гроза постепенно затихала. Они ѣхали лѣсомъ. Вдругъ Семенъ Логи-

новичъ приказалъ ямщику остановиться и сталъ вылѣзать изъ тарантаса.

„Слѣзай и ты“, скомандовалъ онъ сыну, „да ступай нарѣжь мнѣ березовый вѣникъ!“

Когда вѣникъ былъ нарѣзанъ, Семенъ Логиновичъ приказалъ растелить на травѣ коверъ изъ тарантаса, разложилъ сына и собственноручно высѣкъ его, приговаривая:

„Это тебѣ — за электризмъ, а это — за то, чтобъ ты причины зналъ, когда лобъ крестить“.

И эта расправа не мѣшала Семену Логиновичу быть, посвоему, очень умнымъ человѣкомъ. Во времена моего студенчества, слѣдовательно въ эпоху гораздо позднѣйшую, одинъ изъ старыхъ купцовъ, человѣкъ, безспорно, умный и съ большой инициативой, узнавъ, что я слушаю лекціи астрономіи, попросилъ разъяснить ему предметъ сей науки, выслушалъ мое толкованіе съ улыбкой и подъ конецъ иронически замѣтилъ: „И на что это тебѣ нужно?!“ Эта недовѣрчивость къ наукѣ и явное или тайное, пренебрежительное или прямо враждебное отношеніе къ людямъ, стремившимся стать выше общаго уровня, всегда встрѣчались, но никогда они не составляли такой характерной черты общественнаго и административнаго строя, какъ въ Николаевское царствованіе, и я полагаю, что этой общей подкладкѣ будетъ посвящено большое вниманіе будущимъ безпристрастнымъ историкомъ этой темной и жестокой эпохи, которую мнѣ пришлось пережить лишь на концѣ, ребенкомъ, но воспоминаніе о которой у меня сохранилось неизгладимо тяжелымъ впечатлѣніемъ. Люди, не пережившіе лично 50-хъ и 60-хъ годовъ, не могутъ и представить себѣ, что испытывали мы, современники, когда на престолѣ явилась благородная и свѣтлая личность императора Александра II. Это было настоящее воскресеніе изъ мертвыхъ для русскаго общества и народа.

X.

Воспитаніе старшихъ дѣтей. — Учителя и гувернантки. — Александра Егоровна.

Когда признано было, что пришла пора позаботиться объ образованіи дѣтей, въ домѣ у насъ появились учителя и гувернантки. До 1829 г. нѣтъ никакого намека на присутствіе какого-либо педагога. Только въ этомъ году впервые встрѣчаются имена какихъ-то Ивана Михайловича и Петра Матвѣевича, которымъ отецъ съ ярмарки шлетъ почтеніе. Моя мать припоминала, что Иванъ Михайловичъ былъ дядька, приставленный къ Ванѣ съ Сеней, а Петръ Матвѣевичъ — нѣмецъ, приходившій давать имъ уроки.

Въ 1830 г. упоминаются нѣмецъ-учитель и гувернантка нѣмка. Отецъ вначалѣ очень остороженъ съ этими новыми лицами и еще не знаетъ въ точности, какъ съ ними обращаться. „Тиргольцу отъ меня и Розенбахъ почтеніе, ежели найдешь нужнымъ, то скажи, а то оставь“. Но скоро ледъ таетъ, и отецъ, по обыкновенію, дѣлается привѣтливымъ. Въ слѣдующихъ письмахъ того же года читаемъ: „Аграфенѣ Карловнѣ (Розенбахъ) за приписку мнѣ усердное почтеніе; отъ меня прошу ее поблагодарить и пожелать отъ меня добраго здоровья и успѣховъ въ наукахъ нашихъ дѣтей“. „Тиргольцъ пишетъ, что Ваня худо слушается, то я ему пишу о семъ. Авось будетъ посмирнѣе!“ Въ это время Ванѣ было 10, Сенѣ 9, Надѣ 13, Людмилѣ 8 лѣтъ. Ни о какихъ другихъ учителяхъ не упоминается, хотя бы по русскому языку. Судя по позднѣйшимъ порядкамъ, русскому языку вмѣстѣ съ Закономъ Божіимъ долженъ былъ учить священникъ, и, кажется, въ это время эту должность исправлялъ настоятель нашей приходской церкви о. Алексѣй Ивановичъ Поповъ. Ниже будетъ указано, при упоминаніи о письмахъ Ивана и Семена, что результатъ усвоенія ими русской грамоты былъ неблестящій: оба сильно хромали по части правописанія. Но тогда за этимъ и не гнались.

Признаться, несовсѣмъ понятно, для чего отцу потребовались нѣмцы. Едва ли онъ сознавалъ духовныя преимущества нѣмецкой культуры, а навѣрное желалъ только, чтобъ дѣти выучились говорить и писать по-нѣмецки для торговыхъ цѣлей, хотя о дѣловыхъ сношеніяхъ съ иностранцами мнѣ ничего неизвѣстно отъ этого времени. Но, можетъ-быть, инстинктивно чувствовалось и превосходство западно-европейской образованности, хотя бы лишь съ одной узко-практической стороны. Отецъ, какъ умный и наблюдательный человѣкъ, не могъ не любоваться на выправку молодыхъ людей въ хорошихъ нѣмецкихъ семьяхъ торговаго міра по сравненію съ русскими. И въ другихъ купе-

ческихъ семьяхъ, поинтеллигентнѣе, въ это время уже начали брать иностранныхъ учителей и гувернантокъ. Мнѣ думается, тутъ дѣло не обошлось безъ сильнаго вліянія моей матери.

Однако ни герръ Тиргольцъ, ни фрейлейнъ Розенбахъ не удержались. Въ слѣдующемъ же году упоминается только одна гувернантка — Катерина Павловна, русская. Ей одной посылаются поклоны довольно регулярно въ каждомъ письмѣ 1831 и 1832 годовъ. Это была воспитанница Александровскаго института, вторая по порядку гувернантка Надежды Петровны. Въ письмахъ 1833 года она упоминается лишь одинъ разъ и притомъ не въ обычной формѣ, а церемонно: „Екатеринѣ Павловнѣ мое почтеніе изъявите“ — ясное дѣло, что между хозяевами и гувернанткой кошка пробѣжала. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ уже письмѣ отецъ пишетъ: „А насчетъ Катерины Павловны, то извѣстно, что она ищетъ больше знакомства“. Гувернантка ушла на другое мѣсто. Спрашивается, у кого же учились мальчики все это время.

Повидимому, циклъ ихъ образованія считался законченнымъ: въ 1834 году отецъ бралъ ихъ уже съ собою на ярмарку, а за Надю сватался женихъ: ей скоро должно было стукнуть семнадцать. Подростала и Милочка. Въ 1835 году былъ разговоръ о помѣщеніи послѣдней въ какой-то пансіонъ, но, кажется, это не осуществилось или пребываніе ея въ пансіонѣ было лишь очень кратковременное. Черезъ два года къ ней опредѣлили гувернанткой Александру Егоровну Дворецкую, о которой сейчасъ будетъ упомянуто подробнѣе. Милочку учили и рисованію. Въ бумагахъ сохранились двѣ или три ея копіи головокъ, сдѣланныхъ чернымъ карандашомъ съ оригиналовъ, безъ подписи. Кромѣ того, обѣихъ падчерицъ учили музыкѣ. Надеждѣ это впрокъ не пошло, а Людмила любила музыку и почти всю жизнь брала уроки на фортепіано.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ обычаѣ подносить родителямъ въ торжественные дни разныя нравоучительныя стихотворенія, переписанныя дѣтьми на почтовыхъ листахъ, разукрашенныхъ цвѣточками и гирляндами собственнаго издѣлія. Такихъ подношеній сохранилось нѣсколько. Всѣ они носятъ одинъ характеръ и имѣютъ одну цѣль: показать каллиграфическіе успѣхи дѣтей. Это любилъ Петръ Михайловичъ.

Александра Егоровна Дворецкая, воспитанница одного изъ московскихъ институтовъ, поступила гувернанткой къ Людмилѣ Петровнѣ въ 1837 г., а оставила нашъ домъ въ августѣ 1842 г., выйдя замужъ за Алексѣя Ивановича Ивашева, съ которымъ и уѣхала на винокуренный заводъ, въ сельцо Безсоновку, Саратовской губ., гдѣ Ивашевъ, получилъ мѣсто. Людмила Петровна вышла замужъ нѣсколькими мѣсяцами позже, въ октябрѣ того же года. Такимъ образомъ Александра Егоровна прожила у насъ лѣтъ пять; это одно уже указываетъ, что она сжилась съ нашей семьей. Мать моя сошлась съ нею довольно близко и, когда Александра Егоровна уже оставила наше мѣсто, поддерживала съ нею переписку въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Сохранившіяся письма бывшей гувернантки рисуютъ хорошо ея личность и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ и на нашу жизнь того времени, особенно въ связи съ отвѣтами моей матери, черновыя которыхъ уцѣлѣли.

Уже въ первомъ письмѣ Александры Егоровны отъ сентября 1842 г. упоминается о главной печали моей матери: А. Е. желаетъ, чтобъ ей „Богъ облегчилъ болѣзни и далъ душевное спокойствіе“. Въ декабрѣ того же года она поздравляетъ съ новобрачными (Паценковыми), при чемъ дѣлаетъ слѣдующее признаніе: „Я еще не открыла вамъ секрета, что причиною вашей свадьбы — я, потому что *я дернула скатерть, когда ѣхала къ вѣнцу*. Вы всегда желали устроить прежде Людмилу П., а потомъ и меня, но вышло иначе, какъ должно быть по старшинству“. Изъ этихъ строкъ мы видимъ, что почтенная менторша не была чужда предразсудковъ.

Въ маѣ 1843 г. она увѣдомляетъ о печальномъ происшествіи: у нея умеръ ребенокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она упоминаетъ о стѣсненномъ положеніи своихъ родителей, оставшихся въ Москвѣ. „Не дай Богъ испытать участи, подобной моимъ родителямъ! Благодарю Васъ, любезная А. С., что вы не оставляете ласками моихъ родныхъ. Убѣдительно прошу Васъ при свиданіи съ моей маменькой дать ей утѣшительные совѣты“. Изъ другихъ писемъ видно, что моя мать помогала ея роднымъ не одними совѣтами. „Если бы роди-

тели мои были со мною, я бы никогда не соскучилась". Она очень привязана къ мужу. „Я всегда неразлучна съ любезнымъ человѣкомъ, который очень мною дорожитъ. Онъ старается доставлять мнѣ всѣ удовольствія. Если въ свободное время я вздумаю ѣхать въ Саратовъ, то въ ту же минуту удалая тройка вороныхъ подана, и я черезъ 5—6 часовъ въ городѣ".

Письмо безъ числа, вѣроятно того же времени. „Пріятное письмо Ваше имѣла я удовольствіе получить. Какъ неизъяснима радость въ чувствахъ искренности! Я очень понимаю выраженіе словъ Вашихъ и вполнѣ ихъ чувствую, подобно Вамъ; впрочемъ, я нахожу себя очень счастливою въ расположеніи ко мнѣ чужихъ, уже не говоря о родныхъ. Я нерѣдко получаю письма, подобныя Вашимъ. Хотя и не много есть въ свѣтѣ искренности, но она ясно себя оказываетъ: истину съ ложью скоро можно отличить. Я вижу, моя почтенная А. С., что Вы цѣните вполнѣ мое къ Вамъ дружеское расположеніе, что̀ еще болѣе заставляетъ меня уважать Васъ, ибо не интересные разсчеты и не родственныя связи заставляютъ насъ быть близкими, но одно уваженіе взаимное". Я выписалъ дословно эту длинную тираду для характеристики нѣкотораго многословія почтенной Александры Егоровны. Такихъ изліяній у нея не мало, и они носятъ на себѣ несомнѣнную печать своего институтскаго происхожденія.

Письмо отъ 29 января 1844 г. За словообильнымъ выраженіемъ чувствъ, занимающимъ двѣ страницы, слѣдуетъ протестъ оскорбленной амбиціи, опять-таки чисто институтскаго характера. „Супругомъ же Вашимъ я крайне обижена. Неужели я всѣми искренними привѣтствіями не заслужила отъ него никакого вниманія? Онъ принялъ мое поздравленіе наравнѣ съ тѣми, которые 5-го октября (въ день именинъ отца) толпами приходятъ къ воротамъ Вашимъ и кланяются съ тѣмъ, чтобы выпросить какой-нибудь гривенникъ, но я написала отъ души мои чувства, по расположенію къ Вашему милому для меня семейству. По моему мнѣнію, участіе и дружба ничья не можетъ унизить и самого вельможу. Не знаю, чѣмъ могла я заслужить такое презрѣніе, а равно и новобрачный сынъ Вашъ (Иванъ Петровичъ), будучи молодымъ человѣкомъ, уже начинаетъ пренебрегать людьми, которые не такъ богаты,

какъ онъ. Можетъ-быть, ему не понравились мои дружескіе полезные совѣты, но ежели бы я не знала и не любила его еще дитей (!), то и не стала бы изъяснять того искренняго чувства, коимъ дорожитъ всякій благоразумный человѣкъ. Не изъ видовъ корыстолюбія, а отъ искренняго моего расположенія желаю Вамъ всякаго благополучія въ Вашемъ семействѣ, а наиболѣе здоровья и спокойствія". Вслѣдствіе обиды она не упоминаетъ при поклонахъ ни объ отцѣ, ни объ Иванѣ Петровичѣ, перечисляя однако поименно другихъ членовъ семейства.

Чѣмъ же они провинились? Изъ черноваго отвѣта матери видно, что они не отвѣтили Александрѣ Егоровнѣ на ея поздравительное письмо по случаю женитьбы Ивана Петровича. Вотъ что пишетъ моя мать: „Поистинѣ Вы напрасно считаете ихъ способными презирать Ваше расположеніе. Тутъ ничего болѣе нѣтъ, какъ только большія ихъ занятія мѣшали имъ избрать время отвѣчать Вамъ, а нѣсколько, можетъ, была и лѣность, откладывая дальше, но, впрочемъ, ни на волосъ пренебреженія: я за нихъ ручаюсь по этой части".

Я полагаю, этихъ выписокъ вполнѣ достаточно для характеристики Александры Егоровны. Разбирать другія ея письма изъ Саратовской губ. и изъ Могилева, куда она впослѣдствіи переселилась, не представляетъ интереса, потому что они не имѣютъ никакого значенія для исторіи нашего семейства.

Изъ черновыхъ отвѣтовъ моей матери видно, что она была искренно привязана къ бывшей гувернанткѣ, „давнишней своей собесѣдницѣ". Не разъ въ теплыхъ выраженіяхъ она высказываетъ ей свою дружбу. „О днѣ моего ангела Ваши поздравленія были для меня пріятны получить во-время. Не знаю, или Вы писали отъ истиннаго расположенія, что такъ особенно было мнѣ пріятно Ваше письменное объясненіе. Я даже послѣ исчисляла и думала: развѣ мало меня поздравляли? Почему же мнѣ не было такъ пріятно ни отъ кого, какъ отъ Васъ? Но потомъ я сама съ собой рѣшила: а вотъ почему есть разница. Всѣ поздравленія были отъ прочихъ по какимъ-нибудь связямъ и необходимости, а Ваше же изліяніе идетъ отъ одной доброй Вашей воли. Вотъ это-то и дорого найти для каждаго человѣка, но будьте увѣрены,

любезная моя, что я чувствую и цѣню въ полной мѣрѣ своей къ Вамъ признательности за Ваше доброе расположеніе и сердечное участіе къ давнишней своей собесѣдницѣ".

Эти строки очень многознаменательны. Мать моя не относилась къ числу тѣхъ экспансивныхъ натуръ, которыя охотно изливаютъ свои мысли и чувства передъ первымъ встрѣчнымъ. Въ ней былъ большой фондъ самообладанія и собственнаго достоинства. Поэтому слѣдуетъ признать, что это была настоящая дружба, которая только, по обстоятельствамъ, не могла быть продолжительной.

Я хорошо помню Александру Егоровну, потому что, потерявши мужа, она жила одно время, въ 50-хъ годахъ, въ Москвѣ и навѣщала насъ по праздникамъ. Это была не молодая женщина высокаго роста, съ крупными чертами лица, некрасивая, но съ большими добрыми глазами. Одѣта она была бѣдно, но чисто. Какъ теперь помню пеструю шаль — подарокъ матери, которую она всегда надѣвала для визита къ намъ. Ко мнѣ она никакого отношенія не имѣла: я только здоровался съ ней и большихъ разговоровъ не велъ. Обстоятельства ея были неблестящія. Знаю, что у нея была взрослая дочь, съ которой она и пріѣзжала къ намъ нѣсколько разъ. Она вскорѣ вышла вторично замужъ за нѣкоего Добровольскаго и уѣхала съ нимъ въ Могилевъ, откуда переписывалась съ моей матерью въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Что съ ней сталось подъ конецъ, я не знаю.

XI.

Мелкія записки отца къ матери.— Обзоръ его писемъ съ ярмарки съ 1825 по 1837 г. — Надежда Петровна выходитъ замужъ за В. Х. Протопопова.

Кромѣ главной корреспонденціи изъ Нижняго, среди бумагъ моей матери сохранилась масса мелкихъ записочекъ отца, присланныхъ ей изъ „города". Большая часть ихъ безъ даты, но съ помѣтой: „Китай". Сюжеты ихъ очень разнообразны. Часто онѣ содержатъ порученіе: прислать часы, реестръ, закрыть окна, такъ какъ очень сыро и т. п. Однажды отецъ проситъ прислать катехизисъ, вѣроятно, въ разъясненіе какого-нибудь богословскаго вопроса, поднятаго въ лавкѣ за стаканомъ чая. Нерѣдко онъ озабоченъ здоровьемъ домашнихъ. „Аннушка

очень холодно и вѣтряно. Ваточное платье надѣнь. Люди свои — не осудятъ". „Аннушка, моя милая, ежели тебѣ лучше давешняго, то поѣду къ Алексѣевымъ, а ежели хуже, то домой. Увѣдомь чрезъ Петра Сорочинскаго. Т. Л. П. В. Скажи правду, душенька". Обычные въ концѣ писемъ инициалы означаютъ: тебя любящій Петръ Вишняковъ; иногда бываетъ Т. В. Д. и С. П. В., что̀ означаетъ: твой вѣрный другъ и супругъ П. В—въ. „Увѣдомь, мой другъ Аннушка, въ какомъ положеніи Наденька. Терпѣнія нѣтъ и духъ потерялъ! Голова разстроена. Былъ ли докторъ при тебѣ и нѣтъ ли опасности сейчасъ? Что̀ онъ скажетъ, увѣдомь. Твой другъ вѣрный П. В. Въ 11 часовъ утра 13 января 1838 г. Якиманка". Въ это время Надежда Петровна была уже второй годъ замужемъ. Иногда говорится о визитахъ къ роднымъ, сообщаются новости о сватовствахъ въ купеческомъ мірѣ: Ольгу (Петровну) просватали за Егорова изъ Нижняго ряда, Екатерину Александровну за Серг. Ѳеан. Живаго, свояченицу Поземщикова за Фролова. Тамъ же просватали и сестру моей матери. Отецъ пишетъ: „Аннушка, завтра будутъ смотры Вѣры Сергѣевны въ 2 часа. Если нужно что̀, приготовься". При всей своей краткости эти записочки переносятъ необыкновенно живо въ ту эпоху, воспроизводя мелкіе, но животрепещущіе интересы дня. Однажды мать посылаетъ въ городъ запросъ: „Милый мой другъ П. М—чъ, сейчасъ присылала Анна Мих. Зѣвакина, проситъ насъ ноньче въ 4 ч. на танцы. Я сказала, что постараюсь быть. Такъ увѣдомьте меня: ѣхать, что ли, будете ли вы туда. Остаюсь супруга ваша Анна В." Отецъ отвѣчаетъ на томъ же клочкѣ бумаги: „Поѣзжай, мой другъ; и я буду, только отпущу Ивана съ Васильемъ въ 4 часа. А лошадь за мною не высылай, хотя и велѣлъ ей пріѣхать за мною. 1827 года, іюня 6 дня". Помимо подробностей, которыя сгруппированы въ другихъ мѣстахъ, здѣсь взято изъ писемъ отца все наиболѣе характерное по годамъ.

1825 г.

Нельзя не остановиться на выраженіяхъ большой нѣжности Петра Михайловича по отношенію къ женѣ. „Любезная сердцу моему Анюта, изъ послѣдняго письма твоего я замѣтилъ, что ты и по сіе время скучаешь. Это для меня

непріятно, судя по твоему *уму* и *характеру* (подчеркнуто въ подлинникѣ)". Онъ не скупится на нѣжные эпитеты и разнообразитъ ихъ. „Лапушка, миленькій мой дружочекъ Анютушка". „Цѣлую мои фаворитныя пальчики и тебя безъ счету". Онъ ведетъ сначала особую бухгалтерію поцѣлуямъ: въ первомъ письмѣ посылаетъ ихъ 1000, во второмъ 2000, въ третьемъ 3000, затѣмъ начинаетъ путаться и переходитъ на цифры гиперболическія и на общія выраженія. Съ самаго начала опредѣляется характерная черта его: предпочтеніе послѣднимъ изъ дѣтей. Теперь фавориты Людмила, которой три года, и Семенъ, которому четыре; старшей Надеждѣ было въ это время 8, Ивану 5 лѣтъ. „Вамъ и краснымъ дѣтямъ нашимъ посылаю миръ и мое родительское благословеніе. Нельзя ли, другъ мой, Сеню или Людмилушку прислать съ экстрою ко мнѣ? Я, скоро обратилъ бы тебѣ ихъ". „Дѣтей расцѣлуй, а Людмилушку покрѣпче, а Сеньку поцѣлуйте съ язычкомъ и скажите ему, что я такъ велѣлъ поцѣловать". Восьмилѣтней дочери посылается выговоръ: „Надюша что не подписала отъ себя поклону, хотя бы на твоемъ письмѣ? Прикажите ей написать... Что̀ Ваня, Сеня и Людмилушка говорятъ про меня, увѣдомь".

1826 г.

„За меня всѣхъ дѣтей по 3 раза поцѣлуй, а Сеню и Людмилушку лишняго по разику, ибо *они поменьше другихъ*". „А Надюшѣ скажи: я письмомъ ея остаюсь недоволенъ, ибо она дурно приписала на твоемъ письмѣ". „Напиши мнѣ, что̀ тебѣ купить да дѣтямъ. Кто учится хорошо, тому гостинецъ куплю, а кто худо, то плеточку". Кто училъ въ это время дѣтей, нигдѣ не упомянуто. „Ты пишешь, что долго писемъ не получала и не знала куда дѣться. Вотъ ужъ это не съ твоимъ умомъ быть такой! Помню я, ты меня учила быть поразсудительнѣе, то и ты, мой дружочекъ, миленькая, разсудливая будь и имѣй терпѣніе, а я тебя, дражайшая на свѣтѣ, цѣлую безъ счету до усталости".

Въ этомъ году должна была происходить коронація Николая I. Мать моя вмѣстѣ со старшей падчерицей ѣздила смотрѣть въѣздъ Государя и очень стремилась попасть на балъ, который Онъ хотѣлъ почтить своимъ присутствіемъ. Въ этомъ духѣ она послала запросъ мужу въ Нижній. Отецъ вообще не любилъ, чтобы жена безъ него куда-нибудь ѣздила, кромѣ церквей и ближайшихъ родныхъ, а потому отвѣчалъ ей: „Я былъ радъ, что ты и Надя видѣли въѣздъ нашего Государя. Касательно до балу, то, другъ мой, скажу тебѣ то, что чувствую. Надо вѣнцы, а они заперты. Брать — бросать не для чего безъ мужа*); опять же Царскую фамилію видѣли и еще при коронаціи увидите, и довольно! Я не совѣтую ѣхать". Матери пришлось отказаться отъ своего желанія, и отецъ высказалъ ей свое одобреніе: „Желаю тебѣ посмотрѣть коронацію въ полномъ удовольствіи и радости. А о балѣ — вѣрно. Да и хорошо, что обдумались: совсѣмъ нейдетъ!" Коронація происходила 22-го августа.

1827 г.

Въ одномъ изъ писемъ отецъ обращается къ дѣтямъ такъ: „Надежда, не лѣнись и не упрямься! Иванъ, не ломайся! Семенъ, тише бѣгай и не лѣнись читать! Милка, меньше крахачи (?) и тише дѣлай! А ежели маменька мнѣ напишетъ, что вы исполнять сего не станете, то я васъ любить переставать буду". Очевидно, онъ былъ въ отличнѣйшемъ настроеніи. Другое подобное мѣсто: „Спроси Ваню и Сеню, не согласится ли кто изъ нихъ со мною повидаться. Если кто согласіе изъявитъ, то въ коробкѣ уложить его, запечатать и по почтѣ отправить. И чѣмъ отзовутся, меня о семъ, милушка, увѣдомь". „А на закусочку цѣлую тебя 100.000.000 разъ, а дѣтей—вполовину твоего". „Цѣлую тебя 10.000.000.000 разъ, а дѣтей всѣхъ по 12 разъ". „Дѣтей поцѣлуй по 3 раза, а тебя безъ счета цѣлую и прижимаю къ сердцу моему".

Въ августѣ этого года въ Москвѣ праздновали побѣду надъ персами. Матери моей захотѣлось поглядѣть на торжество, и она съѣздила въ соборъ. Чего невиннѣе? Зная, однако, характеръ мужа, она предпочла не писать ему объ этомъ. Отецъ тотчасъ подчеркиваетъ ей эту выходку: „Милый другъ мой Анютушка... я имѣю свѣдѣніе, что ты, душа моя, была въ Кремлѣ при торжествѣ надъ персами, а ты

*) Говорится о вѣнцахъ для русскаго костюма, который былъ въ это время обязателенъ въ подобныхъ случаяхъ. Подъ словомъ „брать", вѣроятно, разумѣется „брать напрокатъ".

мнѣ объ этомъ ничего не пишешь, гдѣ бываешь. Ты знаешь, что я любопытливъ. Не мѣшало бы упомянуть и о семъ".

1828 г.

Отецъ ѣхалъ въ Нижній при очень дурной погодѣ. Онъ увѣдомляетъ изъ Бунькова: „Ну, другъ мой, дорога! Пословица говорится: дорожка учитъ. Правда, что учитъ, потому крайне дурна, вотъ она и безпокойна, и потому болѣе шагомъ и ѣхали... Гдѣ плыли, а гдѣ и ѣхали, то-есть грязно было и дождя довольно".

Упоминаніе объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ глухотѣ моей матери, часто встрѣчается въ перепискѣ. Впервые отецъ говоритъ объ этомъ въ 1828 году, въ письмѣ отъ 7-го августа. „Что твой шумъ и ноги? Увѣдомь обстоятельно меня обо всемъ съ первою экстрою. Пожалуйста, не забудь". Въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: „Я ожидаю отъ тебя увѣдомленія о ножкѣ милой, которая перевязана была при мнѣ, и о шумѣ въ головушкѣ прелестной". Изъ тона писемъ видно, что отецъ ничего серьезнаго въ этомъ шумѣ не видалъ. „Шумъ, душа моя, пройдетъ, думаю, навѣрное, ибо ты человѣкъ молодой".

Онъ не скрываетъ, что у него есть соглядатаи. „Читавши твое письмо, я крайне радъ былъ и веселъ, но до низу дошелъ, что еще скучаешь, то въ одно мгновеніе слезы показались. Я такъ думалъ, что время забыть, а ты еще изъ головы не бросаешь мысль сію. Богомъ прошу тебя оставить сію матерію, ибо промыслъ Божій — больше насъ знаетъ что дѣлаетъ. Сдѣлай милость, не грусти! *Мнѣ все напишутъ, въ какомъ ты положеніи безъ меня находиться будешь, и для меня будетъ тяжело, если напишутъ правду. Отъ кого ты и не воображаешь, тотъ напишетъ!* Увѣренъ въ тебѣ, милая на свѣтѣ для сердца моего, что ты, любя меня, все бросишь изъ головы и по моему желанію сдѣлается". „Поцѣлуй дѣтей по 3 раза, ежели они того достойны, а если нѣтъ, то увѣдомь: я здѣсь куплю на нихъ плеточку. Надя, не упрямься! Ваня, не лѣнись! Сеня, лясъ не точи и болѣе учись! А Милка, не реви попусту!" Какъ, однако, отецъ бывалъ строгъ, видно изъ слѣдующаго. Однажды, желая угодить, Иванъ написалъ ему отдѣльное

письмо. Эффектъ вышелъ неожиданный: отецъ узрѣлъ въ этомъ нарушеніе семейной дисциплины и разсердился. „Ты, милая, пишешь, что дѣти письма не пишутъ, а съ тою же почтою (я) получилъ записку. Думаю, Ванюша писалъ въ конторѣ, то какъ онъ осмѣлился писать безъ маменькинаго позволенія? Я нарочно посылаю письмо и пишу о семъ, дабы ему послужило впредь урокомъ, и за это ему чаю утромъ не дайте!"

1829 г.

Если въ прошломъ году отецъ ѣхалъ въ Нижній въ ненастье и холодъ, зато въ этомъ „въ дорогѣ жару и пыли было довольно". Къ тому же дорогой изломалась повозка. Гнѣвенъ былъ отецъ, когда писалъ уже первую записку изъ Филипповскаго. „Въ досадѣ трудно писать письма, но я, любя тебя, милую мою супругу Анну Сергѣевну, исполняю данное слово. Досада же моя состоитъ на повозку, а именно около кузова шалнеры изломались, подпорки простѣнныя и все прочее ломается, а отъѣхали только 70 верстъ. Не знаю, какъ доплетемся до назначеннаго мѣста! Впрочемъ я здоровъ и всѣ мои товарищи, но только скучно, когда ломается около повозки. Сердце слышало мое, что не хотѣлось купить такую, а хотѣлось дешевую. Гораздо бы лучше я сіе сдѣлалъ. Но что дѣлать! видно такъ опредѣлено свыше... А Василью вели зайтить къ телѣжнику и сказать ему о повозкѣ. Буду помнить эту работу Болотскую! ...Авось Богъ донесетъ до ярмонки, а тамъ починкою исправлю или промѣняю". Пришлось новую повозку бросить дорогой. Эпилогъ исторіи находится въ слѣдующемъ письмѣ: „Я въ цыновочной дурной повозкѣ пріѣхалъ. Повозку новую я послалъ обратно въ Москву. Вели кучеру свезти ее тому телѣжнику, у коего она куплена, и оставить ее у него до моего пріѣзда".

Получивши какъ-то отъ жены письмо, писанное на розовой бумагѣ, П. М—чъ галантно отвѣчаетъ: „отъ розы и письмо розовенькое получилъ, то-есть, милая моя Анютушка, отъ тебя". Какъ озабоченъ отецъ, если кто-либо изъ дѣтей заболѣлъ! „Объ Надюшѣ ничего не пишешь, что она больна и чѣмъ. Для меня это непріятно. Два сына писали, а она нѣтъ. Увѣдомь, душа моя, Христа ради, чѣмъ больна.

Нѣтъ ли кашля? Не болитъ грудь или бокъ?“ Ничего опаснаго не оказалось, и въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: „Послѣднимъ письмомъ ты, душа моя, меня спокоила насчетъ Надюши. Я нѣсколько дней былъ въ большомъ безпокойствѣ и не зналъ, какъ дождаться письма. Самъ ходилъ отъ лавки на почту три раза. Теперь покоенъ со стороны этой. Проздравляю тебя, лапушка, съ постомъ и (съ) симъ праздникомъ (Преображенья), а также и съ переходомъ въ старые покои *). Дай Богъ намъ всѣмъ жить мирно въ нихъ во всякомъ благополучіи и добромъ здоровьѣ съ нашими любезными дѣтьми!“ Но не всегда дуютъ зефиры, иногда задуваетъ и аквилонъ. Вскорѣ послѣ этого въ одномъ письмѣ читаемъ: „Сеня очень дурно написалъ ко мнѣ письмо: или лѣнился, или спѣшилъ, либо нездоровъ. Халата ему не привезу: скажи ему!“

1830 г.

Замѣтка о путешествіи въ Нижній: „Во всю дорогу вѣтръ дулъ сильнѣйшій. А о пыли сама едва ли можешь вообразить! Столь велика, что не видно, куда и гдѣ ѣхали. Въ дорогѣ ѣли мы щи изъ капусты верхняго листа, что̀ у насъ бросаютъ коровѣ, и она худо ѣстъ — это мною замѣчено“.

Еще 2-го марта, у моей матери родился сынъ первенецъ Сергѣй. Слѣдуя своей обычной манерѣ, отецъ больше всего интересуется имъ. „Сергуша, я чаю, обо мнѣ стосковался?“ „Благодарю тебя за дѣтскія письма и ручку написанную Сереженьки“... „Дѣтямъ нашимъ посылаю мое благословеніе. Сергѣй меня не узнаетъ, я думаю“. Въ этомъ году мать мою лѣчилъ нѣкій Оппель. Отецъ пишетъ: „ты не хотѣла меня увѣдомить о лѣченіи, и будто я забылъ. Нѣтъ, мой другъ, ты въ этомъ ошибаешься. Я тогда забуду, когда засну или умру“. „Тебя обрадовать, удивить, спокоить, сдѣлать сюрпризъ — это дѣло мое“.

1831 г.

И въ этомъ году упоминается почти объ одномъ Сергушѣ. „О Сереженькѣ ни слова не пишешь“. „У Сергуши ножки расцѣлуй“. „О Сереженькѣ увѣдомь меня, другъ мой, здо-

*) Въ этомъ году происходилъ въ домѣ ремонтъ.

ровъ онъ совсѣмъ или нѣтъ, и все ли кушаетъ, и каково принялся за кушанье. Радъ, что ты пишешь здоровы всѣ, а что скучаешь, что время долго идетъ, какъ быть? Ты у меня была умна и разсудительна. Неужели ты безъ меня сего лишена? Кажется, тебя Богъ одарилъ разумомъ, то онъ можетъ-быть одинаковъ какъ при мужѣ, такъ и въ отсутствіи его. Ты знаешь, душа моя, я здѣсь не безъ дѣла“.

1832 г.

Передъ отъѣздомъ отца на ярмарку, 2 іюля 1832 г., родился его четвертый сынъ Владиміръ. Объ новорожденномъ говорится въ письмахъ: „Что̀ мой Володенька? Каковъ? Ничего не пишешь“. О Сергушѣ уже такъ часто не упоминается, какъ прежде. „Что мой Ваня *пономарь?*“ „Отъ 6-го числа твое письмо получилъ и отъ Ванюши тоже, но отъ Наденьки, не знаю почему, нѣтъ письма. Вѣрно лѣнива писать ко мнѣ.... А Ванюшѣ скажите, что онъ хуже прежняго пишетъ по-русски, чего я отъ него не ожидалъ“.

„Между прочимъ ты пишешь, что я мало пишу къ тебѣ и коротко. Скажи пожалуй, что̀ я буду писать тебѣ длинно? Вѣдь у меня здѣсь голова-то всегда занята: есть о чемъ подумать! Довольно того, что слава Богу живы, здоровы и торгуемъ порядочно“.

1833 г.

„А ты, милая, пишешь, что ночь худо спала и во снѣ тебѣ приснилось, будто мы ссорились съ тобою. Это знакъ хорошій: вѣрно еще будемъ жить дружнѣе“. „Скучно безъ полученія писемъ отъ того любимаго предмета, котораго люблю до крайности! Сдѣлай удовольствіе, посылай письма во вторникъ и въ пятницу утромъ“. „Тебѣ скучать стыдно. Ты не первый годъ замужемъ. Вонъ Ригинъ нынче первый годъ какъ женился, да двумя днями раньше сюда пріѣхалъ. Скучать не должно! А молиться Богу надо. Я выѣду изъ Москвы одинъ разъ въ годъ, а другіе отъ 5 до 10. Тутъ каково?“ „Будь здорова, весела, не скучай. *Вѣдь надо дѣло дѣлать!* Пословица говорится: подъ лежачъ камень вода не потечетъ, а *стараться надо. Ослабѣвать и лѣниться еще хуже*“. „Ты мнѣ пишешь выговоръ. Я не на такой конецъ

писалъ, какъ ты пишешь, а на такой, что перемѣнить нечѣмъ, а ѣхать надо. Ну же это продолжается болѣе 20 лѣтъ! А это само собою разумѣется: чѣмъ дальше, тѣмъ другъ къ другу сильнѣе имѣть надо любовь. Тебѣ извѣстна моя къ тебѣ любовь и расположеніе. Но нужно имѣть о семъ сужденіе". Иногда П. М — чъ подписывается такъ: „Извѣстный тебѣ по всѣмъ частямъ супругъ и другъ вѣрный П. В." „Преданный тѣломъ и сердцемъ П. В."

Въ этомъ году вышелъ строгій наказъ: „Письма дѣтямъ всѣмъ прикажите написать по одному въ недѣлю. Довольно будетъ съ нихъ! И чтобы никто не сочинялъ кромѣ ихъ самихъ. Дѣтей за меня поцѣлуй, другъ мой, по 3 раза, а Ванюшу особенно еще 3, и Сеню тоже, да Сереженьку тоже, да Володю, да и всѣхъ поцѣлуй не меньше что пишу. Ванино письмо у меня здѣсь расхвалили, и Сени недурно. Правду сказать: писать хорошо — пора! Одному 14-й, а другому 13-й".

1834 г.

Отецъ взялъ съ собой на ярмарку въ первый разъ двухъ старшихъ сыновей.

Ѣхали по Стромынкѣ. Вначалѣ „ѣхали не слишкомъ удачно, потому что мостовины все. Комары дѣтей искусали довольно, особенно Сеню: былъ похожъ совершенно на калмыка и подъ глазами приливъ. Остановка за лошадьми была: рѣдкую станцію дожидались 2 часа, а то 3 и 4, и проѣхали $3^1/_2$ сутокъ. А я всегда болѣе $2^1/_2$ не ѣздилъ. Въ воскресенье въ вечеру изъ Юрьева мы ѣхали ночью до Гавриловой Слободы. Застала насъ гроза: громъ, молніи, сильная темнота, дождь сильный во всю ночь. Напугались до сыта!... „Печка дрóчитъ (?)", пословица есть, „а дорожка учитъ". Молодые спутники его очень интересуютъ; онъ слѣдитъ за ними и сообщаетъ свои наблюденія. „Въ дорогѣ безпокойства большаго не видалъ съ дѣтьми". „Письмо твое получилъ и радъ, что вы всѣ, мои милые, здоровы, а какъ дошелъ до строчекъ Сереженьки и Володи, то и поплакалъ. У меня дѣти были въ дорогѣ хороши и здѣсь тоже. Только досадно, что привыкли спать безъ подушекъ, оттого и приливъ у Сенюшки пропадаетъ худо. Лѣкарь велѣлъ умываться холодною водою въ день разъ по 6. Онъ сіе дѣлалъ одинъ

день, а послѣ не велѣлъ умываться я ему. Какъ въ дорогѣ, равно и здѣсь пройдетъ, думаю, такъ". „Дѣти мнѣ въ дорогѣ не наскучили, а равно и здѣсь. Я очень радъ, что взялъ ихъ обоихъ. Не знаю, что дальше будетъ". „Сережѣ скажи, что я видѣлъ зайчиковъ много сѣренькихъ и бѣленькихъ, ножки малеснія (?) и бѣленькія. Я одного было поймалъ и хотѣлъ ему послать съ почтою, но вырвался у меня изъ рукъ и убѣжалъ". „Я очень радъ, что вы всѣ здоровы и получили мои три письма. *А чтобы васъ забыть, того не должно быть никогда, а когда развѣ закроются глаза: тогда ужъ дѣлать нѣчего! Ты, моя милая, и дѣти наши изъ головы никогда не выходятъ*". Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ встрѣчается очень деликатная черта по отношенію къ сыновьямъ, еще мальчикамъ. „Дѣти скучаютъ, что ты имъ писемъ не пишешь. Напиши имъ по одному, а также и сестрамъ вели! Они ждутъ почты, какъ Богъ знаетъ чего. Они мнѣ, слава Богу, подсобляютъ, кое-что дѣлаютъ, а Ваня въ книгу записываетъ счеты, пишетъ и векселя. Всѣ меня благодарятъ и хвалятъ, что я ихъ обоихъ взялъ. Про Сеню всѣ единогласно говорятъ, что весь въ меня". „Прошу тебя увѣдомить о Володенькѣ, каковъ онъ, покрѣпче ли становится или въ одномъ положеніи*)". Благодарю тебя за Сережу, что ты его безъ меня писать выучила. Немало меня утѣшила его рученка". Едва ли четырехлѣтній мальчикъ могъ знать настолько грамотѣ, чтобъ самому писать: навѣрное, мать водила его рукою.

Все шло обычнымъ чередомъ, какъ вдругъ отъ матери пришло тревожное письмо отъ 14-го августа. Оно не сохранилось, но, судя по отвѣту отца, можно догадываться, что въ Москвѣ боялись пожаровъ либо поджога. Внѣ себя отъ безпокойства, отецъ пишетъ отъ 18-го августа:

„Любезнѣйшій мой другъ Анна Сергѣевна, дражайшая супруга, я получилъ отъ тебя письмо отъ 14-го, увѣдомленіе все видѣлъ съ прискорбіемъ самымъ горькимъ и теперь не приду въ себя. Ночи не спятся! Не знаю, какъ бы окончить дѣла, да скорѣе къ вамъ ѣхать и васъ всѣхъ, моихъ любезныхъ, спокоить сколько можно. Отъ власти Божіей ни-

*) Володя, по словамъ моей матери, былъ въ дѣтствѣ очень болѣзненнаго сложенія, такъ что не надѣялись, что онъ выживетъ.

куда не уѣдешь! Ты, моя милая, имѣй присутствіе духа. Прежде время такъ безпокоиться и себя разстраивать не нужно. Богъ милостивъ! Авось онъ насъ Своею милостію не оставитъ, а Матушка Царица Небесная Казанская, родительское благословеніе, Своею ризою защититъ! Я радъ, что вы всѣ здоровы. Я думаю теперь отъ тебя письмо получить завтра и буду видѣть что̀ ты мнѣ напишешь. Въ случаѣ, что здѣсь не докончу, то Ваню оставлю съ приказчиками докончить, но теперь въ скорости уѣхать отсюда нельзя, теперь самое время нужное, продажа, полученіе денегъ, разсчеты. А ты вели дворнику и кучеру ночью стеречь. Они выспаться могутъ днемъ, а и съ двора не вели никуда ходить. А быть дома равно и Сергѣю Никитину и Егору Васильеву! Вели сказать, чтобы они не ходили съ двора. О себѣ и дѣтяхъ увѣдомляю, что мы всѣ здоровы, чего и тебѣ съ дѣтьми желаю отъ души и сердца, а дѣтямъ посылаю мое благословеніе. Отъ Алексѣевыхъ писемъ я не получалъ: они ни къ кому не пишутъ сюда. Я тебя слушаюсь, душа моя, стараюсь сколько возможно имѣть присутствіе духа и тебя прошу: береги ты свое здоровье! Оно для меня и семейства нашего драгоцѣнно и даже неоцѣненно! Вѣдь этимъ не пособимъ. И какъ приведу свои дѣла къ концу, то минуты не буду имѣть здѣсь быть. Болѣе писать нечего, какъ только всѣмъ вамъ дай Богъ здоровья и укрѣпи Господи ваши силы въ терпѣніи и спокойствіи. Не унывать, а бодрствовать, молиться Богу съ усердіемъ, и Царицѣ Небесной Неопалимыя Купинѣ масло чтобы горѣло днемъ и ночью непремѣнно. Въ такихъ обстоятельствахъ Ее надо просить. Цѣлую тебя, другъ мой милый, до усталости и надѣюсь, что ты симъ письмомъ успокоишься, а я буду стараться всячески окончать свои дѣла и скоро къ вамъ возвратиться. Еще тебя цѣлую и еще тоже. Твой премноголюбящій супругъ и вѣрный другъ Петръ Вишняковъ". (Прилож. L.)

Это было послѣднее письмо П. М—ча: онъ не выдержалъ и ускакалъ въ Москву.

1835 г.

Ѣхали по Владимиркѣ. „Сеня опять сдѣлался калмыкомъ... Дорогою дождя почти не было, а только до Владиміра дорога

очень дурна была: все мостовыми, деревяннымъ накатникомъ ѣхали. Очень тряско и безпокойно".

Семья все увеличивалась. 14-го марта этого года родился предпослѣдній сынъ Петра Михайловича — Михаилъ. Ко времени пребыванія на ярмаркѣ новорожденному было около 5 мѣсяцевъ. Отецъ относится къ нему съ свойственной ему горячностью. „Володю прошу тебя, мой другъ прелюбезнѣйшій, поцѣловать лишній разъ, да кстати еще Сергѣя. А Мишу 3 раза лишнихъ противъ всѣхъ. Благословляю я съ своей стороны ему привить оспу". Въ другомъ письмѣ: „Сереженьку поцѣлуй 12 разъ и скажи ему, что (бы) Володю не дразнилъ, а берегъ бы его. Володю поцѣлуй тоже 12, Мишу 15 разъ, Надю 6, Милушку 3"... Это градація указываетъ, что къ тринадцатилѣтней Милушкѣ отецъ совершенно иначе относится, чѣмъ къ трехлѣтней. Характерно сведеніе поцѣлуевъ до минимума для женскаго поколѣнія. Письмо заканчивается такъ: „Сереженькѣ скажи, чтобы онъ учился хорошо и не лѣнился бы. Наденька мнѣ не пишетъ: вѣрно залѣнилась!... Вдобавокъ 100000 разъ тебя цѣлую. Да смотри же не сердись!" На письмѣ помѣта рукою матери: „милый и любезный другъ души моей".

И въ этомъ году отецъ проситъ мать писать письма двумъ старшимъ сыновьямъ, находившимся съ нимъ на ярмаркѣ. „Напиши, мой другъ, дѣтямъ по письму: они не знаютъ какъ получить его отъ тебя. Не лѣнись!" Сережѣ и Володѣ куплены въ подарокъ два кубаря, „которые визжатъ". „Письмо отъ 9-го сего мѣсяца (августа) твое получилъ и *отъ дружковъ моихъ* Сереженьки и Володеньки. Они меня очень утѣшили"... Надю, Милушку, Сережу, Володю, *голубчика моего*, и Мишу расцѣлуй по 3 раза".

1836 г.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Нижній отецъ увѣдомляетъ: „А Володѣ Сенюшка купилъ жеребеночка въ Гавриловой слободѣ за 20 руб. ассигн. Онъ называется „Панокъ", шерстью черненькій, а ножки бѣленькія. Прелестный жеребеночекъ, красавецъ собою... Только съ тѣмъ, чтобы Владиміръ Петровичъ былъ посмирнѣе, и слушался бы, и не бѣгалъ шибко". Въ этомъ году всѣ переболѣли эпидемически кашлемъ и въ Нижнемъ и въ Москвѣ. Отецъ сперва самъ лѣчилъ Ванюшу каплями

Датскаго короля и грудной травой, но потомъ его паціентъ захворалъ какой-то сыпью на лицѣ и на тѣлѣ, для излѣченія которой пришлось обратиться къ доктору Егору Егоровичу Эвеніусу. Самъ отецъ сильно кашлялъ, такъ что у него голова болѣла отъ натуги; кромѣ того, у него были какія-то двѣ сухія болячки на плечѣ. Мать мою отъ такого же кашля лѣчилъ какой-то Лигда, о которомъ упоминается въ письмахъ не разъ. Относительно глухоты матери дѣло шло чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: она отчаявается въ возможности исцѣленія. Отецъ пишетъ: „Чувствую очень твою болѣзнь... Между прочимъ ты пишешь: „страдать въ жизни до конца". Поразила меня сія строка до глубины сердца и до слезъ: я бросилъ бы дѣло, да уѣхалъ бы къ тебѣ, моя милая, ежели можно (бы) было, то и полетѣлъ бы на крыльяхъ". Нерѣдко онъ прибѣгаетъ къ наивнымъ утѣшеніямъ. „А что тебѣ кажется, будто ты хуже слышишь, это пустое прежнее воображеніе. Я пріѣду, Богъ велитъ, въ Москву: ты будешь слышать совершенно хорошо, увѣряю тебя моею къ тебѣ любовью". „Люблю тебя, милая Аннушка, до смерти", пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Къ 16-му августу въ Нижнемъ ждали Государя. „Вчерашній день насъ вечеромъ приглашалъ голова Колесовъ для обсужденія по случаю пріѣзда Государя Императора (эти два слова всегда пишутся крупными буквами, какъ въ оффиціальныхъ бумагахъ), чтобы сдѣлать обѣдъ. По сему предмету сдѣлана подписка и пожертвовали 28250 руб., въ томъ числѣ и я 400 руб. *Дѣлать нечего! Отъ міру не прочь!*" „Государь сегодня (18 августа 1836 г.) ѣдетъ на пароходѣ въ Казань".

Еще два года тому назадъ, когда Надеждѣ Петровнѣ шелъ 17-й годъ, за нее начинали свататься женихи. „А насчетъ Надюши", писалъ отецъ съ ярмарки, „судьба Божія выйдетъ, и чѣмъ Богъ обрадуетъ, то и будетъ. А Звѣрева очень хвалятъ: я выправлялся". Сватовство это не привело ни къ чему. 8 ноября 1836 г. Надежда Петровна была выдана замужъ за Василія Харлампіевича Протопопова, 3-й гильдіи купца, переписавшагося въ купечество изъ мѣщанъ въ 1832 г. Новобрачной было 19 лѣтъ, новобрачному 39. Василій Харлампіевичъ былъ полный мужчина средняго роста, съ круглой, довольно коротко остриженной головой, бритымъ сангвиническимъ лицомъ и короткими бакенбардами; одѣвался всегда въ длинный, наглухо застегнутый, черный

сюртукъ и носилъ высокіе остроконечные, туго накрахмаленные воротнички, подпиравшіе ему подбородокъ. Онъ былъ хорошій семьянинъ, но держалъ себя съ напускной важностью, напоминавшей резонеровъ старинныхъ комедій, и судилъ очень авторитетно обо всемъ, а преимущественно о политикѣ, въ которой считалъ себя почему-то очень компетентнымъ. Повидимому, онъ нѣсколько завидовалъ тому уваженію, которымъ пользовался отецъ, и непрочь былъ при случаѣ подчеркнуть свою самостоятельность. Эта черта была рано у насъ подмѣчена. Отецъ не безъ ироніи пишетъ однажды: „мое почтеніе г-ну Протопопову и Его супругѣ, а дѣтей ихъ поцѣлуй" (1842). Мать моя считала его гордымъ. „Василій Харлампіевичъ пріѣхалъ вчера", пишетъ она въ томъ-же году;... „я къ зятю ходила поздравлять съ пріѣздомъ; онъ однако говорилъ, что самъ ко мнѣ собирался идти. Ну, да я предупредила, такъ какъ знаю, что *онъ любитъ честь*. Онъ насъ всѣхъ одарилъ гостинцемъ, мнѣ и Людмилушкѣ подарилъ по платью шерстяной матеріи модной, очень хорошенькой, а дѣтямъ по сапогамъ. Примѣтно, что нашъ зять торговалъ хорошо". Василій Харлампіевичъ велъ торговлю мануфактурнымъ товаромъ. Надежда Петровна была полная, статная дама, съ круглымъ русскимъ лицемъ, открытымъ и добродушнымъ. У нея были темнорусые волосы и сѣрые глаза; къ старости у нея на верхней губѣ выросъ весьма опредѣленный пушокъ. Она была простая, но хорошая женщина, любящая супруга и мать. Конечно, она благоговѣла передъ своимъ величавымъ супругомъ и не смѣла при немъ и пикнуть.

Протопоповы жили въ своемъ домѣ, полученномъ Надеждой Петровной въ приданое, на Малой же Якиманкѣ въ двухъ шагахъ отъ насъ. Это былъ большой двухъэтажный, очень помѣстительный барскій домъ съ мезониномъ. Въ немъ была прекрасная зала и гостинная съ потолкомъ расписаннымъ картинами въ медальонахъ. Длинный балконъ съ цвѣтными стеклами выходилъ въ чудный тѣнистый садъ. У насъ былъ садъ хорошъ, но Протопоповскій былъ еще лучше. Я помню густыя аллеи разросшихся акацій, большіе цвѣтники съ яркими цвѣтами, высокія деревья, переросшія домъ и почти закрывавшія вѣтвями балконъ, запахъ свѣжести и влаги, который чувствовался къ вечеру. Но мать моя именно

по этой причинѣ считала Протопоповскій садъ черезчуръ глухимъ и сырымъ и предпочитала нашъ болѣе открытый для солнца*).

Изъ двухъ падчерицъ Надежды и Людмилы ближе къ моей матери во всю свою жизнь стояла старшая, которая была проще и добрѣе младшей. Мачиха и падчерица не очень многимъ отличались по возрасту, имѣли независимое положеніе, сходились въ характерахъ и вкусахъ и жили почти рядомъ. Неудивительно, что съ Надеждой Петровной у моей матери сохранились установившіяся раньше хорошія отношенія. Безпрестанно изъ одного дома въ другой снуютъ записочки. То мать моя даетъ порученіе купить ей матеріи; то Наденька спрашиваетъ совѣта какое шить платье; при случаѣ мать моя желаетъ знать, какое средство помогало Наденькѣ отъ тошноты при беременности; иногда Наденька проситъ назавтра откушать. Лѣтомъ было большее удовольствіе провести вечеръ въ ихъ густомъ саду. Словомъ, мы бывали нерѣдко у сестры, и Протопоповы навѣщали насъ часто. Это было, можно сказать, единственное намъ родственное семейство, съ которымъ мы жили долгое время почти на дружеской ногѣ. Я говорю: „почти", потому что соблюденіе условнаго этикета съ той и другой стороны было обязательно, какъ форма, которой необходимо придерживаться.

1837 г.

„Дорога жаркая, сухая, пыльная. Кабы ты на меня теперь взглянула, сказала бы что-нибудь!... Весь я теперь въ жару, поту, пыли; глаза отъ пыли худо глядятъ. А умываться погожу, пока въ себя приду: руки трясутся за скоростію".

„А насчетъ ушей, сдѣлай милость, не безпокойся; вѣдь это въ руцѣ Божіей состоитъ, а не въ человѣческой. Надо имѣть покойный духъ и не думать: вотъ и пройдетъ" „Ежели ты любишь мужа и дѣтей, то послушай меня, ду-

*) Владѣніе это въ настоящее время принадлежитъ Иверской общинѣ и значится подъ полицейскимъ № 19. Церковь выстроена какъ разъ на мѣстѣ сада (1904 г.).

рака*): не думай и будь вольнымъ духомъ какъ бы ничего не было. Гораздо лучше, я замѣчалъ это, — и все пройдетъ при помощи Бога и его святыхъ угодниковъ. Вѣдь надо разсудить!"

Уже появленіе такого рода утѣшеній, какъ: „Имѣй духъ свободный, ни о чемъ не думай!" свидѣтельствуетъ, что болѣзнь приняла дурной оборотъ и что отецъ самъ потерялъ всякую надежду. Онъ нѣженъ попрежнему. Въ концѣ одного письма находится приписка: „Еще ворочусь тебя хоть три раза поцѣловать и обнять".

Отецъ не забываетъ посылать замужней дочери и мужу ея почтеніе въ письмахъ. Надежда Петровна никогда не была ретивой корреспонденткой отца, а съ выходомъ замужъ стала лѣниться еще больше. Отецъ не можетъ къ этому привыкнуть, сердится и безпокоится, „здорова ли, что ничего не пишетъ".

Въ этомъ году Москву и Нижній посѣтилъ Наслѣдникъ. Мать моя, большая охотница до лицезрѣнія высокихъ особъ, ѣздила въ собраніе, чтобъ видѣть его и другихъ членовъ Царской фамиліи; отецъ съ своей стороны сообщаетъ о проѣздѣ Наслѣдника черезъ Нижній: „Наслѣдникъ 13-го (августа) пріѣхалъ въ 4 ч. у.,... былъ въ соборѣ и на выставкѣ; оттуда заѣхалъ въ лавку Сазикова, купилъ самоваръ, а у Губкина корзинку серебряные,...уѣхалъ 14-го въ 6 ч. у. при мнѣ. Въ это время я ходилъ въ церковь помолиться".

XII.

Начало переписки моей матери съ пасынками.

Переписка моей матери съ пасынками начинается съ 1834 г., когда отецъ взялъ ихъ съ собой впервые на ярмарку. По письмамъ ихъ можно судить о степени полученной ими образовательной подготовки, совершенствовать которую далѣе у нихъ уже не было возможности, такъ какъ съ этой поры отецъ привлекъ ихъ всецѣло къ занятіямъ по своему торговому дѣлу. Было бы безцѣльно приводить

*) Этотъ народный оборотъ рѣчи встрѣчается только одинъ разъ въ письмахъ отца, зорко соблюдавшаго вездѣ свое достоинство. Впослѣдствіи это было привычное выраженіе у моего старшаго брата Ивана Петровича, къ которому оно, значитъ, перешло по наслѣдству.

образцы этихъ писемъ. Ихъ очень много, но въ общемъ они такъ однообразны, что можно довольствоваться ихъ общей характеристикой.

У Ивана очень недурной, четкій почеркъ; становится понятнымъ, глядя на него, что купцы 30-хъ годовъ любовались имъ къ радости и гордости Петра Михайловича. Зато ярко выступаетъ и слабая сторона: плохое знаніе русской грамматики. Странно, что пишущему неясно даже употребленіе прописныхъ буквъ: онъ пишетъ „братцы“ съ маленькой буквы, а „Сестрицы“ съ большой. Но, принимая во вниманіе время, грамотность Ивана очень сносная для 15-лѣтняго купеческаго сына 1830-хъ годовъ. Надо только припомнить, какъ писали Аракчеевъ, Паскевичъ Эриванскій и приснопамятный графъ Закревскій.— Семенъ писалъ хуже брата и по почерку, и по орѳографіи. У него встрѣчаются ошибки вопіющія: *поздравляю* онъ пишетъ въ два слова; переноситъ съ одной строки на другую *ва — съ* и *остаю — съ*. Всю жизнь свою онъ писалъ *ндравитца, видьтца, боятца* и т. д.

Содержаніе писемъ изъ году въ годъ одинаково. Сначала — увѣдомленіе о собственномъ пріѣздѣ и о приходѣ товара; потомъ „начинаемъ торговать“; жалобы на малолюдство, которыя либо усиливаются къ концу, либо уступаютъ мѣсто похвалѣ, что ярмарка вышла удачная. Иногда сообщается цѣна на тотъ или другой товаръ, интересующій мою мать, напр. чай, грибы и т. п.; какой подарокъ кому нибудь купилъ или намѣрены купить; такой-то купецъ изъ Москвы пріѣхалъ, а такой-то собирается уѣзжать. Состоянію погоды удѣляется постоянное вниманіе: вчера было холодно, нынче тепло, а завтра что Богъ дастъ. Зубы у кого-нибудь разболѣлись или кто кашлять сталъ. Въ церкви у обѣдни были. Чувствительнѣйшая благодарность за полученное письмо. Поздравленіе съ праздникомъ. Послѣднее сопровождается иногда краснорѣчивыми пожеланіями въ родѣ: „дай Богъ вамъ его встрѣтить, проводить и многихъ таковыхъ дождаться во всякомъ благополучіи и радости“. Таковъ скудный матеріалъ этихъ писемъ. Все это сдабривается изъявленіями любви и преданности. Есть письма, которыя цѣликомъ состоятъ изъ такихъ изъявленій и не содержатъ даже ничтожныхъ фактическихъ данныхъ. Тѣмъ дороже

рѣдкія замѣтки, которыя хоть слегка указываютъ на особенности духовной или матеріальной жизни пишущаго. Въ этомъ отношеніи Семенъ очень рано проявляетъ большую самостоятельность, большее самоопредѣленіе, чѣмъ Иванъ.

Мать моя, разумѣется, рекомендуетъ имъ слушаться и угождать отцу. Иванъ на это отзывается такъ: „Я стараюсь угодить папенькѣ во всемъ, чтобы со временемъ занимать его мѣсто“. Не такъ просто Семенъ: „за пожеланіе въ письмѣ папенькиномъ намъ быть умнѣе и послушнѣе, за что покорнѣйше васъ благодарю: послѣднее желаніе ваше мы исполняемъ въ точности, а первое остается въ рукахъ Божіихъ и во времени“ (1835).

Мать моя не требуетъ многаго, вполнѣ довольна письмами пасынковъ и даже признаетъ себя передъ ними виноватой. Она пишетъ отцу „Прошу васъ поблагодарить и дѣтей за ихъ письма: они такіе добрые, часто ко мнѣ пишутъ, а я у нихъ въ долгу и прескупая на расплату“. И въ другой разъ: „Прошу извинить меня дѣтей нашихъ большихъ, что я ноньче имъ не успѣла ничего написать. Я имъ очень благодарна, что они меня не оставляютъ своими письмами: я у нихъ очень, очень много въ долгу“ (1842). Два года спустя: „Низкій поклонъ прошу передать любезному нашему сыну Ивану Петровичу за его доброе расположеніе: я ему очень благодарна, что онъ меня не забываетъ. Самъ Богъ его не забудетъ“ (1844).

XIII.

Обзоръ переписки моихъ родителей съ 1838 по 1841 г.

1838 г.

Начиная съ этого года сохранилась вся переписка моихъ родителей: и письма отца изъ Нижняго и письма моей матери изъ Москвы. Это даетъ возможность слѣдить за обмѣномъ мыслей между ними, присутствовать какъ бы при ихъ живомъ разговорѣ. Новобрачные Протопоповы пріѣзжали вдвоемъ на ярмарку. Это доставило большое удовольствіе отцу: кажется, онъ былъ доволенъ партіей, которую сдѣлала Надежда Петровна. „Надя и Василій Харлампіевичъ у меня были вчерась, а я сегодня у нихъ на минуту...

Зятю рекомендую покупателей“. Эти взаимныя посѣще
часто повторяются: „вчерась у зятя и дочери послѣ об
мы пили все чай и угощаемы были вареньями ея трудо
Они ѣздили въ городъ и въ монастырь“. Какъ водится,
дежда Петровна должна была писать письма мачихѣ. У
изъ опыта прежнихъ лѣтъ извѣстно, что она не ох
ница была до корреспонденцій. Вотъ ея ярмарочныя в
чатлѣнія: „Мы вчера смотрѣли ученыхъ блохъ. Какъ п
лестно танцуютъ вальсъ двѣ! Одна одѣта дамой, а д
гая кавалеромъ во фракѣ“. „Мы были у Кленина
магазинѣ. Хотѣла ему платье сшить отдать вороново кры
гродафрикъ. Менѣе не беретъ, какъ 15 ассигнаціями,
марля, кости, коленкоръ чтобъ было наше, а сошьетъ не
рошо и важничаетъ, что онъ прелестно шьетъ, и въ Моск
все болѣе онъ шьетъ на знатныхъ господъ. Такъ мы и у
и не отдали ему, а отдали Демонсіе за 10 р. ассиг
Мужъ ея, всегда склонный къ резонерству, приписывае
„Начались у насъ сборы въ Москву такимъ же порядко
какъ изъ Москвы: хлопотъ, суеты много! Вотъ отчего ѣзди
съ дамами невыгодно“. Такъ какъ однако онъ сознается,
„ярмарку провели довольно весело, скуки не было“, то мож
заключить, что присутствіе молодой жены было для н
нелишнимъ. Упоминается и о посѣщеніи театра. Оте
увѣдомляетъ: „Протопоповъ былъ вчерась въ театрѣ и д
были съ нимъ“. „Вчерась сыновья мои выпросились въ теат
съ Степаномъ. Дѣлать нечего! Отпустилъ, удовольствіе и
сдѣлалъ. Самъ хотѣлъ съ ними идтить, да сіи и проч
строки остановили“. Объ этомъ же Семенъ пишетъ: „М
съ Наденькой и ея мужемъ были въ театрѣ, смотрѣли *Эсм
ральду*, а за оною *Титулярнаго Совѣтника въ домашне
быту*, въ коихъ одного игралъ Санктъ-Петербургскій акте
Григорьевъ, а другаго Московскій — Живокини. Эсмераль
играла г-жа Орлова: она здѣсь съ мужемъ играла въ послѣ
ній разъ вчера“. Въ другой разъ Иванъ извѣщаетъ, ч
„вчера глядѣли *Уголино*“.

Конечно, съ обѣихъ сторонъ съ любовью говорятъ о д
тяхъ. „Что мой Миска? не тоскуетъ ли по мнѣ?“ спраш
ваетъ отецъ. Мать моя отвѣчаетъ: „Осталась съ свои
рѣзвыми мальчишками: сейчасъ ихъ буду поить чаемъ.
Мишутка нашъ все на всѣхъ насъ хочетъ жаловаться вам

зпрестанно грозитъ: я папенькѣ скажу, хотя и самъ въ
емъ виноватъ“... „Вчера ѣздили къ обѣднѣ поздней въ Ка-
ши: Володю и Мишу причастили“.
Какъ о выдающемся происшествіи съ ярмарки сообщаютъ
громадномъ пожарѣ въ селѣ Городецъ (въ 30 верстахъ
тъ Нижняго), при чемъ выгорѣло до 1200 домовъ.

1839 г.

Подчасъ отецъ былъ склоненъ видѣть умыселъ тамъ, гдѣ
го вовсе не было. Въ первомъ же письмѣ онъ нахо-
итъ, что проводы ему изъ Москвы со стороны дѣтей
е были достаточно теплыя. „Только Володя, Людмила и
Надюша плакали, а тѣ, беззаботные, ничего! Видно они
еньше любятъ меня“. До какой степени люди тогда были
кономны видно изъ слѣдующаго. По дорогѣ въ Нижній
отецъ и ѣхавшій съ нимъ Ваня растеряли картузы. „До-
адно было въ жаръ сегодня ѣхать въ шапкѣ крымской“,
пишетъ отецъ. Мать моя стыдитъ ихъ. „Ужъ вѣрно вы, мой
другъ, въ дорогѣ крѣпко спали, что картузы растеряли.
Это простительно однимъ рохлямъ, а не вамъ, молодцамъ
расторопнымъ“. Кажется, не велика была бѣда, и въ Ниж-
немъ легко было достать себѣ новые картузы, которые отслу-
жили бы свою службу. Нѣтъ! Отецъ предпочитаетъ выписать
старый картузъ изъ Москвы. „Картузъ пуховой старый от-
дай Аѳанасью. Пускай онъ при товарѣ пошлетъ на мѣсто
потеряннаго. Онъ годится“. Еще въ маѣ этого года у Про-
топоповыхъ родилась первая дочь Анна. Отецъ, не разъ
справляется о внучкѣ. „Вотъ еще ошибку сдѣлалъ было
написать. Внучку за меня 3 раза поцѣлуй“.
Мать моя продолжала жаловаться на головныя боли и
глухоту. Ее лѣчитъ Герасимъ Ивановичъ Кораблевъ, ставшій
съ этихъ поръ нашимъ домашнимъ врачомъ*). По его совѣту

*) Герасиму Ивановичу очень довѣряли, и, кажется, онъ лѣчилъ у насъ до самой своей смерти; по крайней мѣрѣ мать моя еще въ 1856 г. пользовалась его совѣтами. Я его хорошо помню. Это былъ высокій, сухощавый старикъ съ бритымъ лицемъ, голубыми глазами, вздутыми губами и высокимъ сѣдымъ кокомъ на лбу. Онъ служилъ при какой-то больницѣ и являлся къ намъ не иначе, какъ въ синемъ форменномъ фракѣ съ золотыми пуговицами и съ Владиміромъ на шеѣ.

она ѣздитъ на воды. Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, содержимое тогда извѣстнымъ химикомъ Германомъ, помѣщалось во 2-мъ Ушаковскомъ пер., на Остоженкѣ. Мать моя пишетъ: „Здоровье мое, мой другъ, видно въ однихъ рукахъ Божіихъ. Ужъ видно не убережешься, когда Богъ что нашлетъ, какъ ни тяжко, а видно надо терпѣть". Характерно письмо отъ 1-го августа: „Нынѣшную ночь я васъ видѣла во снѣ и такъ была рада, что все свое горькое положеніе забыла въ сію минуту. Вы пишете, мой другъ, чтобы я вамъ что о себѣ утѣшила васъ. Не знаю, что вамъ на это отвѣчать. Тяжело и грустно, вотъ больше нечего сказать. Теперь только и молю Бога, чтобъ Онъ меня укрѣпилъ въ терпѣніи. Сама не постигаю, что я не могу привыкнуть столько времени къ своему положенію. Вѣдь и сама разсуждаю часто: „что же дѣлать? видно такъ надо случиться, коли такъ мнѣ назначено судьбой". Но нѣтъ, это бываетъ не надолго: потомъ опять скука, тоска несносная сдѣлается, и не умѣю вамъ всего описать, что иногда происходитъ въ душѣ моей. Я больше вамъ ничего не могу объяснить лучше, что я, видно, самая несчастная. Это не то, чтобъ былъ ропотъ на Провидѣніе. Нѣтъ, это ясно можно понять, если кто вникнетъ во все хорошенько".

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ она пишетъ: „вчерась у насъ былъ Кораблевъ и меня разрѣшилъ: видно, я ему надоѣла. Велѣлъ все оставить и руку заживить". Отсюда можно видѣть, что Кораблевъ пробовалъ лѣчить мою мать, открывши ей фонтанель на рукѣ. Дѣлалось это не столько противъ глухоты, вопросъ о которой, кажется, былъ порѣшонъ, сколько противъ головокруженія. Указаніе на это находится въ письмахъ пасынковъ съ ярмарки. Иванъ сожалѣетъ, что у мачихи „голова кружилась. Желаю вамъ отъ искренняго моего сердца быть совершенно здоровымъ и вылѣчиться безъ насъ отъ глухоты, чтобы намъ было по пріѣздѣ видѣть васъ въ совершенномъ слухѣ". Нѣсколько иначе относится Семенъ: онъ настоятельно требуетъ со стороны мачихи *особаго* письма. Благодаря за полученное, онъ пишетъ: „жаль только, что одно обоимъ, но что дѣлать, когда голова вамъ помѣшала". Кончая, онъ прибавляетъ: „въ ожиданіи отъ васъ особаго письма".

1839 годъ ознаменовался важной денежной реформой.

Разсчеты производились тогда, главнымъ образомъ, на бумажныя деньги, „ассигнаціи". По первоначальному условію ихъ выпуска рубль ассигнаціонный признавался равнымъ рублю золотому или серебряному. Однако, чтобы выйти изъ финансовыхъ затрудненій, вызванныхъ войнами съ Наполеономъ, было выпущено такое количество бумажныхъ денегъ, которое совершенно не соотвѣтствовало металлическому запасу Государственнаго Казначейства, и послужило къ значительному паденію ихъ цѣнности. Такъ какъ въ международныхъ торговыхъ отношеніяхъ главной валютой всегда оставалась лишь металлическая, то ея цѣнность все возрастала, тогда какъ бумажный рубль все обезцѣнивался. Колебаніе курса вызвало спекуляцію на „лажъ", то-есть на ту приплату, которая сдѣлалась неизбѣжной при обмѣнѣ ассигнаціонной валюты на металлическую. Это создавало для торговли положеніе крайне неустойчивое и тяжелое. Продавши или купивши товаръ по извѣстной цѣнѣ на срокъ, купецъ не зналъ, сдѣлалъ ли онъ выгодную или невыгодную операцію, такъ какъ не могъ предвидѣть, каковъ будетъ лажъ въ тотъ моментъ, когда ему придется получать или уплачивать деньги. Такое положеніе, разумѣется, вызывало ропотъ, для устраненія котораго тогдашній министръ финансовъ, нѣмецъ изъ Гессена, графъ Канкринъ, и предпринялъ фиксацію бумажной валюты по отношенію къ металлической. Въ сущности это было замаскированное государственное банкротство. Реформа имѣла цѣлью признать установленнымъ фактъ, что Государственное Казначейство не въ состояніи уплачивать по ассигнаціямъ рубль за рубль звонкой монетой, и на основаніи этого опредѣляла новое точное отношеніе обезцѣненнаго бумажнаго рубля къ металлическому. Разстроенное финансовое хозяйство признавало себя такимъ образомъ безсильнымъ поднять курсъ бумажной валюты и находило выгоднымъ установить со своими кредиторами сдѣлку, которая дѣлалась возможной только благодаря авторитету самодержавія.

А между тѣмъ торговый міръ отнесся къ этой реформѣ очень сочувственно. Мѣра, по существу своему неправильная, нарушавшая интересы владѣльцевъ бумажныхъ денегъ самымъ вопіющимъ образомъ, привѣтствовалась какъ благодѣяніе. Это объяснялось тѣмъ, что неудобства лажа были крайне

чувствительны для всѣхъ, а надежда на улучшеніе бумажной валюты давно потеряна. Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ, Канкринская реформа была своевременна и полезна: она послужила къ облегченію денежныхъ расчетовъ и безповоротно избавила Государственное Казначейство отъ сотенъ милліоновъ долга, который признавался неподлежащимъ уплатѣ.

До какой степени колебаніе цѣнъ на бумажную валюту безпокоило торговлю, видно изъ письма отца отъ 5-го августа: „Ярмонка тиха, да промѣны насъ безпокоятъ. Съ каждымъ купцомъ надо много толковатъ о лажѣ, а теперь слышно, что лажу не будетъ". На это мать моя отвѣчаетъ отъ 8-го августа: „У насъ въ Москвѣ всѣхъ вскружили деньги. Говорятъ, такая вездѣ безтолочь, кто какъ хочетъ, тотъ такъ и беретъ, а будто бы ужъ велѣно съ 10-го числа установить вездѣ по новому. Увѣдомьте о семъ, какъ о семъ и какъ вѣрнѣе вы слышали. Теперь говѣю; не знаю, какъ попу давать. Говорятъ, всѣ товары стали дороже. Какая суматоха! Спросить, такъ сами не понимаютъ, что̀ затѣеваютъ. И богатому теперь достанется порядкомъ, а бѣдному каково?!" — Отецъ отвѣчаетъ 12-го августа: „Здѣсь раньше вашего монета стала: ассигнаціи всѣ безъ лажу, и будетъ хорошо, во всѣхъ мѣстахъ единообразіе, и убытку уже не будетъ тогда никому. А нынѣшній годъ, какъ быть, понесутъ убыточекъ всякій по своему состоянію. А попамъ давать надо все тоже, что̀ и прежде. Чтобы не болѣе!" Къ этому отецъ прилагаетъ таблицу цѣнъ серебряныхъ рублей по отношенію къ ассигнаціямъ: „рубль — 350 коп. ассигнаціями, полтинникъ — 175 коп., четвертакъ — 87½ коп., двугривенный — 70 коп., пятиалтынный — 52½ коп., гривенникъ — 35 коп., пятачекъ — 17½ коп."

Какъ видится, безопасность на ярмаркѣ въ осенніе ночи становилось сомнительной. „Желаю оканчивать свои дѣла", пишетъ моя мать, „да къ намъ въ Москву подвигаться,...а тамъ, говорятъ, *вечера страшно жить*".

1840 г.

Въ мартѣ этого года Семенъ посылался въ Ростовъ (великій) на ярмарку. Это былъ новый рынокъ для сбыта издѣлій нашей фабрики.

При поѣздкѣ въ Нижній у коляски изломались рессоры и ремни. „Насъ экипажъ мучилъ всю дорогу", пишетъ отецъ. По обыкновенію, въ письмахъ много ласковыхъ обращеній къ дѣтямъ: „дѣтей цѣлую по 5 разъ, а ты за меня поцѣлуй по 2 раза, да помилѣе (!)". „Сереженькѣ, Володѣ и Мишѣ скажи, милая, что имъ писать не знаю что: духу еще такого нѣтъ. Вчерась дѣти смотрѣли „Парашу Сибирячку". Что бы ни дѣлалъ Петръ Михайловичъ, а мысль о семьѣ не покидаетъ его. „А ты напрасно пишешь, чтобы я не пожалѣлъ о всѣхъ васъ. Одной минуты не пройдетъ, чтобы вы у меня вышли изъ головы".

Маленькая замѣтка матери о Мишѣ указываетъ на сильную воспріимчивость у пятилѣтняго ребенка. „Вы Мишу огорчили, письма ему не прислали. До того расплакался, что я была должна написать письмо отъ вашего имени и сказала, что нашла послѣ въ пакетѣ. Вотъ тутъ онъ и обрадовался и спокоенъ сталъ, побѣжалъ всѣмъ показывать мнимое ваше письмо. А большой (Сергѣй) потерялъ, не читавши: тоже были слезы".

Обыкновенно Петръ Михайловичъ укорялъ жену за ошибки и за дурной почеркъ, теперь укоряетъ за умыселъ писать крупно. „Письмо твое", пишетъ онъ 13 августа 1840 года, „получилъ и содержаніе онаго видѣлъ. Ты пишешь будто много — это напрасно, потому что рѣдко строка и крупны слова. Я это вижу! Ты меня хочешь обмануть!" Мать моя уже свыклась съ обвиненіями и переносила ихъ съ христіанскимъ терпѣніемъ. Въ первомъ письмѣ этого года она пишетъ покорно: „Повѣрь Богу, что эта рука хоть и гадко пишетъ, но чувствуетъ не такъ". Въ другомъ письмѣ: „вы, мой другъ, посмѣетесь: знаю напередъ, что гадко я написала. Что дѣлать! Спѣшу, и перья гадкія, и къ обѣднѣ пора". Но на сей разъ она обидѣлась: „Удивительно мнѣ, мой другъ, на васъ", отвѣчаетъ она отъ 16-го августа, „что я не угожу вамъ писать: и строки рѣдки, и крупно, и мало, и Богъ знаетъ что. Да еще что же говорите?! Будто я васъ обманываю этимъ, чего у человѣка ни въ умѣ, ни въ помышленіи не было. Я васъ давно просила, чтобъ вы оставляли безъ себя хорошаго писца, который бы могъ васъ вполнѣ удовлетворить, а я не могу и не умѣю лучше. Давно вамъ въ томъ сознаюсь: съ молоду не выучена, а теперь

уже устарѣла, да опять же конечно очки, слава Богу, увеличиваютъ: это я знаю. Комиссія большая для меня эти письма! Не потрафлю вамъ писать! А я не на писаніе ваше смотрю всегда, а на духъ вашъ: здоровы ли, покойны ли. Вотъ что мнѣ нужно въ письмѣ вашемъ". Отецъ, очевидно, созналь свою неправоту и въ слѣдующемъ письмѣ обошелъ благоразумнымъ молчаніемъ этотъ протестъ.

Несмотря на свой умъ, мать моя отдавала дань вѣку, вѣрила въ блаженныхъ, юродивыхъ и въ сны. Послѣдніе она охотно разсказывала и старалась разгадать ихъ таинственный смыслъ, руководствуясь сонникомъ, помѣщеннымъ въ старомъ Брюсовомъ календарѣ. Въ этомъ году она пишетъ отцу: „Я ноньче ночью видѣла васъ во снѣ, и будто вамъ перевязывали рану на боку. Теперь сердце ноетъ: боюсь, здоровы ли вы, а знаю, что отъ васъ теперь правды не дождешься. Вотъ и думай, сиди!".

Отца выбрали въ этомъ году директоромъ въ коммерческое отдѣленіе Государственнаго банка, о чемъ онъ увѣдомляетъ такъ: „Меня, мой другъ, выбрало Общество здѣшнее директоромъ въ коммерческую контору Государственнаго коммерческаго банка. Со мною Солодовниковъ, Владиміръ Ильичъ, Московскій и Вологодскій Василій Ивановъ Грудинъ товарищи" (письмо отъ 5 августа). Мать моя спрашиваетъ: „Вы пишете, что васъ выбрали въ службу директоромъ въ банкъ, но я не понимаю, трудна эта обязанность или нѣтъ?" Кратко и вразумительно отвѣчаетъ отецъ: „должность директора — деньги кому дать, кому нѣтъ. Насъ 4-ро. А быть въ присутствіи не болѣе ½ часа". Что обязанности директора банка не были обременительными, видно изъ письма Семена отъ 20-го августа: „Папенька ходитъ въ присутствіе только на полчаса и въ такое время, когда всѣ обѣдаютъ и никого не бываетъ".

О бережливости, царствовавшей въ хозяйствѣ, даетъ понятіе одно изъ писемъ матери. „Вы, мой другъ, всегда только мнѣ говорите, чтобъ я чай берегла, а того не скажете, что у насъ семейка; вѣдь пустымъ мѣстомъ не напоишь! Да еще же люди. Вы знаете нашу мамушку*). Оставьте ей жидкій чай, такъ достанется. „Очень хорошо", скажетъ, „я вѣдь вина не пью, такъ ужъ жалко порядочную чашку чаю имъ за мою услугу". Вы это все сами знаете ея зачеты. И то теперь всегда сама наливаю; когда кто и бываетъ, такъ почти всегда прошу къ столу за чай и сама наливаю"

*) Дѣло идетъ о старой нянѣ Маврѣ Прокофьевнѣ.

А вотъ клочекъ великосвѣтскихъ исторій, въ которомъ фигурируютъ извѣстная поклонница знаменитаго архимандрита Фотія, графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская и богатый помѣщикъ Казаковъ, владѣлецъ большаго сосѣдняго съ нами дома. „Въ Успеньевъ день", пишетъ моя мать, „у насъ обѣдня была поздняя: это графиня Орлова-Чесменская у насъ заказывала ее и была сама у обѣдни. Говорятъ, она одарила щедро весь причтъ. Я теперь вѣрю, что говорятъ насчетъ Казакова и ея: видно это правда. Нашъ священникъ чудо какъ съ нею былъ ласковъ: послѣ обѣдни вынесъ крестъ и весь народъ остановилъ до тѣхъ поръ, пока она приложилась. Она нѣсколько привѣтствовала его словами. Ее еще нельзя назвать старухой: такая видная и ловкая! Жалѣю, что не видала ее въ лицо. Онъ очень недуренъ собой и видный". На это отецъ довольно равнодушно отвѣчаетъ: „Насчетъ графини здѣсь слухъ былъ, что она вышла за К., но я не вѣрю, а такъ какъ нибудь по расположенію къ нему она расположена".

1841 г.

Въ самомъ началѣ года мать моя занесла въ свою записную книжку: „14-го дня генваря померла наша няня Мавра Прокофьевна и похоронена на Даниловскомъ кладбищѣ, именины 3-го маія". Покойная „мамушка" вѣрою и правдою прослужила нашему семейству болѣе 20 лѣтъ и выходила всѣхъ рожденныхъ при ней дѣтей моего отца отъ обоихъ браковъ. Отецъ упоминаетъ объ ней не разъ въ письмахъ; мать моя также очень цѣнила ее, называла „преданной" и записала имя ея въ свой синодикъ наряду со своими родными. Конечно, старая няня была настоящимъ членомъ нашей семьи.

Тотчасъ по отъѣздѣ отца на ярмарку, мать моя захворала диссентеріей. Зная, какъ такое извѣстіе могло обезпокоить отца, она предпочла совсѣмъ не писать ему объ этомъ.

Отецъ узналъ объ ея болѣзни со стороны, когда опасность уже миновала. „Письмо твое и отъ дѣтей получилъ“, пишетъ онъ отъ 2-го августа. „Читалъ съ радостію и поплакалъ, что ты мнѣ не все пишешь, а о чемъ — сама знаешь. *У меня, другъ мой, оставлены люди, которые напишутъ все и про тебя, и про все*“. Мать моя отвѣчала на это отъ 5-го августа: „Удивляюсь вашему допытыванію! Вы пеняете что я васъ не о всемъ увѣдомляю и что вы имѣете такихъ людей, каторые вамъ все извѣстятъ наше домашнее бытье. Не стращайте меня симъ! Никого и ничего не боюсь, хоть вы имѣйте ихъ сотню. Тѣмъ для васъ вѣрнѣе, когда вы не вѣрите женѣ... Я боюся одного Бога и дѣла мои Ему извѣстны. Догадываюсь, что вы узнали о моей болѣзни. Теперь можно говорить, потому что она у меня, слава Богу, прошла. Да, мой другъ, я была серьезно больна, запустила себя тѣмъ, что не хотѣла лѣчиться и очень благодарна Митровскому, что онъ скоро мнѣ помогъ *)... Вотъ видите, мой другъ, я знаю, что вамъ будетъ тяжело читать сіе, хотя уже и прошедшее, но я вѣрю по себѣ. А лучше бы вамъ сего не знать, но, какъ васъ уже извѣстили добрые люди, то я рѣшилась всю правду прошлую вамъ описать. Теперь я, слава Богу, здорова: маленькую слабость только чувствую. Однако нонче хочу въ первый разъ ко всеноищной сходить“.

Получивъ это письмо отецъ отвѣчаетъ 9-го августа. „Послѣднее твое письмо оправдало и мое писанное къ тебѣ утѣшило, потому что оно написано правдоподобно. Развѣ ты забыла пословицу: „у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. Развѣ ты не увѣрена во мнѣ? Что ты для меня значишь! Я безъ тебя и здѣсь ничего. Это значитъ, что я люблю тебя искренно и душевно. Отъ 5-го числа твое письмо я получилъ и съ удовольствіемъ читалъ неоднократно. Вотъ ты мнѣ бы писала всегда по цѣлому листу!“

„Дѣтямъ посылаю мое благословеніе“, пишетъ отецъ. „Да скажи имъ, чтобы прилежнѣе учились. Жалѣю, что Серёженьку не взялъ въ ярмонку: 13-й годъ!...“ „А Михайла и Владиміръ еще мнѣ ничего не писали. Видно, рѣзвятся. Вы должны сказать, что папенька ими недоволенъ за то“. Странно, что отецъ тутъ же рекомендуетъ смотрѣть, чтобъ

*) Слѣдуетъ описаніе болѣзни.

дѣти меньше бѣгали по двору. Неужели онъ считалъ это вреднымъ? Мать моя отстаиваетъ дѣтей. Она не находитъ дурнымъ того, что отецъ не взялъ Сережу съ собою. „Вы тужите, что Сережу не взяли и считаете, что ему 13-й годъ. Неправда! Ему 11 лѣтъ минуло въ мартѣ. Онъ же учится: что жъ терять время!... Владиміръ и Миша невиноваты, что сами не пишутъ: это дѣло ихъ учителей или учительницъ“. Зато въ другой разъ она сообщаетъ еще черту воспріимчивости меньшого сына. „Ноньче вамъ всѣ дѣти посылаютъ по письму, въ томъ числѣ очень замѣчательное письмо Михаила Петр. Не взыщите! Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Вы пишете, чтобы они писали, а учителя этимъ не занимаются. Онъ выпросилъ у меня бумаги, и одинъ самъ давай писать и съ какимъ усердіемъ просилъ меня непремѣнно вамъ послать. Я говорю, что очень дурно написано — „я не пошлю, Миша!“ Такъ онъ заплакалъ и говоритъ: „вѣдь я еще не выучился. Папенька на мнѣ не взыщетъ. Это оттого нехорошо, что я спѣшилъ“. Усердіе есть, да въ рукахъ еще не клеится“. Если отецъ не упоминалъ о дѣтяхъ, мать моя дѣлала ему выговоръ. „Сейчасъ получила ваше письмо отъ 16-го. Самое коротенькое: даже о дѣтяхъ ни слова. Я не люблю такія письма и пеняю тебѣ, другъ мой, что ты лѣнишься писать“.

Съ одинаковой любовью мать моя относилась и къ пасынкамъ. Въ этомъ году Иванъ что-то долго кашлялъ. Какъ всѣ люди стариннаго склада отецъ не любилъ обращаться къ помощи врачей безъ крайней необходимости и предпочиталъ на первыхъ порахъ обходиться своими средствами. Раньше какъ-то онъ самъ лѣчилъ Ивана отъ кашля каплями Датскаго короля и грудной травой; теперь лѣчитъ его же настойкой изъ малинныхъ стебельковъ и инбирными карамелями. Мать моя не одобряетъ домашняго лѣченья. „Иванъ Петровичъ меня безпокоитъ“, пишетъ она. „Вы же ему, чай, не дадите покою. *Письма у него такъ всегда много, неумѣренно!* Совѣтую вамъ облегчить его занятіями письменными — это вредно для груди — и послать за докторомъ. Кашель не надо запускать, а самимъ лѣчить не совѣтую. Надо знать причину, отчего кашель сдѣлался: вотъ тутъ и нуженъ докторъ. Еще вамъ повторяю, чтобы болѣе ему дать покою“. Однако, еще прежде чѣмъ это письмо пришло, отецъ самъ обратился къ доктору Эвеніусу.

Отецъ не забываетъ въ письмахъ и первую внучку свою. „Самое внучку поцѣлуй. Скажи ей, что поцѣловать велѣлъ дѣдушка". Въ отсутствіе отца, у Протопоповыхъ родилась вторая дочь Софья и по случаю ея крестинъ отецъ поздравляетъ мать съ крестной дочкой.

Въ этомъ году въ Нижнемъ боялись холеры и въ разныхъ мѣстностяхъ были учреждены карантины.

XIV.

1842 г. Пошатнувшееся здоровье отца. — Людмила Петровна выходитъ замужъ за В. И. Пащенкова.

До сихъ поръ отецъ мой былъ полонъ силъ и работалъ неутомимо: не даромъ онъ называлъ себя труженикомъ. День-деньской онъ проводилъ въ лавкѣ, а вернувшись изъ города и, соснувши по обыкновенію, снова принимался за дѣла. Говорятъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ купеческомъ мірѣ.

— Бывало, — сообщалъ мнѣ одинъ старожилъ московскій, — когда вашъ батюшка пріѣзжалъ въ городъ и въ сопровожденіи сына, въ своемъ знаменитомъ картузѣ, проходилъ по рядамъ въ свою лавку, всѣ головы обнажались передъ нимъ. Всѣ считали долгомъ поклониться уважаемому человѣку.

Этотъ ветхозавѣтный картузъ увѣковѣченъ на силуэтѣ отца, вырѣзанномъ изъ черной бумаги какимъ-то уличнымъ артистомъ во время ярмарки. Братья говорили, что силуэтъ очень похожъ.

Отецъ вообще пользовался хорошимъ здоровьемъ. Единственнымъ его недугомъ была какая-то сыпь, которая появлялась у него то на рукахъ, то на ногахъ, то на лицѣ, а затѣмъ исчезала. Она его вовсе не безпокоила. Доктора называли эту сыпь мокрой рожей, но относились къ ея появленію скорѣе одобрительно, полагая, что она предохраняетъ отца отъ другихъ заболѣваній. И образъ жизни отецъ велъ правильный, въ пищѣ былъ умѣренъ, любилъ самыя простыя кушанья, а вина пилъ чрезвычайно мало. Дурно было одно: онъ не любилъ движенія и почти никогда не ходилъ пѣшкомъ. Въ городъ его постоянно отвозила и привозила собственная лошадь.

5.

П. М. Вишняковъ.

Фотот. П. Павлова.

Здоровье его пошатнулось въ 1842 г. еще передъ ярмаркой. Какого рода было недомоганье — неизвѣстно, но отецъ успѣлъ выправиться къ концу лѣта. Только на этотъ разъ, впервые въ жизни, онъ отправилъ на ярмарку впередъ обоихъ старшихъ сыновей, а самъ поѣхалъ на недѣлю позже. Въ его собственныхъ письмахъ нѣтъ никакого указанія на какой-либо недугъ имъ пережитой, но отголосокъ тревоги слышится въ письмахъ моей матери. До сихъ поръ никогда не посылались особые запросы о здоровьѣ на ярмарку, и въ Москвѣ довольствовались общими выраженіями отца въ письмахъ въ родѣ: слава Богу всѣ мы здоровы. Теперь почему-то вопросъ о здоровьѣ подчеркивается: ясно, что онъ безпокоитъ семейство. Въ первомъ же письмѣ отъ 22 іюля 1842 г. мать моя пишетъ:

„Пожалуйста, берегитесь! Въ сырую погоду должно вамъ одѣваться осторожнѣе. Правда, что̀ мнѣ вамъ говорить въ Нижнемъ, когда и въ Москвѣ не слушаетесь! Теперь вы на своей волѣ: некому ворчать. Я думаю, вы радешеньки, что вырвались отъ насъ на свою волюшку. Но право, мой другъ, какъ хочешь, а ежели я ворчу, такъ это потому, что я тебя люблю все попрежнему и отъ расположенія часто досадую, когда ты не слушаешь, что желаютъ тебѣ добра отъ души“. Въ другомъ письмѣ: „Погода стала холодная. Прошу тебя, другъ милый, ради Бога, берегись пожалуйста отъ простуды. Теперь пойдетъ время осеннее, сырость и холодъ, а ты такой неосторожный. Вотъ какъ это сильно меня безпокоитъ! Если бы можно было, полетѣла бы къ тебѣ на крыльяхъ, только чтобъ быть около тебя невидимкой и видѣть, какъ ты тамъ себя, думаю, не бережешь. Пора, пора вамъ въ Москву!“

Отецъ въ письмахъ ничего не упоминаетъ о состояніи своего здоровья, но зато старшіе сыновья, сопровождавшіе его, почти въ каждомъ письмѣ увѣдомляютъ, что „папенька чувствуетъ себя хорошо“. И зять В. Х. Протопоповъ съ своей стороны пишетъ изъ Нижняго: „Папенька находится въ добромъ здоровьи, какъ желать должно“.

Есть однако указаніе на то, что въ здоровьи отца творилось что-то неладное. Онъ имѣлъ обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда, но съ этой поры сталъ требовать, чтобы во время сна непремѣнно кто-нибудь изъ младшихъ

5

сыновей при немъ дежурилъ. Это не могло быть спроста. Очевидно, появились болѣзненные симптомы, заставлявшіе его чего-то опасаться, быть можетъ припадка апоплексіи или астмы. Дѣти не понимали необходимости этой обязанности, а отецъ не могъ или не хотѣлъ объяснить имъ почему боится одиночества.

И дѣти роптали на эти дежурства. Володя вспоминалъ: „Было очень тягостно это сидѣнье при спящемъ отцѣ. Надо было сидѣть тихо, не шелохнувшись, иначе — бѣда, проснется и разсердится. Особенно скучно было лѣтомъ, въ хорошую погоду, когда такъ и манило убѣжать въ садъ. А садъ нашъ былъ хоть небольшой, а хорошій".

Въ письмахъ съ ярмарки, попрежнему, замѣтно сильное предпочтеніе младшему сыну. И отецъ и мать обращаютъ вниманіе на его быстро развивающійся острый умъ. „Вотъ я отъ тебя письма не получалъ", пишетъ отецъ, „кромѣ что одно, почему мнѣ и становится скучно, бывши на чужой сторонѣ... а Мишеньки со мною нѣтъ, то и стула поставить къ столу пить чай некому и долженъ поставить я самъ... Поцѣлуй дѣтей за меня по 3 раза, особенно Михайла покрѣпче". „Мишу за меня расцѣлуй за письмо: онъ болѣе занимается мною и Сережа, а Владиміръ не такъ. А Ванюша все меня такъ и туритъ, чтобы тебѣ писать". „Михаилѣ скажи, что стулъ теперь мнѣ ставитъ Батюшковъ очень нехорошо. Жалко, что Мишу не взялъ для этого. А Сережу право жалко, что ты не отпустила".

Мать отвѣчаетъ: „Мишка теперь плачетъ, что письма вамъ не написалъ, а дожидаться его ужъ некогда. Охота страстная посылать вамъ свои письма, да я не люблю ихъ мараканья". „Миша говоритъ: „вольно папенькѣ меня не взять съ собой; я и самъ былъ бы радъ этому".

1842 годъ очень обиленъ письмами: отецъ, пробывши въ Нижнемъ 29 дней, прислалъ женѣ 27 писемъ. Нельзя однако сказать, чтобъ письма эти что-нибудь прибавили къ уясненію его личности. Онъ говоритъ очень мало о чемъ-нибудь постороннемъ, будучи весь поглощенъ дѣлами. Въ видѣ исключенія онъ сообщаетъ отъ 29-го августа: „здѣсь слухъ носится, что въ Казани сгорѣло 1600 домовъ, а другіе говорятъ 560 и 300. Не знаю кому вѣрить. Гостиный дворъ сгорѣлъ. Большое вліяніе на торговлю сдѣлаетъ!"

Какъ противовѣсъ исключительно дѣловому настроенію является усиленно игривая нотка. Видно, что онъ въ женѣ не чаялъ души, въ то же время не переставая горячо любить и семью. Но по мѣрѣ того, какъ онъ все больше уходилъ въ чисто семейные интересы, его все меньше интересовалъ окружающій міръ. Нельзя не замѣтить, что съ годами, а можетъ быть и по болѣзни, отецъ становился суше и сосредоточеннѣе.

Въ этомъ году Иванъ Петровичъ сообщаетъ важную новость: „Нижегородскій архіерей Іоаннъ служилъ всенощную въ соборѣ. Онъ здѣсь архіереемъ уже пятый годъ, а всенощныхъ никогда не служивалъ, кромѣ обѣденъ, а это уже по просьбѣ нашего Военнаго Генералъ-Губернатора Бутурлина".

Въ письмахъ матери увѣдомленіе о дѣтяхъ, ихъ здоровьѣ и занятіяхъ занимаетъ, по обыкновенію, первое мѣсто. Ихъ тогда уже отпускали гулять въ Кремлевскій садъ, въ которомъ и я, впослѣдствіи, находилъ первыя мои дѣтскія развлеченія въ кругу сверстниковъ.

Ко второй падчерицѣ Людмилѣ сватаютъ жениха. Уже не въ первый разъ. Еще въ 1841 г., когда Милушкѣ было 19 лѣтъ, мать моя увѣдомляла отца: „недавно приходила къ намъ сваха. Сказывала про жениха, какого-то Масленникова, обѣщалась придти въ мясоѣдъ. Будто бы женихъ видѣлъ гдѣ-то Людмилушку". Отецъ на это ничего не отвѣтилъ. Теперь сосѣдка Прасковья Семеновна Пуговкина сватаетъ черезъ гувернантку нашу Александру Егоровну нѣкоего Алексѣя Четверикова. Мать моя пишетъ: „Говорятъ, Милушку женихъ видѣлъ и ему она нравится. Женихъ подходящій, почему бы не отдать? Говорятъ, у него состояніе есть порядочное, по наслѣдству отъ дѣдушки ему досталось, домъ они хотятъ отдѣлать, и жить онъ будетъ въ немъ, женившись". Отецъ отвѣчалъ на это уклончиво и не сразу, а лишь по второму запросу: „Здѣсь узнать не отъ кого, и ты должна отвѣтъ дать, что это дѣло до моего пріѣзда". Сватовство не состоялось.

Если отецъ неохотно отвѣчалъ на сватовство Четверикова, то не имѣлъ ли онъ въ виду другого жениха. Уже въ октябрѣ 1842 г. Милушку выдали замужъ за Василія Ивановича Пащенкова, главнаго приказчика богатаго купца Тряп-

кина. Василій Ивановичъ, родомъ изъ Полтавы, былъ довольно красивый брюнетъ съ подстриженными усами, гладко выбритымъ лицомъ и проницательнымъ взглядомъ всегда прищуренныхъ глазъ. Онъ, повидимому, не могъ считаться особенно выгодной партіей: въ противоположность Протопопову, самостоятельному купцу, онъ былъ человѣкъ подначальный. Но отецъ умѣлъ распознавать людей: Василій Ивановичъ, умный и хитрый хохолъ, обѣщалъ пойти далеко; Людмилѣ же шелъ 21-й годъ и ее, по купеческимъ понятіямъ, пора было выдавать. Кромѣ того, были и другія причины не быть особенно разборчивыми въ женихахъ.

„Людмила была всегда болѣзненная", разсказывала моя мать. „Притомъ она была кривобока, и для нея покупались особые корсеты. Это держалось въ большомъ секретѣ. Мы съ папенькой, бывало, ужасно боимся, чтобъ кто-нибудь со стороны про то не провѣдалъ; тогда было бы очень трудно выдать ее замужъ. Говорятъ, что Василій Ивановичъ не досмотрѣлъ и, когда открылась истина, сказалъ съ огорченіемъ: „что дѣлать! видно такова Божья воля!"

По моему мнѣнію, Василій Ивановичъ едва ли могъ испытать особое огорченіе отъ такихъ пустяковъ. Это была очень положительная натура, неспособная къ увлеченію, и, конечно, его гораздо болѣе интересовало хорошее приданое Людмилы Петровны, чѣмъ ея особа. Оно ему много помогло чтобъ стать на свои ноги. Изъ приказчика онъ вскорѣ превратился въ компаньона Тряпкина. Впослѣдствіе Тряпкинъ, умирая бездѣтнымъ, оставилъ все свое состояніе Василію Ивановичу, подъ условіемъ, чтобы онъ и его фамилію присоединилъ къ своей. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Василій Ивановичъ Пащенковъ-Тряпкинъ сталъ постепенно извѣстнымъ лицомъ въ Полтавѣ, на своей родинѣ, и въ Харьковѣ, гдѣ у него были большія дѣла и крупная недвижимость. Онъ кончилъ жизнь милліонеромъ.

Людмила Петровна была худенькая брюнетка невысокаго роста съ карими глазами и слегка намѣченными усиками. Хотя для нея спеціально была взята гувернантка Александра Егоровна, но, должно быть, въ виду ея болѣзненности, ее мало утруждали ученіемъ. Всю жизнь ее характеризовала мелочная забота о своемъ здоровьѣ и необыкновенная узость интересовъ. Она никогда не думала о пополненіи своихъ

познаній и прожила до старости взглядами 30-хъ годовъ, въ основѣ которыхъ лежали обрядовая церковность и уваженіе къ старшимъ. У нея была большая любовь къ музыкѣ, и она до шестидесятилѣтняго возраста все брала уроки на фортепьяно безъ ощутительныхъ результатовъ. Хуже всего было то, что она обладала тяжелымъ деспотическимъ характеромъ, который крайне дурно отразился на воспитаніи ея единственнаго сына. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ росло богатство, у нея все болѣе развивалась скупость. Эти особенности ея характера не могли располагать къ общенію съ ней, хотя она и жила близко отъ насъ на Большой Якиманкѣ, въ приходѣ Казанской Божіей Матери, въ домѣ, подаренномъ ей отцомъ*). При домѣ былъ хорошій садъ съ оранжереями. Помню, были тамъ чудныя шпанскія вишни.

Людмила Петровна уже слѣдующей весною уѣхала съ мужемъ въ Харьковъ, затѣмъ въ Ромны и Кіевъ. Нѣсколько писемъ ея къ моей матери весьма характерны: „Я не думала" пишетъ она, „чтобы я пріѣхала жива и здорова въ Харьковъ, однако, слава Богу, была здорова всю дорогу, точно какъ я нѣсколько разъ ѣздила". „На другой день утромъ пошли мы въ Успенскій Соборъ (въ Кіевѣ), отслужили тамъ молебенъ Божіей Матери Успенію, а оттуда пошли къ ранней обѣднѣ въ архіерейскую церковь. Отстояли тамъ, пошли мы въ церковь, чтò на Верхнихъ Пещерахъ. Отстоявши тамъ обѣдню, пошли по Пещерамъ, а оттуда на квартиру, гдѣ остановились. Мы пришли и напились чаю, теперь отдыхаемъ, а дальше — чтò Богъ дастъ" и т. д. „Сестрица Евфосинья Ивановна была у насъ вмѣстѣ съ женихомъ своимъ (въ Харьковѣ). Я на нее чепчики мѣрила: слава Богу, впору ей, а я боялась, что будутъ малы. И ей они очень понравились. Вчера я въ банѣ была, а больше еще нигдѣ" и т. д. Понятно, что Людмила Петровна иногда въ отчаяніи восклицаетъ: „право не знаю, что писать!"

*) Теперь (1904 г.) этотъ домъ принадлежитъ В. А. Маркову (Якимъ. ч. 2 участка, № 564, полицейскіе №№ 68 и 70).

XV.

1843 г. Мать моя ѣдетъ на богомолье въ Воронежъ. — Отецъ покупаетъ для нея домъ. — Женитьба Ивана Петровича на А. Н. Лухмановой.

Весною 1843 года мать моя отправилась на богомолье въ Воронежъ въ сопровожденіи старшаго пасынка Ивана. При этомъ ею могло руководить желаніе не только поклониться новооткрытымъ мощамъ св. Митрофанія, но и помолиться о здоровьѣ мужа и о собственномъ исцѣленіи отъ глухоты. Должно быть, ей стоило не малыхъ трудовъ упросить отца, чтобъ онъ ее отпустилъ. Въ томъ, что самъ онъ съ нею не поѣхалъ, ничего нѣтъ удивительнаго, потому что онъ не любилъ отрываться отъ дѣла. Но отпустивши жену, отецъ страшно заскучалъ и сталъ почти раскаяваться, что уступилъ ея желанію. Свои чувства высказываетъ ей безъ стѣсненія въ пяти письмахъ.

Путешествіе началось 27 апрѣля. Всегда аккуратная, мать моя записала вкратцѣ свои впечатлѣнія. Маршрутъ былъ таковъ: Подольскъ, Лопасня, Серпуховъ, Марьины дворы, Тула, Доблово, Богородицкъ, село Никитское, Ефремовъ, село Красная Пальна, Елецъ, Задонскъ, село Хлѣвново, Былецкія горы, Воронежъ. Неоднократно слышатся жалобы, что на почтовыхъ станціяхъ страшно задерживаютъ лошадьми. Въ Серпуховѣ путешественниковъ заставили ѣхать шестерней, ссылаясь на то, что дорога очень испортилась вслѣдствіе дождей. Въ Ефремовѣ записано: „скучно, что очень задерживаютъ лошадьми, либо долго закладываютъ: часа по два стоимъ, а иногда и больше“. И погода мало благопріятствовала путешествію: безпрестанно лили дожди; только 1-е мая отмѣчается, какъ хорошій день. Красивымъ мѣстоположеніемъ понравились Тула и Елецъ. Въ Задонскѣ у гробницы св. Тихона, тогда еще не причисленнаго къ лику святыхъ, мать моя служила панихиду. Въ Воронежъ пріѣхали наши паломники днемъ, 2-го мая, и тамъ также застали сильную грязь. Трое съ половиной сутокъ прожили они въ Воронежѣ, посвящая, разумѣется, все время на посѣщеніе церквей, 6-го мая пустились въ обратный путь, а 11-го вернулись въ Москву.

Въ первомъ же письмѣ отецъ начинаетъ жаловаться: „Проводивши тебя, мы пили чай у Протопоповыхъ... домой пришли: все, милая, безъ тебя пусто, скучно и грустно. А ночью-то сильный дождь! Каково было моему сердцу отпустить милую мнѣ въ путь, которая никуда въ сырую погоду не ѣздила и нужды не видала?! Что мнѣ было думать?!... Не знаю, какъ я проживу безъ тебя. Дай Богъ, чтобы я былъ нескученъ!“

Изъ этого же письма мы узнаемъ, что отецъ во время отсутствія матери заставлялъ дѣтей ночевать у себя въ спальнѣ. „А Мишка, сынъ твой, меня не слушается и со мною спать не ложится; а Сережа на диванѣ спитъ позади моей кровати“.

Отецъ увѣдомляетъ, что присутствовалъ на богатой свадьбѣ: женился Дмитрій Петровичъ Алексѣевъ на Александрѣ Николаевнѣ Рыбниковой. „Въ провожатые я поѣхалъ въ 4 лошади, въ 4 часа уже былъ тамъ. Пять паръ было провожатыхъ: Сапожниковъ, Живаго, Москвинъ, Егоровъ, Алексѣевы. Свадьба богатая, кончилась въ 8 часовъ, домой пріѣхалъ я въ 11½ часовъ. Столъ былъ богатый. Домъ нанялъ за 4000 въ годъ и убранъ цвѣтами и деревьями въ разныхъ комнатахъ и по лѣстницамъ; я думаю болѣе 1000 банокъ“. Письмо все писано рукою Сережи, а только въ концѣ собственноручная приписка отца: „Писать болѣе не знаю. Скучаю“.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 30 апрѣля отецъ пишетъ: „Нынѣшнюю ночь я спалъ съ сыномъ Михайлою, и еще Володимеръ на диванѣ у окошка, а Сергѣй на диванѣ за кроватью. Какъ отцу было пріятно съ послушными дѣтьми провести ночь!... Другъ мой, нѣтъ тебѣ цѣны! Пиши мнѣ ты каждую почту, ты меня можешь одна утѣшить. Тебѣ такой даръ данъ отъ Бога. Не забудь меня, истинно тебя любящаго супруга и друга твоего“.

Въ письмѣ отъ 1-го мая отца опять безпокоитъ погода. „У насъ сегодня морозъ 1¼ градуса, а ночью снѣгъ выпалъ немного; думаю, на гуляньѣ не будетъ никого. А каково мужу смотрѣть на погоду, отпустивши жену, которая никуда въ такую пасмурную погоду не выѣзжала, что́ каждое утро меня очень безпокоитъ. Богомъ тебя, душа моя, прошу одѣваться потеплѣе! Такъ разстроенъ, и чего не

придумаешь! Прошу Бога и святителя Митрофанія, чтобы вы всѣ возвратились благополучно“.

Очевидно въ это время старшіе сыновья уже серьезно помогали отцу въ дѣлахъ. На это указываетъ приписка: „А безъ Ванюши какъ безъ рукъ я теперь сталъ“.

При письмѣ отца приложено письмо Надежды Петровны. Она пишетъ: „Съ папенькой видаемся каждый день: все скучаетъ безъ Васъ! А погода у насъ самая холодная, снѣгъ напалъ и морозъ. Вы берегитесь, чтобы не простудиться въ дорогѣ. Жалко, что такая погода для Васъ непріятная. Прошу васъ, маменька, помолиться за насъ угоднику Божію Митрофанію. Я Вамъ завидую, *что Вы такъ хорошо вздумали скоро и рѣшительно*“. Эта отмѣтка показываетъ, что мать моя очень хорошо, когда нужно, умѣла настоять на своихъ желаніяхъ, и отецъ сдавался, хотя бы его эгоизмъ при этомъ и страдалъ. Такимъ образомъ, никакъ нельзя сказать, что бы отецъ былъ деспотомъ, какъ это нерѣдко было въ то время въ купеческихъ семьяхъ. Онъ умѣлъ уважать при случаѣ чужую свободу и чужіе права.

При письмѣ Надежды Петровны есть приписка ея мужа, бросающая свѣтъ на отношенія отца къ Алексѣевымъ. Оказывается, новобрачные Алексѣевы манкировали относительно отца, не отдавши ему визита. „Папенька отпировалъ свадьбу, одинъ день (?) съ визитомъ не были молодые, а на другую свадьбу еще не зовутъ папеньку. Вотъ какъ перемѣнился домъ Алексѣевыхъ! Я немножко труню папенькѣ. Онъ не хочетъ ѣхать къ Рыбникову въ домъ“.

Въ письмѣ отъ 3 мая отецъ упоминаетъ о какихъ то непріятностяхъ у Александра Сергѣевича Болдырева, при чемъ кого-то отдали подъ судъ по его дѣлу. Письмо кончается: „ужъ больно скучно! Каждое утро снѣгъ, а середь дня солнце“.

Въ послѣднемъ письмѣ отъ 4 мая отецъ, по обыкновенію, жалуется на рѣдкость писемъ, очевидно, забывая условія разстоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ уже явно сердиться, хотя самъ въ точности не зная на что. „Вотъ уже 8 дней прошло, и писемъ написали мы къ тебѣ довольно. А ты мнѣ только изъ Подольска да изъ Лопасни и болѣе нѣтъ ни черточки. Каково мужу-то ждать твоей грамотки? А пуще всего — смотрѣть на погоду сырую, дождливую, грязную и холодную? Дай Богъ терпѣнія! Ты мнѣ съ сыномъ дала почувствовать отъ вашей скорой и ранней поѣздки! Я очень дурно сдѣлалъ, что послушался неопытныхъ и рѣшился отпустить за 500 верстъ въ такое время года. Всѣ смѣются надъ нами (?). Болѣе писать я не буду и остаюсь твой супругъ П. В.“

На ярмарку въ этомъ году отецъ отправился еще позже обыкновеннаго. Какъ видится, это было не по причинѣ нездоровья, но по отсутствію необходимости въ болѣе раннемъ пріѣздѣ, такъ какъ старшіе сыновья были отправлены впередъ. Кромѣ того, отецъ за послѣднее время всегда жаловался, что начало ярмарки никогда не бываетъ оживлено и приходится сидѣть сложа руки. Спутникомъ его на этотъ разъ былъ третій сынъ Сергѣй, взятый впервые. „Умѣлъ ли онъ вамъ угодить?“ спрашиваетъ моя мать... „Я не очень надѣюсь: еще молодъ и неопытенъ да и не очень внимателенъ. Что дѣлать, мой другъ, надо еще видно намъ подождать. И яблоко не скоро иногда зрѣетъ, какъ какой сортъ поздній“. Но отецъ отзывается о Сергѣѣ одобрительно. „Мы всѣ имъ довольны, и онъ старается потрафлять. Богъ милостивъ, понемножку привыкнетъ“. „О Сережѣ я тебѣ писалъ, что привыкаетъ понемногу и деньги считать умѣетъ не всѣ вдругъ. Здѣсь (на ярмаркѣ) есть чему ему научиться и видѣть дѣла: это не въ Москвѣ. Я имъ доволенъ по сіе число и братья съ нимъ хорошо. Вотъ тебѣ репутація объ немъ!“ И старшіе братья даютъ успокоивающій и лестный отзывъ. Иванъ пишетъ: „Насчетъ Сережи нелицемѣрно вамъ скажу, что у него, слава Богу, есть дарованіе и есть охота услужить. Съ помощью Божіею, будетъ мнѣ помощникъ, пишетъ хорошо, но только въ ариѳметикѣ немного тупъ, а теперь сталъ попонятливѣе. И папенька въ дорогѣ имъ остался доволенъ. „Я, говоритъ, этого не ожидалъ“. Семенъ о томъ же предметѣ выражается такъ: „Вы его (Сергѣя) въ письмѣ своемъ немного конфузите, только напрасно. Онъ молодецъ хоть куда, какъ говорится. Въ первый разъ многаго требовать нельзя, а виды есть, привыкнетъ“.

На эти снисходительные отзывы мать отвѣчаетъ: „Сережу мысленно цѣлую за его старанія и хвалю, что онъ угодить и послужить всѣмъ не лѣнится: такъ и должно

молодымъ людямъ пріобрѣтать всегда отъ всѣхъ ласку, а Сенюшкѣ буду писать еще во вторникъ: ноньче не успѣю. Прошу его извинить, но за его письмо сердечно благодарю".

Должно быть отецъ выправился вполнѣ послѣ своего прошлогодняго недомоганья, потому, что въ письмахъ матери нѣтъ болѣе боязливыхъ запросовъ о здоровьѣ. Но есть указанія на увеличивавшуюся суровость характера Петра Михайловича.

Въ письмѣ отъ 7 августа отецъ высказываетъ идеи довольно оригинальной экономіи: „Письмо твое получилъ и благодарю за увѣдомленіе, и дѣтей тоже, что они прописали на твоемъ письмѣ. Довольно съ нихъ, чѣмъ бумагу марать да бросать!" На это мать моя отвѣчаетъ: „Дѣти васъ цѣлуютъ. А вы напрасно пишете наблюдать пустую экономію, чтобы не тратили бумаги. Вы у нихъ отнимаете охоту и если бы вы посмотрѣли съ какимъ удовольствіемъ они хлопочутъ вамъ о письмахъ. Да это для нихъ и полезное занятіе: они между тѣмъ привыкаютъ къ складу письма". Отецъ сознаетъ ошибку, но впадаетъ въ другую крайность въ письмѣ отъ 12 августа: „А дѣтей писать письма заставляй ко мнѣ. Я виноватъ, что́ писалъ о бумагѣ. А только пріѣду высѣчь надо обоихъ (то-есть Володю и Мишу, младшихъ сыновей). Сюда ко мнѣ слухи дошли, что худо пишутъ и не стараются. А ты худо смотришь за ними!" Такого рода неожиданность вызвала со стороны моей матери энергическій отпоръ: „Письмо отъ 12-го получила и очень удивляюсь, что васъ тамъ безпокоятъ пустяками и мутятъ вашъ духомъ, что будто дѣти у меня безъ присмотру. Это все вамъ напрасно кто-то добрый человѣкъ наябедничалъ. Жалѣю о васъ, что вы готовы всякому слуху вѣрить, а у меня дѣти всегда въ глазахъ, а что иногда залѣнятся въ ученьѣ, ну, это вещь очень естественная. Какъ дѣти! что дѣлать! и большіе мы не всегда бываемъ одинаковы. Впрочемъ, мнѣ не жаловались еще ни разу и учителя, хотя я и близко ихъ, а ужъ вамъ есть доносы за 500 верстъ. Мнѣ, признаюсь, жаль дѣтей. Они, бѣдные, съ какимъ восторгомъ приняли ваши письма, а тутъ ихъ такъ поразило: только и есть, что ихъ сѣчь назначено. Нѣтъ ни тѣни ласки родительской, чего они ждали. Не удивляйтесь, если они къ вамъ не ласковы: такія письма охладятъ горячность дѣтей хоть ка-

кихъ!" Мать моя была очень обижена доносомъ и въ концѣ письма къ этому опять возвращается: „Кажется писать больше нечего, да и безъ меня вы имѣете подробныя свѣдѣнія, чего можетъ мнѣ не придетъ и въ голову".

Повидимому, отецъ созналъ, что онъ неправъ. Онъ нигдѣ не обмолвился, что приведенное письмо получилъ, но, видимо, старается изгладить дурное впечатлѣніе. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ, что письма отъ жены и дѣтей читалъ и плакалъ отъ радости, въ другомъ проситъ поцѣловать Владиміра и Михайлу и прибавляетъ, что Владиміръ Семеновичъ расхвалилъ ему Володю. Отецъ очень цѣнилъ эти похвалы постороннихъ лицъ и, конечно, особенно былъ чувствителенъ къ похвалѣ столь близкаго ему человѣка, какъ Владиміръ Семеновичъ Алексѣевъ. Въ третьемъ письмѣ отецъ мысленно цѣлуетъ Володю и Мишу „за письма по 10 разъ, что правильно по-нѣмецки написалъ (?) письмо". Излюбленная шутка относительно стула, который за отсутствіемъ сына Михайлы поставить некому, повторяется и въ этомъ году. Рѣдкость писемъ отъ Надежды Петровны попрежнему его сердитъ: онъ какъ будто забываетъ, что дочь его уже седьмой годъ замужемъ. Замѣтно, что отецъ все болѣе и болѣе тяготится ярмаркой и скучаетъ по Москвѣ. Еще въ прошломъ году онъ писалъ: „мнѣ становится скучно, бывши на чужой сторонѣ" и теперь заявляетъ: „мнѣ, милая, становится скучненько безъ тебя и моихъ мелкихъ сыновей". „Выѣхать мнѣ отсюда такъ хочется, какъ нельзя больше, къ тебѣ, милая душенька; ежеминутно думаю, но дѣла удерживаютъ. Неволя заставляетъ терпѣть".

Въ письмахъ этого года отецъ впервые называетъ себя старикомъ. Онъ пишетъ женѣ, по обыкновенію, жалуясь: „Писемъ отъ тебя не имѣю, вотъ ты меня стала забывать, старика". Отцу было около 62 лѣтъ. Онъ попрежнему входитъ во всѣ хозяйственныя мелочи; проситъ, чтобы посолили огурцы съ чеснокомъ, „а съ лимономъ не надо"; распоряжается, чтобы ѣздили безъ него на гнѣдыхъ для проѣздки, лучше всего по праздникамъ къ обѣднѣ по монастырямъ съ дѣтьми и внучатами; покупаетъ платокъ французскій ковровый за 140 руб., при чемъ отмѣчаетъ: „а русской фабрики не люблю!" Это замѣчаніе очень характерно въ устахъ настоящаго православнаго россіянина, котораго ужъ никакъ

нельзя было подозрѣвать въ зараженіи духомъ тлетворнаго запада.

Мать моя выполняетъ въ точности желанія отца, ѣздитъ по монастырямъ а церквамъ. 22-го августа, въ день коронаціи, она была на торжественномъ богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ и увѣдомляетъ объ этомъ: „Вчера ѣздили въ соборъ на гнѣдыхъ, смотрѣли митрополита и всю церемонію. И Наденька была со мной. Мѣсто намъ досталось прекрасное, да такъ хорошо, что стояли вмѣстѣ съ нами генералы и всѣ высшія особы. И дѣти наглядѣлись безподобно“.

Въ этомъ году отецъ купилъ сосѣдній съ нашимъ домъ, выходившій на Большую Якиманку, и подарилъ его моей матери. Онъ, очевидно, пришелъ къ заключенію, что при возрастающей многочисленности семьи совмѣстная жизнь всѣхъ ея членовъ сдѣлается въ скоромъ времени невозможной, и воспользовался первымъ случаемъ расширить свое гнѣздо. Покупкой дома на имя жены онъ выражалъ опредѣленное желаніе гарантировать подругу своей жизни и ея потомство на случай своей кончины, когда старый домъ, по ходу вещей, долженъ будетъ перейти къ представителямъ старшей линіи.

Первое упоминаніе о новомъ домѣ встрѣчается по поводу праздника Донской Божіей Матери 19-го августа. До сихъ поръ нельзя было видѣть хорошо крестнаго хода изъ стараго отцовскаго дома, и для этого надо было выходить на улицу чрезъ заднія ворота. Съ пріобрѣтеніемъ новаго дома*), выходившаго окнами и балкономъ на Большую Якиманку, явилась возможность наблюдать торжество гораздо удобнѣе. На запросъ отца мать моя отвѣчаетъ: „Въ Донскую мы ходили съ дѣтьми и внучатами въ нашъ новый домъ на террасу и тамъ смотрѣли крестный ходъ“.

Поздней осенью Петру Михайловичу удалось отпраздновать семейную радость. 10-го ноября 1843 г. онъ женилъ старшаго сына Ивана, которому шелъ 24-й годъ, на Александрѣ Николаевнѣ Лухмановой. Бракъ этотъ не могъ назваться выгоднымъ, потому что Лухмановы не были богаты, но чрезъ нихъ мы породнились съ Андреемъ Петровичемъ Шестовымъ, которому молодая прихо-

*) Теперь (1905 г.) этотъ домъ принадлежитъ г. Коробкову. На воротахъ стоитъ № 606, полицейскій № 19.

Фотот. П. Павлова

6

Церковь св. Іоакима и Анны.

нельзя было подозрѣвать въ зараженіи духомъ тлетворнаго запада.

Мать моя выполняетъ въ точности желанія отца, ѣздитъ по монастырямъ и церквамъ. 22-го августа, въ день коронаціи, она была на торжественномъ богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ и увѣдомляетъ объ этомъ: „Вчера ѣздили въ соборъ на гнѣдыхъ, смотрѣли митрополита и всю церемонію. И Наденька была со мной. Мѣсто намъ досталось прекрасное, да такъ хорошо, что стояли вмѣстѣ съ нами генералы и всѣ высшія особы. И дѣти наглядѣлись безподобно“.

Въ этомъ году отецъ купилъ сосѣдній съ нашимъ домъ, выходившій на Большую Якиманку, и подарилъ его моей матери. Онъ, очевидно, пришелъ къ заключенію, что при возрастающей многочисленности семьи совмѣстная жизнь всѣхъ ея членовъ сдѣлается въ скоромъ времени невозможной, и воспользовался первымъ случаемъ расширить свое гнѣздо. Покупкой дома на имя жены онъ выражалъ опредѣленное желаніе гарантировать подругу своей жизни и ея потомство на случай своей кончины, когда старый домъ, по ходу вещей, долженъ будетъ перейти къ представителямъ старшей линіи.

Первое упоминаніе о новомъ домѣ встрѣчается по поводу праздника Донской Божіей Матери 19-го августа. До сихъ поръ нельзя было видѣть хорошо крестнаго хода изъ стараго отцовскаго дома, и для этого надо было выходить на улицу чрезъ заднія ворота. Съ пріобрѣтеніемъ новаго дома*), выходившаго окнами и балкономъ на Большую Якиманку, явилась возможность наблюдать торжество гораздо удобнѣе. На запросъ отца мать моя отвѣчаетъ: „Въ Донскую мы ходили съ дѣтьми и внучатами въ нашъ новый домъ на террасу и тамъ смотрѣли крестный ходъ“.

Поздней осенью Петру Михайловичу удалось отпраздновать семейную радость. 10-го ноября 1843 г. онъ женилъ старшаго сына Ивана, которому шелъ 24-й годъ, на Александрѣ Николаевнѣ Лухмановой. Бракъ этотъ не могъ назваться выгоднымъ, потому что Лухмановы не были богаты, но чрезъ нихъ мы породнились съ Андреемъ Петровичемъ Шестовымъ, которому молодая прихо-

*) Теперь (1905 г.) этотъ домъ принадлежитъ г. Коробкову. На воротахъ стоитъ № 606, полицейскій № 19.

Фотот. П. Павлова.

6.

Церковь свв. Іоакима и Анны.

дилась родною внучкой. Шестовъ былъ незадолго передъ этимъ выбранъ въ московскіе городскіе головы и состоялъ въ этой должности съ 1843 до 1845 г. Онъ оставилъ по себѣ отличную репутацію среди купечества, какъ человѣкъ съ тактомъ и характеромъ, который, при случаѣ, умѣлъ постоять за себя передъ администраціей. (Прилож. М.).

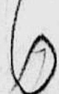
XVI.

1844 г. Иванъ Петровичъ. — Секретничанье. — Возрастающее значеніе Семена. — Обстоятельства сопровождавшія мое рожденіе. — Воспоминанія Миши.

Ярмарка 1844 г. застаетъ Ивана Петровича уже женатымъ. Это новая тема для писемъ. По всему видно, что Петръ Михайловичъ былъ доволенъ бракомъ: онъ всегда шлетъ „любезной невѣстушкѣ" поклоны, упоминаетъ, что въ Нижнемъ видается съ А. П. Шестовымъ. Иванъ съ своей стороны выказываетъ большую привязанность къ женѣ и скучаетъ безъ нея, что̀ мать моя находитъ вполнѣ естественнымъ. „Я и прежде слышала", пишетъ она отцу, „что Иванъ Петровичъ очень скучаетъ. Что̀ дѣлать, другъ мой! Самъ разсуди: первый годъ! Люди молодые. Очень повѣрить можно, кто на себѣ испыталъ."

Александра Николаевна съ своей стороны скучаетъ по мужѣ. Мать моя, стараясь развлекать ее, разъѣзжаетъ съ ней по соборамъ и обѣднямъ, но кромѣ того, молодая невѣстка ѣздитъ гостить на дачу въ Сокольники къ Шестовымъ, откуда за ней присылаютъ лошадей. Это одно изъ самыхъ раннихъ упоминаній о дачной жизни среди нашей родни.

Къ мелкимъ, но любопытнымъ чертамъ этого времени относится секретничанье по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Отецъ увѣдомляетъ, что собирается выѣхать съ ярмарки въ такой-то день и рекомендуетъ держать это про себя; Василій Харлампіевичъ уѣдетъ тогда-то: не надо сообщать это Наденькѣ (то-есть женѣ его); покупается какой-нибудь подарокъ: никому не надо говорить объ этомъ. Это наивное исканіе сюрпризовъ знаменательно. Живя одними узко семейными интересами, люди старались эксплуатировать ихъ возможно разнообразнѣе, чтобы чѣмъ нибудь наполнить свое существованіе. Такимъ духомъ проникнуто и конфиденціаль-

ное письмо Ивана Петровича къ мачихѣ: онъ испрашиваетъ почтительно совѣта, привозить ли ему подарки свояченицамъ Катенькѣ и Любочкѣ, прося хранить это обращеніе втайнѣ и *отъ папеньки*, и *отъ жены*.

Но секретничанье составляло характерную черту именно Ивана Петровича до конца его жизни. Рекомендовалось молчать, и очень серьезно, по сущимъ пустякамъ. Сообщая что нибудь секретное, Иванъ Петровичъ принималъ дѣловой и озабоченный видъ, посылалъ закрыть двери, чтобы кто не подслушалъ, и затѣмъ, сося по обыкновенію сигару, вполголоса начиналъ разсказъ. Тѣхъ, кто его не зналъ, это импрессіонировало, но тѣмъ, кто былъ знакомъ съ его характеромъ, это казалось лишь забавно. Дѣло въ томъ, что онъ самъ первый никогда не могъ держать никакого секрета. Разсказавши что-нибудь по секрету въ одномъ домѣ, онъ тоже самое по секрету же, сообщалъ и въ сосѣднемъ, такъ что секретъ являлся фактомъ, распубликованнымъ имъ же самимъ во всеобщее свѣдѣніе.

Нигдѣ такъ не выступаетъ мелочная подкладка жизни, какъ въ вопросахъ этикета. Когда люди чужды другъ другу по душѣ, и у нихъ нѣтъ никакихъ прочныхъ мотивовъ для сближенія, то выдумывается разная китайщина для урегулированія минимума отношеній, считаемыхъ необходимо нужными. Одинъ такой вопросъ возникаетъ для Ивана Петровича. 30-го августа — именины Александра Андреевича Шестова и Александра Дмитріевича Лухманова. Оба — родные дядья его жены: первый со стороны матери, второй со стороны отца, но отношенія наши ближе къ первому, нежели ко второму. Какъ же поступить относительно посѣщеній? Этотъ важный вопросъ рѣшается Иваномъ такъ: „Если А. Д. Лухмановъ будетъ Сашеньку звать, то она только утромъ на полчаса и не болѣе какъ на часъ поѣдетъ сама поздравить и возвратится домой. Если онъ не пришлетъ звать ее, то она пошлетъ Аѳанасья, а сама не поѣдетъ, и отзовется тѣмъ, что меня ждетъ, а *я вѣрно не буду, только одинъ отзывъ*... А если къ А. А. Шестову будутъ Сашеньку звать, то она поѣдетъ на вечеръ". Такой проектъ, по причинѣ важности дѣла, подвергался обсужденію и со стороны отца. „Я съ папенькой совѣтовался насчетъ именинъ, и онъ такой мой совѣтъ одобрилъ".

У Семена все замѣтнѣе становится самостоятельное отношеніе къ дѣйствительности. Онъ не только упомянетъ о фактѣ, но и отмѣтитъ, хоть вскользь, свое критическое къ нему отношеніе. Поздравляя мачиху съ праздникомъ Донской Божіей Матери, онъ называетъ его „праздникомъ нашего смирнаго Замоскворѣчья". По случаю дня коронаціи онъ пишетъ: „то-то у васъ нынче гулянье чудо, а у насъ все скука да скука". Характеристика ярмарки: „я здѣсь девятую ярмарку, но такой еще не было: во всѣхъ отношеніяхъ непріятная". „Теперь у насъ до самаго отъѣзда дѣла гибель; всѣ какъ угорѣлые ходимъ взадъ и впередъ, а дѣло все по рукамъ нейдетъ." Иванъ никогда не позволилъ бы себѣ ни такого рода категорическихъ сужденій, ни тона черезчуръ фамильярнаго.

Въ этомъ году Сергѣя взяли опять на ярмарку. Семенъ относится уже строже къ нему: „Сережа здоровъ, только лѣнится и не любитъ много писать. Сегодня я *заставилъ* его писать больше *и сочинилъ ему къ вамъ письмо*". „Вы просите помогать Сережѣ совѣтами: и безъ просьбы всегда это исполняю... Какъ дома, такъ и здѣсь *при себѣ* баловать не допускаю... Лишь бы больше слушали!" Нельзя не признать, что это довольно сильно сказано, принимая въ соображеніе, что самъ глава семейства былъ на лицо. Такая авторитетность могла быть въ связи съ болѣе самостоятельнымъ положеніемъ Семена: подъ конецъ онъ торговалъ въ особой лавкѣ въ Москвѣ, на отчетѣ.

Сережу отпускаютъ и въ театръ: онъ ходилъ съ приказчиками на бенефисъ пѣвца Бантышева. О письмахъ этого юнаго корреспондента пока нечего говорить: всѣ они короткія и ничего не содержатъ, кромѣ привѣтствій и поздравленій. За то каллиграфія образцовая и совершенно сформировавшійся почеркъ, которому Сергѣй остался вѣренъ во всю жизнь.

Къ этому году относятся два трогательныхъ письма, свидѣтельствующія, какъ отецъ и мать были привязаны другъ къ другу.

Отецъ пишетъ 15 августа 1844 г. „Удивляюсь я, что ты стала меня забывать. Вчерась вечеромъ получены письма мною изъ нашего семейства, а отъ тебя ко мнѣ нѣтъ. Здорова ли ты, душа моя? Ты развѣ на меня не сердишься ли

за что, увѣдомь. Ежели сердишься, то увѣдомь, за что. Если я виноватъ, тогда я скажу тебѣ: прости, милая, я виноватъ!“ Мать моя на это отвѣчаетъ: „Въ письмѣ вашемъ отъ 15-го числа, я замѣтила, что вы будто примѣтили мою неисправность въ письмахъ, и думаете, что я не сердита ли на васъ. Напротивъ сего, другъ милый. Я совсѣмъ не умѣю на тебя сердиться, а умѣю только любить тебя всею силою своей души. Я, душа моя, не нахожу словъ и не умѣю объяснить тебѣ свою благодарность, что ты меня утѣшаешь своими письмами. Да утѣшитъ тебя самъ Господь Богъ! Въ эту минуту я всю свою грусть забываю и ты только, мой безцѣнный, у меня бываешь въ умѣ и сердцѣ“.

17-го августа отецъ пишетъ: „Любезнѣйшая Аннушка Вишнякова, минута свободная, и писать къ тебѣ охота пришла, но не знаю что!... Становится скучно, потому что дѣла еще много. А зять сегодня уѣзжаетъ. Еще скучнѣе на это смотрѣть. Дѣлать нечего; терпѣть надо“. Однажды отецъ замѣчаетъ: „Скверно пишу. Рука трясется“. Попрежнему встрѣчается въ письмахъ его излюбленный оборотъ: „А чтобы тебя забыть, милая, и въ головѣ никогда не имѣю. *Тебя забуду, когда засну смертнымъ сномъ*“. Въ другомъ мѣстѣ онъ желаетъ женѣ „быть веселой, чтó я очень люблю, когда ты весела“.

Въ корреспонденціи этого года можно замѣтить усиленіе нѣжности со стороны отца и звуки такихъ нѣжныхъ струнъ, о существованіи которыхъ трудно было догадываться. Находилось это въ связи съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ оставилъ мою мать.

Послѣ рожденія брата Миши въ 1835 г. мать моя полагала, что у нея дѣтей больше не будетъ. Отцу было уже за 60 лѣтъ и, хотя онъ въ письмахъ иногда довольно прозрачно говоритъ объ интимныхъ отношеніяхъ и той цѣнѣ, которую имъ придаетъ, нельзя было забыть, что возрастъ имѣетъ свои неумолимые законы. Поэтому для нея было большимъ сюрпризомъ, когда въ началѣ весны 1844 года у нея обнаружились первые признаки беременности. Никто изъ домашнихъ, кромѣ отца, не зналъ еще объ этомъ, когда произошло слѣдующее событіе. 5-го іюля, въ день именинъ брата Сергѣя, пришла къ намъ знакомая юродивая Агаѳьюшка изъ Вознесенскаго монастыря. Мать моя всегда

относилась къ юродивымъ не только съ тѣмъ участіемъ, какое заслуживаютъ вообще эти несчастные, но и съ особымъ уваженіемъ, свойственнымъ русскому народу по отношенію къ „божьимъ людямъ“, однако на сей разъ гостью не приняла по нездоровью. Агаѳьюшка ушла и за воротами, невдалекѣ отъ нашего дома, повстрѣчалась съ нашей попадьей. Къ большому изумленію послѣдней, Агаѳьюшка сказала ей:

„Раба Божія Анна зачала во чревѣ и родитъ сына Николая. А ты скажи ей, чтобъ въ благодарность она пожертвовала покровъ на мощи св. Евфросиніи“.

Замѣтка объ этомъ вмѣстѣ съ описаніемъ задуманнаго покрова сохранилась въ бумагахъ моей матери съ примѣчаніемъ: „теперь я не могу вышивать въ пяльцахъ, а оставляю до времени“.

Вотъ почему въ письмахъ отца съ ярмарки 1844 года впервые появляется въ числѣ наиболѣе чтимыхъ святыхъ Николай Чудотворецъ. „О выѣздѣ не знаю что сказать“, пишетъ отецъ; „какъ Богъ поможетъ дѣла свои кончить, тогда, помолясь Богу, Царицѣ Небесной, *Николаю Чудотворцу*, преподобному Макарію и своему ангелу Петру митрополиту“.

Въ свою записную книжку моя мать записала слѣдующее: „1844 года, ноября 7-го дня, поутру въ самые полдни въ 12 часовъ, родился у насъ сынъ Николай. День былъ вторникъ, ясная погода. Именины его 6-го декабря“.

Таково было первое свидѣтельство о существованіи пишущаго сіи строки*).

Отецъ былъ внѣ себя отъ радости. Моя особа дѣлается исключительнымъ предметомъ его заботъ и попеченій. Въ письмахъ съ ярмарки въ 1845 г., онъ упоминаетъ въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ обо мнѣ. У отца, какъ мы уже видѣли, было чертой характера — предпочтеніе послѣднему ребенку. Такъ было съ Сергѣемъ, такъ было съ Владиміромъ и Михаиломъ, но со мной это предпочтеніе

*) 10-го ноября меня крестили. Воспріемниками были поч. гражд. и кавалеръ моск. 1-й гильдіи купецъ Влад. Сем. Алексѣевъ и поч. гражданка, моск. 1-й гильдіи купчиха Вѣра Мих. Алексѣева.

высказалось съ особой силой, такъ сказать въ превосходной степени.

Въ первомъ же письмѣ онъ пишетъ: „А Николая вишенку цѣлую 1000 разъ, а тѣхъ двоихъ по 3 раза я цѣлую. А мать крестная и отецъ расхвалили нашего Николу до чрезвычайности. Очень имъ нравится физіогномія“. Хороша, воображаю, была „физіогномія“ у девятимѣсячнаго ребенка! Отмѣчу, что отецъ здѣсь меня величаетъ Николой. На моей памяти никто изъ нашего семейства меня такъ не называлъ, кромѣ старшаго брата Ивана, являвшагося, такимъ образомъ, безсознательнымъ отголоскомъ моего отца.

Въ другомъ письмѣ отецъ пишетъ: „А дѣтей за меня поцѣлуй по 3 раза, а Николая 20 разъ, и посылаю имъ Божіе и мое грѣшное благословеніе“.

Съ своей стороны мать моя не оставляетъ безъ увѣдомленія о моихъ подвигахъ. Въ первомъ же письмѣ отъ 14-го авг. она пишетъ: „Николя нашъ сталъ понемногу ползать: премилый мальчишка становится и все начинаетъ смыслить“. А въ слѣдующихъ: „Николя у меня здоровъ наверху. Нѣтъ, онъ васъ не забылъ, потому что я примѣчаю, что какъ напомнишь ему гдѣ папенька, то онъ и тянется изъ столовой къ кабинету“. „Николя нашъ много сталъ смыслить и кое-что намекаетъ лепетать, ползаетъ и встаетъ, за что ухватится и самъ стоитъ на ножкахъ. Очень рѣзвый мальчикъ становится. Надо теперь за нимъ глаза да глаза!“ „Николя нашъ вчера такъ все танцовалъ подъ фортепьяно, что не шелъ долго на руки, когда Наденька играла“. Говорить я сталъ по второму году, какъ это видно изъ писемъ матери отъ 1846 года: „Николя ручкой дѣлалъ, кланялся и говорилъ: папа“ (Письмо отъ 15-го авг.).

Явное предпочтеніе, оказываемое мнѣ отцомъ, выразилось не только въ письмахъ. Мои братья скоро это испытали на себѣ.

„Твое появленіе на свѣтъ Божій“, вспоминалъ впослѣдствіи братъ Миша, „было для меня лично большой непріятностью. До той поры я былъ отцовскимъ любимцемъ. Стоило мнѣ только закричать, какъ отецъ, бывало, бросить всѣ дѣла и выскочитъ изъ кабинета, чтобъ узнать, не случилось ли чего со мною. Въ случаѣ какихъ-нибудь конфликтовъ съ братьями право всегда оставалось на моей сторонѣ. Послѣ твоего рожденья фонды мои сильно понизились: ты занялъ мое мѣсто, ты сталъ любимцемъ. Я вначалѣ не хотѣлъ этому вѣрить и полагалъ, что все должно идти по старому. Однажды я вздумалъ воспользоваться своими прежними правами, закапризничалъ по какому-то поводу и заоралъ на весь домъ. Результатъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ: отецъ попрежнему вышелъ изъ кабинета на крикъ, но — съ плеткой въ рукѣ и, не входя въ ближайшее разбирательство, оттрепалъ меня. Съ тѣхъ поръ я понялъ, что̀ значитъ: tempora mutantur и сталъ осторожнѣе“.

XVII.

Семейный строй и домашніе порядки — Визиты. — Господство родственнаго начала. — Жизнь въ Москвѣ во время ярмарки. — Нашъ садъ. — Праздникъ Донской Божіей Матери 19-го августа.

Переписка моихъ родителей рисуетъ домашнюю жизнь нашей семьи очень точно и опредѣленно. Правда, охватывая только одно время въ году, она не можетъ упоминать о многихъ мелкихъ деталяхъ нашего быта, но эти детали едва ли способны бы были внести что-либо существенно новое, такъ какъ главныя черты семейнаго строя стояли незыблемо, оставаясь постоянными въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ. Воспоминанія моихъ братьевъ дополняютъ эту картину нѣкоторыми подробностями, относящимися къ послѣднимъ годамъ жизни отца.

Какъ все въ тогдашней Россіи, строй семейный построенъ былъ на самодержавномъ началѣ. Какъ наверху была администрація, ревниво оберегавшая нужныя и ненужныя прерогативы произвола, въ губерніяхъ — губернаторы, въ городахъ — городничіе, въ духовенствѣ — митрополитъ Филаретъ, въ деревняхъ — помѣщики, отъ которыхъ если не de jure, то de facto зависѣла жизнь и смерть ихъ подданныхъ, такъ въ русской семьѣ почти неограниченная власть принадлежала отцу семейства. Счастіе было, если глава семейства былъ уменъ и добръ; нерѣдко онъ однако вырождался въ самодура или тирана. Къ чести отца онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Сознавая свою власть и охотно подчеркивая ее иногда, онъ ею не злоупотреблялъ и охотно

выслушивалъ совѣты со стороны. Его жена была его первой совѣтницей и другомъ; вліяніе ея онъ чувствовалъ и цѣнилъ. Нерѣдко ему случалось увлекаться мимолетнымъ гнѣвомъ — это лежало въ его темпераментѣ и воспитаніи,— но стоило только моей матери, въ сознаніи своей правоты, поднять голосъ,— а она никогда не стѣснялась дѣлать это, когда чувствовала несправедливость, — и онъ сбавлялъ тонъ, при случаѣ прямо сознавалъ свою вину и извинялся. И тѣмъ не менѣе мать моя почти никогда не обращается къ мужу иначе, какъ на *вы*; онъ же говорилъ ей *ты*, очень рѣдко сбиваясь на *вы*. Конечно, существеннаго значенія это не имѣло, и мать моя очень хорошо сознавала свой авторитетъ и безъ этого, однако то, что форма обращенія къ главѣ семейства была такая, а не иная, имѣло свой смыслъ. Говоря объ отцѣ, сыновья не смѣютъ относиться къ нему иначе какъ въ третьемъ лицѣ множественнаго числа. Въ 1842 г. Иванъ пишетъ: „Не знаю, сіе письмо застанетъ ли папеньку въ Москвѣ. Ежели еще *они* тамъ, то прошу васъ покорнѣйше сказать *имъ*, чтобы *они* съ вѣрнѣшею оказіей документы къ намъ прислали“.

Сознавая свою власть, отецъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ ней не сомнѣвались домашніе. Онъ — глава, онъ одобряетъ или осуждаетъ безапелляціонно, въ домѣ безъ него ничего не дѣлается, будь это существенное или мелочь. Хоть онъ и на ярмаркѣ, но мыслями онъ всегда въ Москвѣ и требуетъ, чтобы ему обо всемъ доносили. Онъ во все входитъ и распоряжается за 400 верстъ, какъ будто дома. „Что я вамъ пишу, то не забывать! А то вы и скажете: я забыла, Петръ Михайловичъ“, пишетъ онъ въ 1829 г. Мать моя вздумала говѣть; онъ и это не оставляетъ безъ резолюціи. „Ты вздумала поститься. Дѣло доброе! А я тебя прощаю и разрѣшаю во всемъ“ (1827). „Да увѣдомь, другъ мой, какова у насъ обнова-то, то-есть ключница. *Я хоть и здѣсь, но желаю знать*“. Моей матери вмѣняется въ обязанность ѣздить по церквамъ и — не ради одного благочестія... „Пожалуйста по праздникамъ ѣзди къ обѣдни по монастырямъ, а то *лошади застаиваются*. Возьми дѣтей съ собою, да внучатъ съ нянькой“ (1843). И мать моя усердно исполняетъ это желаніе и увѣдомляетъ, что была у обѣдни въ Донскомъ, Зачатіевскомъ и въ Алексѣевскомъ (1841).

Онъ входитъ во всѣ мелочи, хотя самъ иногда сознаетъ, что ихъ можно всецѣло предоставить женѣ. „Огурцовъ купить надо. Ежели нынѣ крупны, то поменьше немного прошлогодняго, а ежели мелки, то препорцію туже. Вотъ мое мнѣніе, а впрочемъ твоя хозяйская воля“ (1832). И мать моя аккуратно увѣдомляетъ его обо всемъ, что дѣлается по хозяйству. „О домѣ и стройкѣ я не могу хорошенько объяснить, но приказала сказать Аѳанасью: онъ вамъ лучше все опишетъ. Сараи и погреба каменная работа кончена“ (1842). „Солили огурцы по 4 руб. 60 коп. за тысячу“. „Вчера купили брусники три мѣры по 1 руб. 5 коп. за мѣру“ (1843). „Огурцы солили 8000 по 5 руб. 25 коп.“ (1844) и т. п.

По словамъ братьевъ, жизнь шла по разъ заведенному порядку изо дня въ день, изъ году въ годъ, все тѣмъ же однообразнымъ чередомъ. Вставали не рано, часовъ въ 9, пили чай около 10. Отецъ уѣзжалъ съ Сергѣемъ въ городъ около 11 час., гдѣ они и обѣдали. Въ домѣ обѣдали въ часъ, въ 5 пили чай. Къ этому времени изъ городу возвращался отецъ. Ужинали въ 9 часовъ. Послѣ болѣзни отца порядокъ былъ немного измѣненъ. Отецъ пересталъ ѣздить въ городъ утромъ, обѣдалъ дома со всѣми въ 2 часа, въ 3 уѣзжалъ въ лавку, въ 4 возвращался и тогда ложился спать до 6 час., когда подавался чай. Ужинъ остался въ 9 часовъ. Послѣ 10 часовъ всѣ должны были уходить спать, и ворота наглухо запирались на ночь. Отпирать ихъ дворникъ не смѣлъ безъ особаго разрѣшенія.

Въ праздничные и воскресные дни, конечно, всѣ должны были ходить въ церковь, и непремѣнно въ свой приходъ св. Іоакима и Анны. Всѣ посты, а также среды и пятницы, строго соблюдались; на первой и на послѣдней недѣляхъ Великаго поста даже рыбное воспрещалось. Наканунѣ праздднованія иныхъ святыхъ, почему-либо у насъ въ семействѣ особо почитаемыхъ, приглашалось приходское духовенство для служенія всенощной. Хоть разъ въ году привозили иконы Иверской и Спасителя.

Хозяйство велось на тотъ старинный ладъ, котораго теперь и слѣдовъ не найдешь въ первопрестольной столицѣ, и который былъ возможенъ и неизбѣженъ только при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія. Купить въ Москвѣ можно

было все, но не всегда; надо было запасаться хозяйственными продуктами во благовременьи. По этому поводу братъ мой Владиміръ разсказывалъ мнѣ: „Въ домѣ все необходимое было свое. Покупать по мелочамъ не нужно было, да и негдѣ. У насъ тогда была своя солонина, своя соленая рыба: покупались огромные осетры и бѣлуги и солились въ домѣ на зиму. Варили свой медъ. Для этого приглашался особый спеціалистъ медоваръ. Медъ былъ великолѣпный, и купить такой ни за какія деньги было нельзя. Все это было очень давно и прикончено уже было къ твоему рожденью, такъ что ты этихъ порядковъ застать не могъ. Тогда уже было признано болѣе выгоднымъ покупать соленую рыбу готовой".

Моя мать была заботливой хозяйкой и не любила сидѣть сложа руки. Въ рѣдкомъ письмѣ она не говоритъ о тѣхъ или другихъ мѣропріятіяхъ по хозяйству: то вишни купили, то огурцы посолили, то рыжиковъ она не можетъ въ Москвѣ добиться. Въ ея бумагахъ сохранились цѣлыя пачки счетовъ и реестровъ бѣлья, платьевъ, иконъ и всякой утвари; множество рецептовъ, какъ варить варенье, медъ, отваривать грибы и огурчики, мочить яблоки и сливы, готовить впрокъ рыбу; кромѣ того описанія разнообразнѣйшихъ женскихъ работъ, преимущественно на спицахъ, до которыхъ она была большая охотница.

Жизнь велась замкнутая. У себя принимали только родныхъ, и сами ѣздили въ гости только къ роднымъ. Сыновей отецъ никуда не пускалъ, даже рѣдко къ старшимъ замужнимъ сестрамъ. Не мудрено, что мать моя однажды пишетъ: „мы живемъ какъ въ пустынѣ: такая у насъ теперь тишина. Развѣ только дѣтушки наши когда расшумятся" (1841). Въ большіе праздники ближайшіе родные являлись съ поздравленіемъ къ вечернему чаю, сидѣли въ гостинной, и уѣзжали еще до ужина. Сестры Надежда и Людмила должны были обязательно быть при мужьяхъ, иначе это сочтено бы было за манкировку. Угощать запросто кого-нибудь обѣдомъ было не принято. Исключеніе составляли только именины отца и матери, когда ближайшая родня приглашалась къ столу въ обычное время, т.-е. въ 2 часа. Въ другихъ домахъ въ такіе торжественные дни звали не на обѣдъ, а на ужинъ. Съ конца 30-хъ годовъ вошло въ обычай приглашать родныхъ смотрѣть крестный ходъ въ Донской монастырь 19-го августа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обѣдать. Церемонныхъ визитовъ было мало, и ихъ у насъ не любили. Изрѣдка раздавался не въ обычное время звонокъ; весь домъ приходилъ въ ажитацію; прислуга суетилась: кто бѣжалъ съ докладомъ къ моей матери, кто къ парадной лѣстницѣ отпирать. У дамъ, вообще, существовалъ обычай навѣщать другъ друга въ то время, когда мужья находились на ярмаркѣ. Небогатыхъ родственницъ оставляли при этомъ безъ церемоніи обѣдать. Иногда это вводило извѣстное оживленіе, конечно, кратковременное. „Не вижу время", пишетъ моя мать въ 1838 г.; „все съ гостями, хоть и неважными, а все надо напоить и накормить самой".

Въ числѣ наиболѣе близкихъ лицъ, поддерживавшихъ съ нами отношенія, первое мѣсто принадлежало сестрамъ отца съ ихъ семьями: Вѣрѣ Михайловнѣ Алексѣевой, Аннѣ Михайловнѣ Зѣвакиной и Татьянѣ Михайловнѣ Хлѣбниковой. Затѣмъ шла родня моей матери: братъ ея Александръ Сергѣевичъ съ женой Натальей Ивановной, сестры: Вѣра Сергѣевна Кобелева и Марья Сергѣевна Коншина съ мужьями, и крестная ея мать и бабушка Дарья Аѳанасьевна. Послѣдняя вмѣстѣ съ Надеждой Сергѣевной Чероковой считались своими людьми. Ихъ фамильярно называли *нашими старухами.* Такимъ образомъ ближайшія наши сношенія ограничивались тѣснымъ кругомъ родныхъ.

Другое дѣло — праздничные визиты! Ихъ бывало столько, что парадная дверь цѣлый день не запиралась, и лакей нашъ не выходилъ изъ передней.

„Въ настоящее время, — разсказывалъ братъ Владиміръ, — трудно составить себѣ понятіе объ обычаяхъ того времени. Праздничные визиты въ Свѣтлый праздникъ, напримѣръ, начинались тотчасъ послѣ ранней обѣдни; значитъ, звонки начинали раздаваться часовъ съ трехъ утра. Такъ какъ отецъ и маменька, вернувшись отъ обѣдни, ложились спать, то встрѣча раннихъ визитеровъ поручалась намъ, младшимъ сыновьямъ. Намъ тогда было не больше 13—15 лѣтъ. И вотъ, бывало, чуть-чуть брезжитъ день, а мы бродимъ, полусонные, по парраднымъ комнатамъ. Звонокъ. Бѣжимъ въ залу. Входитъ гость. „Христосъ воскресе!" — Воистину воскресе! Извините папеньку и маменьку: они легли отдыхать". —

„Ничего-съ!“ Слѣдуютъ слова два о визитахъ, о погодѣ, объ обѣднѣ, о нашихъ учебныхъ занятіяхъ — и гость исчезаетъ. Идемъ въ гостинную. Мочи нѣтъ, какъ спать хочется; глаза не глядятъ; такъ и клонитъ прилечь на длинный диванъ, стоявшій вдоль оконъ: намъ потомъ маменька стала давать для этого маленькія подушки. Только что успѣешь забыться, опять звонокъ. Вскочишь, скорѣе прятать подушку во вторую гостинную и бѣжать въ залу. Тяжело было!“

Не легче было и визитерамъ. Обычай требовалъ, чтобы въ первый же день праздника обязательно объѣхать всѣхъ наиболѣе уважаемыхъ лицъ; отсрочка какого-нибудь такого визита на второй или третій день могла влечь за собою политическія осложненія. Если какой-нибудь Иванъ Ивановичъ считалъ себя стоящимъ на одинакой общественной ступени съ Иваномъ Никифоровичемъ, то обижался, если узнавалъ, что Иванъ Никифоровичъ получилъ визитъ на первый день, а онъ, Иванъ Ивановичъ, удостоился таковаго лишь на второй. На этихъ пустякахъ удивительно изощрялись память и проницательность. Поэтому людямъ, болѣе или менѣе зависимымъ или обладавшимъ обширнымъ кругомъ знакомыхъ въ дѣловой сферѣ, предстояла очень тяжелая задача: продѣлать нѣсколько десятковъ визитовъ отъ Крестовской заставы до Даниловской слободы въ одинъ день, памятуя притомъ, что визиты должны приканчиваться къ вечернѣ. Поспѣть только и можно было, начавъ объѣздъ тотчасъ послѣ ранней обѣдни. Я помню, братъ Иванъ при мнѣ говорилъ, что у него больше 50 визитовъ на первый день.

Но за то какіе же это были и визиты! Гость входилъ и здоровался:

— Честь имѣю поздравить съ праздникомъ!

— И васъ поздравляю, отвѣчала хозяйка. (Хозяинъ, конечно, уѣзжалъ самъ по визитамъ.)

Гость присаживается на кончикъ кресла.

— Какъ здоровье вашей супруги (имя рекъ)? — спрашиваетъ хозяйка.

— Покорно благодарю-съ!

— А дѣтокъ?

— Ничего, все славу Богу-съ!

— Вы навѣрное въ своемъ приходѣ праздникъ встрѣчали?

— Да-съ, у себя!

Фотот. П. Павлова.

7.

Видъ родового дома Вишняковыхъ въ настоящее время

— Сегодня, кажется, пріятная (или непріятная) погода для визитовъ.

— Совершенно вѣрно-съ, очень пріятная (или непріятная).

Гость вскакиваетъ и прощается.

— Куда вы такъ скоро?

— Извините, очень много визитовъ!

И гость исчезалъ. Все посѣщеніе длилось не болѣе 2—3 минутъ. На его мѣсто тотчасъ являлось двое, трое, четверо другихъ такихъ же.

Главный развалъ посѣтителей приходился на первый день; на второй ихъ было уже меньше, а на третій уже почти никого.

Такъ опредѣлились наши общественныя отношенія. У насъ была въ среднемъ купеческомъ кругу большая родня и большое знакомство, но интимными мы не были ни съ кѣмъ. Мать моя въ отсутствіе отца не искала и не находила отдыха или удовольствія въ дружескомъ общеніи съ чьей-либо семьей, кромѣ Протопоповыхъ. Ни къ кому нельзя было идти запросто, по душѣ, не считаясь визитами, не разбирая времени, въ увѣренности, что *не осудятъ*. Всѣ отношенія носили характеръ церемонный, формальный, почти оффиціальный. Было бы сочтено, напримѣръ, крайне неумѣстнымъ, навѣстивъ какого-нибудь родственника сегодня, заѣхать къ нему опять завтра или послѣ завтра. Самъ родственникъ, первый, удивился бы этому, счелъ бы это за нарушеніе принятаго этикета, *осудилъ бы*.

Родственное начало, которое проникало весь тогдашній бытъ, сказывалось очень сильно на корреспонденціи отца. Оно налагало извѣстныя обязательства, которыя, при всей ихъ незначительности, надо было исполнять, чтобъ не возбуждать неудовольствія и нареканій. Надо было прежде всего присылать всѣмъ кому нужно поклоны и поздравленія. „При случаѣ скажите почтеніе нашимъ всѣмъ роднымъ", пишетъ отецъ въ 1825 г., „имена коихъ описывать время не имѣю, *ибо ихъ у насъ, слава Богу, благодареньице!*" Обыкновенно наиболѣе близкія лица перечисляются поименно. Поздравленія шлются съ церковными праздниками, съ царскими днями, съ семейными событіями. 25-го іюля празднуется Успеніе св. Анны, нашъ приходскій праздникъ: отецъ поздравляетъ по этому поводу „съ праздникомъ Московскимъ".

1-го августа — рожденіе Милочки: отецъ никогда не забываетъ поздравить; 6-го, въ Преображенье, и 15-го, въ Успеньевъ день, — поздравленія. Если мать моя говѣла, отецъ поздравляетъ ее съ принятіемъ Св. Таинъ. 19-го — Донская Б. М. и именины Андрея Семеновича Зѣвакина: отецъ поздравляетъ семейныхъ, а къ Зѣвакину посылаютъ приказчика съ поздравленіемъ. 22-го приносится поздравленіе съ „высокоторжественнымъ днемъ коронованія Ихъ Величествъ“. 26-го именинница Наталья Ивановна Болдырева: надо послать поздравить. Когда породнились съ Лухмановыми и Шестовыми, стали поздравлять 30-го августа Александра Дмитріевича Лухманова и Александра Андреевича Шестова. Эти формальности, сами по себѣ ничтожныя, способствовали поддержанію родственнаго начала и имѣли свой смыслъ, напоминая людямъ интересы хотя и искусственные, но общепризнанные и популярные.

Съ другой стороны относительно тѣхъ же родныхъ соблюдался своеобразный и очень строгій этикетъ. Все сводилось къ тому, чтобы все шло по старому, по разъ заведенному порядку, безъ новшествъ. Напримѣръ, Зѣвакины обыкновенно звали къ себѣ обѣдать 19-го августа словесно, а вдругъ однажды прислали пригласительные билеты. Съ нашей стороны — неодобрительное недоумѣніе. У Серебряковыхъ дочь выходитъ замужъ. Нашимъ присылаютъ на свадьбу пригласительные билеты, а на билетѣ никого не означено кромѣ жениха и невѣсты; притомъ зовутъ и на свадьбу и на балъ въ одинъ день. Тутъ было двойное нарушеніе обычая: во 1-хъ, звать должны старшіе, приглашеніе должно идти отъ нихъ, а не отъ жениха и невѣсты, во 2-хъ, балъ никогда не дѣлался въ день свадьбы. Люди состоятельные дѣлали его всегда въ другой какой-нибудь день, люди съ меньшимъ достаткомъ обходились совсѣмъ безъ бала. Въ 1837 г., по случаю пріѣзда въ Москву Наслѣдника, отецъ совѣтуетъ матери ѣхать въ собраніе съ Протопоповыми, при чемъ надо *нанять четверню лошадей:* декорумъ запрещалъ иначе ѣхать. Къ числу вопросовъ этикета относилось и писаніе писемъ. Нужно было переписываться съ лицами не ради переписки, а ради почета, чтобъ не умалить ихъ достоинства, не обидѣть ихъ; точно также требовательны были и по отношенію къ себѣ: воздай Кесарево Кесареви. При этомъ игралъ большую роль прецедентъ. Если прежде писали, а потомъ перестали, это обида. Поэтому надо было зорко слѣдить, чтобъ прецедентовъ не создавалось безъ крайней нужды. У насъ жила Надежда Сергѣевна Черокова. Въ самое раннее время, когда еще воспоминаніе о первой женѣ было свѣжо, отецъ писалъ тещѣ письма, — какого содержанія, можно себѣ представить: конечно, это была лишь формальность. Съ теченіемъ времени, тяготясь излишней перепиской, при массѣ серьезнаго дѣла, отецъ перересталъ писать Надеждѣ Сергѣевнѣ, извиняясь недосугомъ. Старуха была обижена и выражала это моей матери, которая и выступила за нее заступницей, такъ какъ сама считала законнымъ проявленіе такой амбиціи. Отецъ извинился еще разъ, присылалъ поклоны и почтеніе, но писемъ не писалъ. Тогда мать моя дѣлаетъ такую диверсію: „Что вы не пишете Н. Сергѣевнѣ? Хоть бы дѣтей заставили, а сами только подписались. Все лучше, чѣмъ ничего“. Отецъ поручилъ отвѣтъ сыну Семену, и этотъ порѣшилъ съ вопросомъ очень быстро: „Вы пишете, чтобъ бабушкѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ написать особенно; то, по моему, во 1-хъ, ненужно бы этого заводить, а во 2-хъ, здѣсь и время недостаетъ: и вамъ пишемъ всегда почти по вечерамъ. Встаемъ въ 6-мъ часу, такъ долго сидѣть не хочется“ (1838). Два года спустя Семенъ подтверждаетъ это рѣшеніе. „Бабушкѣ почтеніе, а не пишу потому, это не хочется заводить“.

Эти мелкіе вопросы приличнаго и неприличнаго, нужнаго и ненужнаго въ сферѣ этикета, иногда выражаются въ формахъ странныхъ и смѣшныхъ. Однажды отецъ сдѣлалъ выговоръ женѣ за то, что въ письмѣ ея не было прислано поклона Протопоповымъ. „Въ обѣихъ письмахъ твоихъ приписка, а поклоновъ нѣтъ. Напрасно! Ибо они были въ это время, когда я читалъ. Я говорю о Протопоповыхъ“. Мать моя возразила: „Вы пеняете мнѣ, что я не писала поклоновъ Протопоповымъ, а мнѣ, мой другъ, смѣшно стало на это. Да и думаю я: вѣрно мои письма у васъ всякій можетъ свидѣтельствовать. Конечно, это мнѣ не очень пріятно, и надо, я вижу, быть осторожнѣе. Я не такъ поступаю съ вашими письмами. Мнѣ при комъ бы ни случилось читать, а никто не можетъ знать что тутъ написано, а когда нужно сказать кому поклонъ, такъ можно и безъ приписки“. (1838 г.). Съ своей стороны мать моя обидѣлась на Протопоповыхъ

за то, что тѣ не пришли обѣдать 15 августа 1841 г., ссылаясь на какое-то дѣло дома. „Не знаю, правда ли, да мнѣ нѣтъ дѣла. Была бы приложена честь, а тамъ какъ хотятъ“. Съ горя она посылаетъ за Надеждой Сергѣевной: „день постный, пусть отобѣдаетъ“. А между тѣмъ матери моей извѣстно было, что Наденька ходитъ почти на сносяхъ, а слѣдовательно и претензій къ ней нельзя было предъявлять. И дѣйствительно, черезъ четыре дня, Надеждѣ Петровнѣ Богъ далъ дочку Софью (1841 г.).

Въ 1825 году обыватели Московскіе еще не были освобождены отъ тяжелой и непріятной натуральной повинности: военныхъ постоевъ. Это былъ послѣдній годъ царствованія Александра I. Осенью Государь, будучи въ Крыму, какъ извѣстно, простудился и схватилъ жестокую лихорадку, отъ которой и скончался 19-го ноября въ Таганрогѣ. Должно быть еще передъ этимъ ходили тревожные слухи. На это указываетъ короткая замѣтка отца въ письмѣ отъ 22 іюля 1825 г.: „Пиши, милая сердцу моему Аннушка, чаще и обо всемъ, *каково и солдаты стоятъ, и нѣтъ ли какихъ афишъ*, то пришли ко мнѣ“. Изъ этого замѣчанія видно, что отецъ интересовался современными событіями. У насъ въ домѣ очень рано стали получаться періодическія изданія. Въ одномъ изъ писемъ отца 1833 г. читаемъ: „Журналы и газеты получить прикажите у сторожа рядскаго Василья“. Журналъ былъ — модный для моей матери, а подъ газетами, кажется, надо разумѣть „Московскія Вѣдомости“.

Большихъ хлопотъ стоила моей матери прислуга. „Мнѣ съ вашей командой мочи нѣтъ“, пишетъ она въ 1838 г., „а за всѣми денегъ премного впередъ задано, а то бы половину согнала со двора: терпѣнія никакого нѣтъ! Дурное самое правило давать впередъ людямъ деньги нестоющимъ и оставлять женщину ими управлять безсильную“. Такія жалобы повторяются не одинъ разъ. Въ другомъ письмѣ: „Теперь у насъ нѣтъ пьяныхъ, всѣ проспались; боюсь Донской, какъ-то пройдетъ. Пошли, Господи, намъ Ангела кротости и тишины!“ На это Иванъ Петровичъ отзывается съ ярмарки такъ: „А вы изволите писать насчетъ что скука несносная съ нашимъ народомъ. Это очень вѣроятно. Небось теперь Наталья и кучеръ воюютъ, и Максимъ небось тоже“.

Въ тѣ времена, когда о дачной жизни еще не имѣли понятія, и она считалась модой или роскошью, доступной лишь очень богатымъ людямъ, сады при домахъ имѣли огромное значеніе. При отцовскомъ домѣ былъ отличный садъ во французскомъ вкусѣ. Онъ существовалъ еще при прежнихъ владѣльцахъ, но сильно пострадалъ отъ пожара 1812 г., такъ что въ немъ ничего не уцѣлѣло, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ серебристыхъ тополей; они выдѣлялись отъ новыхъ посадокъ своими размѣрами, а также эксцентрическимъ положеніемъ среди новой распланировки дорожекъ, которая ихъ пощадила. Отецъ развелъ много яблонь, грушъ и ягодныхъ кустовъ; клумбы пестрѣли цвѣтами. Для надзора приглашался садовникъ. И отецъ, и мать очень любили свой садъ и заботились объ немъ. Отецъ пишетъ: „Максиму прикажите поливать яблони всѣ, особенно новосаженныя, ежели продолжаются жары; если же есть дожди, то не нужно“ (1839). Лѣтомъ послѣ обѣда отецъ любилъ отдыхать въ большой прохладной бесѣдкѣ, которую и я хорошо помню. Мать моя съ своей стороны заботится о яблокахъ, смородинѣ; скорбитъ, если неурожай; какъ хорошая хозяйка, слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ не воровали. „Садъ сама запираю и берегу... Проводя васъ вчера, я отправилась въ садъ и сняла съ сотню яблоковъ, чтобъ поберечь для себя, а то и послѣдніе потаскаютъ — не увидишь, а нонче стану варить яблоки и апельсины“ (1844). Воспитавшись и выросши въ Москвѣ, мать моя никогда не понимала прелести деревни, не любила дачи и всегда преувеличенно боялась вечерней сырости. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, при особенно сухой погодѣ, она рѣшалась пить вечерній чай у себя въ саду. Это особо отмѣчалось, какъ экстренное событіе. „Въ садъ не хожу, потому что сыро: рѣдкій день безъ дождя“... „У насъ въ саду еще довольно хорошо: мы недавно пили тамъ чай на воздухѣ“ (1841).

Слѣдуя своему собственному влеченію, а также волѣ Петра Михайловича, мать моя въ его отсутствіе охотно разъѣзжала по церквамъ, соборамъ и монастырямъ къ поздней обѣднѣ, обыкновенно вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ дѣтей. Почему она предпочитаетъ позднюю обѣдню, объяснено ею: „я безъ васъ не хожу къ ранней обѣднѣ: скучно рано вставать, и день бываетъ безконечный“. Изъ приход-

скихъ ею посѣщаются церкви Скорбящей Божiей Матери на Большой Ордынкѣ, Воскресенiя въ Кадашахъ и др. Она интересуется рѣдкими святынями. Въ 1841 г. въ августѣ она пишетъ: „завтра поѣду въ соборъ. Тамъ привезенъ крестъ древа Господня изъ Iерусалима. Всѣ ѣздятъ прикладываться. Онъ недолго здѣсь будетъ. Его везутъ къ Императрицѣ, а послѣ онъ возвратится въ Iерусалимъ. Святыня очень важная! Въ немъ находится часть крови Христовой". Въ соборъ же она охотно ѣздитъ 22-го августа, въ день коронацiи, къ обѣднѣ, а вечеромъ катается на иллюминацiи. Придавая большое значенiе молитвамъ за усопшихъ она посѣщаетъ кладбища, и монастыри при которыхъ похоронены ея родные или близкiе люди. Въ Новоспасскомъ монастырѣ покоилась большая часть ея собственной родни и Алексѣевы, на Лазаревскомъ кладбищѣ ея мать, на Даниловскомъ — Лухмановы и старая наша няня Прокофьевна, въ Симоновѣ — родня отца. У насъ ѣздили въ Симоновъ на заупокойныя обѣдни не менѣе двухъ разъ въ году. Мать моя обыкновенно ѣздила туда тотчасъ послѣ 19-го августа, въ ближайшее воскресенье, пользуясь еще хорошей дорогой. Вторично ѣздили зимой, когда установится санный путь. Бѣда была попасть на распутицу! Около Крутицкихъ казармъ и пороховыхъ погребовъ можно было сломать экипажъ на скверной грунтовой дорогѣ.

Послѣ обѣдни, мать моя заѣзжала куда-нибудь по близости пить чай. Послѣ Симонова было по дорогѣ заѣхать на Большую Алексѣевскую улицу, къ Вѣрѣ Михайловнѣ Алексѣевой. „Въ воскресенье", пишетъ мать въ 1838 г., „мы всѣ были въ Симоновѣ у обѣдни, а оттуда заѣхали къ Вѣрѣ Михайловнѣ и весь день у нея пробыли. Она одна дома была и очень намъ рада". Въ другихъ случаяхъ ѣхали къ Александру Сергѣевичу Болдыреву, брату матери, къ теткѣ Татьянѣ Михайловнѣ, къ Пащенковымъ. — Безъ отца ѣзжали и на богомолье куда-нибудь недалеко, напр. въ Косино или Коньково. Съ богомолья привозились цѣлые короба съ просвирами для разсылки роднымъ, которые и съ своей стороны насъ не забывали. Мнѣ лично памятно, какъ послѣ поѣздки къ Троицѣ у насъ разбирались массами просвиры, завертывались въ чистую писчую бумагу, запечатывались сургучемъ и, по надписанiи именъ, разсылались по домамъ.

Но самое большое оживленiе вносилъ праздникъ Донской Божiей Матери, 19-го августа. Споконъ вѣку онъ считался нашимъ мѣстнымъ Якиманскимъ праздникомъ, благодаря крестному ходу, который совершается изъ Кремля въ Донской монастырь и проходитъ всегда по Большой Якиманкѣ, почти мимо отцовскаго дома. Въ хорошую погоду это торжество привлекаетъ множество народа и представляетъ любопытное и красивое зрѣлище. Уже съ ранняго утра по улицѣ замѣтно необычное движенiе; цѣлыя группы простонародья проходятъ къ Донскому монастырю; по мостовой и тротуарамъ разбросанъ по праздничному можжевельникъ. Около 9 часовъ приближающiйся перезвонъ колоколовъ возвѣщаетъ, что крестный ходъ близко. Медленно подвигается шествiе. Постепенно улица превращается въ колыхающееся море обнаженныхъ человѣческихъ головъ, среди которыхъ пестрѣютъ яркими пятнами женскiя платья и шляпки. Высоко въ воздухѣ, мѣрно и тяжело колеблясь, надвигается цѣлый лѣсъ хоругвей, сверкая золотомъ и серебромъ и тихо бряцая, словно оружiе. Сопровождаемые пѣнiемъ, шествуютъ архiерей и многочисленное духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ. По всей дорогѣ раздается ликующiй колокольный звонъ; изъ церквей выступаетъ навстрѣчу мѣстное духовенство со своими хоругвями для присоединенiя къ ходу. Часовъ около 2 дня процессiя возвращается обратно въ Кремль, но уже въ сопровожденiи гораздо меньшей толпы народа: многiе разошлись или остались праздновать и гулять около монастыря.

У насъ самихъ въ домѣ былъ родовой образъ Донской Божiей Матери*). Объ немъ говоритъ однажды въ письмѣ отецъ. Праздникъ этотъ всегда привлекалъ къ намъ родныхъ „смотрѣть кресты", особенно дѣтей. За обѣдней когонибудь изъ родственной дѣтворы непремѣнно причащали. Изъ взрослыхъ одни прiѣзжали рано, шли вмѣстѣ съ моей матерью къ обѣднѣ и оставалась потомъ на цѣлый день, другiе прiѣзжали только посмотрѣть на крестный ходъ, а третьи являлись позже, уже послѣ обѣда, съ праздничнымъ визитомъ. Обѣдать оставлялись только ближайшiе родные: тетка Татьяна Михайловна, Протопоповы, сестры матери и не-

*) Эта икона перешла по наслѣдству ко мнѣ.

вѣстка Наталья Ивановна; къ вечеру пріѣзжали Анна Герасимовна Алексѣева, Костромина, Егорова, Быковская и др. Кажется, эти родственные пріемы дѣлались по приказу отца, потому что у матери моей къ нимъ сердце не лежало, какъ мнѣ думается, вслѣдствіе стѣснявшей ее глухоты, которую ей долго не хотѣлось признать неизлѣчимой. По крайней мѣрѣ вотъ какіе отзывы объ этомъ днѣ находятся въ ея письмахъ къ отцу: „Весь день вертѣлась какъ колесо. Я уже отвыкла отъ такой жизни. Я, бывало смѣялась на ваши сужденія, что спокойствіе сравниться ни съ чѣмъ не можетъ“. „Завтра на нашей широкой улицѣ праздникъ; бываетъ суматоха съ утра до вечера не знаешь, какъ бы скорѣе день прошелъ“. Но какъ бы то ни было, съ этихъ поръ и надолго, почти на полвѣка родственныя собранія у моей матери въ день 19-го августа держались въ обычаѣ и понемногу отмѣнились только за ея старостью и болѣзнью.

XVIII.

Отношенія съ Алексѣевыми и Зѣвакиными. — Татьяна Михайловна.

Я лично не помню ни тетку Вѣру Михайловну, мою крестную мать, ни ея старшаго сына Петра Семеновича.

По разсказамъ братьевъ, отношенія нашего дома къ Алексѣевымъ не носили характера особой сердечности. Мы не были достаточно богатыми, чтобы стать имъ „подъ кадриль“ какъ тогда говорилось; съ своей стороны, они не могли забыть, что отецъ когда-то былъ по отношенію къ нимъ лицомъ подчиненнымъ. Въ купеческой средѣ они пользовались большимъ уваженіемъ. Богатство дѣлало ихъ вообще очень гордыми; въ этомъ отношеніи выгодное исключеніе составлялъ только Владиміръ Семеновичъ, мой крестный отецъ.

Къ Вѣрѣ Михайловнѣ отецъ всегда относился съ большой почтительностью, но объ особой интимности между ними не могло быть и рѣчи. Съ своей стороны Вѣра Михайловна принимала знаки уваженія отъ нашего семейства, какъ должную дань. Она проявляла при этомъ ту величавость, какая приличествовала владѣтельнымъ нѣмецкимъ герцогинямъ стараго режима въ сношеніяхъ съ ихъ вѣрными

вассалами, осчастливливала насъ своими посѣщеніями нѣсколько разъ въ году и великодушно крестила всѣхъ дѣтей моего отца. Это была старуха съ выразительными чертами лица, носившими несомнѣнные слѣды былой красоты; ходила она всегда въ платочкѣ, завязанномъ кругомъ головы, по старинному, съ торчавшими концами въ видѣ роговъ*). Отъ отца былъ строгій приказъ, чтобы при пріѣздахъ ея всѣмъ дѣтямъ выходить и привѣтствовать ее по разъ навсегда утвержденному церемоніалу: сначала подойти къ ея рукѣ, потомъ цѣловать ее въ губы и наконецъ опять въ руку. Такъ же и при проводахъ. Она держала себя важно, съ большимъ достоинствомъ, и производила впечатлѣніе умной, но гордой женщины. Скупа она была страшно. Разсказывали, что, задумавъ однажды подарить всѣмъ намъ, своимъ крестникамъ, по серебряной ложкѣ, она привезла ложки, все время держала руку въ карманѣ, но отдать ихъ не рѣшилась и такъ и уѣхала. Когда въ большіе праздники отецъ отправлялся къ ней съ визитомъ и бралъ съ собою кого-нибудь изъ сыновей, то надо было себя держать въ струнку: иначе можно было подвергнуться отъ нея выговору и этимъ навлечь на себя неудовольствіе отца.

Она имѣла обыкновеніе навѣщать мою мать во время ея одиночества, и ея визиты особо отмѣчаются. Въ письмахъ отецъ выражаетъ постоянно живѣйшее удовольствіе по поводу посѣщеній Вѣры Михайловны, шлетъ ей свое почтеніе, рекомендуетъ женѣ отдать визитъ при надлежащей обстановкѣ, но этимъ дѣло и ограничивается. Отецъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы только чѣмъ-нибудь не манкировать передъ старшей сестрой и не заслужить ея неодобренія. „Умно вы сдѣлали, ежели съѣздили поздравить с(естру) В(ѣру) М(ихайловну)“, пишетъ онъ въ 1825 г. „Благодарю, что сестрица В. М. навѣстила“ (1826). „Ежели случай будетъ видѣться съ сестрицей В. М., то ей отъ меня почтеніе“ (1829). Однажды, въ августѣ 1836 г., пріѣхавши къ намъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Семеновичемъ, Вѣра Михайловна нашла, что у насъ въ покояхъ сыро. Это было

*) Портретъ ея былъ найденъ въ одномъ женскомъ монастырѣ супругой моего брата Сергѣя, Елизаветой Ивановной, въ 1870-хъ годахъ. Она позаботилась заказать съ него фотографическій снимокъ, копія съ котораго здѣсь и приложена.

послѣ внутренняго ремонта дома. Увѣдомленіе объ этомъ тотчасъ обезпокоило отца. „Владиміръ Семеновичъ пишетъ, но онъ того не замѣтилъ“, извѣщаетъ онъ мою мать. „Я просилъ его побывать у насъ. Если погода хороша, окна надо растворять“. Теткѣ покупались подарки. Отецъ пишетъ въ 1838 г.: „сестрицѣ В. М. писала купить коверъ, то я купилъ прекрасный за 50 руб.“. „Была ли ты у сестрицы В. М.?“ спрашиваетъ онъ въ 1840 г. „Ежели не была, то съ дѣтьми надо бы тебѣ безъ меня навѣстить“. Въ 1842 г. въ Успеньевъ день надо было послать съ чѣмъ-то поздравить тетку. Моя мать пишетъ озабоченно: „къ В. М. послала Сережу поздравить: не знаю, похвалитъ ли“. Въ послѣдніе годы передъ кончиной отца Вѣра Михайловна уже не выѣзжала совсѣмъ вслѣдствіе болѣзни ногъ; упоминаются лишь визиты ея сына Владиміра Семеновича. Она пережила отца года на два.

Изъ дочерей Вѣры Михайловны мать мою навѣщала Александра Семеновна Костромина и дочь послѣдней отъ перваго брака съ Шелапутинымъ, Ольга Петровна, бывшая замужемъ за Михаиломъ Николаевичемъ Егоровымъ, особа извѣстная впослѣдствіи въ Москвѣ по непомѣрному благочестію и полному обскурантизму. Изъ другихъ Алексѣевскихъ дамъ къ намъ ѣздила Анна Герасимовна, жена Петра Семеновича, рожденная Четверикова. У нея было извѣстное расположеніе къ моей матери. „У насъ была Анна Герасимовна“, пишетъ моя мать въ 1839 г.; „другой разъ къ намъ пріѣхала. Я очень ей благодарна. Прежде была, да насъ не застала“. Замѣчательно, что въ письмахъ совсѣмъ почти не упоминается Петръ Семеновичъ, хотя онъ пережилъ отца на три года. Вѣроятно, онъ появлялся у насъ только съ короткими визитами въ высокоторжественные дни. Изъ переписки отца видно, что Петръ Семеновичъ уже въ 1835 г. проводилъ лѣто на дачѣ въ Сокольникахъ. Это самое раннее упоминаніе о дачной жизни московскаго купечества изъ нашего круга.

За то Владиміръ Семеновичъ Алексѣевъ всегда былъ у насъ дорогимъ гостемъ. Между отцомъ и имъ существовала извѣстная сердечность. „Увѣдомь“, пишетъ отецъ въ 1826 г. 3 августа, „Владиміръ Семеновичъ сколько разъ былъ у тебя по сіе число. Онъ ко мнѣ только одно письмо написалъ.

Не сердитъ ли онъ? *А болѣе я!* Сегодня только вздумалъ! Занимается онъ петербургскимъ купцомъ Лихачевымъ: онъ у нихъ и остановился. Я досадую нѣсколько и ему не пишу ничего“. Изъ этихъ строкъ видно, что отношенія отца къ Алексѣевымъ, при всемъ уваженіи къ нимъ, были вполнѣ самостоятельныя и полныя достоинства. Изъ недошедшаго до насъ письма моей матери можно догадываться, что она испугалась ссоры и старалась настроить отца на примирительный ладъ, потому что отецъ въ слѣдующемъ своемъ письмѣ успокоиваетъ ее: „О Владимірѣ Семеновичѣ ты не безпокойся. Это наше дѣло. Выговоровъ я не дѣлалъ, а только писалъ на его письмо кое-что неважное“. Владиміръ Семеновичъ женатъ былъ на Елизаветѣ Александровнѣ Москвиной. Эта дама, кажется, также напускала на себя большую важность, что̀ у насъ, понятно, нравиться не могло. Въ 1832 г. ея визита у насъ ждали, а она не ѣхала. Это даетъ поводъ къ саркастическому замѣчанію отца: „Елизавета Александровна у тебя еще не была? *Люблю умныхъ людей!*“ Съ своей стороны мать моя пишетъ въ 1842 г.: „Наденька съ Людмилушкой вчера ѣздили къ Вѣрѣ Михайловнѣ, и они всѣ здоровы, а Владиміръ Семеновичъ переѣхалъ съ дачи*) въ свой домъ. Только, говорятъ, очень похудѣла Елизавета Александровна. И не мудрено! *Она такъ чувствительна!*“ — „Хочу купить розоваго (платья) для гостинцу Аннѣ Герасимовнѣ“, пишетъ отецъ въ 1837 г. „А Елизаветѣ Александровнѣ велишь купить или нѣтъ, увѣдомь“. Уже возможность такого вопроса указываетъ на сомнѣніе, нужно ли быть любезнымъ съ особой.

Это не помѣшало отцу до конца дней своихъ поддерживать отличныя отношенія съ Владиміромъ Семеновичемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что гордость, которая свила себѣ прочное гнѣздо въ семьѣ Петра Семеновича, отразилась гораздо меньше на характерѣ младшаго брата, отъ природы болѣе благодушнаго и доступнаго. Однако отецъ мой по уму отдавалъ преимущество старшему брату и однажды высказалъ это очень опредѣленно. Было это въ 1844 г. За одну изъ дочерей Петра Семеновича, Варвару, сватался богатый дворянинъ Михаилъ

*) Вѣроятно, говорится объ *„Елизаветинѣ“*, великолѣпной дачѣ Алексѣевыхъ за Покровскимъ-Глѣбовымъ.

Акимовичъ Рюминъ. Объ этомъ отца увѣдомила моя мать: „слухъ носится, что и Вареньку Алексѣеву скоро помолвятъ за барина Рюмина. Спѣшите, другъ мой, пировать!“—На это отецъ отвѣчаетъ: „И здѣсь слухъ есть о женихѣ Рюминѣ. Богачъ! Полагаю, до 5000 душъ есть крестьянъ. Ихъ три брата. *Петръ Семеновичъ не ошибется: знаетъ все. Онъ—тонкій человѣкъ, подальше В. С. видитъ* *)“.

Отдавая должное уму старшаго брата, отецъ цѣнилъ гораздо больше расположеніе младшаго. На его дружбу онъ всегда разсчитывалъ, особенно на время своихъ отлучекъ въ Нижній. Не разъ онъ совѣтуетъ моей матери въ случаѣ какихъ-нибудь домашнихъ недоразумѣній обращаться за содѣйствіемъ къ Владиміру Семеновичу. Какъ то разъ забунтовалъ кучеръ. Отецъ пишетъ по этому поводу: „о кучерѣ Ванькѣ попроси Владиміра Семеновича. Авось онъ его уйметъ! Что дѣлать съ безсовѣстнымъ человѣкомъ! Въ случаѣ нужды, то сошли его. *Чортъ съ нимъ и съ деньгами!* Оставляю на твою волю“. Встрѣчающееся здѣсь воззваніе къ чорту есть единственное въ своемъ родѣ, какъ совсѣмъ несвойственное слогу отца: очень ужъ онъ сердитъ былъ, должно быть. И мать моя цѣнила Владиміра Семеновича. Однажды она увѣдомляетъ: „вчера у насъ былъ В. С. Такой милый и добрый! Посидѣлъ и чай съ нами пилъ“. Онъ пріѣзжалъ къ намъ почти всегда на нашъ Якиманскій праздникъ, въ Донскую, смотрѣть крестный ходъ.

Двѣ изъ сестеръ отца были богатыя и одна небогатая. Богатыя были Вѣра Михайловна Алексѣева и Анна Михайловна Зѣвакина, а небогатая Татьяна Михайловна Хлѣбникова.

Въ отношеніяхъ нашихъ къ Алексѣевымъ и Зѣвакинымъ была существенная разница. Вѣра Михайловна была строга

*) Здѣсь мы знакомимся съ сокровеннѣйшими мыслями отца, компетентнаго судьи для умственной оцѣнки обоихъ братьевъ, которыхъ онъ зналъ съ дѣтства. По кончинѣ Петра Семеновича роли перемѣнились. Прошло немногимъ болѣе десяти лѣтъ послѣ отзыва отца, и размашистая политика Анны Герасимовны и ея дѣтей привела къ ликвидаціи торговыхъ дѣлъ старшей линіи Алексѣевыхъ, тогда какъ младшая линія, съ Владиміромъ Семеновичемъ во главѣ, продолжала процвѣтать.

и горда, но умна; если она къ намъ и не проявляла большой нѣжности, то въ ея благожелательномъ отношеніи всетаки нельзя было сомнѣваться; ее побаивались, но уважали. Съ Анной Михайловной мы стояли на другой ногѣ. Ее никогда не любили за ея тяжелый характеръ, суровый и неумный деспотизмъ въ семьѣ, и при случаѣ охотно проходились на ея счетъ. Кромѣ того, хотя Зѣвакины съ матеріальной стороны были обставлены не хуже насъ, въ ихъ отношеніяхъ къ намъ всегда чувствовалась какая-то фальшь, не то завистъ, не то непонятная напыщенность и стараніе не отстать отъ насъ, подчеркнуть свою самостоятельность. Это казалось смѣшнымъ и расхолаживало отношенія. Гдѣ ни встрѣчается упоминаніе объ нихъ, вездѣ видно желаніе отдѣлаться одной оффиціальной вѣжливостью, нерѣдко видна и иронія. Въ 1838 г. мать моя пишетъ. „На прошедшей недѣлѣ у насъ была Анна Михайловна Зѣвакина съ обѣими дочерьми. Не знаю, что съ нею сдѣлалось: ужъ очень была ласкова, точно какъ мы недавно съ ней познакомились. Вездѣ ходила и хвалила „какъ хорошо у васъ расписано!“ *) Вамъ почтеніе все посылала, обѣщалась ко мнѣ опять быть въ постѣ. Удивляюсь, что такая перемѣна!“ Отецъ — въ 1839 г.: „Зѣвакинъ мнѣ пишетъ, что жена его нездорова 8-й день горячкой. *Ежели правда*, ты бы навѣстила, *чтобы не стыдно было*“. На это мать моя отвѣчаетъ: „Вчера я была у Вѣры Михайловны и у Анны Михайловны. Первая жалуется на ногу и слабость, а вторая сидитъ на диванѣ, конечно нѣсколько блѣдна, а горячки, кажется, не похоже. А скажу вамъ, мой другъ, видѣть ея сына женатаго и его жену — тогда невольно пожелаешь ей хорошенькой горячки. Они, бѣдные, точно убитые какіе. Оба похудѣли, поблѣднѣли и точно связанные чѣмъ, такъ примѣтно ихъ тяжелое положеніе“.

19-го августа, день нашего Якиманскаго праздника Донской Божьей Матери, совпадаетъ съ празднованіемъ св. Андрея Стратилата. Это были именины Андрея Семеновича Зѣвакина. Долгое время у насъ было въ обычаѣ, чтобы утромъ къ имениннику посылать съ поздравленіемъ старшаго приказчика, а вечеромъ матери моей съ старшей падчерицей

*) Расписывались живописью потолки въ парадныхъ комнатахъ.

ѣхать либо на обѣдъ, либо на вечеръ, смотря по приглашенію. Такова была воля отца: съ Андреемъ Семеновичемъ отца связывали старинныя отношенія. Въ ранніе годы существовалъ довольно оригинальный порядокъ, на который находимъ въ одномъ письмѣ П. М-ча къ женѣ слѣдующее указаніе: „Поздравляю тебя съ нынѣшнимъ праздникомъ, а равно и съ наступающимъ именинникомъ А. С. Зѣвакинымъ. Не забудь, пошли Василья поздравить. А какъ позовутъ обѣдать или на вечеръ, то поѣзжай съ Надюшей, а *оттудова зови на перепутье нашихъ родныхъ;* а дома-то приготовьте что нужно къ пріему ихъ“ (1825). Выходитъ, что мать, отобѣдавъ у Зѣвакиныхъ, должна была торопиться домой, чтобъ принимать у себя съ праздничнымъ визитомъ по случаю Донской тѣхъ же родныхъ, которыхъ она только что видѣла. Однако съ конца тридцатыхъ годовъ празднованіе 19-го августа получало все болѣе и болѣе значенія у насъ; стали наѣзжать гости смотрѣть „кресты“ и обѣдать; это возлагало на мать мою новыя обязанности гостепріимства и новыя хлопоты. Поэтому ей становилось все неудобнѣе самой ѣздить къ Зѣвакинымъ. Въ 1842 г. Зѣвакины почему-то позвали на обѣдъ съ особой торжественностью, приславъ даже пригласительные печатные билеты, заставившіе воскликнуть мою мать: „Такіе у нихъ препараты: печатные билеты!“ Она просила съѣздить къ Зѣвакинымъ съ поздравленіемъ Надежду Петровну, а на обѣдъ не поѣхала. Андрей Семеновичъ обидѣлся и жаловался отцу. Отецъ увѣдомляетъ: „Зѣвакинъ ко мнѣ пишетъ, благодаритъ за поздравленіе и пеняетъ, что изъ нашего семейства его никто не удостоилъ своимъ посѣщеніемъ“. Узнавъ, что Надежда Петровна этикетъ соблюла, отецъ успокоился. Въ слѣдующемъ году Андрея Семеновича ужъ не было въ живыхъ: 19-го августа въ Нижнемъ отецъ служилъ панихиду по немъ „да по матушкѣ нашей Марьѣ Васильевнѣ Болдыревой: день ея кончины нынѣшній день“.

Въ 1844 г., по случаю пріѣзда на ярмарку „молодыхъ“ Зѣвакиныхъ, отецъ дѣлаетъ шутливую замѣтку: „вчерась у Зѣвакиныхъ былъ и ужиналъ у нихъ съ Сережей. Они ошиблись въ своихъ разсчетахъ. А брюхо большое! Боюсь, чтобы дорогою чего не случилось. Вотъ бабы каковы! *Счету ни въ чемъ не знаютъ*“.

Гораздо сердечнѣе были отношенія наши со старшей сестрой отца Татьяной Михайловной Хлѣбниковой. Она у насъ часто и обѣдала запросто, и мыться къ намъ въ баню пріѣзжала, при чемъ ее привозила и отвозила наша лошадь. Мать моя заѣзжала къ ней послѣ обѣдни чай пить; и отецъ относился къ ней хорошо, присылалъ ей всегда поклоны и дарилъ съ ярмарки. Къ ней ходили охотно въ гости и мои братья дѣтьми.

„Мы любили у нея бывать, вспоминалъ Миша. Она была проще, ласковѣе и гостепріимнѣе Вѣры Михайловны. Бывало угощаетъ усердно, накормитъ вареньемъ, леденцами, печеньемъ“...

XIX.

Братья и сестры моей матери.

У моей матери было три брата: Павелъ, Александръ и Василій. Всѣ они были съ нею единокровные, но не единоутробные.

Павелъ умеръ еще до замужества моей матери. Объ немъ мнѣ равно ничего неизвѣстно. Василій скончался 12 іюля 1831 г. Оба они умерли холостыми и погребены, какъ и большая часть Болдыревской родни, въ Новоспасскомъ монастырѣ. Василій Сергѣевичъ былъ мѣховщикъ, т.-е. повидимому продолжалъ дѣло своего отца. На это указываетъ слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ отцовскихъ писемъ: „Послать Василью Сергѣичу сказать, чтобы онъ прислалъ поколотить мѣха“. Въ корреспонденціи матери уцѣлѣло два его письма отъ 1829 и 1830 годовъ съ Нижегородской ярмарки. Письма безсодержательныя, малограмотныя и преувеличенно вѣжливыя; напр., онъ пишетъ: „Милостивая государыня, любезная сестрица“, и подписывается: „вашъ покорный слуга и братъ“.

Нѣсколько больше извѣстно объ Александрѣ Сергѣевичѣ, который былъ лѣтъ на 5 старше матери. Однако, хотя его писемъ сохранилось много, интереса въ нихъ мало. Они отличаются также изысканной вѣжливостью и безсодержательностью, причемъ одно письмо какъ двѣ капли воды похоже на другое. Однажды мать моя замедлила отвѣтомъ на его письмо, и это задѣло его амбицію: „Послано было къ вамъ

письмо отъ 24 числа сего мѣсяца (іюля 1826 г.), но получили ли вы его или нѣтъ, а мнѣ желательно очень, чтобы вы меня увѣдомили". Отца моего онъ называетъ: „батюшка Петръ Михайловичъ". Изъ письма его 1834 г. узнаемъ лишній разъ, какъ добрые люди мытарились въ доброе старое время съ ѣздою на ярмарку. „Увѣдомляю васъ, что Петръ Михайловичъ отсюда (изъ Нижняго) выѣхалъ вечеромъ 20 числа. Онъ поѣхалъ съ Болотновымъ двумя повозками, но поѣхалъ не перемѣнными, а на сдаточныхъ, то хотя и рядили извозчика въ трое сутокъ, только я не надѣюсь. Ближе никакъ нельзя какъ въ трое сутокъ съ половиною". Вначалѣ отецъ мой благоволилъ къ Александру Сергѣевичу, ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ на ярмарку, ходилъ къ нему тамъ въ гости или посылалъ ему ласковые поклоны въ Москву. Въ концѣ 1828 или началѣ 1829 г. Александръ Сергѣевичъ женился на Натальѣ Ивановнѣ Рахмановой*). Говорятъ, она была хороша собой и вышла замужъ очень рано: послѣднее подтверждается ревизіей 1834 г., по которой ей значится только 18 лѣтъ при наличности уже трехъ дѣтей. Кажется, выборъ Александра Сергѣевича не заслужилъ у насъ одобренія. Это могло происходить отъ свойствъ семейства Рахмановыхъ и отъ личности самой Натальи Ивановны. Отецъ ея пользовался репутаціею черезчуръ усерднаго поклонника Бахуса. Уже въ 1829 г. отецъ пишетъ: „Рахмановъ на всю ярмарку опился. Жительство имѣетъ у зятя Болдырева". Послѣднее обстоятельство можетъ свидѣтельствовать о неблестящемъ матеріальномъ положеніи тестя. Кажется, не одинъ папаша Рахмановъ любилъ выпить, но и старшій сынокъ его Николай. Въ 1841 г. отецъ увѣдомляетъ: „вчерась былъ вечеромъ въ первый разъ у брата твоего. Одинъ бесѣдуетъ съ Николаемъ Ивановичемъ". На это мать моя отзывается такъ: „Поклонитесь отъ меня братцу, когда увидите. Мнѣ непріятно, что Николай съ нимъ стоитъ: человѣкъ слабый и пустой. Удивляюсь брату, къ чему это? Только прошу васъ сего ему не говорить: не наше дѣло тамъ, гдѣ насъ не спрашиваютъ, а чувства родственныя нельзя затушить". „Слабый человѣкъ" въ просторѣчіи и до сихъ поръ означаетъ: пьющій и гулящій.

*) Отецъ ея Иванъ Семеновичъ переписался въ московскіе купцы изъ петербургскихъ въ 1816 г. У него было пять сыновей, изъ которыхъ младшій, Владиміръ Ивановичъ, былъ впослѣдствіи домашнимъ врачемъ митрополита Филарета.

Но кромѣ несимпатичности семьи Рахмановыхъ, Наталья Ивановна сама намъ не нравилась. Она была черезчуръ самостоятельна и смѣла, чтобъ быть по сердцу той купеческой средѣ, въ которой вращался отецъ.

Сохранились два письма Натальи Ивановны къ моей матери отъ 1840 г. Хотя въ нихъ нѣтъ никакихъ выдающихся фактовъ или глубокихъ мыслей, однако они образуютъ настоящій оазисъ въ пустынѣ сохранившихся родственныхъ посланій, лишенныхъ всякаго содержанія. Это была, безспорно, женщина воспріимчивая, наблюдательная и довольно образованная. Нѣкоторыя мѣста ея писемъ составляютъ въ своемъ родѣ единственныя свидѣтельства о дѣлахъ давно минувшихъ дней.

Вотъ, напримѣръ, какъ она аттестуетъ нашу лавку въ Нижнемъ: „Была я у вашихъ въ *балаганѣ*. Они живутъ довольно помѣстительно и довольно опрятно: вы, кажется, имѣли другое понятіе объ ихъ порядкѣ. Только мнѣ показалось очень душно у нихъ, оттого ли, что имѣютъ мало оконъ, или оттого, что не хотятъ отворять ихъ". Эта тирада напоминаетъ Герберштейна или Олеарія. Здѣсь вниманіе останавливаетъ слово „балаганъ". Отецъ самъ никогда такъ не называлъ своего помѣщенія и, конечно, въ употребленіи этого слова была большая доза смѣлости или легкомыслія со стороны его невѣстки. И мать моя, передавая отцу отзывъ Натальи Ивановны, обошла это слово, сочтя его, вѣроятно, неумѣстнымъ. Вотъ впечатлѣніе, произведенное на Наталью Ивановну пароходомъ на Волгѣ, большой новинкой для того времени: „Что только заинтересовало меня, то это здѣшній пароходъ, на который насъ водилъ одинъ знакомый и показывалъ намъ все его устройство и ужасныя печи, въ которыя вдругъ входитъ 2 сажени дровъ, и вода по градусамъ нагрѣвается, и парами этими дѣйствуетъ пароходъ. Были мы въ каютахъ и на палубѣ. Мнѣ тамъ очень понравилось: я теперь хоть маленькое понятіе объ водяномъ путешествіи". Описывая впечатлѣніе, которое произвела на нее актриса Вячеславова въ роли Параши-Сибирячки, она сравниваетъ ее съ московской актрисой Рѣпиной, изъ чего можно заключить, что она была хорошо знакома съ московской сценой.

Нѣтъ сомнѣнія, что она была умнѣе своего мужа, и можно только сожалѣть, что не сохранилось болѣе ея наблюденій надъ порядками того времени.

Однажды, Наталья Ивановна не постѣснилась высказать при Петрѣ Михайловичѣ, что для нея мужъ лучше, чѣмъ дѣти. На это отецъ посмѣиваясь, замѣтилъ: „вотъ каковы жены!" Въ 1835 г. отецъ получилъ письмо отъ матери, въ которомъ она жаловалась на какую-то манкировку со стороны Натальи Ивановны. Письма этого не сохранилось. Отецъ отвѣчаетъ: „Удивляюсь Н. И.! Что *за виды ея неблагонамѣренные* къ намъ и что мы ей сдѣлали?! Мнѣ кажется, вы очень хорошо сдѣлали своимъ отказомъ... Кажется бы не мѣшало сказать о поступкѣ Н. И. Алек. Болдыреву. Впрочемъ, какъ велишь".

Несмотря на то, что на Наталью Ивановну посматривали у насъ косо, ей интересовались, за нею слѣдили, мало того: изъ нѣкоторыхъ наблюденій выводили иногда параллели, не совсѣмъ для себя самихъ выгодныя, какъ это доказываетъ письмо моей матери 1840 г., упомянутое въ своемъ мѣстѣ. Въ немъ мать моя съ горечью признается, что дѣти Натальи Ивановны держатъ себя благовоспитаннѣе, чѣмъ ея собственныя. Какъ жаль, что отецъ не обратилъ на это признаніе никакого вниманія!

Александръ Сергѣевичъ скончался въ 1844 г. и похороненъ на Лазаревскомъ кладбищѣ. Кажется, онъ оставилъ дѣла свои въ порядочномъ разстройствѣ, и, вѣроятно, вслѣдствіе этого мать моя въ одномъ изъ своихъ писемъ называетъ его своимъ „несчастнымъ братомъ". Послѣ него остались сынъ и двѣ дочери*). Наталья Ивановна вышла вторично замужъ за Ник. Мих. Жеребина и понемногу прекратила съ нами отношенія.

Остается сказать нѣсколько словъ о сестрахъ моей матери.

Вѣра Сергѣевна, единоутробная съ матерью, была только на годъ моложе ея. Она выдана была замужъ только въ

*) Сергѣй Александровичъ былъ послѣднимъ мужскимъ представителемъ рода нашихъ Болдыревыхъ. Кончивъ въ Московскомъ университетѣ курсъ врачомъ въ самомъ началѣ 1860-хъ годовъ, онъ поступилъ на службу въ Преображенскую больницу, тамъ быстро захворалъ душевной болѣзнью и умеръ года черезъ два. Онъ подавалъ большія надежды и, обладая прекраснымъ характеромъ, былъ всѣми любимъ. Смерть его оплакивали всѣ знавшіе его.— Изъ сестеръ его Анна Александровна была замужемъ за С. И. Сазиковымъ, а Екатерина Александровна за С. С. Костроминымъ.

1832 г. за купца Александра Ильича Кобелева, отъ котораго у нея были двѣ дочери, Марья и Александра. Хотя Вѣра Сергѣевна скончалась 13 декабря 1851 г., однако я ее совершенно не помню. Мужа ея, Александра Ильича, зато я зналъ: это былъ черноволосый съ сильной просѣдью человѣкъ смиреннаго вида, ходившій въ высокомъ черномъ галстукѣ при стоячихъ острыхъ воротничкахъ, подпиравшихъ ему щеки. Чѣмъ онъ торговалъ, не знаю, но только дѣла его были плохи. Ему пришлось продать за долги собственный домъ, находившійся на углу Большой Лубянки и Фуркасовскаго переулка, тотъ самый, который теперь принадлежитъ виноторговцу Бауеру. Говорятъ, Александръ Ильичъ предлагалъ этотъ домъ прежде всего Петру Михайловичу, но отецъ, какъ и многіе тогда, былъ принципіальнымъ врагомъ недвижимой собственности, находя ее бездоходной и хлопотливой. Это была не первая его ошибка въ этомъ родѣ: въ свое время Болдыревы предлагали ему купить ихъ домъ около Ильинки, въ приходѣ Козьмы и Даміана, тотъ самый, откуда онъ взялъ мою мать. Въ настоящее время сажень земли стоитъ тамъ 1000 руб. Конечно, его нельзя винить: времена мѣняются, а съ тѣхъ поръ прошло почти три четверти столѣтія.

Александръ Ильичъ скончался въ 1856 г.

Младшая сестра моей матери, Марья Сергѣевна, была замужемъ за купцомъ Козьмой Алексѣевичемъ Коншинымъ, который торговалъ москательнымъ товаромъ, имѣлъ собственный домъ на Сухаревской Садовой и жилъ въ полномъ достаткѣ. Однако еще при жизни отца Козьму Алексѣвича постигла душевная болѣзнь, повлекшая за собой полное разстройство его дѣлъ. Онъ скончался незадолго до отца, 25 августа 1847 г., оставивши четырехъ сыновей и двухъ дочерей. Потомство Коншиныхъ поддерживало постоянныя отношенія съ нами, но судьба его не можетъ входить въ эту часть моего повѣствованія.

XX.

Воспитаніе моихъ родныхъ братьевъ. — Протоіерей Алексѣй Николаевичъ Лебедевъ и его курсъ словесности.— Карлъ Ивановичъ Штетке.

Въ 1842 году Сергѣю было около 12 лѣтъ, Владиміру 10, Михаилу 7. Кромѣ грамоты, они еще ничего не знали.

Какъ тревожило мою мать отсутствіе правильнаго воспитанія у нихъ, доказываетъ слѣдующее глубоко знаменательное мѣсто одного изъ ея писемъ еще 1840 г.: „Поклонъ сестрицѣ (Натальѣ Ивановнѣ, женѣ Александра Сергѣевича, бывшей на ярмаркѣ вмѣстѣ съ мужемъ) и скажите, что ихъ дѣти у насъ были съ бабушкой всѣ трое и какъ хорошо себя держали! А я своихъ послѣ побранила, что за ними безпрестанно надо глядѣть. Сорванцы настоящіе! Не знаю, какъ дождаться, чтобъ отдать въ училище. *Вы, мой другъ, не повѣрите, какъ это меня мучитъ, что они растутъ при плохомъ присмотрѣ у насъ*. У насъ все наемницы, яко наемницы, а сама я не въ силахъ углядѣть за ними. При моемъ несносномъ положеніи, какой я могу имѣть надзоръ?!“

Вскорѣ послѣ этого учебными занятіями моихъ братьевъ были призваны руководить два лица: протоіерей Архангельскаго собора Алексѣй Николаевичъ Лебедевъ и нѣмецъ Карлъ Ивановичъ Штетке.

Священникъ относился къ типу тѣхъ педагоговъ, которые въ то время назывались „строгими“. Въ переводѣ на современный намъ языкъ, тогдашняя строгость сводилась къ тому, чтобы старшему при сношеніяхъ съ младшими быть возможно болѣе непріятнымъ. Для этого надо было непремѣнно съ перваго абцуга принимать менторскій тонъ, разспрашивать какъ на исповѣди, каково поведеніе и образъ мыслей, часто ли младшій ходитъ въ церковь, повинуется ли безпрекословно волѣ старшихъ, не вольнодумничаетъ ли, читаетъ ли молитвы и духовныя книги и т. п. Говорить съ младшими попросту, по душѣ, считалось неприличнымъ, равносильнымъ потерѣ собственнаго достоинства. И Алексѣй Николаевичъ не былъ выше своего вѣка; для него бесѣдовать съ младшимъ значило журить,— журить за все и про все, иногда совершенно зря, совершенно несправедливо. Но это была манера, которой многіе тогда держались. Онъ началъ давать у насъ уроки въ 1842 г. Первое воспоминаніе объ немъ встрѣчается въ письмахъ по довольно оригинальному поводу. Мать моя пишетъ отцу на ярмарку: „Священникъ, говорятъ дѣти, недоволенъ тѣмъ, что коверъ ему не покупаете. Кажется, что бы вамъ купить?! Вѣдь можно за писать ему въ счетъ, если онъ не отдастъ деньги“. На это

отецъ кратко отвѣтствуетъ: „Сію минуту попу купилъ коверъ въ 20 рублей“. Отецъ присылалъ съ ярмарки нерѣдко поклоны Алексѣю Николаевичу, но никогда не питалъ къ нему особой дружбы.

Занятія заключались въ изученіи священной исторіи, грамматики, риторики и піитики. Что Законъ Божій преподавался поверхностно и вяло, мнѣ извѣстно изъ личныхъ воспоминаній моихъ братьевъ; о томъ, какъ велось преподаваніе словесности, можно судить по сохранившимся семи толстымъ школьнымъ тетрадямъ брата моего Володи. Онѣ относятся къ 1844—1845 годамъ. Священникъ диктовалъ эти уроки своимъ ученикамъ, а потомъ просматривалъ и поправлялъ написанное, хотя и очень небрежно. Судя по оставшимся очень грубымъ ошибкамъ, слѣдуетъ думать, что ихъ было бы гораздо больше, если бъ диктантъ былъ настоящій, то-есть если бы учитель не подсказывалъ имъ, какъ писать то или другое слово. На эту мысль наводитъ и черезчуръ правильная пунктуація; впрочемъ, иногда знаки разставлены и такъ, что возникаетъ прямая безсмыслица. Кромѣ внутренняго содержанія въ этихъ запискахъ слѣдуетъ видѣть и каллиграфическія упражненія, такъ какъ отецъ требовалъ отъ дѣтей красиваго почерка. Къ области каллиграфіи слѣдуетъ, напримѣръ, отнести вписываніе учителемъ между строками цѣлаго ряда словъ, очевидно, примѣра ради, хотя нельзя сказать, чтобъ въ этомъ отношеніи онъ самъ очень высоко стоялъ надъ учениками. Сперва въ концѣ урока о. Лебедевъ отмѣчалъ своей рукою число и мѣсяцъ и приписывалъ лаконическую аттестацію: „худо“, изрѣдка мѣняя ее: „старайся лучше“, „нестарательно“, „очень худо“, но вскорѣ махнулъ рукой на отмѣтки и пересталъ даже выставлять дни. Прекращеніе отмѣтокъ совпало съ ученіемъ объ украшеніи періодовъ и о тропахъ. Такъ какъ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то надо думать одно изъ двухъ: либо на неодобрительныя отмѣтки о. протоіерея никто не обращалъ вниманія, и онъ уразумѣлъ безполезность ихъ, либо на нихъ обратили такого рода вниманіе, которое учителю не могло нравиться, напримѣръ стали поговаривать, что, если у него ученики плохо учатся, то значитъ онъ плохо умѣетъ учить. Такой поворотъ дѣла не могъ быть въ цѣляхъ о. протоіерея.

Братъ Володя писалъ не какъ настоящій каллиграфъ, но

все-таки не такъ дурно, какъ слѣдовало бы думать по отзывамъ суроваго пастыря. Видно, что онъ старался, а это слѣдовало бы принять во вниманіе. Иногда уроки словесности писаны четкимъ почеркомъ Миши. Руки Сергѣя въ запискахъ не встрѣчается, но именно у него былъ настоящій каллиграфическій почеркъ, хотя это и составляло единственное достоинство его письменныхъ работъ: онъ менѣе другихъ усвоилъ себѣ грамотность и, между прочимъ, до карикатурности доводилъ неумѣнье пользоваться прописными буквами, употребляя ихъ одинаково какъ въ собственныхъ именахъ, такъ и въ союзахъ и предлогахъ среди предложеній. Братья Володя и Миша, особенно послѣдній, писали впослѣдствіи почти совершенно правильно, но этимъ были обязаны, конечно, позднѣйшему самообразованію.

Въ чемъ же состояли уроки словесности? Вначалѣ кратко разбираются роды предложеній и ихъ частей. Затѣмъ переходится къ періоду. Періоды бываютъ „объясняющіе и доказывающіе". „Но поелику объяснять и доказывать истину можно различнымъ образомъ, то на семъ основаніи тотъ и другой родъ періодовъ имѣютъ свои виды, именно: къ 1-му классу періодовъ относится, во-1-хъ, періодъ сравнительный, во-2-хъ, противоположный, въ-3-хъ, уступительный, въ-4-хъ, слѣдовательный, въ-5-хъ, постепенный; ко 2-му — винословный, условный и раздѣлительный". Всѣ эти роды періодовъ отдѣльно разсматриваются и поясняются примѣрами изъ наисолиднѣйшихъ источниковъ. Это — пророкъ Исаія, апостолы Павелъ и Іоаннъ, митрополитъ Филаретъ, Плутархъ, Ломоносовъ, Державинъ, Батюшковъ, Карамзинъ, изрѣдка Жуковскій („Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ"). Большая часть примѣровъ богословскіе и историческіе. Вотъ примѣръ періода сравнительнаго: „И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава (написано: Іова) и Семея. Не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный! Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы, и преемнику (ученикъ написалъ: пріемнику, и это не исправлено) его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву. Что жъ, если и преемнику („пріемнику") Александра палъ сей жребій Соломона! Воображаю, какой сумбуръ происходилъ въ головѣ моего брата, когда онъ выписывалъ все это! Плохо зная священную исторію вообще, онъ едва ли имѣлъ точное предст-

вленіе объ Іоавѣ и Семеѣ, но еще меньшее, разумѣется, имѣлъ онъ о „плевелахъ", которые надо было вырывать „пріемнику" Александрову. Любопытно, что̀ отвѣтилъ бы отецъ протоіерей, если бъ ученики вопросили его „о плевелахъ" въ данномъ случаѣ! Образчикъ періода условнаго: „Ежели науки не будутъ орудіемъ развращенной и необузданной воли человѣка; ежели познанія, ими сообщаемыя, не будутъ пищей ума, порабощеннаго неволѣ („не волѣ") страстей, то быть не можетъ, чтобы онѣ, озаривъ благотворнымъ своимъ свѣтомъ душу человѣка, не принесли бы въ свое время обильныхъ и благодѣтельныхъ плодовъ". И такіе примѣры должны были запоминаться! Не меньшей красою отличаются примѣры той части курса, въ которой трактуется о тропахъ. Примѣръ синекдохи: „одинъ Римъ можетъ похвалиться Цицеронами, Овидіями и Гораціями". Думалъ ли отецъ протоіерей, какое понятіе имѣютъ ученики о Цицеронѣ, Овидіи и Гораціи?! „Фигуры предложеній, имѣющія своимъ основаніемъ особенную силу чувства, суть: 1) предупрежденіе, 2) обращеніе, 3) сообщеніе, 4) сомнѣніе, 5) прехожденіе, 6) наращеніе, 7) поправленіе, 8) вопрошеніе, 9) восклицаніе, 10) умолчаніе" (написано: умолченіе). Нѣкоторые примѣры заслуживаютъ вниманія. „Затемнѣніе планетъ производитъ ихъ кругообращеніе", то-есть выходитъ такъ: планета затемнѣла, а потому и завертѣлась. Въ чемъ тутъ неточность или ошибка, трудно и догадаться, но едва ли ученикъ понималъ то, что пишетъ, а о. протоіерею некогда было разъяснять космографію... Далѣе читаемъ: „Ученіе, процвѣтавшее въ Аѳинахъ, полезно человѣку". Какое ученіе и почему оно полезно — неизвѣстно. А вотъ примѣръ метафоры: „Бѣдный человѣкъ! ты осужденъ собирать раковинки на берегахъ океана и напрасно расточать свою премудрость, разгадывая кусочки морской смолы или зерна жемчуга! Неизмѣримый вѣчный Сфинксъ пожираетъ тебя, какъ скоро ты дерзнешь показаться на хребтѣ (?) и не сумѣешь понять его языка и разгадать его загадокъ". Слѣдуютъ другіе примѣры въ томъ же родѣ. Затѣмъ: „Не должно заимствовать метафоръ отъ предметовъ низкихъ, рождающихъ въ умѣ непріятныя или возмутительныя для нравственнаго чувства представленія. Такъ-то Цицеронъ упрекаетъ одного оратора своего времени за то, что онъ назвалъ своего противника Ster-

cus curiae (написано братомъ, не знавшимъ по-латыни: Itercus curie). Неблагоразумно также снѣгъ назвать „небесною слюною“. Надо надѣяться, что учитель далъ себѣ трудъ объяснить своимъ слушателямъ значеніе слова „stercus“, которое понадобилось для курса словесности, и что оно вмѣстѣ съ небесной слюною способствовало нѣкоторому оживленію хоть этого урока.

„Рифмы называются богатыми, когда имѣютъ созвучіе въ двухъ слогахъ (ученикъ написалъ: словахъ), напр., доволенъ, воленъ; полубогатыя, когда созвучіе находится только въ послѣднихъ слогахъ (ученикъ опять написалъ: словахъ), напр. нашъ, стражъ (ученикъ написалъ: страшъ) и бѣдными, когда созвучіе слоговъ (на сей разъ вѣрно) не очень явственно, напр. творенья, перья. Послѣднія только въ крайнихъ нуждахъ могутъ быть терпимы“. Интересно бы узнать, въ какомъ произведеніи о. протоіерей обрѣлъ такія удивительныя риѳмы. „Стихи безъ рифмъ называются бѣлыми, напр.:

Что человѣкъ? Паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ,
Увы! Тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ
Подъ мракомъ въ океанѣ жизни.
Пловецъ на утлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ и мчится на скалу. *Дмитріевъ*“.

Каковы бы ни были воззрѣнія на человѣка, „смиренно идущаго по землѣ“ и попадающаго „подъ мракомъ въ океанѣ жизни“, въ одномъ, кажется, спора быть не можетъ: без дарнѣе стиховъ трудно было найти во всей россійской лите ратурѣ того времени. Впрочемъ, страницы чрезъ четыре о. про тоіерей раскаялся въ своей опрометчивости. Трактуя о стихо творномъ благозвучіи, онъ говоритъ: „надобно строго соблюдат свойство и число стопъ, и притомъ такъ, чтобы грамматиче ское удареніе слова не терпѣло отъ сего никакого насилія какъ видимъ въ слѣдующемъ стихѣ Дмитріева:

Смирен|но ль и́|детъ по|землѣ“.

Жаль только, что давъ такое разъясненіе, о. протоіере не далъ себѣ труда провѣрить, какъ ученикъ разставил ударенія. Если бы онъ это сдѣлалъ, то увидѣлъ бы, что уч никъ совершенно его не понялъ.

Можно бы много сдѣлать выписокъ такого рода изъ „уроковъ словесности“, но приведеннаго достаточно, чтобы дать объ нихъ понятіе. Кончаются уроки, „заключеніемъ“: „о средствахъ усовершенствоваться въ слогѣ“ (ученикъ написалъ: въ словѣ). „Средства сіи суть: 1) тщательное и основательное изученіе того языка, на которомъ мы говоримъ или пишемъ; 2) упражненія въ сочиненіи. Знаніе языка пріобрѣтается 1) посредствомъ обращенія съ другими... обращеніе съ другими есть средство, указанное намъ самою природою“. Вотъ какія глубокія истины! „Особенно разнообразіемъ слога отличаются псалмы Давида“. Примѣръ прекрасный, хотя немножко старый. Вслѣдъ за этимъ неожиданно открывается и источникъ всей этой премудрости: „Лучшіе писатели свѣтскіе почерпали красоты изложенія изъ Священнаго Писанія. *Тѣмъ болѣе долженъ это дѣлать тотъ, кто готовится* (написано: готовиться) *слушать или исполнять и возвѣщать истины Евангелія*“. Отсюда можно усмотрѣть, что о. протоіерей, не давъ себѣ труда приспособиться ко времени и потребностямъ учениковъ, всецѣло преподнесъ имъ свою семинарскую премудрость 20-хъ годовъ, какъ учился самъ. Вотъ чѣмъ объясняются глубокомысленные прозаическіе и піитическіе примѣры, среди которыхъ не нашлось мѣста ни Пушкину, ни Грибоѣдову, ни Гоголю, А имена ихъ уже гремѣли, и вся образованная Россія зачитывалась ихъ произведеніями!...

Зато уроки эти были оцѣнены по достоинству: ученики не вынесли изъ нихъ ничего, кромѣ безконечной скуки, и помнили только о радости избавленія, когда они прикончились.

Немудрено, если у насъ не были особенно довольны преподаваніемъ отца протоіерея. Мать моя считала необходимымъ слѣдить за нимъ. Вотъ ея отзывы: „Дѣти ждутъ меня въ классѣ: священнику нонче уроки надо самой посмотрѣть“ (1842). „Пишутъ (младшія дѣти) все еще плохо, я думаю, потому, что мало пишутъ при учителѣ русскомъ; вамъ извѣстно, что онъ не очень много съ ними занимается письмомъ“. Плохая аттестація! Она указываетъ, что у моей матери, несмотря на ея глухоту, былъ зоркій глазъ, который е не обманывалъ относительно работоспособности будущаго сакелларія Архангельскаго собора.

Вотъ какъ вспоминалъ это время братъ мой Миша: „Когда мы прошли предначертанный намъ курсъ, Алексѣй Николаевичъ,

очевидно, былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи, что съ нами дѣлать дальше, такъ какъ времени оставалось еще много, но затѣмъ придумалъ исходъ. Однажды онъ возвѣстилъ намъ, что, миновавъ благополучно камни преткновенія земной премудрости, намъ слѣдуетъ одолѣть камень премудрости небесной, а именно ученіе „о тайнѣ Святыя Троицы". И мы засѣли за какія-то крайне запутанныя разсужденія о Высшемъ Существѣ, объ Ипостасяхъ, о сверхчувственномъ мірѣ, о пресуществленіи и еще не знаю о чемъ. Но тайна Святыя Троицы, какъ ни какъ, была пройдена, а учиться надо было продолжать. Тогда Алексѣй Николаевичъ нашелъ, что слѣдуетъ начать повтореніе всего пройденнаго. Повторили. А время все есть. Опять намъ предложено было углубиться въ тайну Святыя Троицы. И ее мы повторили съ прежнимъ успѣхомъ"...

Изъ трехъ братьевъ, учившихся у священника, Миша былъ его любимцемъ. Очень смышленый и шустрый, Миша очень рано сталъ понимать людскія слабости и ту выгоду, которую можетъ себѣ изъ нихъ извлечь умѣлый человѣкъ. Онъ замѣтилъ непомѣрное любопытство почтеннаго іерея и выучился имъ пользоваться.

„Бывало, старшіе братья не знаютъ урока", разсказывалъ онъ, „и просятъ меня занять Алексѣя Николаевича. Когда онъ являлся, я напрягалъ всѣ Богомъ данныя мнѣ способности, чтобы отдалить моментъ начала урока. Часто мнѣ въ этомъ помогали разныя домашнія дѣла, разговоръ о которыхъ Алексѣй Николаевичъ очень любилъ, и я зналъ, что ужъ если онъ меня допуститъ начать разсказъ, то дослушаетъ непремѣнно до конца. И я тяну, тяну, елико возможно.

— А у насъ, батюшка, хотятъ парадную лѣстницу красить. Папенька вчера при насъ сказывалъ. „Надо!" говоритъ.

— Почему жъ именно надо? справляется Алексѣй Николаевичъ. Кажется, лѣстница ваша ничего еще... того...?!

— Краска старая, говоритъ, выцвѣла, не нравится колеръ, да мѣстами и сошла. Скоблить будутъ.

— А что жъ хотятъ? обоями что ли оклеивать? такъ оно неблагопотребно въ холодномъ помѣщеніи, сырость заводится.

— Нѣтъ-съ, хотятъ вновь расписывать.

— Ну что-жъ, прекрасно будетъ. Хвалю.

Въ этомъ духѣ разговоръ тянется нѣкоторое время. Священникъ протягиваетъ руку къ книгѣ.

— А еще, батюшка, вотъ у насъ новость: Анисью маменька прогнала.

Алексѣй Николаевичъ останавливается:

— Какую Анисью?

— Горничную; знаете: небольшого роста, ходила въ кубовомъ платьѣ...

— А! Знаю. Рябенькая такая?

— Она самая. Ну, вотъ, батюшка, третьяго дня...

„И я начинаю повѣствованіе, на половину основанное на обрывкахъ слуховъ, которые до меня дошли черезъ прислугу, на половину на моей собственной фантазіи. А Алексѣй Николаевичъ слушаетъ, улыбается, иногда поддакиваетъ. И книжку забылъ. Изъ силъ я выбиваюсь! Все, кажется, выложилъ, а времени еще много... Алексѣй Николаевичъ опять тянется за книгой.

— А вчера, батюшка, у насъ баню топили...

— А?! баню топили?! участливо отзывается онъ.

— Прежде всего ходили туда папенька съ маменькой, потомъ Александра Николаевна...

— Чай родственниковъ оповѣщали? справляется онъ.

— Какъ же, какъ же, нельзя же безъ этого! Дарью Аѳанасьевну, Надежду Сергѣевну, тетеньку Татьяну Михайловну...

„И растягиваю я эту баню, перечисляя чуть не каждое полѣно, брошенное въ печку, и каждое ведро воды... А время идетъ! Смотришь, уже больше полъ-урока прошло. Спрашивать ужъ некогда: надо объяснять слѣдующій урокъ. А братья рады".

Но случалось и любимцу навлекать на себя неудовольствіе законоучителя, который тогда не щадилъ его и шелъ жаловаться прямо къ отцу, хотя и зналъ, что любимцу можетъ сильно достаться...

...Я лично не имѣлъ никакихъ дѣлъ съ Алексѣемъ Николаевичемъ Лебедевымъ и помню только его рѣдкіе визиты къ матери, которые онъ, по старой памяти, считалъ нужнымъ дѣлать отъ времени до времени въ 50-хъ годахъ. Помню его высокую сухопарую фигуру, длинные сѣдые волосы, худое, старчески блѣдное лицо, нахмуренныя брови

и властное, грубоватое обращеніе. Однажды онъ пожелалъ видѣть мои тетради чистописанія и, осмотрѣвъ ихъ, ошеломилъ меня замѣчаніемъ, что я дурно пишу. Я не зналъ, что и подумать, потому что въ школѣ мною были довольны. Но на почтеннаго о. протоіерея нельзя было обижаться. Вѣдь, можетъ-быть, онъ и не думалъ того, что сказалъ, а сказалъ только ради того, чтобъ я, мальчуганъ, чувствовалъ, какой онъ, Лебедевъ, строгій и требовательный наставникъ. Это была манера извѣстнаго времени, не болѣе.

Совсѣмъ другого склада ума былъ нѣмецъ Штетке. Объ немъ я могу судить не только по наслышкѣ, а самостоятельно, потому что самъ учился у него и видался съ нимъ почти до самой его кончины. Въ послѣдней части этого труда я намѣренъ разсказать подробнѣе объ этомъ почтенномъ, очень добромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень странномъ человѣкѣ, а здѣсь ограничусь только необходимымъ.

Не отличаясь ни особымъ умомъ, ни образованіемъ, Карлъ Ивановичъ обладалъ однимъ качествомъ, безцѣннымъ во всякомъ человѣкѣ вообще, а въ педагогѣ въ особенности: у него было золотое сердце. Въ ближнемъ онъ всегда видѣлъ брата и всегда былъ готовъ съ своей стороны помочь этому брату чѣмъ могъ, по мѣрѣ силъ и возможности. Руководящей его идеей было равенство всѣхъ передъ Богомъ, а потому онъ презиралъ деньги и добродушно посмѣивался надъ „бѣлой костью“. У него было много уроковъ, но платили ему за нихъ гроши и, пользуясь его непомѣрной добротой, обманывали его на каждомъ шагу. И онъ самъ первый извинялъ такихъ людей и оправдывалъ. Это былъ божій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ, несомнѣнно, относился къ той-же породѣ людей, какъ и незабвенный его современникъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Но, съ другой стороны, были у него и отталкивающія стороны: онъ былъ необыкновенно неряшливъ и нечистоплотенъ. Была у него еще страсть покупать старыя книги, которыми онъ и заваливалъ понемногу занимаемое имъ помѣщеніе. Конечно, странности его вызывали массу насмѣшекъ и глумленія.

Поступивъ къ намъ въ 1842 г. только приходящимъ учителемъ, Штетке потомъ поселился у насъ и прожилъ до самой кончины отца. Отецъ понемногу привыкъ къ нему и полюбилъ его, какъ это видно изъ его писемъ: скорѣе онъ забудетъ прислать поклонъ „іерею“, чѣмъ нѣмецкому учителю. Въ первомъ же году онъ шлетъ ему почтеніе, покупаетъ ему халатъ и рекомендуетъ дѣтямъ „слушаться Карла Ивановича съ Алексѣемъ Николаевичемъ“. „Карлу Ивановичу скажите, чтобъ онъ больше занимался съ дѣтьми“ (1844). — „Карлу Ивановичу Штетке отъ меня поклонъ. Выполняетъ ли онъ все мое приказаніе, то-есть, всегда ли въ свое время приходитъ домой?“ (1845). Это замѣчаніе намекаетъ на бродячіе инстинкты нашего педагога. Любовь къ свободѣ составляла особую черту его характера. Онъ терпѣть не могъ сидѣть подолгу на одномъ мѣстѣ, въ одномъ домѣ, и жилъ у насъ при условіи, что ему дозволялось въ свободные часы давать уроки на сторонѣ. Пользуясь этимъ, онъ, вѣроятно, запаздывалъ возвращеніемъ домой, что̀ и вызвало запросъ отца.

Карлъ Ивановичъ имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда собирать въ особую миску остатки кушаньевъ, которыми и питался, когда проголодается не во-время или опоздаетъ къ обѣду или ужину. Эта миска постоянно стояла на окошкѣ около дѣтской. Туда онъ валилъ все безъ разбору: и хлѣбъ, и котлеты, и рыбу, и яблоки, и сладкій пирогъ, находя, что питаться этой смѣсью „chemisch nützlich“. Что̀ онъ разумѣлъ подъ этимъ — трудно сказать. Братъ Иванъ Петровичъ, шутникъ стараго пошиба, кидалъ ему туда вѣтки отъ винограда, сыпалъ соли, перцу... Дразнить бѣднаго нѣмца было вообще спеціальностью Ивана Петровича, и онъ отличался при этомъ большой безцеремонностью, несмотря на природное добродушіе. Ему удавалось иногда распѣтушить долготерпѣливаго нѣмца до такой степени, что у нихъ дѣло доходило чуть не до драки, къ большой утѣхѣ отца. И изъ Нижняго слышатся отголоски этихъ шутокъ. Въ письмахъ къ моей матери Иванъ приписываетъ: „Карль Иваничь, куте нахтъ мой почтеніе“. Это привѣтствіе повторяется, когда бы ни писалось письмо, утромъ или вечеромъ. И отецъ былъ не прочь пошутить съ добродушнымъ Штетке. Володя вспоминалъ:

— Папенька любилъ играть въ шашки съ Карломъ Ивановичемъ. Бывало, засядутъ въ праздникъ и долго играютъ, конечно, не въ деньги. Карлъ Ивановичъ игралъ неважно, а папенька отлично. Вотъ они молча стучатъ шашками, какъ вдругъ папенька громогласно возглашаетъ: „тридцать-четвертая! За вами три рубля съ четырьмя гривнами!“ Карлъ Ивановичъ, красный, какъ ракъ, вслѣдствіе ажитаціи отъ неоднократныхъ пораженій, трясетъ головой и кипятится: „Ви какъ угодно считайть, а я на деньга играть не мáгу и нишево плятить не буду“. А папенька только посмѣивается.

Карлъ Ивановичъ былъ очень привязанъ къ отцу. Когда много лѣтъ спустя, мнѣ случалось разспрашивать его объ ихъ отношеніяхъ, онъ обыкновенно пригорюнится и отвѣтитъ дрогнувшимъ голосомъ:

„Ja, mein Lieber, die Wahrheit muss ich sagen: Ihr Herr Vater hat mich geliebt, und ich habe ihn ebenfalls sehr geliebt. *Das war ein Mann!*“ *).

Вотъ въ какой обстановкѣ братья мои учились,— я не смѣю сказать: получали образованіе! Священникъ училъ Закону Божію и русской грамотѣ, съ одной стороны, упуская изъ виду даже правописаніе, а съ другой уча семинарской риторикѣ и піитикѣ. Такихъ необходимыхъ общеобразовательныхъ предметовъ, какъ русская литература, исторія и географія, а также алгебра и геометрія, не было вовсе въ программѣ. А между тѣмъ вводились въ нее предметы чуждые, напр. обрывки догматическаго богословія, въ видѣ упомянутаго ученія о Св. Троицѣ, которое приводило лишь въ недоумѣніе учениковъ. Требованія преподавателя сводились къ вызубриванію непонятаго и дурно редактированнаго урока да къ каллиграфіи. Имъ ничего не предпринималось, чтобъ заинтересовать учениковъ, заглянуть имъ въ душу и повліять на духовное развитіе. Это было чисто формальное и мертвенное отношеніе къ дѣлу, которое, само собою разумѣется, встрѣтило соотвѣтствующій отпоръ: никто изъ учениковъ не любилъ ни ученія, ни учителя.

*) „Да, мой другъ, я долженъ сказать правду: вашъ батюшка любилъ меня, и я также его очень любилъ. Это былъ — человѣкъ!“

Штетке мало могъ съ своей стороны помочь дѣлу. Самъ также человѣкъ малообразованный, онъ не могъ вдохнуть въ учениковъ уваженія и любви къ наукѣ вообще, да и собственная его задача прямо его на это не уполномочивала: его обязанностью было учить по-нѣмецки, что онъ и исполнялъ, какъ умѣлъ. Онъ могъ только вліять общимъ строемъ своей любвеобильной натуры, развивая гуманность въ своихъ питомцахъ, но и этому помѣхой являлись его эксцентричности, дѣлавшія его мишенью для насмѣшекъ и ронявшія его значеніе, какъ педагога, въ глазахъ учениковъ.

Братья Сергѣй и Владиміръ еще при отцѣ учились музыкѣ: первый — на скрипкѣ у театральнаго музыканта Ортнера, а второй — на фортепіано у Экштрема. „Экштремъ былъ добрякъ“, вспоминалъ Володя; „учиться у него было весело. Чуть не со второго урока мы съ нимъ катали въ четыре руки „Казачка“ къ большому удовольствію папеньки“.

XXI.

Развлеченія братьевъ.— Вліяніе приказчиковъ и прислуги.— Поступленіе въ лавку.

Ученіе моихъ братьевъ оставляло имъ массу свободнаго времени. Такъ какъ жизнь велась замкнутая, и ихъ никуда изъ дому не пускали, то и сверстниковъ у нихъ не было. Предоставленные сами себѣ, они естественно искали себѣ развлеченій дома, какъ могли, и пользовались тѣмъ обществомъ, которое находили дома же, то-есть среди приказчиковъ и прислуги.

Конечно, они шалили кто во что гораздъ. „Мы жили всѣ втроемъ“, разсказывалъ Володя, „были очень дружны и дурачились порядочно. Сережа завелъ на чердакѣ цѣлый звѣринецъ. Чего-чего у него тамъ не перебывало! И кролики, и зайцы, и бѣлки, и бѣлыя мыши, и канарейки, и попугаи. Однажды былъ барсукъ. Сережа давалъ съ ними цѣлыя представленія. Прислуга, конечно, знала, но молчала, потому что и ее это занимало. Нужно было только, чтобъ старшіе не провѣдали. Иногда мы жгли бенгальскіе огни, смертельно боясь, чтобы смрадъ отъ нихъ не проникъ въ нижній этажъ. Однажды мы надѣлали ракетъ и пускали ихъ

въ окно, по одной въ вечеръ. Думаю, квартальные немало безпокоились, но разыскать насъ было трудно: вѣдь мы пускали со двора, изъ третьяго этажа, и ниоткуда насъ увидать было нельзя. Разумѣется, это дѣлалось лишь тогда, когда старшихъ не было дома".

Отецъ, всегда занятой, воспитанный по старинному, никогда не имѣвшій склонности къ развлеченіямъ и не признававшій ихъ необходимости для развитія человѣческой души, относился сурово даже къ самымъ невиннымъ забавамъ. У Володи сохранилось слѣдующее воспоминаніе:

„При папенькѣ жилъ у насъ въ домѣ его опекаемый Баташевъ, старше насъ на нѣсколько лѣтъ, правду сказать, малый довольно пустой. Не знаю, откуда-то онъ проникся любовью къ театру и однажды затѣялъ въ нашемъ присутствіи играть сцену изъ Гамлета. Самъ онъ долженъ былъ изображать Гамлета, а роль Офеліи была поручена Васѣ, мальчику изъ конторы, котораго для этого случая облекли въ кухаркино платье. Спектакль кончился неблагополучно для Гамлета: неожиданно вошелъ отецъ и отдулъ его палкой. Впослѣдствіи этотъ Баташевъ убѣжалъ отъ насъ и, говорятъ, поступилъ въ странствующую труппу актеровъ".

Не сценами изъ Гамлета можно было дурно повліять на дѣтей, а совсѣмъ другимъ. Исключительное общеніе съ низшими и подчиненными не могло оказывать особенно благотворнаго вліянія на ихъ развитіе.

Прислуга набиралась тогда преимущественно изъ дворовыхъ и крѣпостныхъ людей, отпущенныхъ на оброкъ и приносившихъ съ собой всю практику и всѣ прелести забубеннаго житія захолустныхъ помѣщиковъ. Удальство и молодечество играли тутъ немаловажную роль: напиться до положенія ризъ и умѣть не попасться на глаза, продуться въ карты, кого-нибудь ловко обмануть, выкинуть циническую выходку, соблазнить горничную — вотъ чему могла научить прислуга, служившая вѣрнымъ отголоскомъ крѣпостной среды. Немногимъ лучше могъ быть и конторскій персоналъ. Конечно Петръ Ивановичъ Сорочинскій, старшій приказчикъ, былъ человѣкъ степенный и не могъ научить чему нибудь предосудительному, но его нельзя было брать въ разсчетъ: вѣчно занятый, онъ не могъ служить компаніей моимъ братьямъ, почти дѣтямъ. Зато молодые при-

казчики, съ ихъ ограниченными интересами и отсутствіемъ всякаго образованія, были народъ ненадежный. Въ ихъ развлеченіяхъ также первую роль играла выпивка и галантныя похожденія низменнаго свойства. Такимъ образомъ братьямъ грозила немалая опасность развратиться подъ шумокъ за спиною у отца. Зло выступило бы тогда наружу, когда уже укоренилось, какъ это часто бываетъ и нынѣ съ купеческими сынками, воспитываемыми по старинному, въ такъ называемомъ „благочестіи и страхѣ Божіемъ". При отсутствіи правильнаго воспитанія молодежь начинаетъ куралесить втихомолку, легко подчиняясь вліянію лакейской и дѣвичьей и заражаясь ихъ взглядами. Къ счастію, это общеніе не имѣло у насъ тѣхъ дурныхъ результатовъ, какихъ можно было опасаться, но совсѣмъ безнаказанно это не могло пройти. Сюда относится слѣдующее воспоминаніе брата Володи, которое я передаю его словами: „Однажды я, тринадцатилѣтнимъ мальчишкой, бѣжалъ по нашему темному коридору. Впереди шла горничная маменьки, помнится, молоденькая. Я подбѣжалъ къ ней сзади и схватилъ ее за талію: конечно, я въ то время думалъ только о шалости, а не о чемъ нибудь другомъ. На бѣду увидала это маменька, вообразила, что я горничную за грудь схватилъ, и немедленно пожаловалась отцу. Меня потребовали въ кабинетъ. Съ замираніемъ сердца я отправился туда. Отецъ сидѣлъ за своимъ бюро. „Ты что̀ это выдумалъ?" сказалъ онъ строго. „За горничными гоняться въ твои годы? Ты Ситóву, что ли, хочешь подражать?" Ситовъ былъ извѣстный ловеласъ, гораздо старше меня. Я молчалъ. Онъ поглядѣлъ на меня искоса и промолвилъ: „Ступай вонъ, да смотри, чтобъ это не повторялось!" Конечно, я стрѣлой вылетѣлъ изъ кабинета, радуясь, что дешево отдѣлался. Очень снисходительно отецъ ко мнѣ отнесся на этотъ разъ, можетъ быть и потому, что самъ на счетъ горничныхъ былъ не совсѣмъ безгрѣшенъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, тогда шептали на ухо". Кто шепталъ, какъ не прислуга, или приказчики? Тринадцатилѣтнему хозяйскому сыну уже внушали, что старикъ, его отецъ, при всей своей напускной важности не прочь побаловаться!... Я считаю этотъ намекъ очень многозначительнымъ, какъ доказательство раннихъ сношеній дѣтей съ передней. Конечно, это не болѣе, какъ ядовитая сплетня,

расчитанная на то, чтобы запачкать хозяина въ глазахъ его собственныхъ дѣтей, — чисто лакейскій, очень извѣстный пріемъ. Я не ригористъ и отнюдь не имѣю намѣренія играть роль адвоката моего отца, но поставивъ себѣ задачей воспроизвести эти далекія времена, я прежде всего желаю, чтобъ эти страницы были отраженіемъ одной правды, какова бы она ни была. Я поступилъ бы „политичнѣе“, если бы вовсе не упомянулъ о словахъ брата, но я предпочелъ ихъ привести здѣсь, какъ подлинное, хотя фактически и невѣрное воспоминаніе современника. Но на мнѣ лежитъ обязанность не только передать то, что я слышалъ, но и провѣрить по возможности слышанное. Оказывается, что намекъ этотъ на галантерейныя похожденія отца, притомъ въ стѣнахъ собственнаго дома, является совершенно изолированнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, не подтверждаемымъ никакими другими обстоятельствами. Такъ какъ злословіе составляетъ огромное удовольствіе для большинства людей, то слѣдуетъ думать, что оно не преминуло бы и тутъ заявить о себѣ сочиненіемъ цѣлыхъ романовъ, однако ничего подобнаго я ни отъ кого не слыхивалъ. Я слышалъ много разсказовъ моей матери о прошломъ, притомъ уже будучи взрослымъ, и никогда у нея не проскользнуло ниже тѣни подозрѣнія относительно игривыхъ диверсій моего отца. А между тѣмъ, зная характеръ ея, я твердо убѣжденъ, что, будучи способной замолчать изъ самолюбія подобнаго рода интимныя непріятности, она не была способна забыть ихъ совсѣмъ, потому что обладала большимъ чувствомъ собственнаго достоинства и считала себя всегда равноправной подругой моего отца, а никакъ не его безотвѣтной рабой. Если бы что нибудь подобное — я не говорю: случилось въ домѣ, а только въ видѣ сплетни достигло до ея свѣдѣнія, — мать моя, прежде всего, высказала бы это отцу, и это непремѣнно отразилось бы на ихъ отношеніяхъ и корреспонденціи. Между тѣмъ всѣ письма отца къ матери за слишкомъ двадцать лѣтъ и сохранившіеся отвѣты ея за восемь лѣтъ, такъ кристально чисты, проникнуты такимъ однороднымъ чувствомъ взаимной горячей привязанности, такой любовью и довѣріемъ, что не можетъ быть сомнѣнія, что ихъ супружеское счастіе никогда не омрачалось серьезной ревностью. Правда отецъ по природѣ былъ ревнивъ, но эта ревность была

безпричинная, безъ отношенія къ какому нибудь лицу. Это была черта его характера, находившаяся въ зависимости отъ большой разницы въ годахъ между супругами, не болѣе. Съ своей стороны, мать моя всегда только и твердитъ мужу, какъ дорожитъ она его любовью, и никогда рѣшительно не переходитъ на тему ревности, хотя бы безличной, а только, такъ сказать, принципіальной, въ его родѣ. Нельзя допустить и того, чтобы мать моя могла не знать иного пассажа вслѣдствіе глухоты. Если она сама не способна была услыхать, то ей навѣрное помогли бы наушники: этого добраго народа всегда было въ волю. А на что же существуетъ другое благодѣяніе человѣчества: анонимныя письма? Навѣрное у отца были враги, которые не замедлили бы воспользоваться этимъ безопаснымъ средствомъ, чтобъ замутить чужое семейное счастіе. Наконецъ, не слѣдуетъ терять изъ вида общаго правила, что подобнаго рода интриги рано или поздно выплываютъ наружу. Любовную интригу гораздо легче начать, чѣмъ кончить. Начинаясь шуткой, она кончается нерѣдко либо трагедіей, либо комедіей, смотря по обстоятельствамъ и по актерамъ, но обыкновенно при болѣе или менѣе полномъ зрительномъ залѣ.

Ученіе братьевъ приканчивалось очень рано, лишь только они входили въ возрастъ, когда могли „заниматься дѣломъ“, то-есть надежно считать деньги, распознавать товаръ, разговаривать съ покупателемъ въ лавкѣ и наконецъ сопровождать отца на ярмарку. Старшихъ сыновей отецъ увезъ въ Нижній впервые, когда одному шелъ 15-й, а другому 14-й годъ; Сергѣя и Михайлу отправили еще раньше, тринадцати лѣтъ. Брату Володѣ не пришлось быть на ярмаркѣ при жизни отца: въ виду слабости здоровья, его всегда оставляли „домовничать“. Свой дѣловой дебютъ у отца братъ Сергѣй изображалъ такъ:

„Однажды, не въ урочный часъ меня кликнули къ папенькѣ въ кабинетъ. Я сперва подумалъ, не провинился ли я въ чемъ-нибудь, однако онъ встрѣтилъ меня ласково, усадилъ за бюро и, выложивъ передо мной кучку всякихъ денегъ, сказалъ: „Сочти, Сережа, да смотри, чтобъ вѣрно было“. Кажется, я ему потрафилъ“.

Раннее прекращенiе занятiй ради пребыванiя въ лавкѣ, конечно, не могло быть особенно благопрiятно для молодежи; къ тому же и рядская мораль не всегда могла служить къ поднятiю ихъ нравственнаго уровня. Я, правда, очень мало знакомъ съ этой закулисной стороной дѣла и самъ не имѣлъ случая близко ее наблюдать, но припоминаю одинъ разсказъ брата Миши про „коммерческiе“ прiемы нѣкоторыхъ купцовъ. Неподалеку отъ нашей лавки Г—ы торговали шелкомъ. Въ этой семьѣ было нѣсколько сверстниковъ моимъ братьямъ, и они познакомились. На глазахъ у Миши молодые Г—ы прибѣгали къ самымъ нечистоплотнымъ прiемамъ для смачиванiя кипъ шелка, ради увеличенiя его вѣса. Это дѣлалось съ вѣдома старшихъ, а не по одной дѣтской шалости...

XXII.

1845 г. Первыя сношенiя съ Петербургомъ. — Лихачевы. — Недоразумѣнiя съ письмами на ярмаркѣ. — Два бытовыхъ эпизода. — Первый параличъ у отца. — Нѣкоторыя воспоминанiя, относящiяся къ этому времени.

Въ концѣ января 1845 года братья Иванъ и Сергѣй ѣздили въ Петербургъ. Мы уже знаемъ, что Алексѣевы состояли въ торговыхъ сношенiяхъ съ петербургскимъ купцомъ Лихачевымъ, о чемъ отецъ упоминалъ въ письмахъ. Впослѣдствiи у насъ также завязались торговыя связи съ Лихачевымъ, и поѣздка моихъ братьевъ въ Петербургъ явилась, главнымъ образомъ, отвѣтнымъ визитомъ на неоднократныя посѣщенiя насъ въ Москвѣ Иваномъ Павловичемъ Лихачевымъ.

Я очень хорошо помню Ивана Павловича, хотя и въ болѣе позднее время. Это былъ почтенный старикъ высокаго роста, нѣсколько согбенный возрастомъ, сѣдой, съ орлинымъ носомъ, сѣдыми короткими бакенбардами и умными карими глазами. Онъ всегда являлся въ черномъ фракѣ, держалъ себя просто, но съ достоинствомъ, и казался очень симпатичнымъ. Это былъ типъ петербургскiй, несомнѣнно неизмѣримо болѣе культурный, чѣмъ все то, что насъ окружало. Культурность выражалась въ умѣньѣ держать себя и мягкости манеръ, въ томъ что называется urbanité, въ извѣстномъ тактѣ и

отсутствiи фамильярности съ кѣмъ бы то ни было. Онъ былъ поставщикомъ ко двору золотыхъ и серебряныхъ издѣлiй: бахромъ, мишуры, кистей и тому подобныхъ золотокружевныхъ товаровъ, производителемъ которыхъ былъ отецъ.

У Лихачева была своя дача въ Парголовѣ. Молодыхъ людей туда возили кататься съ горъ. Во время этой поѣздки они встрѣтили тамъ и Алексѣевыхъ: Петра Семеновича, жену его Анну Герасимовну и молодое поколѣнiе: Александра Владимiровича и Алексѣя Петровича, которые тоже катались съ горъ. Иванъ Павловичъ возилъ гостей и въ Зимнiй дворецъ. „Какiя тамъ залы большiя!“ восклицаетъ Иванъ. „Такiя, что Лихачева домъ въ пять этажей можетъ помѣститься и кругомъ еще можетъ карета проѣхать; еще разныхъ картинъ, портретовъ старинныхъ тамъ много“ и т. д. Въ октябрѣ Ивану Петровичу пришлось вторично съѣздить въ Петербургъ, уже по дѣлу.

Какова была дисциплина того времени, мы узнаемъ изъ одного письма съ ярмарки. Старшiе сыновья, какъ завелось въ послѣднiе годы, уѣхали впередъ. На ярмаркѣ имъ понадобился какой-то товаръ, а отца нѣтъ. Какъ быть? Иванъ Петровичъ пишетъ и отцу, и моей матери отдѣльныя письма, прося послѣднюю ничего не говорить отцу, если онъ еще не выѣхалъ. „Ежели папенька въ Москвѣ, то ничего не говорите: я ему пишу. А ежели уѣхалъ, то позовите Аѳанасья и скажите ему, что я пишу вамъ, чтобы онъ сколько есть въ готовности у Филиппа посетокъ (?) золотыхъ отправилъ съ экстрою“... „Я потому пишу Вамъ о товарѣ, что папенька не пишетъ о выѣздѣ, а товаръ нуженъ. Я ему и пишу о себѣ, а когда уѣхалъ, то письмо его будетъ безъ дѣйствiя“. Вотъ какъ боялся прогнѣвать отца старшiй сынъ, уже женатый, правая его рука, и чѣмъ же? распоряженiемъ, клонившимся на пользу общаго дѣла.

Александра Николаевна беременна. Иванъ усердно проситъ мою мать приглядѣть за ней. „Она по неопытности можетъ что-нибудь сдѣлать чего не слѣдуетъ... Вы въ этомъ опытны“.

Формализмъ особыхъ писемъ отъ Ивана и Семена отдѣльно перестаетъ соблюдаться, и младшiй братъ нерѣдко ограничивается приписками къ письмамъ старшаго.

Подъ влiянiемъ старости или недомоганья у отца усилилась подозрительность и ревность, хотя моя мать не по-

давала къ этому ни малѣйшаго повода. Онъ придирался къ ней особенно по поводу писемъ, жалуясь постоянно, что она забываетъ его, рѣдко пишетъ. Мать моя отличалась большимъ терпѣніемъ, но иногда и она сердилась. Письмо отца отъ 15-го августа: „Любезный другъ мой, Анна Сергѣевна, не знаю причины, почему я не получаю отъ тебя и по сіе время писемъ. Поэтому недостаетъ духу писать и не знаю, что дѣлать. Скоро ты меня забыла, а я нѣтъ. *Рука трясется; не знаю, къ чему придумать.* Остаюсь твой вѣрный другъ и супругъ ПВ. Для праздника сегодня ты меня потѣшила“. Еще не получивши этого письма, мать моя отправила отцу слѣдующее письмо, помѣченное 14-го августа: „Прошу Бога о вашемъ здоровьѣ и спокойствіи душевномъ, о чемъ давно замѣчаю, что вы очень рѣдко ноньче бываете спокойны, что меня весьма огорчаетъ, но не пріищу, чѣмъ бы я могла васъ облегчить и помочь вамъ въ такомъ тяжкомъ положеніи. Мой совѣтъ вамъ самый искренній: чаще призывать Бога въ помощь, вспоминать только то, что намъ уже не жить столько, сколько мы прожили, слѣдовательно и терпѣть отъ всего меньше сколько мы терпѣли и полагаться во всякомъ случаѣ на волю Всевышняго, вспоминать утѣшительныя изреченія евангельскія: вотъ пища самая сладкая для каждаго добраго христіанина, ибо здѣсь все невѣчно и все имѣетъ измѣненіе. Это, кажется, намъ доказываетъ каждый день нашей земной жизни. Не помню гдѣ, я читала замѣчаніе насчетъ мудрости человѣка, и сказано, что не тотъ мудрецъ, кто доказываетъ свою мудрость въ счастіи, но тотъ истинный мудрецъ, кто не упалъ духомъ въ бѣдствіи, и я это очень нахожу справедливымъ“.

Очевидно, письмо это было навѣяно послѣдними впечатлѣніями, пережитыми еще въ Москвѣ. Когда же къ этому присоединилось еще приведенное письмо отца, мать моя отвѣчала на него слѣдующимъ образомъ 18-го августа: „Помилуйте, что это такое значитъ, что я съ нѣкотораго времени у васъ вездѣ безъ вины виновата? Вотъ теперь между нами какое разстояніе большое, и это сему не препятствуетъ. Право, другъ мой, божусь вамъ, что какая-то злая сила мутитъ васъ противъ меня, и увѣряю васъ, что вамъ надо молиться усерднѣе Богу и просить заступленія Царицы Небесной, чтобъ она насъ избавила отъ всѣхъ навѣт(ов)ъ вражьихъ. Я получила вчера ваше маленькое письмо, въ коемъ ничего больше нѣтъ, какъ одни ваши упреки, что я васъ забыла, въ чемъ я нисколько, даже на волосъ, не имѣю вины. Когда вы поѣхали, вы сами назначили мнѣ какіе дни я должна вамъ писать. Я еще спросила: когда же мнѣ вамъ писать въ первый разъ? а вы сказали: во вторникъ. Теперь признаюсь, что мнѣ это было прискорбно, что вы такъ далеко отложили до вторника, но я смолчала, хотя послѣ и поплакала. Сама съ собою я пораздумала: вотъ какъ вертится все на свѣтѣ? Бывало, онъ наказываетъ: пиши, не мѣшкай! а ноньче отложилъ на цѣлую недѣлю, и тѣмъ кончила свои мысли, что перекрестилась и отдала себя на волю Божію... Я знаю, что васъ очень отягощаю несноснымъ своимъ положеніемъ отъ глухоты, но, впрочемъ, я покойна тѣмъ, что мое несчастіе не самопроизвольное. Не знаю, какъ считать сіе зло: или за грѣхи мои Господь меня наказалъ или, можетъ, отъ великихъ грѣховъ удалилъ меня чрезъ это... Покоряюсь Его Святой волѣ!... Видно я навѣкъ обречена мучиться, терпѣть и молчать... Повторяю еще вамъ, что я спокойна совѣстью своей. Вотъ, мой милый другъ, пишу тебѣ такъ откровенно, болѣе чѣмъ мужу, но какъ отцу духовному. Вѣрить или не вѣрить есть твоя воля. Ты тамъ какъ хочешь перемѣняйся, но я никогда своего обѣта не забуду, когда я поклялась во святой церкви быть вѣрной женой, любить мужа больше отца и матери, слушать и почитать мужа и, еще не родя дѣтей, быть имъ матерью. О другъ мой, повѣрь, я это все помню, несмотря на то, что уже сему за 20 лѣтъ, увѣряю тебя, и не забуду до конца своей жизни! Итакъ прости меня за откровеніе, и если есть что колко для тебя, то я была принуждена оправдывать себя. Твоя жена А. В.“

Еще не получивши этого письма, отецъ опомнился: „Любезный мой другъ и дражайшая супруга А. С., я ошибкою тебѣ писалъ письмо прошлое. Меня прости, ибо — ошибка моя. Я тебя просилъ ко мнѣ писать во вторникъ и пятницу, но я разсчелъ, что ты писала Ванюшѣ во вторникъ, а мнѣ нѣтъ. Вотъ я и не зналъ къ чему придумать! Вотъ я вышелъ виноватъ и прошу прощенья отъ тебя, мой дружокъ милый“. На строгое письмо жены отъ 18-го августа онъ отвѣчаетъ 20-го августа: „Сегодня вечеромъ твое любезнѣй-

шее письмо моему сердцу получилъ, хотя и съ упреками, но прошлую почту я у тебя прощенья просилъ, и я увѣренъ, что ты меня уже простила, потому что безъ всякаго намѣренія произошла моя ошибка. Мнѣ ежели не вѣришь, то самому Спасителю повѣрь. Виноватъ, прости ради Христа! А ты никогда не выходила у меня изъ памяти. Хотя ты и пишешь весьма жестко, но сердце твое мягкое, какъ воскъ. Прости, любезная, прости и напиши мнѣ записочку утѣшительную и дай мнѣ духъ къ окончанію ярмарки. Цѣлую тебя 100000 разъ и до усталости. Твой вѣрнѣйшій супругъ и другъ ПВ.“

Мать моя исполнила желаніе мужа и въ отвѣтѣ своемъ отъ 21-го августа пишетъ, что она и не думала сердиться. „Да я и не имѣю привычки долго помнить. Я хотя и горяча вдругъ бываю, но скоро одумаюсь. А за ошибку вашу васъ Богъ проститъ“.

Диспутъ о срокахъ писанія писемъ находитъ слѣдующій отголосокъ въ письмахъ старшихъ сыновей.

Семенъ пишетъ: „Папенька очень огорченъ, что не получаетъ отъ Васъ писемъ. *Поспѣшите утѣшить его!*“ Когда же недоразумѣніе, происшедшее по винѣ самого отца, разъяснилось, Иванъ выражается такъ: „Папенька, слава Богу, здоровъ, только извиняется, что сказалъ Вамъ, чтобы писать первое письмо во вторникъ, а ждалъ прежде и писалъ упреки. Я ему говорилъ, что зачѣмъ *они* (отецъ) сказали писать Вамъ когда, а вотъ бы какъ сказать, что экстры ходятъ изъ Москвы въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу, а Вамъ какъ угодно было бы писать. Папенька на сіе мнѣ отвѣтилъ: „я виновенъ!“ и просилъ меня Вамъ его оправдать, что онъ ошибся“. — Совсѣмъ иного тона другое письмо Семена: „Поздравляю Васъ на новосельи. А мою комнату прикажите, пожалуйста, живописцу заставить почистить: очень закоптѣла, а *перебиратца погодить:* до насъ ужъ немного осталось. Вы своимъ письмомъ къ папенькѣ очень его разстроили, и онъ цѣлый день вчера былъ не въ своей тарелкѣ и сознается, что самъ противъ Васъ виноватъ, что ошибся Вамъ сказать, когда писать. Впрочемъ, грѣхъ со всѣми можетъ случиться“.

Въ этомъ году Петръ Михайловичъ удостоился посѣщенія одного высокопоставленнаго лица, о чемъ онъ съ явнымъ

удовольствіемъ увѣдомляетъ 30-го августа: „Пишу тебѣ радость. Вчерась въ 4 ч. веч. были у меня драгоцѣнные гости: Иванъ Григорьевичъ Синявинъ, товарищъ министра, и Андрей Петровичъ Шестовъ. Очень были веселы. Я угощалъ ихъ шампанскимъ, сливою бѣлою, персиками и арбузомъ“. Это же повторяетъ Семенъ, добавляя, что гостямъ показывали издѣлія нашей фабрики, что они посидѣли полтора часа и что министръ былъ очень благосклоненъ.

Изъ московской жизни этого времени слѣдуетъ отмѣтить два небольшихъ эпизода. Мать моя пишетъ: „Въ воскресенье (19-го августа) мы ходили въ нашъ новый домъ смотрѣть кресты. Погода была хорошая и народу было множество. Я къ себѣ звала обѣдать нашихъ зятьевъ и едва ли еще стану звать будущіе годы, по тому неудовольствію отъ Василія Харлампіевича, какое я нынче имѣла. Я по порядку нашему, какъ бываетъ и при васъ, послала наканунѣ поутру позвать ихъ всѣхъ: Наденька не отказалась, а только сказала, что „у насъ новорожденная“ *). Я и послала за поваромъ и все приготовила какъ слѣдуетъ. Поутру мы всѣ вмѣстѣ смотрѣли кресты, и я, ничего не думавши, была съ ними ласкова, какъ умѣла. Послѣ пошли всѣ къ обѣднѣ. Вотъ иду я отъ обѣдни и взяла Соню за руку и увела насильно къ себѣ. За нею пошла и Наденька. А онъ (Вас. Харл.) не пошелъ и Аннушку увелъ съ собою домой. Стали мы чай пить, и я ни за что это не сочла, что онъ ушелъ, а думала, что онъ еще отъ себя придетъ. Вдругъ Наденька взяла доску **) и написала, что они нынче не могутъ у меня обѣдать и что у нихъ названы свои гости къ обѣду. Я и говорю: „А я надѣялась, что вы и съ дѣтьми у меня отобѣдаете. Мнѣ васъ велѣлъ папенька нынче звать“. Говоритъ она: „У насъ новорожденная!“ А я сказала ей на это, что новорожденная еще не невѣста и что здѣсь всѣ постарше ея. И съ досадою я больше ничего не стала говорить, простилась и не пошла провожать, а осталась въ спальнѣ. Какъ было мнѣ горько, другъ мой, ты не повѣришь! Всѣ люди стали уди-

*) Соня родилась 19-го августа 1841 г.

**) Точное указаніе на то, что мать въ это время совсѣмъ оглохла. Она говаривала мнѣ: „Съ твоимъ рожденіемъ я окончательно потеряла слухъ“.

вляться, что я приготовилась, а они не пошли: я больше ничего какъ одурачена осталась. Вотъ мы сидимъ въ гостиной и дожидаемся назадъ крестовъ: ужъ это насталъ второй часъ. Только что мы пошли смотрѣть кресты, они и пришли одни, безъ дѣтей и говорятъ, что къ нимъ гости будутъ на вечеръ и поэтому они пришли. Вотъ надо было столъ прибавлять! Больше ничего, что онъ (Вас. Харл.) нами вертитъ, какъ мочалкой, или это мною, но мнѣ право не нужно его одолженіе, что онъ только придетъ наѣстся и ту же минуту бѣжитъ вонъ какъ угорѣлый. Какъ это вамъ покажется? А я обижаюсь такимъ его обхожденіемъ и безъ васъ не стану его звать больше никогда. Богъ съ нимъ! Утѣшь его Богъ такъ своими зятьями! У насъ еще былъ Василій Ивановичъ и Людмилушка, Татьяна Михайловна, а вечеромъ были сестра Вѣрочка съ мужемъ“.

Такая выходка со стороны Протопоповыхъ вызываетъ со стороны отца рѣзкое осужденіе: „Охота тебѣ была звать повара и *угощать свиней*, кромѣ сестры Татьяны, но на все совѣтую тебѣ смотрѣть равнодушно. Ты мнѣ сама пишешь, что ты не умѣешь сердиться, и одумаешься, и забудешь все. Вѣдь онъ уже извѣстенъ намъ! Что дѣлать? его не пере(г)уторить намъ! И Надежда ко мнѣ не писала ни одного письма“. Письмо подписано особенно задушевно: „Тебя многолюбящій и уважающій, моя совѣтница, супругъ и другъ вѣрный“.

На эти слова мать моя отзывается такъ: „будь покоенъ, другъ мой, насчетъ моего неудовольствія о Протопоповыхъ. Ты пишешь, чтобы я приняла равнодушно и не сердилась. Это, кажется, не въ первый разъ, что я на себѣ переношу такія непріятности: тебѣ извѣстно; и писала тебѣ не въ жалобу, но чтобы ты только зналъ, какъ все было, а то послѣ не припомнишь всего хорошенько. Она (Над. Петр.) теперь смѣтила и вертится передо мною. Богъ съ ними! Я не помню зла и на миръ всегда готова, да и ссоръ не люблю. Это тебѣ давно извѣстно.“

Уже выше было замѣчено, что у насъ не особенно долюбливали Чориковскую родню и не довѣряли ей. Это высказалось въ этомъ году при слѣдующемъ случаѣ. Сестра Надежды Сергѣевны, Любовь Сергѣевна, была замужемъ за купцомъ Алексѣемъ Ильичемъ Серебряковымъ. Собираясь

выдавать замужъ дочь, Серебряковы въ отсутствіе отца прислали одного изъ сыновей просить „вещи“ — конечно, бриліанты моей матери — для того, чтобъ украсить невѣсту въ день свадьбы. Мать моя не сочла возможнымъ удовлетворить просьбу и пишетъ отцу: „Я сказала, что вещи у васъ заперты, и я никогда не оставляю ихъ (у себя) для безопасности... Вамъ, другъ мой, надо тогда (въ свадьбу, 31-го августа) не забыть извиниться, что вы будто позабыли оставить вещи“.

Относительно здоровья отца опять появились какіе-то непріятные симптомы. На это указываетъ возобновленіе предостереженій со стороны моей матери: „Прошу васъ, другъ мой милый, пожалуйста, берегитесь! Теперь погода настанетъ осенняя. Надѣвайте на себя потеплѣе и ноги держите потеплѣе, а то я васъ знаю: когда захлопочетесь, и забудете о себѣ“. Опасенія оправдались: вскорѣ по возвращеніи въ Москву отца поразилъ первый апоклексическій ударъ.

Относительно времени этого событія существуетъ разногласіе. Мать моя припоминала, что отца первый ударъ поразилъ года за два до кончины; въ разрѣзъ съ этимъ идетъ показаніе брата моего Владиміра, будто между тремя постигшими его ударами отецъ жилъ по 2—3 года. Я меньше полагаюсь на точность воспоминаній очень молодого юноши, имѣвшаго слабое представленіе о времени, чѣмъ на показаніе любящей жены, прожившей 20 лѣтъ съ мужемъ. Послѣднее подтверждается и свѣдѣніемъ, что первый ударъ случился съ отцомъ, во всякомъ случаѣ, послѣ моего рожденія.

Итакъ, слѣдуя воспоминаніямъ моей матери, надо думать, что первый ударъ постигъ отца поздней осенью 1845 года. Это подтверждаетъ сохранившійся рецептъ нашего домашняго врача Герасима Ивановича Кораблева, на которомъ рукою моей матери помѣчено: „Примочка, которой мочили голову Петра Михайловича во время его болѣзни 1845 года въ октябрѣ“. Ударъ былъ легкій и отецъ перенесъ его чуть-ли не на ногахъ. Послѣдствіемъ его было только нѣкоторое затрудненіе рѣчи. Какъ-то послѣ этого отецъ, вернувшись изъ церкви, жаловался женѣ на сына Сергѣя: „Все разговаривать со мной лѣзетъ, а того не понимаетъ, что мнѣ трудно“.

Отецъ скоро поправился и вернулся къ прежнему образу жизни; однако врачи указали ему на недостатокъ движенія, требуя, чтобъ онъ ради моціона, по крайней мѣрѣ, изъ города приходилъ домой пѣшкомъ. Онъ повиновался. Постояннымъ спутникомъ его сдѣлался сынъ Сергѣй.

Къ этому времени приблизительно относятся нѣкоторыя воспоминанія объ отцѣ моихъ братьевъ. Нельзя сказать, чтобъ эти воспоминанія были согрѣты той душевной теплотой, которая всегда сказывается по отношенію къ любимому человѣку. Въ ихъ памяти отецъ представлялся суровымъ старикомъ, рѣдко улыбающимся, мало сообщительнымъ, очень требовательнымъ, при случаѣ выступающимъ съ плеткой въ рукѣ въ роли грознаго судіи по дѣтскимъ прегрѣшеніямъ. Немудрено, что подъ вліяніемъ болѣзни характеръ отца измѣнился не къ лучшему. Но гдѣ было дѣтямъ вдумываться и постигать внутреннюю жизнь шестидесятилѣтняго старика, который прошелъ суровую школу, былъ умудренъ жизнью и сдержанъ на слова, смотрѣлъ недовѣрчиво на міръ, привыкъ быть на сторожѣ и вдобавокъ пережилъ параличъ? Съ другой стороны, по понятіямъ того времени, старшіе требовали со стороны молодого поколѣнія больше всего страха и уваженія, какъ основъ всякаго порядка. Панибратство съ молодежью почиталось недостойнымъ: оно какъ бы роняло родительское достоинство и доказывало отсутствіе ума и такта. Таковъ былъ и отецъ. Конечно, придерживаясь такихъ взглядовъ, старшіе забывали, что, пріучая молодое поколѣніе лишь къ страху передъ собою, они отучаютъ его отъ болѣе нѣжнаго и хорошаго чувства.

Вотъ нѣсколько мелкихъ подробностей, которыя могутъ бросать свѣтъ на характеръ отца въ эту эпоху его жизни. Братъ Володя разсказывалъ: „Въ послѣдніе годы жизни, когда отецъ, по болѣзни, уже мало занимался дѣломъ и сидѣлъ больше дома, надо было развлекать его. Насъ посылали играть съ нимъ въ короли. Въ спальнѣ у него, въ промежуткѣ между двумя окнами на дворъ, ставился ломберный столъ. Отецъ терпѣть не могъ оставаться кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ короля. Понятно, мы скоро замѣтили эту слабость и стали поддаваться, устраивая такъ, чтобъ онъ въ теченіе всего вечера сидѣлъ королемъ. Это его очень тѣ-

шило, и онъ, бывало, трунитъ надъ нами, что мы играть не умѣемъ. А мы рады, что онъ не сердится“.

„Случалось, что между нами, младшими дѣтьми, возникали потасовки, въ которыя вмѣшивался, чтобы насъ усмирять Семенъ Петровичъ — онъ ужъ тогда былъ очень смѣлый. Мы жаловались на него отцу, что онъ насъ обижаетъ. Семенъ Петровичъ говорилъ тогда себѣ въ оправданіе: „они должны меня слушаться. Я — старшій“. А отецъ ему на это: „А чортъ тебя еще старше!“

Слѣдующій эпизодъ передавалъ братъ Миша. „Какъ-то случилось, что законоучитель Алексѣй Николаевичъ пожаловался на меня отцу. Не помню въ чемъ дѣло было, — конечно, какіе нибудь пустяки, — но помню, что на сей разъ я чувствовалъ себя ни въ чемъ неповиннымъ. Отецъ взялъ меня за руку и, молча, повелъ въ кабинетъ. Дурной знакъ было это молчаніе, потому что указывало на неизбѣжность строгаго возмездія. Вошедши со мной въ кабинетъ, отецъ оставилъ мою руку, заперъ дверь на ключъ и, все молча, направился одинъ въ правый уголъ, къ своему рабочему бюро, гдѣ на стѣнѣ обыкновенно висѣла плетка, которой насъ стегали. Я поднялъ глаза въ этомъ направленіи и, о ужасъ! увидалъ, что на мѣстѣ плетки виситъ заправскій здоровый арапникъ. Нѣсколько секундъ прошло только, покамѣстъ отецъ снималъ это орудіе казни, а у меня успѣлъ пролетѣть цѣлый рой мыслей въ головѣ. Прежде всего, разумѣется, явилась перспектива сильной физической боли, затѣмъ громко заговорило сознаніе моей невинности. Еще отецъ былъ у бюро, когда я, самъ себя не помня, подбѣжалъ къ лѣвому окну и закричалъ во все горло: „Папенька, ей Богу, ей Богу! я не виноватъ, а если вы будете меня бить, даю вамъ слово, что пробью раму и выброшусь въ окно!“ Отецъ, какъ окаменѣлый, остановился съ арапникомъ въ рукѣ, постоялъ секунду въ раздумьѣ, затѣмъ положилъ арапникъ, подошелъ къ двери, отперъ ее и сказалъ: „Ступай!“

Достовѣрность передаваемаго факта остается, конечно, на совѣсти моего брата.

...„Я слыхала“, разсказывала много лѣтъ спустя моя племянница Анна Ивановна Волкова, „что мамашѣ (Александрѣ Николаевнѣ) очень было тяжело при жизни дѣдушки. Такъ какъ папаша не былъ отдѣленъ при особомъ капиталѣ и

всецѣло зависѣлъ во всемъ отъ дѣдушки, то приходилось ходить къ нему выпрашивать деньги на всякую мелочь, а дѣдушка былъ скупъ и выдавать ихъ не любилъ. Бывало, изъ-за какой нибудь шляпки мамаша стоитъ-стоитъ передъ дѣдушкинымъ кабинетомъ, не рѣшаясь войти. Дядю Семена Петровича это очень возмущало, и онъ высказывалъ, что при жизни Петра Михайловича ни за что не женится, чтобы не подвергать такому униженію свою будущую жену".

XXIII.

1846 и 47 гг. Семейныя отношенія.—Два послѣднихъ апоплексическихъ удара у отца.—Кончина его.

Къ лѣту 1846 г. отецъ выправился настолько, что могъ уѣхать на ярмарку. Съ нимъ были трое старшихъ сыновей. Естественно, мать моя была озабочена, какъ онъ перенесетъ путешествіе. Она пишетъ 17 августа: „Я теперь въ великомъ смущеніи и неизвѣстности, другъ мой, о васъ. Хочется поскорѣе узнать, какъ вамъ Богъ далъ провести и окончить путь свой... Помолитесь пожалуйста тамъ, какъ прежде я отъ васъ слыхала. Вы, бывало, тамъ Макарію Преподобному служите молебенъ и еще гдѣ-то, я теперь не припомню. Помните, другъ милый, русскую пословицу: Богу молиться — впередъ пригодится, а наши лѣта ужъ не на утро, а на вечеръ подходятъ"...

Послѣ удара отецъ сталъ замѣтно раздражительнѣе и придирчивѣе. Это отразилось прежде всего на письмахъ къ женѣ. Упрекая ее, по обыкновенію, за рѣдкость писемъ, онъ ставитъ ей въ примѣръ невѣстку, жену сына. „А тебѣ къ старику времени нѣтъ (писать). Тебѣ теперь ждать замѣсто меня другого ужъ поздно". Письмо это вызываетъ у моей матери энергическій протестъ: „Напрасно вы мнѣ пеняете, что я забыла мужа своего, потому что онъ не молодой, и, будто, думаю имѣть другого мужа. Богъ съ вами за такія ваши обидныя мнѣнія о женѣ вашей, которая поистинѣ можетъ вамъ сказать, что всю жизнь провела только въ томъ, что, любя васъ искренно чисто, и дорожила всегда вашимъ здоровьемъ какъ безцѣннымъ сокровищемъ своимъ и теперь не знаетъ, что̀ придумать, чѣмъ она заслужила противъ васъ

такое недоброе отношеніе. Я вамъ еще и дома говорила, что стану писать вамъ два раза въ недѣлю. По моему, кажется, довольно, а если по вашему мало, то вы могли бы мнѣ безъ колкостей сказать просто: пиши ко мнѣ чаще. Я всегда готова повиноваться во всемъ томъ, что не нахожу для васъ вреднымъ".

И относительно дѣтей проглядываетъ у отца непривычная жесткость. „А за другими (дѣтьми) присматривай больше и не балуй ничѣмъ. Гдѣ страхъ, тамъ и благочестіе". Такого рода сентенція попадается въ первый разъ.

Въ домѣ были тревожно настроены относительно здоровья Петра Михайловича. Отецъ прибылъ на ярмарку гораздо позже обыкновеннаго, 16-го августа, а уѣхалъ раньше, такъ что раскладывались и укладывались уже безъ него старшіе сыновья, и, хотя онъ въ письмахъ говоритъ, по обыкновенію, и про покупки и про подарки, но тонъ уже не тотъ, да и писемъ гораздо меньше. Пріѣхавши поздно на ярмарку, онъ однако уже черезъ недѣлю пишетъ, что ему долго оставаться не хочется и что онъ думаетъ уѣхать назадъ пораньше; въ каждомъ письмѣ посылаетъ дѣтямъ благословеніе, чего прежде не было. Очевидно, ему было не по себѣ, и онъ самъ сознавалъ, что началъ сильно катиться подъ гору. Есть намекъ на то, что отецъ въ это время жаловался самъ на глухоту. Какъ разъ начало этой фразы написано неразборчиво... „лѣчиться отъ глухоты. Одинъ далъ за ухомъ тереть и туда класть на бумажкѣ".

Въ 1846 году говорится впервые о первенцѣ Ивана Петровича. Иванъ Петровичъ пишетъ: „Мнѣ пріятно было замѣтить изъ вашего письма, что сынъ мой Петя*) влѣзаетъ по лѣстницѣ: мнѣ что-то не вѣрится. Вы меня радуете сими строками, и желаю, чтобъ Богъ далъ по пріѣздѣ увидать его, чтобъ онъ ползалъ по полу".

О праздновании дня Донской Б. М. въ 1846 г. мать моя увѣдомляетъ такъ: „Вчера праздникъ провели очень пріятно, смотрѣли кресты на томъ нашемъ дворѣ, въ домѣ, и Владиміръ Семеновичъ Алексѣевъ былъ тутъ съ нами. А послѣ пошли къ обѣднѣ. А отъ обѣдни я зазвала все семейство Протопопова къ себѣ чай пить, обѣдать оставляла, но Наденька отказалась,

*) Род. 23 сент. 1845 г.

потому что своя въ домѣ новорожденная Соня: и золовка, и деверь ея обѣдать къ нимъ будутъ". Такимъ образомъ мать моя должна была примириться съ сепаратизмомъ Протоповыхъ. „У насъ была Татьяна Михайловна только одна за обѣдомъ и я никого не звала. А вечеромъ мы всѣ ѣздили къ нашимъ Пащенковымъ: мимо ихъ было настоящее гулянье, множество народа и ѣхало, и пѣшаго. Погода была прекрасная". „Насъ пріѣзжали навѣщать Алексѣева Александра Николаевна, и сестры мои обѣ были".

Здѣсь будетъ умѣстно сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ моей матери къ пасынкамъ, въ томъ видѣ, какъ они опредѣлились къ концу жизни отца.

Ивану было 26, Семену 25 лѣтъ. Иванъ Петровичъ отличался дебросердечностью, но былъ простоватъ; хорошій работникъ въ дѣлѣ, онъ однако не обладалъ большой инціативой и по уму значительно уступалъ брату. И отецъ, говорятъ, любилъ больше Семена. Хотя прямо это въ его письмахъ нигдѣ не высказывается, однако косвенное указаніе на предпочтеніе можно видѣть въ замѣчаніи: „про Сеню всѣ единогласно говорятъ, что весь въ меня" (1834): отцу льстило это сходство. Быть можетъ, слѣды этого предпочтенія выразились въ самоувѣренной и властной чертѣ характера, въ сознаніи собственнаго превосходства, которыя очень рано опредѣлились у Семена Петровича и съ годами замѣтно усилились. Въ своихъ письмахъ онъ всегда охотно подчеркиваетъ свою самостоятельность, свой авторитетъ, и не стѣсняется признаться, что смѣетъ имѣть свое собственное сужденіе. Разница въ характерахъ нашла себѣ и соотвѣтствующую оцѣнку со стороны общества: Ивана всегда называли простымъ и добрымъ, а Семена умнымъ, но строгимъ и гордымъ.

Подобное отношеніе къ обоимъ братьямъ опредѣлилось еще при жизни отца и у моей матери. Какъ это доказываютъ ея письма, съ самаго начала отношенія ея къ обоимъ пасынкамъ было совершенно одинаковое, любовное, истинно материнское. Наличность собственныхъ дѣтей — а ихъ у нея въ началѣ сороковыхъ годовъ уже было трое — могла бы, какъ это часто бываетъ, вызвать столь естественное

почти неизбѣжное предпочтеніе своему потомству въ ущербъ дѣтямъ отъ первой жены. Ничего подобнаго у матери моей никогда въ ея интимнѣйшихъ письмахъ не проглядываетъ: вездѣ и всегда она выступаетъ въ роли умной и спокойной матроны, главы единаго, довольно многочисленнаго семейства, одинаково внимательной ко всѣмъ его членамъ, среди которыхъ нѣтъ чужихъ, а только одни свои. Если она распространяется больше о своихъ малышахъ, то это объясняется ихъ нѣжнымъ возрастомъ и желаніемъ угодить мужу, который очень любилъ преимущественно маленькихъ дѣтей. Разница въ годахъ между ея дѣтьми и пасынками такова, что первые требуютъ бо́льшихъ заботъ, тогда какъ послѣдніе — уже взрослые и надъ ними дрожать нѣтъ никакого основанія. Но въ общемъ остается ко всѣмъ дѣтямъ спокойная и ровная любовь, равное вниманіе къ интересамъ каждаго, равная забота, чтобы каждому было хорошо.

Такое положеніе сохраняется до тѣхъ поръ, пока сама жизнь не внесла разнообразія, формируя характеры. Съ выясненіемъ характеровъ у пасынковъ, и мать моя не могла не испытать на себѣ ихъ вліянія. Въ ея ровное отношеніе къ обоимъ братьямъ вкрадывается постепенно, быть можетъ, помимо ея собственнаго желанія, большая теплота къ старшему брату, большая сдержанность къ младшему. Кромѣ того была и еще причина, повліявшая на ея отношенія къ послѣднему.

Иванъ Петровичъ никогда не входилъ въ ближайшее руководительство воспитаніемъ ея собственныхъ сыновей. Въ силу ли незамѣтно установившагося обычая съ молчаливаго согласія отца, въ силу ли свойствъ своей натуры, менторство надъ ними присвоилъ себѣ Семенъ Петровичъ. Въ пріемахъ его главную роль играла „строгость", которая, при его вспыльчивости, выражалась нерѣдко въ формахъ грубыхъ и жесткихъ. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ въ письмѣ къ мачихѣ свои отношенія къ Сергѣю въ 1846 г.: „Сережа къ дѣламъ понемногу привыкаетъ. Что же касается до меня, то Вы, маменька, знаете хорошо, что я, *хотя и строгъ съ братьями*, но вдвое того и добръ до нихъ и худа не помелаю не только братьямъ, даже и никому, а стараюсь, *чтобы сдѣлать ихъ хорошими людьми во всѣхъ отношеніяхъ*, чтобы они впослѣдствіи были мнѣ благодарны". У Ивана

нигдѣ нельзя найти подобной тирады. Въ ней очень рельефно выступаетъ необыкновенная самоувѣренность въ собственныхъ педагогическихъ способностяхъ. Авторитетность, съ которой Семенъ высказываетъ свои взгляды, указываетъ уже сама по себѣ, что въ послѣдніе годы жизни отца главное руководительство въ семьѣ постепенно сосредоточилось въ его рукахъ. Припоминали, что подъ конецъ Петръ Михайловичъ даже какъ-будто побаивался Семена. Конечно, это не слѣдуетъ понимать буквально: старый и полубольной отецъ самъ охотно отступалъ на второй планъ и отдавалъ власть, которая становилась ему въ тягость.

Къ сожалѣнію, строгость Семена едва ли находилась въ томъ соотвѣтствіи съ его добротою, какъ онъ самъ полагалъ. Его воспитательные пріемы не разъ вызывали негодованіе моей матери и оставили у младшихъ братьевъ непріятныя воспоминанія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еще ранѣе кончины отца отношенія между моей матерью и Семеномъ стали натянутыми. Сохранилась собственноручная записка Семена, относящаяся къ началу 1847 г., которая служитъ этому краснорѣчивымъ подтвержденіемъ. Очевидно, моя мать гнѣвалась на Семена за какой-то его поступокъ относительно Володи. Прямо о поступкѣ ничего не сказано, но надо предполагать, что старшій братъ позволилъ себѣ какое-то физическое насиліе надъ младшимъ. Въ своихъ объясненіяхъ Семенъ жалуется на холодность мачихи и старается оправдаться, повторяя обычно самоувѣреннымъ тономъ, что онъ ничему дурному братьевъ не научитъ, а сдѣлаетъ ихъ людьми. Очень можетъ быть, что онъ припоминалъ пріемы своего собственнаго воспитанія и совершенно искренно придерживался стариннаго взгляда, что безъ тѣлеснаго наказанія невозможно никакое воспитаніе. Только онъ не понималъ, что времена измѣнились и что мать моя имѣла право требовать другихъ, лучшихъ идей. Вотъ почему между обоими постепенно вкрадывалось взаимное недовѣріе и отношенія, лишенныя сердечности, становились лишь формально-вѣжливыми.

Второй ударъ, жестокій, поразилъ отца осенью 1846 года, когда онъ шелъ съ Сергѣемъ пѣшкомъ, изъ города. Братъ мой передавалъ это событіе такъ:

„Мы шли вдвоемъ. Наша лошадь ѣхала рядомъ. Дошли мы благополучно до Болота, какъ вдругъ, когда мы проходили мимо Виннаго двора, папенька остановился, пошатнулся и, потерявши равновѣсіе, чуть-было не грохнулся наземь. Насилу я успѣлъ подхватить его. Мнѣ было тогда лѣтъ 15. Собрался народъ. Съ его помощью довелъ я папеньку до экипажа и усадилъ: такъ какъ онъ былъ высокаго роста и хотя не толстъ, но довольно полонъ, то одному мнѣ бы не управиться. Онъ имѣлъ привычку всегда садиться слѣва. Усадивши его и видя, что онъ качается, я охватилъ его лѣвой рукой изо всѣхъ силъ и такъ и везъ до дому. Помню, у меня рука совсѣмъ онѣмѣла.“

Когда привезли отца домой, онъ сохранилъ сознаніе настолько, что на вопросъ моей матери: что съ тобой? отвѣтилъ: самъ не знаю что̀! Скоро однако онъ впалъ въ безпамятство. Послали за священникомъ и соборовали его. Между тѣмъ пріѣхалъ докторъ Оверъ и предписалъ растирать ему все тѣло горячей фланелью съ горчицей. Понемногу онъ пришелъ въ себя и чрезъ нѣсколько времени попросилъ супу. Но онъ плохо поправлялся на этотъ разъ и, такъ какъ ударъ былъ на языкъ, сталъ очень невнятно говорить. Кромѣ того и ходить сталъ тяжело, невѣрной колеблющейся поступью. Мнѣ было тогда два года. „Возьметъ отъ тебя, бывало, на руки“, разсказывала моя мать, „и начнетъ няньчить, а я до смерти боюсь, что онъ тебя выронитъ“.

Теперь уже отецъ не могъ больше заниматься дѣлами и пересталъ ѣздить въ городъ. Отнынѣ любимымъ его мѣстопребываніемъ стала 2-я гостинная, гдѣ онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ у угловаго окна, поглядывая вдаль по Малой Якиманкѣ и поджидая, когда сыновья вернутся изъ городу.

Къ этому времени относится одинъ эпизодъ, который племянникъ моего отца по первой женѣ Аркадій Сергѣевичъ …ероковъ вспоминалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Я бывалъ не разъ еще ребенкомъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ въ домѣ Петра Михайловича и всегда боялся его суровости. Но особенно тяжелое впечатлѣніе пришлось мнѣ пережить передъ смертью бабушки Надежды Сергѣевны. Петръ Михайловичъ держалъ (?) ее много лѣтъ въ подвальномъ этажѣ …нительной фабрики, на которой самъ былъ прежде масте-

ромъ (?!), около Полянки. И вотъ, помню, въ послѣднія минуты жизни Надежды Сергѣевны, когда мы, ея потомство, окружали въ благоговѣйномъ молчаніи ея смертный одръ, явился въ этотъ подвалъ Петръ Михайловичъ прощаться съ нею, а вмѣсто того громовымъ басомъ накричалъ (?) на отходившую старуху. Мнѣ тогда было лѣтъ 14. Съ тѣхъ поръ я сталъ страшиться его настолько, что не могъ вспоминать объ этой сценѣ безъ содраганія и ужаса“.

Это было въ послѣдній годъ жизни отца: Надежда Сергѣевна скончалась 25 января 1847 г., а отецъ чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ. При оцѣнкѣ разсказа Черокова нельзя терять изъ виду, въ какомъ состояніи былъ отецъ, который самъ только недавно перенесъ второй ударъ, едва не уложившій его въ могилу, а все-таки черезъ силу притащился проститься съ тещей. Въ письмахъ отца разсѣяны неопровержимыя доказательства того, что онъ въ теченіе всей жизни относился къ Надеждѣ Сергѣевнѣ хоть и сдержанно, но почтительно и считалъ ее у себя въ домѣ своимъ человѣкомъ. Но, правду сказать, у насъ никогда не жаловали Чероковыхъ; разумѣется они платили намъ тою же монетой. Оттого въ ихъ воспоминаніяхъ отецъ едва ли можетъ представляться въ правильномъ освѣщеніи, и разсказъ Аркадія Сергѣевича несомнѣнно страдаетъ неточностью и недоброжелательнымъ преувеличеніемъ.

На ярмарку 1847 г. отецъ уже не ѣздилъ. Разумѣется настроеніе духа было у него удрученное: одно изъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ для хорошаго труженника сознавать, что онъ для работы болѣе не годенъ. Къ этому присоединилась потеря нѣсколькихъ близкихъ лицъ. Въ записную книжку календаря отецъ занесъ слѣдующія замѣтки: „11 мая Г. Г. Сапожниковъ помре, Вѣры Владиміровны*) мужъ“ „24 іюня, въ 4 ч. утра, Ульяна Ѳедоровна Шестова помре Андрея Петровича супруга. Отпѣваніе было митрополитомъ Филаретомъ и погребена подъ церковью Данилова монастыря Шестовыми сооруженной“. „30 іюля въ 9 ч. утра, преставился любезный мой сватушка Андрей Петровичъ Шестовъ 2 августа было погребеніе тѣла его въ Даниловомъ монастырѣ подъ церковью, Шестовыми сооруженною. При отпѣваніи былъ митрополитъ Филаретъ“.

*) Дочь Владиміра Семеновича Алексѣева.

Кончина Андрея Петровича особенно должна была потрясти отца. Какого мнѣнія были у насъ о Шестовѣ, можно видѣть изъ письма Ивана съ ярмарки къ моей матери: „Изъ письма вашего я усмотрѣлъ, что папенька былъ огорченъ кончиною дѣдушки нашего Андрея Петровича Шестова. Это очень можетъ быть; въ особенности онъ его такъ любилъ и уважалъ. Дѣйствительно и стóитъ сей *великій* мужъ отъ всѣхъ любви“.

Кромѣ болѣзни и огорченія отъ этихъ потерь, отца безпокоила какая-то непріятность отъ „Кирилиной“ артели. Повидимому, двое мастеровъ отошли отъ насъ и затѣяли самостоятельное дѣло для конкуренціи съ нами. „Жалко, что случилось безъ насъ“, пишетъ изъ Нижняго Иванъ. „Мы папенькѣ ничего не писали, въ особенности насчетъ Степки и Аѳоньки. Они къ намъ не ходятъ. И не увидимъ: Богъ съ ними! Неправедныя созданія недолго удерживаются (?)“ „Соперникъ намъ или лучше сказать двое, не одинъ — Степка и Аѳонька здѣсь на ярмаркѣ сняли лавку въ запасной линіи. Степка приказчикомъ у Аѳанасья“. „Прискорбно слышать“, пишетъ Семенъ, „что папенька такъ себя безпокоитъ. Но что дѣлать? Это онъ имѣетъ такой характеръ. Въ его лѣта трудно себя перемѣнить“.

Въ календарѣ 1847 года, противъ послѣднихъ чиселъ ноября, отецъ сдѣлалъ послѣднюю отмѣтку своею рукою: „Большая темнота, туманъ и сырость“. Послѣдній ударъ засталъ его за нѣсколько дней до Рождества на креслѣ въ гостинной, на любимомъ мѣстѣ у окна. Онъ лишился языка и сталъ сильно икать. Икота продолжалась нѣсколько дней. Лѣчилъ его на этотъ разъ докторъ Пéликанъ, но помочь, видно, было уже нельзя. Нѣсколько дней отецъ былъ между жизнью и смертью. Его причастили и два раза соборовали. Онъ не былъ даже въ состояніи подписать свое духовное завѣщаніе, и „за его болѣзнью, по его личному прошенію“ подписался его духовникъ, нашъ священникъ Алексѣй Ивановичъ Поповъ. Кромѣ того, подписались нашъ домашній врачъ Герасимъ Ивановичъ Кораблевъ и четверо свидѣтелей. Это было 21 декабря. Въ Рождественскій сочельникъ, 24 декабря 1847 г., въ 5 ч. утра, отца не стало.

Судьбѣ было угодно, чтобы кончина моего отца стала первымъ, самымъ раннимъ воспоминаніемъ моего дѣтства.

Мнѣ было три года и полтора мѣсяца. Няня разбудила меня ночью, заспаннаго одѣла и повела внизъ по нашей высокой и крутой лѣстницѣ. Пройдя столовую, мы вошли въ полутемный коридоръ, прошли мимо двери въ отцовскій кабинетъ и поднялись вверхъ по небольшой лѣстницѣ къ спальнѣ. Прямо коридоръ упирался въ чуланчикъ. Тутъ, въ углу между дверью въ спальню и чуланчикомъ, при тусколъ свѣтѣ сальной свѣчи, мы остановились и ждали. Все это было такъ необычно, что, очевидно, вслѣдствіе необычности твердо запечатлѣлось у меня въ памяти. И именно этотъ моментъ ожиданія, остановки, покоя, а не послѣдующій, гораздо болѣе интересный и важный, значенія котораго я понимать не могъ...

Долго ли мы простояли, я не знаю, но насъ позвали въ спальню. Освѣщенный свѣчей съ ночного столика, слѣва, отецъ лежалъ на двухспальной кровати. Какъ будто, сквозь флеръ, мнѣ чудится на подушкѣ блѣдное лицо съ закрытыми глазами. Около постели безшумно суетятся моя мать и кто-то еще, можетъ быть, докторъ и мои братья. Говорятъ шопотомъ... Отецъ поднялъ руку,— а можетъ быть подняли ему ее другіе,— и положилъ мнѣ на голову. Все это только очень смутно, какими-то еле уловимыми контурами мелькаетъ у меня въ памяти.

За то очень опредѣленно сохранилось у меня впечатлѣніе слѣдующаго дня. Отецъ лежалъ въ гробу, въ залѣ, подъ иконами. Меня привели проститься съ нимъ. Я помню блѣдное лицо съ закрытыми глазами и нѣсколько оттопыренной нижней губой, клока сѣдыхъ волосъ на вискахъ, а главное большую золотую медаль на красной лентѣ на груди. Больше всего я помню именно эту медаль. Впослѣдствіи, когда я сообщалъ это воспоминаніе моимъ старшимъ братьямъ, они утверждали, что я ошибаюсь, что никакой медали на груди отца не было, но я стою на своемъ. Да и съ бытовой стороны не естественно ли, что покойнику положили на грудь знакъ отличія, какъ другимъ на подушкахъ кладутъ ленты и звѣзды?! А запечатлѣлась у меня въ головѣ эта медаль на красной лентѣ именно потому, что это былъ для меня рѣдкій, невиданный и красивый предметъ, который способенъ

былъ сосредоточить мое вниманіе гораздо болѣе, чѣмъ смертные останки моего отца, котораго я видѣлъ въ послѣдній разъ.

Вотъ все, что я помню о моемъ отцѣ.

Скорбь моей матери нашла себѣ выраженіе въ слѣдующихъ безыскусственныхъ строкахъ ея памятной книжки: „1847 г. 24 декабря въ 5 часовъ утра скончался мой безцѣнный супругъ Петръ Михайловичъ Вишняковъ на 67-мъ году отъ рожденія его жизни, скончался тихо, Богъ сподобилъ его совсѣмъ приготовиться, два раза былъ соборованъ и напутствованъ Святыхъ Таинъ, самъ приготовилъ себѣ могилу въ Симоновѣ монастырѣ, похороненъ митрополитомъ Филаретомъ и двумя архимандритами: Симоновскимъ и Богоявленскимъ".

Въ день похоронъ, 27-го декабря, былъ жестокій морозъ, и мои младшіе братья вспоминали, какъ мучительно было ѣхать за гробомъ съ непокрытой головой, какъ того требовалъ обычай, съ Якиманки до Симонова монастыря, болѣе шести верстъ. Братъ Володя едва не отморозилъ себѣ лицо и уши. Меня не брали на похороны по малолѣтству. Карлъ Ивановичъ Штетке шелъ всю дорогу за гробомъ пѣшкомъ и горько плакалъ. Отецъ положенъ рядомъ съ дѣдомъ, бабушкой и своими братьями.

Некрологъ отца былъ помѣщенъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1848 г., № 37, отъ четверга 25-го марта. Онъ принадлежалъ перу Алексѣя Николаевича Лебедева.

XXIV.

Послѣдній портретъ отца.— Общественная и благотворительная дѣятельность.— Торговыя дѣла.

Раньше было упомянуто о двухъ масляныхъ портретахъ отца, относящихся къ 1818 г. Незадолго до его кончины, когда уже ему было за шестьдесятъ, съ него былъ снятъ дагерротипъ. Эта семейная драгоцѣнность, къ сожалѣнію, не цѣлѣла, но сохранилась пастель, писанная съ этого дагерротипа нѣмецкимъ художникомъ Ранделемъ въ 1854 г. (оваль 1 ф.

5 д. $\times$ 1 ф. 3 д.)*). Отецъ изображенъ въ мундирѣ съ шитымъ золотомъ воротникомъ, съ медалью на аннинской лентѣ на шеѣ; у него бритое лицо, сѣдые волосы на вискахъ, отяжелѣвшія черты и замѣтно отвислая нижняя губа. Такъ какъ портретъ этотъ писался на глазахъ у моей матери и братьевъ, которые навѣрное помогали художнику своими указаніями, то слѣдовало бы думать, что онъ долженъ представлять достаточное сходство съ оригиналомъ, однако не всѣ съ этимъ согласны: напримѣръ, братъ Володя находилъ, что портретъ очень похожъ, а братъ Миша — что онъ вовсе не имѣетъ сходства. Кому вѣрить? Близкіе по возрасту, оба они должны были хорошо помнить отца. Тотъ тусклый образъ, который уцѣлѣлъ у меня въ памяти, въ главныхъ чертахъ сходится съ Ранделевской пастелью, только мнѣ сдается, черты у отца были тоньше, интеллигентнѣе**). Той же грубоватостью отличается и портретъ матери, писанный Ранделемъ съ натуры.

Отецъ былъ высокаго роста. Фигурой его напоминалъ, кажется, больше всѣхъ старшій сынъ Иванъ, хотя лицомъ бывшій въ мать. „Никто изъ дѣтей не похожъ близко на отца, хотя у всѣхъ найдутся его черты", высказалъ однажды Миша. „Ни у кого напримѣръ, нѣтъ отцовскаго носа, кромѣ Володи, который въ остальномъ на отца совсѣмъ не похожъ". Оттопыренная въ старости нижняя губа, придававшая лицу нѣсколько высокомѣрное выраженіе, была выражена у брата Семена. Черные волосы отцовскіе были только у Ивана и Михаила, Семенъ былъ рыжеватый блондинъ, остальные — бѣлокурые въ разныхъ болѣе темныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ оттѣнкахъ. У старшихъ двухъ сыновей были темнокаріе глаза — материнскіе, у младшихъ четверыхъ — сѣрые, которые могли одинаково происходить и отъ матери, и отъ отца. Надежда Петровна была бѣлокурая со свѣтлыми глазами, Людмила — брюнетка съ карими.

*) Дагерротипъ былъ во владѣніи брата Сергѣя и хранился довольно небрежно въ столѣ рядомъ съ гвоздями и подпилками, при доступѣ пыли и солнца. Замѣтивши, что онъ потускнѣлъ, братъ почистилъ его такъ неосторожно, что отъ него ничего не осталось. И пастель рисковала исчезнуть безслѣдно, еслибы ее своевременно не купилъ братъ Владиміръ, послѣ котораго она перешла къ мнѣ, благодаря любезности моей племянницы Елены Влад. Шаховской.

**) Фототипія ($6^{1}/_{2}$ д. $\times$ $5^{1}/_{4}$ д.), находящаяся у Н. А. Найденова, снята съ этого портрета. Она получена была имъ отъ брата Семена.

Вотъ свѣдѣнія объ общественной дѣятельности Петра Михайловича:

30 декабря 1824 г. онъ былъ выбранъ засѣдателемъ отъ московскаго купечества въ гражданскую палату по 1-му департаменту на срокъ съ 1825 по 1828 годъ большинствомъ 146 бѣлыхъ противъ 19 черныхъ шаровъ. Баллотировавшійся вмѣстѣ съ нимъ и выбранный на такую же должность Андрей Семеновичъ Зѣвакинъ получилъ 122 бѣлыхъ противъ 43 черныхъ. По окончаніи этой службы отецъ получилъ отъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Дм. Влад. Голицына, аттестатъ и благодарность. Послѣ этого, въ теченіе четырехъ трехлѣтій, онъ былъ депутатомъ въ Московскомъ Градскомъ Обществѣ, при чемъ при выборахъ получалъ:

на срокъ	1831—1833	бѣлыхъ	27	черныхъ	14
„ „	1834—1836	„	32	„	7
„ „	1837—1839	„	28	„	15
„ „	1840—1842	„	31	„	26

На выборахъ 1842 г. въ тѣ же уполномоченные повѣренные отъ купечества онъ попалъ только въ подбалльные, получивъ 28 шаровъ избир. противъ 27 неизбир., но его въ этомъ году выбрали засѣдателемъ въ Совѣстный судъ и Приказъ общественнаго призрѣнія 119 шарами противъ 44. Прослуживъ въ Приказѣ общественнаго призрѣнія трехлѣтіе (1843—1845), отецъ внесъ въ это учрежденіе 9000 руб. сер. на вѣчное время съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала три раза въ годъ раздаваемы были бѣднымъ по свидѣтельствамъ отъ священниковъ. Первая раздача должна быть къ Пасхѣ, вторая въ день его ангела, св. Петра митрополита, 5-го октября, третья къ Рождеству Христову. За свою службу отецъ былъ награжденъ золотою медалью на аннинской лентѣ съ надписью: „за усердіе".

Въ 1840 г. отецъ былъ директоромъ отъ купечества въ коммерческомъ отдѣленіи государственнаго банка въ Нижнемъ во время ярмарки. Въ 1841 г. онъ былъ возведенъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданина (Прилож. N).

На выборахъ 1845 г. отецъ опять былъ выбранъ въ уполномоченные повѣренные Градскаго Общества 26 шарами противъ 23. Это была его послѣдняя должность.

Будучи очень богомольнымъ и въ теченіе 35 лѣтъ ревностнымъ прихожаниномъ церкви свв. Іоакима и Анны, отецъ жертвовалъ не мало на нужды храма. На его средства церковь была расписана заново. Въ письмѣ его отъ 12 августа 1833 г. читаемъ: „увѣдомь меня о церкви. Пошли Сергѣя узнать, Калмыковъ пишетъ самъ или нѣтъ и сколько живописцевъ пишутъ". Калмыковъ былъ извѣстный въ то время иконописецъ. Нельзя не удивляться только, что отецъ никогда не былъ у себя въ приходѣ церковнымъ старостой.

Относительно нашей фабрично-торговой дѣятельности въ томъ видѣ, какъ она развилась къ концу жизни Петра Михайловича, подробныя свѣдѣнія доставлены внукомъ его Петромъ Ивановичемъ, хорошо знакомымъ съ дѣломъ съ молодыхъ лѣтъ и въ настоящее время состоящимъ директоромъ-распорядителемъ торгово-промышленнаго товарищества золото-канительнаго производства подъ фирмой Алексѣевъ, Вишняковъ и Шамшинъ. Его сообщеніе напечатано въ прилож. О.

8.

Факсимиле письма П. М. Вишнякова.

[illegible]

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А. Черняевы.

Существуетъ нѣкоторое сомнѣніе относительно дѣвичьей фамиліи бабушки Авдотьи Петровны. По 4-й ревизіи (1782 г.) мой дѣдъ значится женатымъ на дочери купца Напрудной слободы Петра Иванова *Черняева*, а на надгробномъ памятникѣ жены Петра Ивановича, Мавры Спиридоновны, ей придана фамилія *Черняйкова;* въ сказкахъ самихъ родныхъ Авдотьи Петровны ни по одной ревизіи никакой фамиліи не значится. Это былъ во всякомъ случаѣ старый московскій родъ: еще по 1-й ревизіи (1725 г.) въ числѣ „природныхъ тяглецовъ" по Напрудной слободѣ упомянутъ Иванъ Ивановъ, дѣдъ бабушки, жившій своимъ домомъ у Троицы въ Троицкой и имѣвшій довольно многочисленное потомство. Старшій сынъ его Петръ большой, отецъ Авдотьи Петровны, женатъ былъ на Маврѣ Спиридоновнѣ, бывшей дворовой князя Сергѣя Григорьевича Урусова. Въ 1771 г. семья эта сильно порѣдѣла отъ чумы; пережившіе члены ея разсѣялись и захудали, перечислившись въ мѣщанство. Мавра Спиридоновна доживала свой вѣкъ въ домѣ у дѣда въ Кожевникахъ, гдѣ и скончалась 62 лѣтъ отъ роду 7 декабря 1797 г. Похоронена она вмѣстѣ съ другими членами нашего семейства въ Симоновомъ монастырѣ.

В. Кожевники.

Въ концѣ XVIII столѣтія „Кожевническая слобода" во многомъ отличалась отъ теперешняго вида этой мѣстности. Теперь Дербеновская улица, обсаженная двумя рядами ясеней, вымощенная, съ прекрасными асфальтовыми тротуарами, представляетъ оживленную торговую артерію, по которой безпрестанно тянутся обозы. Огромные фабричные корпуса занимаютъ цѣлые кварталы, чередуясь съ мелкими постройками, предназначенными для служащихъ, и густой зеленью садовъ. За заборами на высокихъ столбахъ красуются матовые шары электрическихъ фонарей, и проводы бороздятъ воздухъ надъ головой прохожаго. Цѣлыя стѣны красиво задрапированы дикимъ виноградомъ. Вездѣ видны зажиточность и благоустройство. Въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ работающихъ машинъ, и призывные свистки ихъ рѣзко подчеркиваютъ хлопотливую дѣятельность этой московской окраины. Движеніе благопріятствуется сосѣдствомъ двухъ желѣзныхъ дорогъ. Въ концѣ Кожевниковъ оба берега рѣки соединены плашкоутнымъ мостомъ. И вдали, по продолженію Дербеновской улицы, изъ-за рощъ и садовъ, опять виднѣются высокія фабричныя трубы.

О томъ, что было въ концѣ XVIII вѣка, можно, однако, получить понятіе и теперь, направляясь къ Москвѣ-рѣкѣ по 2-му или 3-му Дербеновскимъ переулкамъ. Тутъ нѣтъ мостовой, и вліяніе стихій такъ же непосредственно, какъ было тогда. То обстоятельство, что теперь переулки эти заключены въ высокія стѣны и заборы, мало мѣняетъ дѣло. Вмѣсто тротуаровъ до сихъ поръ существуютъ косогоры, поросшіе крапивой и лопухомъ, между которыми живописными извилинами вьются лужи всевозможныхъ очертаній, индѣ изображая ленты, индѣ расширяясь въ пруды и озера. Странствіе по этимъ первобытнымъ путямъ послѣ ненастья безъ охотничьихъ сапогъ сопряжено съ рискомъ. Но и эта предосторожность едва ли предохранитъ отъ паденія при движеніи по скользкому глинистому грунту около домовъ. Къ тому же переулки эти, по сосѣдству съ фабриками, представляютъ еще одну особенность: они покрыты вещественными слѣдами многочисленнаго человѣческаго общества, не привыкшаго стѣсняться. При такихъ осложненныхъ обстоятельствахъ паденіе грозитъ самыми серьезными послѣдствіями, а посему благоразумный путникъ лучше поступитъ, если заблаговременно откажется отъ намѣренія дойти этимъ путемъ до берега рѣки. Такъ поступилъ, по крайней мѣрѣ, пишущій сіи строки въ іюнѣ 1904 г. при посѣщеніи своемъ сего патріархальнаго уголка.

Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ характеръ, который теперь представляютъ глухіе переулки Кожевниковъ, принадлежали всей Кожевнической слободѣ конца XVIII вѣка. Тогда не были вымощены и большія улицы, и вся мѣстность ничѣмъ не отличалась отъ большого села. Простая грунтовая дорога поднимала столбы пыли при сухой погодѣ, а при дождливой — превращалась въ сплошное болото.

Рассматривая очень хорошій „прожектированный“ планъ Москвы 1773 г., сдѣланный при графѣ Захарѣ Чернышевѣ*), и сравнивая его съ нынѣшнимъ, нельзя не замѣтить, что Кожевники сохранили до сихъ поръ главное направленіе своихъ улицъ и переулковъ. Несомнѣнно, что три главныя артеріи Кожевниковъ: Кожевническая или Ивановская улица, Гусятниковъ переулокъ и Дербеновская улица остались на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были. Размѣщеніе зданій, показанное очень точно на планѣ 1773 г., указываетъ, однако, что въ то время заселены были лишь сѣверная и западная части Кожевниковъ, южная же и восточная части представляли изъ себя почти сплошной пустырь. Тутъ землевладѣніе, какъ видно, еще не установилось прочно, а слѣдовательно легко было производить измѣненія. На востокъ отъ Дербеновской улицы, по направленію къ берегу Москвы-рѣки, на планѣ намѣчено цѣлыхъ шесть переулковъ. Въ настоящее время ихъ только четыре; по положенію они соотвѣтствуютъ переулкамъ №№ 1, 3, 4 и 5 плана. Переулокъ № 6 самый южный, повидимому, никогда не былъ осуществленъ: намѣченный между пустырями, онъ былъ застроенъ. Переулокъ № 2

*) Хранится въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

существовавшій между теперешними 2-мъ Успенскимъ и 1-мъ Дербеновскимъ и имѣвшій на углу съ 3-мъ Успенскимъ переулкомъ какое то зданіе — теперь исчезъ. *Это и былъ, по всей вѣроятности, Савинскій переулокъ*, застроенный такъ давно, что и память объ немъ изгладилась. Тутъ, слѣдовательно, и помѣщался домъ дѣда. За это говорятъ всѣ данныя. Переулокъ этотъ, во-первыхъ, приходился тотчасъ за церковью Успенія, а, слѣдовательно, владѣнія, въ немъ расположенныя, относились къ приходу этой церкви, такъ какъ другой церкви вблизи и не было. Во-вторыхъ, нѣтъ никакого основанія искать мѣсто пребыванія дѣда гдѣ-нибудь около церкви Троицы, такъ какъ оно относилось бы и къ этому приходу, да около ц. Троицы и нѣтъ проектированныхъ переулковъ, которые были бы застроены впослѣдствіи. Въ-третьихъ, еще менѣе основаній искать домъ дѣда на пустыряхъ южной части Кожевниковъ, вдали отъ всякаго жилья.

C. Хлѣбниковы.

Хлѣбниковы, купцы Дѣвичьихъ Лужниковъ, были стариннымъ московскимъ родомъ. Отецъ Григорія Ивановича Иванъ Алексѣевичъ значится еще по книгамъ 2-й ревизіи (1740-ые годы); онъ родился около 1720 года. Изъ актовыхъ книгъ (томъ XII) извѣстно, что 1781 г. іюля 6 дня московскій 2-й гильдіи купецъ Иванъ Алексѣевъ Хлѣбниковъ продалъ московскому же 1-й гильдіи купцу И. П. Плотникову за 1300 руб. каменную лавку въ Сапожномъ ряду, идучи съ Ильинскаго перекрестка на лѣвой рукѣ („Выписки изъ дворовыхъ книгъ за 1776—1782 гг.“ Кольчугинъ, Волхонка, 1893). Въ 1782 г. Иванъ Алексѣевъ числился купцомъ 3-й гильдіи и жилъ въ своемъ домѣ, въ Рогожской, въ приходѣ Сергія Чудотворца. У него была семья, состоявшая изъ жены, трехъ дочерей и единственнаго сына Григорія 12 лѣтъ, рожденнаго, значитъ, въ 1770 г. Въ эпоху 5-й ревизіи (1795 г.) Ивана Алексѣева уже не было въ живыхъ и семья его жила уже не въ собственномъ домѣ, а Григорій Ивановичъ переписался въ мѣщане. Онъ снова перешелъ въ купечество въ 1820-мъ году.

D. Алексѣевы.

Алексѣевы сами не были коренными москвичами. Отецъ Семена Алексѣевича, *Алексѣй Петровъ* (безъ фамиліи) происходилъ изъ отпущенныхъ на волю крестьянъ помѣщицы Натальи Никифоровны Ивановой, Ярославс. уѣзда, Служня стана, деревни Костиной, села Высоцкаго. Онъ перечисленъ былъ въ московское купечество по указу Главнаго Магистрата въ 1746 г. Жена его *Прасковья Григорьева* была взята изъ крѣпостныхъ графа Шереметева и получила свободу также по отпускной. У нихъ были дѣти: дочь Аксинья, выданная замужъ за крестьянина Гжельской волости, деревни Фениной, Родіона Ѳедорова, и два сына: *Семенъ* (род. около 1751 г.)

и *Василій* (род. около 1761 г.). Отъ Семена пошла линія Алексѣевыхъ, называемая „Рогожской“. У Василія было два сына: *Александръ* (род. около 1789 г,), бывшій Московскимъ городскимъ головой въ 1840—41 годахъ и въ этой должности скончавшійся, и *Иванъ* (род. около 1790 г.). Отъ нихъ произошли еще двѣ линіи Алексѣевыхъ: отъ Александра Васильевича — „Строгоновская“, отъ Ивана Васильевича — „Покровская“.

У Семена Алексѣевича и Вѣры Михайловны было слѣдующее потомство: 1) Ольга (род. 1786 г.), 2) Елисавета (род. 1791 г.), впослѣдствіи замужемъ за Андреемъ Семеновичемъ Быковскимъ; 3) Александра (род. 1792 г.), впослѣдствіи въ 1-мъ бракѣ за Шелапутинымъ, во 2-мъ за Костроминымъ; 4) Петръ (род. 1794 г.); 5) Владиміръ (род. 1795 г.); 6) Елена (род. 1797 г.), бывшая замужемъ за Василіемъ Алексѣевичемъ Перловымъ.

E. Симоновъ монастырь.

Знакомясь съ исторіей Симонова монастыря, мы найдемъ въ ней подробность, которая могла также вліять на настроеніе моего отца въ его дѣтскіе годы. Основанный еще въ XIV столѣтіи, монастырь, послѣ отобранія у него въ казну крестьянъ въ 1764 г., постепенно опустѣлъ, такъ что въ 1788 г. по Высочайшему указу былъ совсѣмъ упраздненъ. Въ теченіе семи лѣтъ онъ находился въ вѣдомствѣ Кригсъ-Комиссаріата; за отсутствіемъ монаховъ въ это время богослуженіе изрѣдка совершалось причтомъ сосѣдней церкви. Въ 1795 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ Симоновъ монастырь возстановлялся на прежнихъ правахъ. Такое возстановленіе заброшеннаго старинннаго и уважаемаго монастыря, конечно, составляло крупное историческое событіе для сосѣднихъ мѣстностей, между прочимъ для Кожевниковъ. Оно не могло не произвести впечатлѣніе и на семью Михаила Ивановича Вишнякова, тамошняго домовладѣльца. Члены ея, помнившіе запустѣніе времени Кригсъ-Комиссаріата, вѣроятно, присутствовали при торжествахъ возстановленія монастыря, какъ истинно благочестивые люди радовались этому событію и надолго сохранили объ немъ память.

F. Переписка французскаго года (1812).

(Изъ бумагъ А. С. Вишнякова.)

Во время занятія Москвы французами, отецъ, въ качествѣ довѣреннаго Алексѣевыхъ, разъѣзжалъ по торговымъ дѣламъ. Въ октябрѣ и ноябрѣ онъ былъ на низовьяхъ Волги — въ Саратовѣ и Астрахани, гдѣ получалъ шелкъ и другой товаръ отъ Алексѣевыхъ. Алексѣевы переписывались съ нимъ изъ Мурома. Объ отправкѣ товара къ отцу въ Астрахань сохранилось дѣловое письмо отъ 17 октября 1812 г., писанное Владиміромъ Семеновичемъ Алексѣевымъ *). Оно поучительно, какъ доказательство того, съ какимъ уваженіемъ Алексѣевы относились къ отцу. Почти не вѣрится, чтобы въ то суровое время хозяева могли относиться такъ утонченно вѣжливо къ приказчику или довѣренному, хотя и родственнику. Письмо начинается: „любезный дядюшка П. М., свидѣтельствую вамъ свое нижайшее почтеніе и покорнѣйше прошу васъ“ и т. д.; кончается: „съ непремѣннымъ почтеніемъ пребываю навсегда вашъ, любезный дядюшка, племянникъ и покорнѣйшій слуга В. А.“ И каллиграфія, и правописаніе, и слогъ удовлетворительны: видно, В. С. получилъ сносное образованіе для купеческаго сына, по тому времени особенно.

Семенъ Алексѣевичъ пишетъ отцу отъ 3 октября 1812 г. по слѣдующему адресу: „въ Саратовъ, тамошнему купцу Степану Ивановичу Шувалову, а васъ прошу о доставленіи московскому купцу Петру Михайловичу Вишнякову“.

„П. М., желаю тебѣ добраго здравія и всякаго благополучія, въ пути добраго успѣха. Слава Богу, мы всѣ здоровы, и слухи намъ о Москвѣ благопріятствуютъ. Пиши ты къ намъ объ своемъ здоровьѣ. Я надѣюсь, что ты писать не полѣнишься, а для насъ будетъ пріятно. Какова для тебя дорога? Старайся пріискивать себѣ въ дорогу хорошихъ попутчиковъ и продолжай путь благополучно. Аѳанасій Зѣвакинъ**) изъ Вязниковъ пріѣхалъ и Александра Семеновна***) свидѣтельствуетъ почтеніе. Впрочемъ, остаюсь твой усердный доброжелатель Семенъ Алексѣевъ“. Весь текстъ писанъ рукою Владиміра Семеновича; Семенъ Алексѣевичъ только подписался, но въ концѣ сдѣлалъ слѣдующую собственноручную приписку: ‚Сегодня я въ Астрахань писалъ обо всѣхъ слухахъ. П. М., поѣзжай съ веселымъ духомъ и ни о чемъ не скорби и не тужи, во всемъ бодрствуй! Я тебѣ совѣтую, въ случаѣ передъ обѣдомъ пить хоша по маненькой рюмкѣ вина для подкрѣпленія силы и ободренія. Давай по рюмкѣ и кучеру. Ты не сумнѣвайся, что привыкнешь пить: это все останется (написано: „останетца“).

Почеркъ старинный — прямыми и косыми каракулями, орѳографія слабая****). Письмо, какъ можно видѣть, проникнуто теплымъ чувствомъ къ отцу и указываетъ, что въ то время отецъ вовсе не пилъ вина. Можетъ быть позднѣйшая привычка его, пить по рюмкѣ мадеры во время обѣда и ужина возникла именно по совѣту почтеннаго Семена Алексѣевича.

На обратной сторонѣ письма рукою отца записанъ маршрутъ: „съ Борисовки влѣво на Вязовку, драгун. Липнека (?), Доможировка, Скачки, Вирга, Кривозерье, Кармишъ, Монастырскій Лип-

*) Владиміру Семеновичу было въ 1812 г. 17 лѣтъ, а Петру Семеновичу — 18.

**) Старшій братъ Андрея Семеновича.

***) Дочь Семена Алексѣевича, бывшая замужемъ за Шелапутинымъ.

****) Здѣсь орѳографія всѣхъ документовъ исправлена, и знаки препинанія, по возможности, разставлены гдѣ слѣдуетъ, но текстъ вездѣ оставленъ въ полной неприкосновенности.

нека, Спасскъ городъ". Все это мѣстности Пензенской и Тамбовской губерній, лежащія по пути изъ Саратова мимо Пензы къ Спасску. Слѣдуетъ думать, что это часть дороги, по которой отецъ возвращался домой впослѣдствіи.

2-е письмо Семена Алексѣевича Алексѣева къ отцу въ Астрахань. „Муромъ 17 октября 1812 г. Любезный другъ П. М., ваши два письма изъ Арзамаса отъ 4-го и изъ Саранска отъ 9-го числа сего мѣсяца получилъ... Для меня пріятно, что господинъ Поповъ васъ ласково принялъ и ко мнѣ пишетъ, что васъ полюбилъ и новымъ себѣ пріятелемъ нашелъ. А получили-ли вы обѣщанный имъ отъ городничаго для проѣзда видъ? Онъ мнѣ не писалъ, также и вы умолчали. Но въ отвѣтъ его благодарилъ, также и о слышанныхъ благопріятныхъ новостяхъ, какія имѣли, записки къ нему послалъ. — Мы объ отъѣздѣ вашемъ въ дальній путь, особенно по непривычкѣ твоей, много, а особливо моя жена и всѣ, ежечасно скорбимъ и желаемъ въ продолженіи столь дальнѣйшаго и обратнаго пути быть тебѣ здоровымъ и веселымъ, *хоша чувствительнымъ, но не плакать,* а во всемъ уповать на всещедраго Бога и Его промыслъ, отъ котораго зависитъ все наше благополучіе, но даже и самая жизнь. О себѣ васъ увѣдомляемъ, что мы, слава Богу, всѣ живы и здоровы и проживаемъ въ Муромѣ, въ домѣ Кирилы Ивановича Зворыкина, съ Андреемъ Семеновичемъ Зѣвакинымъ и хотимъ непремѣнно ѣхать въ Нижній, но получили вѣрное извѣстіе, что Москва отъ непріятеля освобождена 11-го числа сего мѣсяца. Почтамтъ изъ Нижняго возвращается, а полиція изъ Владиміра вышла, и видѣли ее подъ Москвою. Многіе изъ Владиміра, также и изъ Мурома поѣхали. Вчерашняго числа и мы Михайлу Михайлыча*) съ Никифоромъ для точнаго развѣдыванія перемѣнными послали въ Москву. По полученіи точнаго извѣщенія, буде будетъ возможно, то и мы немедля отправимся, а къ вамъ съ будущей почтой напишемъ, то и вы, сдѣлавши свое распоряженіе, можете къ намъ поспѣшить. А какія мы имѣли свѣдѣнія, то съ сею же почтою при письмѣ посланы къ г. Осипу Туманычу Аскарханову, отъ котораго вы можете получить. И пишите вы къ намъ въ Муромъ, на имя г. Кирилы Иванова Зворыкина съ передачею мнѣ. Андрей Семеновичъ Зѣвакинъ съ семействомъ здоровы и благополучны и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Впрочемъ остаюсь вамъ усердный доброжелатель Семенъ Алексѣевъ". Все письмо писано четкимъ и красивымъ почеркомъ Владиміра Семеновича и только подпись каракулями его отца.

3-е письмо Семена Алексѣевича изъ Мурома отъ 23 октября 1812 г. „Любезный другъ П. М. Ваше письмо изъ Пензы получилъ исправно... Слава Богу, мнѣ пріятно, что въ Арзамасѣ ты взялъ себѣ для проѣзда видъ. И въ Муромъ предписано Городничему давать свидѣтельства. Намъ пріятно, что ты въ городахъ находилъ себѣ знакомыхъ и пріятелей... Отъ Михайлы Михайл. изъ

*) Братъ моего отца.

Москвы ожидаемъ увѣдомленія. Я съ Владиміромъ ѣду въ Нижній побывать, а семейство все осталось въ Муромѣ у Кирилы Заварыкина. 18-го числа нашъ Июда (Іуда) изъ Москвы къ намъ пришелъ. Они вышли съ Яковомъ Саломатовымъ. Того видѣли на дорогѣ по Стромынкѣ, но къ намъ еще не пришелъ. Іуда шелъ болѣе двухъ недѣль. Сказываетъ, что родители наши Михайла Ивановичъ и Авдотья Петровна проживаютъ на Полянкѣ въ кладовой въ нашемъ домѣ; съ ними Козьма Яковлевъ съ семействомъ, старуха, Афимья съ дочерьми и Иванъ Копѣйкинъ, а оставшее имущество все разграблено, а въ пищи большой недостатокъ. Горѣлую пшеницу распариваютъ и ядятъ (ѣдятъ). Отъ г. Андрея Семенов. Быковскаго изъ Шуи отъ 14-го числа получилъ письмо. Слава Богу, они всѣ живы и здоровы, писали къ вамъ поклонъ. Здѣсь 19-го числа, по полученіи письма отъ графа Ростопчина къ Преосвященному, Московскимъ духовенствомъ отправляемъ былъ благодарственный молебенъ о освобожденіи Москвы, а 20-го ч. святыя чудотворныя иконы Владимірскія и Иверскія Богоматери съ крестнымъ ходомъ провожали въ Москву, и преосвященный Августинъ за ними поѣхалъ. А какіе мы до сего числа имѣли свѣдѣнія, при семъ приложены съ нихъ копіи. Постарайтесь вы сдѣлать обо всемъ свое распоряженіе, товары оставить въ безопасномъ мѣстѣ и препоручить кому заблагоразсудите въ распоряженіе. Каково живутъ Степанъ Крюковъ, Василій Козьминъ и Борисъ? О состояніи ихъ хорошенько развѣдайте и подтверди; а буде что узнаешь за кѣмъ непріятное, то отъ должности отрѣши и повѣрнѣе кого опредѣли. Буде имѣешь необходимость ѣхать въ Нахичевань и дорога не наскучила, поѣзжай съ Богомъ, а ежели не такъ нужно, то направляй путь въ Москву. Впрочемъ, пожелавъ тебѣ отъ всего сердца добраго здоровья и всякаго благополучія, остаюсь вашъ усердный доброжелатель навсегда Семенъ Алексѣевъ". И это письмо писано четкимъ почеркомъ Владиміра Семеновича и только подписано его отцемъ.

Отъ Андрея Семеновича Зѣвакина отцу изъ Мурома отъ 24 октября 1812 г.: „Любезнѣйшій другъ П. М., почтенное ваше письмо я имѣлъ удовольствіе читать, въ которомъ вы напоминаете, что васъ просили наши прихожане начертить въ вашемъ письмѣ къ намъ ихъ доброе расположеніе. Совѣтникъ господинъ (фамилія не разобрана) очень человѣкъ добрый и почтенный, но жаль, что я не имѣю случая зайти имъ отдать мою нижайшую благодарность. Впрочемъ, читая ваши въ каждомъ письмѣ присылаемые къ Семену Алексѣевичу намъ поклоны, чувствую и цѣню ваше о насъ вниманіе. Дай Богъ, чтобы вамъ благополучно достигнуть желаемаго предмета, къ которому вы стремитесь, а при томъ и мнѣ, ежели можно будетъ пользоваться (слово не разобрано) вамъ уже извѣстнаго полученія и (слово неразобрано) продажа. На случай увѣрьте Илью Семеныча, что онъ въ нынѣшнее время нескоро можетъ имѣть полученіе изъ Москвы нашихъ товаровъ, ибо торговцы, а равно и ювелиры, разсыпаны по лицу земли, да и мы едва ли что

успѣемъ, пріѣхавши на пеплѣ столичнаго града, скоро развестися какъ товаромъ, а равно и художествомъ, ибо все алчное пламя (племя?) Наполіона истребило. Столичный городъ Москва! *Онъ россійскій рай, и въ немъ земля обѣтованная*, въ которой мы пользовались всѣми благами! Она отъ Галловъ освобождена! Я надѣюсь, что вы имѣете свѣдѣніе, ибо печатныя афиши, которыя уже въ Москвѣ печатали, насъ утвердили въ истинѣ. Впрочемъ, злодѣя всюду поражаютъ, и есть Богъ, который силенъ поразить ихъ пастыря, и тогда разъидутся его овцы. Сего мы ожидаемъ, а въ Москву ѣхать опасаемся, дабы онъ не обратился и паки въ столицу, ибо онъ отовюду окруженъ нашими войсками. Мы послали господина Михайлу Михайловича Вишнякова въ Москву съ моимъ парнемъ Никифоромъ и отъ него надѣемся узнать подробно о положеніи нашей участи: думаю, что свѣдѣнія мы имѣть будемъ 26-го октября. Почтенный нашъ старецъ Семіонъ 23-го числа со Владим. Семенычемъ изъ Мурома отправился въ Нижній; мы его проводили и нѣсколько слезъ пролили. Дай Богъ ему благополучно доѣхать! Впрочемъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія и добраго здоровья имѣемъ честь пребыть къ услугамъ вашимъ Андрей съ супругой Анной и съ дѣтьми Зѣвакины.

Положеніе Москвы и паки насъ сражаетъ,
Что пламень Галловъ весь Кремль на воздухъ поднимаетъ.
Иванъ Великій цѣлъ и всѣ соборы тоже.
Благодаримъ мы за сіе Тебя, нашъ Боже!

Мы имѣемъ изъ Москвы вѣрнаго выходца: Іуда — вамъ извѣстный лакей Семена Алексѣевича, который насъ извѣстилъ о здравіи нашихъ родителей Михайла Иван. и Евдокеи Петровны. Они варварами ограблены и бѣдную проводятъ жизнь, питаются пареной пшеницей и то горѣлой, раздѣты и разуты почти до нага, живутъ въ (слово не разобрано) домѣ въ кладовой. Вотъ печальное свѣдѣніе вынуждаетъ насъ лить слезы! Еще извѣщаю васъ о положеніи вашего сидѣльца Якова: онъ шелъ изъ Москвы вмѣстѣ съ Іудою, также ограбленъ, раздѣтъ и разутъ. Они разстались съ ними въ звѣринцѣ, гдѣ ихъ настигли французскіе объѣзды. Іуда ушелъ, а Яковъ — онъ полагаетъ, — что въ руки къ нимъ попалъ, потому онъ и по сіе время къ намъ не приходилъ: они въ Москвѣ еще работали какъ волы, а любезный вашъ (слово не разобрано) преданъ кинжаламъ смерти за то, что не удалося запрятаться“.

Почеркъ Андрея Семеновича старинный и очень неразборчивый. Нѣтъ сомнѣнія, что нескладныя вирши принадлежатъ тому же автору. Правописаніе невозможное даже для того времени: напр. вмѣсто „по лицу“ онъ пишетъ „политцу“, вмѣсто „нѣсколько“ — „нескалка“ и т. п. Тѣмъ не менѣе это витіеватое письмо имѣетъ интересъ, какъ единственный уцѣлѣвшій документъ отъ супруга моей тетки Анны Михайловны и отца приснопамятнаго моего кузена Ивана Андреевича. Кто знавалъ послѣдняго, тотъ нашелъ бы большое духовное сродство у сына съ отцемъ.

Зѣвакинъ называетъ Семена Алексѣевича Алексѣева „почтеннымъ старцемъ“ не безъ основанія: ему было въ 1812 году около 62 лѣтъ, тогда какъ самому Зѣвакину былъ только 41 годъ. „Звѣринецъ“, около котораго разстались Іуда и Саломатовъ, конечно, не что иное, какъ Измайловскій.

4-е письмо отъ Алексѣевыхъ отцу изъ Мурома отъ 31 октября 1812 г. На сей разъ пишетъ старшій сынъ Петръ Семеновичъ: „Милостивый Государь мой дядюшка, П. М., желаю я вамъ добраго здравія и всякаго благополучія и въ дѣлахъ вашихъ хорошаго успѣха, и съ великимъ удовольствіемъ желаемъ слышать о благополучномъ вашемъ пріѣздѣ въ Астрахань. По возвращеніи въ Москву мы съ великимъ удовольствіемъ получили отъ васъ письмо изъ Саратова, которое и послали въ Нижній къ батюшкѣ. Покорно благодарю за полученіе денегъ по векселю отъ г. Дьяконова 300 руб., и я увѣренъ, что вы мой вексель оставили у г. Шувалова для полученія остальныхъ; а что вы изволили писать, что вы отъ насъ не получали письма въ Саратовѣ, то мы послали къ вамъ на другой день вашего отъѣзда изъ Мурома и думали что вы уже давно получили. Маменька проситъ васъ посмотрѣть сундуки не мокры ли и поставить въ сухое мѣсто на перекладины, ибо мы слышали у одного купца сгнило платье въ сундукахъ*). Михайло Михайловичъ ѣздилъ въ Москву. Маменька крестная и дѣдушка, слава Богу, здоровы и претерпѣли много страданія и побоевъ, и всѣ почти до нага ограблены и живутъ въ кухнѣ въ Жигаревскомъ домѣ. Однакожъ Михаилъ Михайловичъ, маменька и Анна Михайловна послали для нихъ нужное отсюдова. Степанъ Михайловичъ живетъ съ ними и больно раненъ въ бокъ штыкомъ и въ руку. Яковъ Саломатовъ тожь ограбленъ донага и зарывалъ было часть денегъ и своего товару, но *свои вырыли* и въ амбарѣ что оставалось все чисто выметено. Козьма Яковлевъ живетъ у своего тестя.... (многоточіе въ подлинникѣ). И у всѣхъ нашихъ родныхъ всѣ дома погорѣли, и народу въ Москву съѣзжается много. И Андрей Семеновичъ съ сестрицею пріѣхали и отдѣлываетъ насъ гдѣ была контора, Ѳедоръ Пантелѣевъ Брюшковъ и прочіе съ семействомъ, и мы ожидаемъ батюшку изъ Нижняго, то и мы поѣдемъ въ Москву. Провизія въ Москвѣ недорога: мука 130 коп., овесъ 110, сѣно 80 коп., говядина 11 коп. Здѣсь новостей никакихъ не слышно. А Винценгероде, разбойникъ, измѣнилъ! Илья Четвериковъ здѣсь открылъ лавку и торгуетъ. Маменька и сестрица, и дядюшка Андрей Семеновичъ (Зѣвакинъ) и тетушка Анна Михайловна и ихъ дѣти, слава Богу, здоровы и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Впрочемъ, честь имѣю пребыть съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь, покорный слуга и племянникъ Петръ Алексѣевъ. Сейчасъ получено извѣстіе, что Витгенштейнъ разбилъ Макдональда въ прахъ“.

*) Значитъ, Алексѣевы отослали часть своего добра въ Астрахань?!.

Изъ содержанія письма можно видѣть, что Петръ Семеновичъ успѣлъ самъ съѣздить въ Москву и вернуться въ Муромъ ждать отца изъ Нижняго.

Затѣмъ слѣдуетъ копія съ какой-то проповѣди по поводу занятія Москвы французами. Почеркъ Петра Семеновича похожъ отчасти на почеркъ моего отца; онъ гораздо менѣе красивъ и отчетливъ, нежели почеркъ Владиміра Семеновича. И правописаніе слабѣе.

Въ нѣсколькихъ письмахъ уже упоминалось о рекогносцировкѣ въ Москву, на которую былъ посланъ изъ Мурома „господинъ Михайло Михайловичъ Вишняковъ", какъ выразился Зѣвакинъ. Когда онъ возвратился, то съ его словъ была составлена реляція о положеніи дѣлъ въ Москвѣ. Она писана Петромъ Семеновичемъ, очевидно, для отсылки отцу. Вотъ она сполна:

„Въ Москву ѣздили изъ Мурома многіе и возвратились, въ томъ числѣ Михайла Михайлычъ. Сказываютъ слѣдующее: французы было хотѣли съ Наполеономъ зимовать, но поляки пришли и стали просить у него хлѣба; онъ сказалъ: „я далъ вамъ грабить Москву на 18 дней, и этого для васъ довольно", но они просили, чтобъ хоша въ его французскіе полки ихъ помѣстилъ. Онъ отвѣчалъ: „когда вы своему императору измѣнили, то мнѣ и поготову быть вѣрными не можете". Сдѣлался большой бунтъ. Они бы давно ружья положили, но боятся русскихъ: они (де) насъ переколятъ. И Наполеонъ принужденъ былъ изъ Москвы выйти. Осталось въ Москвѣ множество больныхъ, раненыхъ и здоровыхъ разныхъ націй и не хотѣли съ нимъ итти; ихъ находили въ Воспитательномъ Домѣ и на почтовомъ дворѣ; множество въ печахъ и трубахъ спрятались; даже одѣвались по-русскому, чтобъ ихъ не узнали. Однакоже ихъ казаки всѣхъ перекололи, и тѣмъ кончилось. Въ Москву полиція вступила, а казаки пошли вонъ. Оберъ-Полицмейстеръ Ивашкинъ и Брокеръ (?) ходятъ по улицамъ и плачутъ. Въ Кремлѣ дворецъ и Грановитая Палата внутри выжжены; старый Арсеналъ по угламъ, Взводная башня и часть Кремлевской стѣны подорваны; Иванъ Великій также, гдѣ висѣли колокола, подорванъ: остался только одинъ столбъ. Кромѣ этого все цѣло и невредимо И въ Соборахъ также цѣло. Опишу вамъ чудотвореніе на Спасской башнѣ: чудотворный Спаситель не только не далъ ризу снять, но и стекло въ рамѣ цѣло, и фонарь виситъ; сказываютъ, сколько разъ французы покушались снять, но все было тщетно. Также и Никольская башня: гдѣ образъ чудотворца Николая, та сторона цѣла, а прочее все подорвано. Въ Кремлѣ, сказываютъ, нашли до 70 боченковъ съ порохомъ въ разныхъ мѣстахъ, но когда фитили догорали, вдругъ тучи и сильный дождикъ погасилъ все и спасъ соборы и весь почти Кремль; взорвало только 47 фитилей, а 96 фитилей погасли. Въ Кремлѣ у разбойника француза былъ театръ. Въ Кремль не пускаютъ никого до пріѣзда Преосвященнаго Августина. Всѣ Присутственныя мѣста, Воспитательный домъ, Банковая Контора и Почтовый дворъ цѣлы. Шапошный рядъ на

Старой площади до Воскресенскихъ воротъ все упало и развалилось отъ взорванія. Во всей почти Москвѣ не осталось ни одной рамы и стекла; даже стѣны падали, и слышно было за 130 верстъ отъ Москвы. Спаситель спасъ наши лавки башмачныя: онѣ стоятъ цѣлы. Гостинный дворъ сгорѣлъ и стоитъ только, гдѣ торговалъ Шелапутинъ, а Жарнова развалился; Серебряный рядъ по мѣстамъ развалился, а также и прочіе, а внизу, гдѣ былъ Москательный рядъ, все отъ него изуродовано и нельзя подойти: все валится. Въ Суровскомъ ряду въ погребахъ, гдѣ была Ивана Семенова Жавова (Живаго?) китайка и прочее, находятъ челки. Градскаго Голову, бывшаго при французѣ Находкина, Коноева (?) и прочихъ ихъ сообщниковъ увезли въ Петербургъ на расправу, а разбойники Рожковъ, Коншинъ и многіе ушли съ французомъ. Грабежа въ Москвѣ уже нѣтъ, а захвачено много нашего народа и сидятъ въ ямѣ за воровство и прочее до тысячи человѣкъ. Съ Кузнечкаго (Кузнецкаго) моста, всѣ французы было ушли съ Наполеономъ разбойникомъ, однакожь ихъ съ зада отрѣзали и взяли въ плѣнъ. Жиды, прибывшіе съ французами въ Москву, покупали у нихъ разные грабленые товары на червонцы и серебро, и опять съ ними уѣхали. Въ Москвѣ домовъ по счету осталось до 4000 и, слышно, требуютъ рапорты, сколько у кого сгорѣло изъ домовъ и лавокъ. Наполеонъ далъ Градскому Головѣ 100000 руб. ассигнаціями на покупку хлѣба для него; онъ и поѣхалъ по деревнямъ, но мужики узнали, что онъ хлѣбъ скупаетъ для француза, убили его до смерти.*) Вотъ нынче до чего народъ дошелъ, что взялъ съ Наполеона 1500 руб. за снятіе креста съ Ивана Великаго и Ѣздока съ Сената, однакожь все у него отбито".

Разсказ этотъ о Московскомъ погромѣ даетъ весьма выпуклую картину погорѣвшей и разоренной столицы и имѣетъ интересъ историческаго документа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даетъ возможность прослѣдить, какъ быстро около крупнаго историческаго событія начинаетъ сплетаться цѣлый циклъ легендъ.

За этимъ слѣдуетъ въ хронологическомъ порядкѣ описаніе сраженія подъ Малоярославцемъ, происходившаго 12 октября 1812 г.; но списано, очевидно, съ напечатанной реляціи генерала Дохтурова рукою Владиміра Семеновича.

5-ое письмо отъ Алексѣевыхъ къ моему отцу. Семенъ Алексѣевичъ П. М. В—ву, въ Астрахань изъ Нижняго-Новгорода, ноября 1812 г., „Ваше письмо отъ 17-го октября изъ Саратова олучилъ...**), *а плачете вы по своей привычкѣ по пустому*, а должно росить Бога о своемъ здоровьѣ. Я получилъ письмо отъ г. Аскаранова о прибытіи благополучно отправленнаго нашего товара, акже и отъ Крюкова и Яковлева письмо и расходный счетъ...

*) Раньше было сказано, что Городского Голову увезли въ Петербургъ „на асправу".

**) Многоточіями отмѣчены такія мѣста письма, которыя выпущены по отсутвію въ нихъ какого-либо общаго интереса, содержащія напр. хозяйственныя аспоряженія, перечисленіе товара и т. п.

Михайла Мих. пріѣхалъ изъ Москвы по обозрѣніи ея. Слава Богу, родители наши Михаилъ Ивановичъ и Авдотья Петровна живы и здоровы, при нихъ Степанъ Мих. и Яковъ Саломатовъ, живутъ въ домѣ Алексѣевскомъ въ нижней кухнѣ, но только всѣ ограблены. Дома наши Алексѣевскій, Якиманскій и Фе сгорѣли и всѣ ограблены безъ изъятія; только въ домѣ Фе остался цѣлъ флигель; нижній амбаръ въ Гостинномъ дворѣ весь ограбленъ. Словомъ сказать, что въ Москвѣ оставалось нашего, все сожжено и разграблено. — Андрей Семен. съ Елизаветой Семен. (Быковскіе) были 19-го числа прошлаго мѣсяца въ Москвѣ. Цѣна провизіи въ Москвѣ: хлѣбъ печеный 4 коп., говядина 12 коп. за фунтъ, овесъ 10 руб. за куль. Теперь изъ всѣхъ мѣстъ съѣзжаются въ Москву. И мы ожидаемъ ежедневно повелѣнія (?) тожь ѣхать... Въ Петербургѣ, по полученіи извѣстія объ освобожденіи Москвы, на нѣмецкіе товары цѣны стали возвышаться: на сахаръ прибыло 10 руб. на пудъ... Почта изъ Москвы учреждена... А чтобы мы тебя забыли, въ томъ ты ошибаешься. Мы ежечасно тебя въ памяти имѣемъ и ожидаемъ личнаго съ тобой свиданія. Надѣюсь, вы по исправленіи своихъ дѣлъ, незамедля, отправитесь въ Москву, а я къ вамъ болѣе писать не буду. Впрочемъ остаюсь навсегда вашъ усердный доброжелатель Семенъ Алексѣевъ. — Семейство мое и Андрей Семен. Звѣвакинъ проживаетъ въ Муромѣ... Слѣдуютъ поклоны покупателямъ въ Астарахани: Туману Ив. Давидову, Калантарову, Абесаломову, Агало Захар. Лазареву, Мелектаяновымъ и др. — „А по Троицкой дорогѣ не далѣе 20 верстъ (отъ Москвы) были только фуражиры".

Все письмо писано рукою Владиміра Семенов. и только подписано его отцомъ.

6-ое письмо. Изъ Мурома отъ 7 ноября 1812 г., отъ Петра Семенов. Алексѣева моему отцу. „М. Г. мой дядюшка П. М., ... маменька и сестрица, Елена Семеновна, слава Богу, здоровы и свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе... Отъ васъ съ нетерпѣніемъ ожидаемъ письма изъ Астрахани... И мы батюшку со дня на день ожидаемъ сюда, дабы ѣхать въ Москву. Здѣсь многіе получили эстафеты изъ разныхъ мѣстъ, что Наполеонъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, а Неаполитанскому Королю ноги оторвало и умеръ. Бертье взятъ въ плѣнъ, Сенъ-Сиръ убитъ, Макдональдъ и Массена отданы у него подъ судъ. Главная наша квартира въ Смоленскѣ, а онъ впереди, а впереди его — Чичаговъ 82 тысячи, Витгенштейнъ 30 тысячъ, коему дали чинъ генерала отъ кавалеріи, а его войску по 5 руб. на человѣка за освобожденіе Полоцка и разбитіе генерала Сенъ-Сира, Эртель — 30 (тысячъ), который дѣлаетъ удивительныя дѣла, и еще есть 22 тысячи, но не упомню, а у француза осталось только его гвардія и 30 тыс., а то всѣ погибли и погибнутъ (одно слово неразобрано). Изъ Москвы пріѣхали многіе и разсказываютъ что народу съѣзжается очень много; всѣ присутственныя мѣста пріѣзжаютъ и начинается торгъ сахаромъ и чаемъ... Отсюда почти всѣ уѣхали. Извините, что писалъ нехорошо по причинѣ моей

болѣзни... Почтеніе знакомымъ, а также и Крюкову... Извините, я бы былъ много что писать (sic) хорошо ли и худо ли, но голова разстроена и самъ нездоровъ. Пріѣзжайте поскорѣе въ Москву: тамъ сами узнаете. Вчера получилъ изъ арміи Андрей Семенычъ Кологривовъ, генералъ отъ кавалеріи, и Бестужевъ-Рюминъ, генералъ-маіоръ, формирующіе здѣсь кавалерію — 30000 человѣкъ, что француза въ прахъ разбили, безсчетное множество бьютъ. Они бѣгутъ и оставляютъ ружья. Генералъ Чичаговъ послалъ занять Фаршаву (Варшаву), а она занята, и беретъ большую контрибуцію съ фаршавскаго (варшавскаго) герцогства. Король Неаполитанскій попался въ плѣнъ. Здѣсь нынѣшній день торжество, и былъ молебенъ, и оное было читано въ соборѣ, и былъ большой съѣздъ Генералитета и прочихъ особъ. По симъ извѣстіямъ французъ обошелъ Смоленскъ и идетъ къ Витебску. Я бы могъ вамъ доставить реляцію, но не успѣлъ, и также плакламацію (прокламацію) втораго Суворова — князя Свѣтлѣйшаго. Ежели вы прочтете, то заплачете и засмѣетесь (!!) и будете имѣть въ умѣ, что французъ пропалъ." Подпись Петра Семеновича какъ въ его письмѣ отъ 31-го окт. (письмо 4-е).

Письмо отъ Якова Саломатова къ моему отцу изъ Москвы отъ 8 ноября 1812 г.*) „Милостивой Государь Петръ Михаиловичь желаю я вамъ преблагополучныхъ успехахъ вашихъ много летъ здраствовать и имею честь проздравить васъ съ саменинникомъ вашева бачуки Михаили Ивановиче**). Известно вамъ Государь мои Петръ Михаиловичь что неприятель наругалься натъ святынюи Господнюи жохъ и грабилъ церкви впротчихъ церквахъ стояли лошади привязаны были кмеснымъ образамъ а мелкыми образами потътапливалъ мы теперь все вообще ограблены какъ вашъ бачука и матушка и братецъ Степанъ Михаиловичь осталисъ только почти вооднои рубашки дамы Семена Алексеевиче згарели оба анаекиманки Кладавае не згарела но только разграблена французами только осталисъ одни сундуки пустыя и то все изломаны а мои товаръ былъ прибранъ кместу то атагня скрытъ немогъ а после пожару черезавсе двары стали у насъ премыя улицы то згаревшаи товаръ нашли иразграбили абольши разграбилъ месили тутъже былъ и Капекинъ исплатье было кинута вкалодецъ то все повытаскали теперь осталисъ непричомъ только уповаемъ навсевышнева Творца онъ помошникъ и заступникъ нашъ мы живемъ вдоме Жигаревомъ вподвалахъ все нажидаемъ отъвасъ приятнава писма снетерпеливостию Андрей Семеновичь и Иванъ Семеновичь Быковския приехали вМоскву совсемъ семеиствомъ теперь купечиства оченъ много наехало вМоскву истроютъ лавки кругомъ Лобнава места и по площади деревянныя у насъ слуховъ обнеприятели никакихъ нетъ

*) Письмо это — единственное изъ всей печатаемой корреспонденціи 1812 г. — принадлежало моей матери и отъ нея перешло ко мнѣ. Въ видѣ исключенія, я его привожу съ соблюденіемъ правописанія подлинника.
**) Именины дѣда были какъ разъ 8-го ноября.

болие писать непредвижу остаюсь вашъ всепокорнеишіи слуга естѣмъ иприбуду навсегда спочтениемъ Яковъ Саломатовъ бачука вашъ Михаила Ивановичь и матушка авдотье Петровна и братецъ Степанъ Михаиловичь слава Богу живы и здоровы и желають вамъ добраго здоровье и всякава благополучия исвидетельствують вамъ свое почтение страсти и ужасти было довольно всемъ ежеминутна ожидали смерти однако Богъ сохранилъ только ограблены Я: С:

7-е письмо. Изъ Нижняго Новгорода отъ 20 ноября 1812 г. отъ Семена Алексѣевича Алексѣева г. П. М. Вишнякову въ Астрахань. „Любезный другъ П. М., письмо ваше изъ Царицына получилъ... Андрей Семен. Быковскій 5-го ч. сего мѣсяца съ семействомъ пріѣхали въ Москву, а г-нъ Зѣвакинъ 12-го числа изъ Мурома въ Москву со семействомъ поѣхалъ, а мое семейство: Вѣра Михайловна, Петръ Семенычъ и Елена Семеновна съ Михайлою Михайлычемъ въ Муромѣ въ домѣ Кирилы Заварыкина; а я съ Владиміромъ въ Нижнемъ, квартирую съ Петромъ Пищальниковымъ. И мы ожидаемъ повелѣнія (отъ кого же?) о выѣздѣ въ Москву ежедневно. Многія присутственныя мѣста, также купцы и дворяне поѣхали. Какія мы получили печатныя свѣдѣнія и манифестъ изъ Петербурга, съ сею почтою послалъ въ пакетѣ къ г. Аскарханову". Писалъ, по обыкновенію, все письмо Владиміръ Семеновичъ за исключеніемъ подписи его отца.

Послѣднее письмо изъ Москвы отъ 6 декабря 1812 г. отъ Козьмы Яковлева г. П. М. В—ву въ Астрахани. „Милостивый мой Государь П. М. господинъ Вишняковъ, пріятное ваше письмо отъ 13-го числа ноября мѣсяца я любезнѣйше въ горести моей получилъ.... Домишко мой сожженъ и все имѣніе разграблено. Теперь остался я съ моимъ семействомъ въ крайней бѣдности, а при врагахъ французскихъ ожидалъ всякую минуту угрожаемую себѣ смерть".... „отъ страху и сердечной печали и теперь не могу придти совершенно въ себя".... „благодарю Васъ, М. Г., за хорошую рекомендацію моего сына Василія".... „Всепокорнѣйшій слуга Козьма Яковлевъ".

G. Изъ дѣлъ Московскаго Градскаго Общества: 1) Дѣло Ивана Ивановича Борисовскаго и 2) Дѣло Андрея Семеновича Зѣвакина съ Московской Оружейной Палатой.

(Заимствовано изъ Матер. д. Истор. Московс. Купечества, изд. Найденовымъ, Томъ 2-ой, М. 1892.)

Съ именемъ Андрея Семеновича Зѣвакина соединено мелкое, но очень характерное дѣло, давшее поводъ въ длинной перепискѣ между *Московской Оружейной Палатой* и *Московскимъ Градскимъ Обществомъ*. Казна, во главѣ съ Главноуправляющимъ надъ Кремлевскою экспедиціей княземъ Юсуповымъ, предъявила къ Градскому Обществу требованіе, лишенное всякаго законнаго основанія, и притомъ съ необыкновенной настойчивостью, опираясь на соображенія кляузныя и отчасти даже фактически невѣрныя. И тѣмъ не менѣе Градскому Обществу пришлось долго отписываться, отстаивая одного изъ представителей купеческаго сословія, покамѣстъ наконецъ Оружейная Палата принуждена была угомониться. Какъ не легко досталась побѣда, можно заключить изъ того, что на Градское Общество оказывалъ давленіе не только вліятельный вельможа во главѣ дворцоваго вѣдомства, но и Губернское Правленіе. Такъ какъ это дѣло близко касалось одного изъ нашихъ близкихъ родныхъ, я изложу его подробно. Но прежде всего необходимо войти въ нѣкоторыя бытовыя подробности.

На Градскомъ Обществѣ давно лежала обязанность выбирать изъ своей среды лицъ для присутствованія въ казенныхъ учрежденіяхъ: въ Магистратѣ, Гражданской Палатѣ, Банковой Конторѣ и т. д. Учрежденія эти, чисто бюрократическаго характера, управляемые чиновниками, отъ которыхъ все зависѣло, въ сущности вовсе не могли нуждаться въ какомъ бы то ни было содѣйствіи со стороны выборныхъ лицъ отъ Общества, но таково было требованіе закона, и его надо было исполнять. Законодатель, конечно, руководился наилучшими намѣреніями, вводя въ бюрократическій строй выборныхъ лицъ, разсчитывая, что они послужатъ для общественнаго контроля, но при этомъ онъ совершенно не позаботился о томъ, чтобы имъ гарантировать независимое и сообразное съ ихъ достоинствомъ положеніе, дабы они могли предаться дѣлу безъ всякихъ заднихъ мыслей и безъ страха передъ всемогущимъ чиновничествомъ. А этого-то и не было сдѣлано. Чиновники являлись полными хозяевами дѣла, никакихъ возраженій, конечно, не терпѣли и имѣли въ рукахъ всевозможныя средства, чтобы насолить почему-либо несговорчивому и непріятному коллегѣ. Поэтому представители Общества, избираемые на службу, сразу становились въ фальшивое и непріятное положеніе, сознавая съ одной стороны, что они для дѣла люди совершенно лишніе, а съ другой, что на нихъ возложена отвѣтственность несоотвѣтствующія ихъ положенію въ данномъ учрежденіи и тяжесть которой находится въ полной зависимости отъ произвола чиновниковъ, людей имъ чуждыхъ и часто враждебныхъ. Чиновники съ своей стороны, со свойственной имъ проницательностью, очень хорошо понимали тягостное положеніе выборныхъ людей и искусно имъ пользовались для своихъ личныхъ цѣлей. Нисколько не помышляя о томъ, чтобы облегчить выборнымъ людямъ ихъ задачу и смѣясь втихомолку надъ безполезностью ихъ вмѣшательства въ управленіе при данномъ положеніи дѣлъ, чиновники однако стояли горой за привлеченіе ихъ въ свою среду и при случаѣ очень красноречиво могли трактовать о проистекающей оттого государственной пользѣ. Сводилось все дѣло къ тому, что выборное купечество становилось дойной коровой для чиновниковъ. Смотря по мѣсту и отвѣтственности, купечество облагали данью, взамѣнъ которой гарантировали ему, что его ни по какому дѣлу не подведутъ подъ судъ. А судъ было страшное слово! Съ ними для самаго честнаго

и состоятельнаго купца соединялись перспективы, полныя угрожающей неизвѣстности. Въ обществѣ ходили разсказы о вопіющихъ дѣлахъ, когда люди теряли положеніе и имущество изъ-за самыхъ пустыхъ поводовъ, лишь вслѣдствіе вражды вліятельной бюрократіи. Вотъ почему служба ирп казенномъ учрежденіи представлялась купечеству настоящей карой небесной, во избѣжаніе которой надо было дѣлать все дозволенное и недозволенное, кланяться и просить, давать взятки, сказываться больнымъ, и жадно стремиться за должностями, избавлявшими отъ такой службы (напр. церковнаго старосты.) Всѣ уловки считались допустимыми, только чтобъ уйти отъ всякаго соприкосновенія съ казенной службой, сулившей однѣ непріятности человѣку, желавшему остаться чистымъ и цѣлымъ. Но когда зло было неотвратимо, тогда шли, скрѣпя сердце и молясь Заступницѣ Усердной, съ печалью и воздыханіемъ... „Авось Богъ помилуетъ! Не мы первые, не мы послѣдніе! Вѣдь и до меня служивали же, авось и я прослужу: не съѣдятъ!“ — Но едва ли когда выискивался охотникъ до такой службы, который не сдѣлалъ бы все съ своей стороны зависящее, чтобъ ее избѣжать. Хорошей иллюстраціей этому положенію является дѣло Ивана Ивановича Борисовскаго (1819 года), съ семействомъ котораго мы впослѣдствіи были въ свойствѣ. Оно показываетъ, къ какимъ мѣрамъ способны были прибѣгать люди, чтобъ только избавиться отъ общественной должности при наличности существовавшихъ условій.

Въ приходѣ Троицы-на-Грязяхъ церковнымъ старостой съ 1809 г. состоялъ купецъ Клаповскій. Клаповскаго въ 1818 г. выбрали на четвертое трехлѣтіе, а ему оставалось дослужить только два года до 12 лѣтъ. Такое продолжительное служеніе должно бы доказывать, кажется, что въ приходѣ Клаповскимъ были довольны. Въ это время прихожанина церкви Троицы-на-Грязяхъ, Ивана Ивановича Борисовскаго постигло большое несчастіе: 28 января 1819 года онъ былъ избранъ Купеческимъ Обществомъ въ бургомистры въ 4-й Департаментъ Московскаго Магистрата. Что дѣлать? Въ то время существовалъ еще законъ, по которому церковныхъ старостъ запрещено было выбирать въ общественныя должности. Не думая долго, Иванъ Ивановичъ билъ челомъ мѣстному причту, чтобъ выручили его изъ бѣды и выбрали въ церковные старосты. Но какъ быть? *Клаповскаго только недавно выбрали*, и притомъ онъ старый прихожанинъ, дослуживать ему еще два года. Должно быть однако аргументы Ивана Ивановича были внушительны, потому что причтъ рѣшился на вопіющее дѣло: не имѣя отставки прежняго старосты, устроилъ выборъ на его мѣсто новаго. На слѣдующій же послѣ выборовъ въ магистратъ день, а именно 29-го января, причтъ подалъ архіепископу Августину прошеніе, въ коемъ просилъ устранить отъ должности Клаповскаго, который будто бы по причинѣ торга „нерѣдко не успѣваетъ къ должности старосты“, и заявлялъ, что на его мѣсто избранъ уже другой староста въ лицѣ Борисовскаго. При этомъ причтъ не стѣснился помѣтить свое ходатайство заднимъ числомъ, а именно 22-го января. Конечно, прежде всего

былъ страшно обиженъ и возмущенъ Клаповскій, который вездѣ жаловался, что выборы были совершенно незаконные и подстроены церковнымъ причтомъ. Купечество стало на его сторону и ходатайствовало о томъ, чтобъ Борисовскому не было дозволено уклоняться отъ общественной службы. При этомъ документѣ очень характерно замѣчаніе: „при московскихъ церквахъ находятся старостами большею частью изъ первѣйшихъ и почетнѣйшихъ московскихъ гражданъ *не по усердію своему къ пользѣ церкви, а для уклоненія себя отъ общественныхъ выборовъ и службъ*“. Губернаторъ согласился съ доводами Градскаго Общества и просилъ архіепископа не утверждать выборовъ, но духовное начальство взглянуло на дѣло другими глазами и отказалось уволить Борисовскаго отъ званія старосты... Любопытно было бы знать, во что обошлась вся эта исторія Борисовскому.

Въ томъ же духѣ и другая исторія.

Въ 1801 году, передъ коронаціей Александра I, потребовалось въ Московской Оружейной Палатѣ произвести ревизію находившихся тамъ драгоцѣнныхъ предметовъ. Администрація Палаты обратилась къ Московскому Городскому Обществу съ требованіемъ прислать 8 купцовъ, знающихъ каменья и драгоцѣнные металлы. Это было исполнено; въ числѣ назначенныхъ для провѣрки купцовъ находился и Андрей Семеновичъ Зѣвакинъ, какъ торговецъ соотвѣтствующимъ товаромъ. Андрей Семеновичъ оказалъ знаніе дѣла. Такъ въ описи государственныхъ вещей значилась сабля съ бѣлыми яхонтами, а онъ указалъ, что между яхонтами много стразовъ, съ чѣмъ согласились и другіе цѣновщики. Такимъ образомъ, Зѣвакинымъ остались довольны. Послѣ коронаціи Палата „возвратила цѣновщиковъ въ Общество“ (точно какую-нибудь вещь!). Получилъ увольненіе и Зѣвакинъ.

Въ 1810 году въ Оружейной Палатѣ затѣяли устроить постоянную коммиссію изъ четырехъ купцовъ Серебрянаго ряда для осмотра и оцѣнки цѣнныхъ вещей. Опять обратились въ Градское Общество, которое и командировало требуемыхъ четырехъ лицъ. Въ 1822 г. одинъ изъ оцѣнщиковъ, купецъ Наумовъ, перешелъ въ мѣщанство, и Палата обращается въ Купеческое Общество съ требованіемъ на мѣсто Наумова, который съ переходомъ въ мѣщанство, по мнѣнію Палаты, не можетъ болѣе занимать должность предоставленную купцу, назначить Андрея Семеновича Зѣвакина, извѣстнаго Палатѣ съ 1801 г. „знаніемъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ и *хорошимъ поведеніемъ*“. Эта кондуитная отмѣтка по адресу посторонняго, совершенно независимаго лица, очень характерна. Сообщеніе имѣетъ совершенно тонъ предписанія: Палата, правда, „проситъ“ назначить Зѣвакина, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы нисколько не сомнѣваясь въ своемъ правѣ брать то или другое нужное ей лицо, пишетъ: „прислать Зѣвакина въ Палату въ непродолжительномъ времени“. Что Зѣвакинъ пользовался, въ самомъ дѣлѣ, въ то время репутаціей хорошаго ювелира, доказываетъ то, что въ 1817 г., по случаю прибытія въ Москву Государя,

Купечество поручило для подношенія хлѣба-соли, сдѣлать четыре серебрянныхъ вызолоченныхъ блюда Андрею Семеновичу Зѣвакину и Павлу Ѳедоровичу Сазикову.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самъ Андрей Семеновичъ крѣпко не желалъ назначенія своего въ Оружейную Палату. Если чиновники вспоминали съ чувствомъ о его *хорошемъ поведеніи*, то у него воспоминанія о должности цѣновщика въ 1801 г. были другого свойства и не заставляли его желать продолженія своей дѣятельности въ этомъ направленіи. И Градское Общество грудью стало за него, такъ какъ требованіе Палаты по существу было совершенно беззаконно: она могла себѣ требовать цѣновщика, но не непремѣнно того, какого хочетъ, а того, кого назначитъ ей Градское Общество.

И вотъ начинается переписка. Градское Общество отвѣчаетъ, что Наумовъ находился въ числѣ оцѣнщиковъ съ 1810 г., исправлялъ свою должность усердно и, хотя въ 1818 г. и перечислился въ мѣщане, но Оружейная Палата до послѣдняго времени не обращала вниманіе на это обстоятельство, ей хорошо извѣстное. На этомъ основаніи общество не можетъ согласиться на устраненіе Наумова и назначеніе Зѣвакина, который, состоя первымъ кандидатомъ въ засѣдатели учрежденнаго въ Москвѣ по Высочайшему повелѣнію временнаго суда, не можетъ быть избираемъ ни на какую другую службу.

На это Палата отвѣтила, что о выбытіи Наумова изъ купечества не было доставлено своевременно никакихъ свѣдѣній въ Палату; такъ какъ однако оно состоялось, *то на основаніи указа 1701 г.*, Оружейная Палата отстранила Наумова отъ должности, при которой непремѣнно должны состоять сами бургомистры и Серебрянаго ряда купецкіе люди. „А Серебрянаго ряда купецъ Зѣвакинъ не находится еще на дѣйствительной службѣ, а числится только кандидатомъ“. Такъ какъ кандидатовъ полагается нѣсколько, то Палата настаиваетъ на его назначеніи и присылкѣ.

Городское Общество не согласилось съ этими доводами. По закону, говоритъ оно, въ засѣдатели Губернскаго магистрата и Совѣстнаго суда выбираются купцы и мѣщане, а также въ засѣдатели на судѣ, и кромѣ того начальствующимъ въ губерніяхъ предписано не домогаться по своему желанію избранія однихъ лицъ и удаленія другихъ отъ должностей. На этомъ основаніи Градское Общество не можетъ согласиться на удаленіе мѣщанина Наумова.

Тогда Оружейная Палата въ 3-й разъ потребовала, чтобъ ей прислали Зѣвакина „для осмотра и оцѣнки государевыхъ вещей“. Аргументы ея прямо разсчитаны на устрашеніе. Она указываетъ, что мѣста въ магистратѣ, въ судахъ не могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ мѣстами въ палатахъ, принадлежащихъ ко двору Его Императорскаго Величества. Что Наумовъ, состоя уже въ мѣщанствѣ, исправлялъ прежнюю должность, это обстоятельство не можетъ быть на отвѣтственности Палаты, такъ какъ она не получила своевременнаго увѣдомленія о переходѣ Наумова въ мѣщанство. Палата прямо грозитъ, если ей не пришлютъ Зѣвакина, донести обо всемъ высшему правительству.

Въ своемъ отвѣтѣ не безъ ироніи Градское Общество заявляетъ о своемъ недоумѣніи. „Зѣвакинъ находился (т. е. въ 1801 г.) въ Палатѣ для другого предмета и то краткое время, чему донынѣ прошло болѣе 20 лѣтъ, и онъ не оставилъ такихъ знаковъ, по коимъ можно было бы объ немъ самомъ и способностяхъ его чрезъ столь не мало прошедшее время помнить. Всѣ чиновники, составлявшіе въ 1801 г. Оружейную Палату, выбыли, а нынѣ находятся тамъ другіе, то Палатѣ со стороны службы невозможно знать Зѣвакина и достоинство его и особливо поведенія“. Но такъ какъ Оружейная Палата полагаетъ, что „мѣщанину неприлично быть въ наказѣ при свидѣтельствѣ вещей“, то купеческое общество, „желая удовлетворить одну справедливую и законную надобность и тѣмъ прекратить переписку“ избрало купца Хомутинникова.

Оружейная Палата не удовлетворилась этой комбинаціей и обратилась съ жалобой на Градское Общество въ Московское Губернское правленіе. И вотъ на Градское Общество ведется новая атака съ перемѣной фронта. Московское Губернское правленіе *предписало* Градскому Обществу присоединить къ четыремъ купцамъ, уже находящимся при свидѣтельствѣ вещей, еще двоихъ серебрянаго ряда купцовъ, имѣющихъ свѣдѣнія въ каменьяхъ, жемчугѣ, золотѣ и серебрѣ, въ числѣ коихъ Оружейная Палата *проситъ* выслать Андрея Зѣвакина, какъ извѣстнаго уже ей по способностямъ своимъ и знанію въ таковыхъ вещахъ. — На *предписаніе* Губернскаго правленія Градское Общество отвѣтило назначеніемъ Павла Ѳедорова Сазикова и Семена Ѳедорова Калашникова, а на *просьбу* Оружейной Палаты не отвѣтило совсѣмъ. Такимъ образомъ Зѣвакинъ все-таки не былъ выданъ дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, князю Н. Б. Юсупову, главноначальствующему Оружейной Палатой.

Характерно, что никто не справлялся о мнѣніи самого Зѣвакина о томъ, нравится ли ему предлагаемая должность или нѣтъ. Онъ находился на положеніи какой-то неодушевленной вещи, которую можно было поставить тутъ или тамъ, не справляясь объ ея желаніи.

Изъ справки Градского Общества мы узнаемъ, что московскій 2-ой гильдіи купецъ Андрей Зѣвакинъ имѣетъ въ своемъ семействѣ неотдѣленныхъ отъ него четырехъ сыновей, живетъ съ ними въ Москвѣ, въ Якиманской части, въ собственномъ своемъ домѣ и производитъ съ двумя сыновьями въ Городской части, въ Серебряномъ ряду, лавочный торгъ золотыми и серебряными вещами съ бриллiантовыми камнями на нарочитую сумму. Никакой личной службы Обществу не несъ, кромѣ вышеупомянутой въ 1801 г. въ Оружейной Палатѣ. Съ 1814 г. и донынѣ Зѣвакинъ состоитъ церковнымъ старостой, и его нельзя было выбирать ни въ какую общественную должность. Но въ 1821 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, чтобы во всѣ общественныя службы избирались и старосты церковные. Тогда-то Андрей Зѣвакинъ былъ назначенъ первымъ

кандидатомъ во временный судъ къ двумъ засѣдателямъ изъ купечества (Борисовскому и Варенцову).

Оружейная Палата не удовлетворилась назначеніемъ Сазикова и Калашникова. Очевидно, амбицію князя Юсупова задѣли: надо во что бы то ни стало поставить по-своему! Палата увѣдомляетъ, что Сазиковъ и Калашниковъ несвѣдущи въ дѣлѣ и что, если не пришлютъ ей Зѣвакина, то она ставитъ Купеческому Обществу на замѣчаніе, что ошибки въ званіяхъ каменьевъ останутся на отвѣтственности Палаты и на взысканіи Общества. Съ своей стороны Сазиковъ и Калашниковъ, очевидно, крайне недовольные своимъ положеніемъ между двухъ огней, заявили, что занимаются лишь торговлею золотыми и серебряными вещами, а въ каменьяхъ незнающи.

Въ такомъ же духѣ составляется и новое требованіе Губернскаго Правленія. Прислать во что бы то ни стало Андрея Зѣвакина! Но въ данномъ случаѣ Градское Общество оказалось на высотѣ положенія и сыграло противъ князя Юсупова такимъ крупнымъ козыремъ, что сіятельный князь предпочелъ ликвидировать это дѣло.

Градское Общество обратилось къ Московскому военному генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну съ жалобой на дѣйствія Московской Оружейной Палаты, при чемъ оспаривало самое право Палаты требовать себѣ купцовъ въ оцѣнщики. Общество указало, что изъ объясненій бывшаго цѣновщика Наумова выяснилось, что насущной и постоянной потребности въ оцѣнщикахъ у Палаты и не существуетъ, откуда можно вывести и заключеніе, что Палата при своемъ требованіи Зѣвакина руководится какими то другими мотивами, о которыхъ не желаетъ прямо говорить. Палата, пишетъ Градское Общество, ссылается въ подтвержденіе своихъ правъ на указы. Но указы о бытіи купцамъ при Оружейной Палатѣ Градскому Обществу неизвѣстны, а посему оно просило Палату доставить копіи съ нихъ, чтобы можно было видѣть надобность въ оцѣнщикахъ съ одной стороны, а съ другой — обязанность удовлетворить ее со стороны Купеческаго Общества. Но сама Палата увѣдомила, что *у нея именного указа 1701 года не имѣется, однако оставила безъ поясненія, почему она въ перепискѣ помѣстила сей указъ.* Другіе же указы вовсе не имѣютъ положенія, чтобы Московское Градское Общество избирало въ Оружейную Палату изъ своей среды гражданъ, знающихъ названіе и достоинство каменьевъ для свидѣтельства государственныхъ вещей и для оцѣнки ихъ. Если ошибки въ оцѣнкѣ происходятъ, то для устраненія ихъ существуютъ чиновники горнаго правленія и пробирной палаты, а не купцы, ведущіе ограниченный торгъ. На основаніи приведенныхъ соображеній Градское Общество обращается къ военному генералъ-губернатору съ жалобой, что Палата приводитъ не имѣющіе значенія указы, ограничиваетъ права Градскаго Общества, Высочайше ему дарованныя, и подвергаетъ къ отвѣтственности понапрасну, сама выбирая изъ среды купцовъ

въ упомянутую должность. Общество проситъ освободить его отъ такой службы, на которую никогда не было Высочайшаго повелѣнія, и вернуть четырехъ купцовъ-оцѣнщиковъ въ городскую службу.

Генералъ-губернаторъ снесся съ главноуправляющимъ надъ Кремлевскою Экспедиціею княземъ Юсуповымъ по дѣлу Зѣвакина и получилъ въ отвѣтъ, что Зѣвакинымъ въ Палатѣ дорожили за его знаніе дѣла, но *если Зѣвакина нельзя выбрать для означенной надобности, то онъ, Юсуповъ, проситъ назначить двухъ другихъ купцовъ* для повѣрки царскихъ сокровищъ по новымъ описямъ. Это былъ уже отбой.

Тогда Градское Общество употребило съ своей стороны маневръ, чтобы затянуть дѣло: оно положило произвести перепись купцовъ, торгующихъ драгоцѣнными камнями и металлами. Однако въ іюнѣ 1823 г. генералъ-губернаторъ прислалъ снова бумагу съ предложеніемъ скорѣйшаго отвѣта на запросъ главноуправляющаго надъ Кремлевскою Экспедиціею. Городское Общество поняло, что отстоять свои требованія сполна ему не удастся и слѣдуетъ довольствоваться тѣмъ, что удалось отстоять лицо, произвольно выбранное администраціей. Поэтому на запросъ генералъ-губернатора Общество отвѣтило избраніемъ двухъ лицъ въ Оружейную Палату, но не Зѣвакина.

Такимъ образомъ инцидентъ канцелярской кляузы былъ исчерпанъ. Переписка тянулась съ марта 1822 г. по іюнь 1823 г.

Н. Купчая на отцовскій домъ.

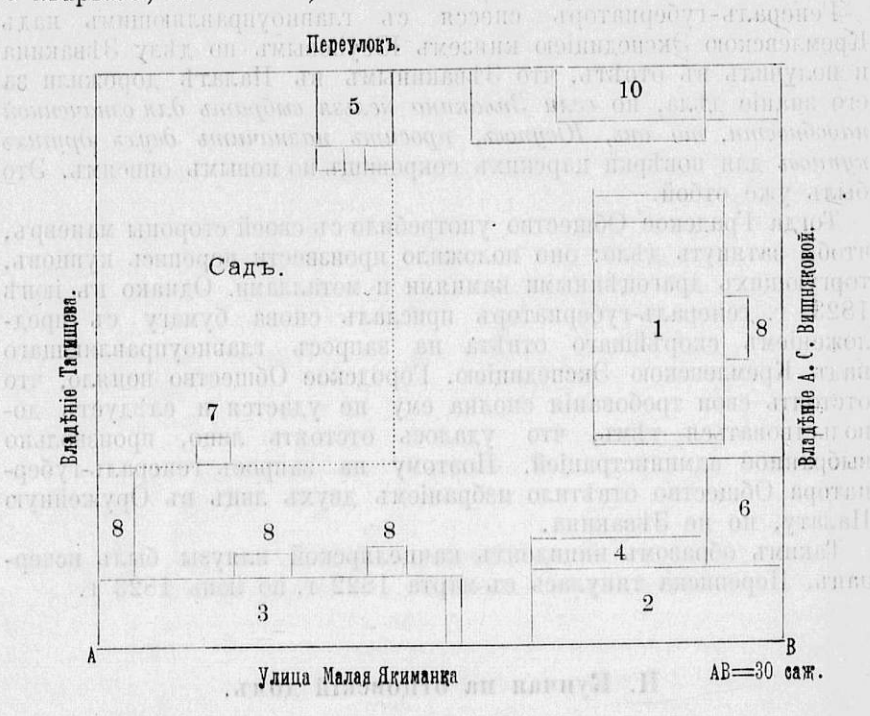
(Изъ бумагъ А. С. Вишнякова.)

Писана на гербовой бумагѣ 1812 г.

Купчая написана отъ 1814 г., мая 11-го, между коммерціи совѣтникомъ и Моск. 1-й гильдіи купцомъ Семеномъ Алексѣевичемъ Алексѣевымъ и купецкимъ сыномъ Петромъ Мих. Вишняковымъ. „Продалъ я ему свою *обгорѣвшую бѣлую землю съ оставшимся на ней каменнымъ строеніемъ,* состоящую Якиманской части 6 квартала, подъ № 531, въ приходѣ свв. Іоакима и Анны, доставшуюся мнѣ по данной изъ Московскаго магистрата 1781 г. октября 15-го, проданную за казенное взысканіе Моск. купца Никиты Евсевьева с. Сырова и по купчимъ Моск. купца Марка Семенова с. Тетерина отъ жены вдовы Прасковьи Григорьевой и умершаго купца Ильи Васильева с. Васильева отъ жены Афимьи Гавриловой дочери и дѣтей ея... а мѣрою той бѣлой земли длиннику по правую сторону 23 саж., по лѣвую 21 саж., въ переднемъ концѣ по Малой Якиманкѣ 30 саж., въ заднемъ концѣ по переулку 30 съ половиною саженъ. А въ межахъ состоитъ земля, идучи на нее по правую сторону,— дворъ Моск. купца Ивана Васильева Рогачева, по лѣвую сторону, — дворъ титулярной совѣтницы Дарьи Лукиной Осиповой.

А взялъ я, Семенъ, съ него, Петра, за оную землю денегъ государственными ассигнаціями 5000 рублей".

Вотъ уменьшенная копія съ плана этого дома (Якиманс. части, 6 квартала, № 605/666) 1845 г.

1. Каменный 3-этажный д.— 2. Каменный 2-этажный съ мезониномъ.— 3. Сарай.— 4. Деревянная галлерея на каменныхъ столбахъ.— 5. Баня.— 6. Ретирады.— 7. Колодезь. 8,8. Крыльца и ретирады.— Этотъ планъ приложенъ при прошеніи о дозволеніи пристроить №№ 9 и 10.

По смерти моего отца домъ этотъ состоялъ 6 лѣтъ въ общемъ владѣніи его наслѣдниковъ; послѣ раздѣла, онъ перешелъ сперва къ обоимъ моимъ старшимъ братьямъ, а потомъ къ одному Семену Петровичу. Въ настоящее время (1905 г.) онъ принадлежитъ сыну его Алексѣю Семеновичу .Значится онъ теперь Якиманской части, 1 участка, № 605/666, полицейскій № 24.

I. Портретъ моего отца.

Мать моя очень дорожила этимъ портретомъ, а также и мои старшіе братья, изъ чего можно заключить, что онъ имъ удовлетворительно напоминалъ отца такимъ, какимъ они его помнили. Когда происходилъ раздѣлъ имущества, мать моя упросила старшихъ братьевъ безъ жребія уступить ей этотъ портретъ, а самимъ

ограничиться копіями, впрочемъ, очень хорошими. Младшіе братья мои, напротивъ, относились къ портрету равнодушно, говоря, что „они такимъ отца не могли знать". Вотъ почему случилось, что послѣ кончины моей матери, я, самый меньшой изъ ея сыновей, удостоился получить въ свое владѣніе безъ всякаго возраженія оригиналъ портрета моего отца въ молодости.

Еще раньше, послѣ кончины отца, въ мою собственность поступилъ маленькій портретъ отца, писанный также масляными красками ($5^1/_8 \times 4$ вершк.). Отецъ изображенъ въ той же позѣ, въ томъ же платьѣ, съ той же изумрудной булавкой въ жабо. Этотъ портретъ несетъ помѣту: „писанъ 1818 года"; значитъ отцу было около 37 лѣтъ. На большомъ портретѣ отца никакихъ помѣтъ не имѣется. Это наводитъ на мысль: не есть ли маленькій портретъ именно настоящій оригиналъ, съ котораго большой портретъ представляетъ только увеличенную копію? Во всякомъ случаѣ, портреты эти очень близки между собой, отличаются лишь въ мелочахъ и, вѣроятно, писаны однимъ художникомъ.

J. Чориковы и Хлопонины.

Сына Надежды Сергѣевны, Сергѣя Ивановича Чорикова я знавалъ въ дѣтствѣ. Помню, это былъ смиренный и забитый человѣчекъ, являвшійся только въ высокоторжественные дни для поздравленія и всегда скромно жавшійся въ уголъ. Чѣмъ онъ занимался, мнѣ неизвѣстно. У него было многочисленное потомство, о которомъ я тоже мало знаю.

У Софьи Ивановны была еще сестра Елизавета Ивановна, выданная замужъ за купца Семена Семеновича Хлопонина. У нихъ были дочь и сынъ Иванъ Семеновичъ, очень симпатичный молодой человѣкъ, недурно образованный для купеческаго сына 1850-хъ годовъ. Онъ служилъ въ конторѣ Шульца, очень дружилъ съ моими младшими братьями и имѣлъ несчастіе утонуть, купаясь въ Яузѣ. Но все это относится къ гораздо болѣе позднему времени.

К. Болдыревы.

Въ 1756 г. изъ купцовъ города Малаго Ярославца переписался въ Московское купечество по Котельной слободѣ во 2-ю гильдію *Сергѣй Семеновъ Болдыревъ*. Торговалъ онъ въ Шапошномъ ряду на ларяхъ противъ Овощнаго ряда и платилъ за одну душу окладу 1 руб. 80 коп., а жилъ за Пречистенскими воротами, въ приходѣ церкви Иліи Обыденнаго, въ домѣ у священника Ивана Кириллова по свойству. Ему значилось по 3-й ревизіи (1764 г.) 36 лѣтъ; женатъ онъ былъ на дочери купца Бронной слободы Есакова Аннѣ Ивановнѣ 23 лѣтъ. Онъ значится и въ окладныхъ сказкахъ 1766-го и 67-го годовъ.

Дѣдъ матери, Ѳедоръ Андреяновичъ, по указу Главнаго Магистрата, былъ въ 1777 г. зачисленъ купцомъ 3-й гильдіи въ московское купечество Кошельной слободы; однако въ 1782 г. онъ значится коронымъ повѣреннымъ при питейныхъ сборахъ, живущимъ въ г. Томскѣ. Ему было въ это время 32 года; онъ былъ женатъ на дочери верейскаго купца Сѣдельникова, Марьѣ Алексѣевнѣ, 30 лѣтъ. У нихъ былъ сынъ Сергѣй, 10 лѣтъ. Такимъ образомъ устанавливается, что отецъ моей матери Сергѣй Ѳедоровичъ родился въ 1772 году.

Въ 1795 г. Ѳедоръ Андреяновичъ числится уже живущимъ въ Москвѣ, за Москвой-рѣкой, въ приходѣ ц. Николы на Пупышахъ, въ своемъ домѣ, и торгующимъ „въ питейныхъ погребахъ". Есть, съ другой стороны, свѣдѣніе, что у Ѳедора Андреяновича былъ „въ городѣ Китаѣ фряжскій погребъ", т.-е., что онъ торговалъ иностранными винами. При немъ была жена Марья Алексѣевна и двое сыновей — Сергѣй и Петръ. Въ это время Сергѣю было 23 года и онъ былъ уже женатъ на дочери Московскаго купца Савина Марьѣ Андреевнѣ 15 лѣтъ, но дѣтей у нихъ еще не было. Младшему брату Петру было 7 лѣтъ.

Когда умерла первая жена Ѳедора Андреяновича — неизвѣстно, но по второму браку онъ значится женатымъ на Дарьѣ Аѳанасьевнѣ, отъ которой дѣтей не имѣлъ (1811 г.) Дѣвичья фамилія ея неизвѣстна, но она была раньше замужемъ за нѣкоимъ Барановымъ, отъ котораго у ней также дѣтей не было. Говорили, что Ѳедоръ Андреяновичъ и выбралъ ее ради ея предыдущей бездѣтности, не желая болѣе имѣть дѣтей. Дарью Аѳанасьевну и я немного помню. Уже въ 1811 г. у Ѳедора Андреяновича не было своего дѣла; домъ свой онъ, должно быть, продалъ и поселился у сына Сергѣя, въ его домѣ Городской части, близъ Ильинки, въ приходѣ свв. Козьмы и Даміана.

Въ лѣтописяхъ Московскаго купечества Ѳедоръ Андреяновичъ Болдыревъ упоминается нерѣдко по выборамъ въ разныя общественныя должности.

Въ 1790 г. купечество задумало перестраивать Гостинный Дворъ, для каковой цѣли проектировался 1%-ный взносъ съ рубля торговыхъ оборотовъ съ торгующихъ. На это многіе не согласились, предлагая замѣнить періодическіе взносы единовременными пожертвованіями. Не согласились всѣ „именитые" граждане; первая гильдія вся согласилась, а изъ второй кое-кто не выразилъ согласія. Въ числѣ согласившихся былъ 2-й гильдіи купецъ Ѳедоръ Андреяновичъ Болдыревъ. Въ 1794 г. при выборахъ въ повѣренные выборщики на срокъ съ 1795 по 1797 годъ Ѳедоръ Андреяновичъ попалъ въ кандидаты. Въ 1797 г. Ѳедоръ Андреяновичъ былъ выбранъ въ частные ратманы въ Пятницкую часть. Онъ жилъ въ это время еще у Николы на Пупышахъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ сыномъ Сергѣемъ и торговлю имѣлъ въ Ветошномъ ряду. Въ 1801 г. Ѳедоръ Болдыревъ вмѣстѣ съ другими купцами подаетъ въ домъ Градскаго Общества прошеніе, въ которомъ заявляетъ, что 1797 г. іюля въ 18 день они выбраны въ частные городовые

суды въ судьи, чему уже истекло болѣе трехъ лѣтъ, а какъ имъ нуженъ по дѣламъ ихъ отъѣздъ изъ Москвы въ разныя мѣста, то, за неотпускомъ ихъ отъ должностей, лишаются они торговли и просятъ уволить ихъ. Выслушавъ эту жалобу, купечество постановило оставить ихъ въ должности до 1 января 1802 г. Для уясненія смысла этой жалобы слѣдуетъ замѣтить, что купцы выбирались на должности на трехгодичный срокъ, а почему-то въ 1800 г. выборовъ произведено не было.

Одной изъ казней египетскихъ, которыми бюрократія всегда грозила купеческому карману, было назначеніе опекуновъ надъ имуществомъ малолѣтнихъ наслѣдниковъ. Это считалось обязанностью купечества. Сиротскій судъ всегда могъ назначить опекуномъ къ наслѣдству запутанному и денежному, налагая на опекуна очень тяжелую и непріятную отвѣтственность за чужія упущенія. Какъ всѣмъ было извѣстно, тутъ требовалась особая снаровка. Было не мало наслѣдствъ и денежныхъ, и запутанныхъ, которые кормили и опекуновъ, и Сиротскій судъ, вводя только въ убытки наслѣдниковъ: нужно было только, чтобъ такіе опекуны знали, чего съ нихъ требуетъ Сиротскій судъ, и вошли съ чиновниками въ дружественный союзъ. Но если опекунъ не хотѣлъ союза, а противъ него имѣли зубъ, то могли надѣлать ему огромныя непріятности и подвести подъ судъ. Чего-нибудь подобнаго и опасался Ѳедоръ Андреяновичъ, когда въ 1802 г. вошелъ къ Градскому Обществу съ прошеніемъ, чтобы его освободили отъ званія опекуна по имуществу нѣкоего Зорина, но Общество не удовлетворило его ходатайства и оставило его въ этой должности.

Въ 1806 г. Ѳедора Болдырева выбрали бургомистромъ во 2-й департаментъ магистрата. Въ то же время былъ къ нему выбранъ въ ратманы Терентій Солдатенковъ. Въ 1812 г. августа 25 назначены по продовольствію войскъ смотрители отъ купечества въ каждую часть города. Въ числѣ ихъ въ Городскую часть назначенъ Ѳедоръ Андреяновичъ. Въ началѣ 1813 г. Ѳедоръ Андреяновичъ былъ избранъ отъ купцовъ 3-й гильдіи въ число повѣренныхъ въ домъ Градскаго Общества на срокъ по 1-е декабря 1815 г. Въ 1814 г. онъ значится выбывшимъ 2-й гильдіи купцомъ. Вмѣстѣ съ нимъ выбылъ и 2-й его сынъ Петръ Ѳедоровичъ, 3 лѣтъ. Ѳедоръ Андреяновичъ скончался 29 іюля 1817 г., имѣя 7 лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Сынъ Ѳедора Андреяновича, Сергѣй Ѳедоровичъ значился въ 1811 г. въ особомъ капиталѣ и велъ свою торговлю мѣховымъ товаромъ. Первая его жена Марья Андреевна умерла между 1803—1807 годами, оставивъ ему двухъ сыновей: Павла (род. 1801 г.) и Александра (род. 1803 г.). Второй женой его была Марья Васильевна, рожденная Марова, скончавшаяся 26 лѣтъ отъ роду 19 августа 1810 г. Она оставила ему двухъ дочерей: Анну, мою будущую мать (род. 6 января 1808 г.) и Вѣру (род. въ 1809 г.). Году не вышло по кончинѣ Марьи Васильевны, какъ Сергѣй Ѳедоровичъ женился на третій разъ на Аннѣ Ивановнѣ, которой дѣвичья фамилія мнѣ неизвѣстна: это

была мачиха моей матери. Въ 1811 г. ей считалось только 17 лѣтъ, тогда какъ Сергѣю Ѳедоровичу было 39. Отъ третьей жены у Сергѣя Ѳедоровича былъ сынъ Василій (род. 1812 г.) и доч Марія (род. въ 1816 г.).

Бабка моя съ материнской стороны Марья Васильевна был единственной дочерью Василія Марковича и Ирины Васильевн Марковыхъ, переписавшихся въ купцы Таганной слободы изъ Яро славля въ 1784 г. Марья Васильевна родилась въ этомъ же году и умерла, какъ сказано выше, совсѣмъ молодой, раньше своихъ родителей. Василій Марковичъ скончался 9 августа 1814 г., а Ирина Васильевна 20 марта . Погребены они всѣ на Лазаревском кладбищѣ*).

Сергѣй Ѳедоровичъ Болдыревъ былъ первымъ старостой Успен скаго Собора**) и занималъ эту должность съ 1817 по 1823 год включительно. Вотъ что значится въ приговорахъ Московскаго Ку печества отъ 3 апрѣля 1816 года:

„Въ 1811 г. при управленіи Московской митрополіей архіепископ Августина учреждено мѣсто церковнаго старосты при Большом Успенскомъ соборѣ... Приговорили: старостой церковнымъ быть пр Успенскомъ соборѣ московскому купцу Сергѣю Ѳедорову Болды реву, котораго, призвавъ въ оный домъ Градскаго Общества и семъ объявя, препроводить въ Московскую Синодальную контор при отношеніи“ и т. д.

Приговоръ 18 февраля 1820 г.: „Слушали предложеніе Москов скаго гражданскаго губернатора Дурасова о томъ, что митрополит Московскій Серафимъ отнесся къ нему съ представленіемъ прото пресвитера Успенскаго Собора Іакова Дмитріева съ сакелларіям въ томъ, что опредѣленный въ тотъ соборъ 1817 года въ январ мѣсяцѣ старостою церковнымъ моск. купецъ Сергѣй Ѳедоров Болдыревъ назначенное трехгодичное время оканчиваетъ, и поелик онъ, староста, проходя должность свою съ примѣрнымъ раченіем сдѣлалъ значительное приращеніе доходовъ соборныхъ и притом его-же особеннымъ стараніемъ пріобрѣтены въ соборѣ немалова ные вклады, то они желаютъ, чтобы Болдыревъ оставленъ бы старостою еще на другое трехлѣтіе“... Приговорили: „изъ уважен къ отличному усердію Болдырева оставить его въ семъ звані на слѣдующее трехлѣтіе, не привлекая къ другимъ должностямъ Въ 1823 г., послѣ шестилѣтняго служенія, Сергѣй Ѳедорови оставилъ почетную должность старосты Успенскаго Собора. На е

*) У Василія Марковича былъ братъ Ѳедоръ. У Ѳедора Марковича бы сынъ Григорій, а у Григорія сынъ Дмитрій, отецъ Александра Дмитріевич нынѣшняго владѣльца извѣстной экипажной фабрики и мужа моей племянни Елизаветы Михайловны. Такимъ образомъ наше семейство связано съ Марк выми тройнымъ родствомъ: по моей матери, чрезъ Звѣвакиныхъ (сынъ Ан Михайловны, Николай Андреевичъ, былъ женатъ на Клавдіи Григорьевнѣ Ма ковой) и чрезъ Елизавету Михайловну.

**) Приговоры Московскаго Купечества съ 1813—1827 г. Матер. д. Ис Моск. Купеч. Т. II.

мѣсто выбрали 2-й гильдіи купца Владиміра Николаева Третьякова. Кромѣ этого Сергѣй Ѳедоровичъ призывался къ занятію и другихъ городскихъ должностей. Въ ноябрѣ 1810 г. его выбрали въ помощники гильдейскаго старосты 2-й гильдіи на трехлѣтіе. Какъ характерную особенность тогдашнихъ выборовъ можно отмѣтить, что требовалось лишь относительное, а не абсолютное большинство: Сергѣй Ѳедоровичъ получилъ 32 бѣлыхъ противъ 41 черныхъ и все-таки вступилъ въ должность. Такой порядокъ, гарантировалъ всегда успѣхъ выборовъ; насколько это согласовалось вообще съ духомъ выборнаго начала — другой вопросъ.

Сергѣй Ѳедоровичъ скончался черезъ три года послѣ брака моей матери 11 сентября 1827 г. и похороненъ, какъ большинство ея родныхъ, въ Новоспасскомъ монастырѣ.

L. Пожары въ Москвѣ 1834 года.

(По запискамъ Бекетова, помѣщ. во 2-мъ вып. Щукинскаго Сборника.)

1834-й годъ памятенъ московскимъ старожиламъ. Съ половины мая приблизительно начались засуха и жары, а вмѣстѣ съ тѣмъ пожары. Много погорѣло въ Лефортовѣ, гдѣ-то около Крестовской заставы, но самый ужасный пожаръ свирѣпствовалъ на Рогожской улицѣ: тутъ сгорѣло около 200 домовъ. Село Всесвятское выгорѣло почти совершенно. Пожары были ежедневны: горѣло иногда въ разныхъ концахъ города, разомъ въ 4—5 мѣстахъ, что затрудняло чрезвычайно дѣйствіе пожарныхъ командъ. День, въ который сгорѣло 2—3 дома, считался уже почти благополучнымъ. Сначала пожары приписывались только неосторожности и засухѣ, но когда начали горѣть холостыя строенія, и съ нихъ начинались пожары, заговорили о поджогахъ. Скоро эти слухи приняли утвердительный, настойчивый характеръ. Извѣстный Цынскій, оберъ-полицмейстеръ, выходилъ изъ себя, отыскивая поджигателей. Нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ совершенно неосновательно, заплатили жизнью подъ побоями разсвирѣпѣлой черни. Паника тяготѣла надъ жителями: многіе держали большую часть своего имущества уложенной, какъ въ дорогу, въ чемоданахъ, сундукахъ, узлахъ, чтобъ имѣть возможность выносить его при началѣ пожаровъ. По ночамъ составлялись изъ жителей караулы, независимо отъ ночныхъ сторожей и полицейскихъ. Настала осень, пошли дожди, а пожары не прекращались. Стали говорить о пріѣздѣ въ Москву императора Николая, и жители ободрились, надѣясь, что присутствіе Государя разомъ прекратитъ бѣдствіе, заставивъ полицію усилить бдительность. Вначалѣ надежды не оправдались: въ самый день пріѣзда Государя было 4 пожара въ разныхъ концахъ города. Однако, послѣ этого пожары стали становиться рѣже и вскорѣ совсѣмъ прекратились. Говорили, что переловлено было до 60 поджигателей, которые были преданы суду и потерпѣли заслуженную кару.

M. Лухмановы.

Родъ Лухмановыхъ не относился къ коренному московскому купечеству. Дмитрій Александровичъ Лухмановъ прибылъ, имѣя 30 лѣтъ отъ роду, въ московское купечество изъ мѣщанъ г. Гороховца, Владимірскаго намѣстничества, въ 1790 г. Записанный сперва въ 3-ю гильдію, онъ въ 1815 былъ уже купцомъ 1-й гильдіи и коммерціи совѣтникомъ. Въ 1834 г., имѣя 70 лѣтъ отъ роду, онъ значился выбывшимъ изъ купечества въ потомственное почетное гражданство. Отъ двухъ женъ, изъ которыхъ первой была отпускная дворовая дѣвица графа Остермана, онъ имѣлъ многочисленное потомство.

Въ лѣтописяхъ московскаго купечества имя Дмитрія Александровича упоминается очень часто. Онъ игралъ довольно выдающуюся роль. Повидимому это былъ человѣкъ недюжинный, очень честолюбивый и съ сильной общественной жилкой. Купечество постоянно выбираетъ его то на ту, то на другую должность, и онъ никогда не отказывается, даже имѣя на то право. Въ то время бытіе на одной какой-нибудь службѣ по назначенію отъ купечества избавляло отъ всякой другой выборной должности. Въ 1832 г. Дмитрій Александровичъ былъ выбранъ въ присяжные повѣренные въ Губернское Правленіе на мѣсто умершаго Ив. Ив. Борисовскаго и принялъ эту должность, несмотря на то, что состоялъ уже на службѣ въ Московскомъ Совѣстномъ судѣ. Это рѣдкое самопожертвованіе занесено въ протоколы Градскаго общества. Въ разныя времена онъ служилъ при Оружейной Палатѣ, былъ городовымъ старостой, повѣреннымъ отъ первостатейнаго и 1-й гильдіи купечества, членомъ отдѣленія Коммерческаго Совѣта и т. д. Но все это были лишь должности второстепенныя. Какъ видно, высшей цѣлью его честолюбія было стать градскимъ головой. На выборахъ 1815 г. онъ прошелъ вторымъ кандидатомъ, получивши 71 голосъ избирательный противъ 38 неизбирательныхъ: первымъ прошелъ Михайла Ивановичъ Титовъ 108 голосами противъ одного. И на послѣдующихъ выборахъ Лухмановъ постоянно ставилъ свою кандидатуру, но чѣмъ дальше, тѣмъ неудачнѣе. Онъ скончался 18 августа 1841 г. и похороненъ въ церкви села Косина, которое ему принадлежало, несмотря на запрещеніе купцамъ владѣть населенными имѣніями. Лѣтъ за десять до уничтоженія крѣпостнаго состоянія изъ среды Косинскихъ крестьянъ выискался адвокатъ, который выхлопоталъ имъ свободу отъ наслѣдниковъ Дмитрія Александровича.

Послѣ Д. А. осталось большое состояніе, но и многочисленная семья, состоявшая изъ 6 сыновей и нѣсколькихъ дочерей. Между наслѣдниками на почвѣ наслѣдованія произошли крупныя недоразумѣнія, перешедшія потомъ въ судебный процессъ, тянувшійся десятки лѣтъ, крайне запутанный, съ претензіями наслѣдницъ, незаконнорожденныхъ дѣтей (дѣло Адамовичъ) и т. д. Въ свое время мнѣ подробно разсказывали юридическіе крючки этого дѣла, но въ

настоящее время я помню смутно только главное его основаніе, которое и передамъ здѣсь.

Изъ числа сыновей Дм. Александровича старшіе четверо остались въ купечествѣ, а двое младшихъ Сергѣй († 1881 г.) и Аѳанасій († 1882 г. въ чинѣ подполковника) вышли въ дворянство. Объектомъ раздора послужилъ такъ называемый Старый Монетный дворъ, безобразное, но крайне доходное владѣніе, поднесь существующее въ полной неприкосновенности своего безобразія на углу Тверской и Охотнаго ряда. На это золотое дно имѣли претензію и купеческіе Лухмановы, куда относился Николай Дмитріевичъ, отецъ жены моего брата Ивана, и тѣ другіе, дворяне. Наши Лухмановы жаловались, что Сергѣй Дмитріевичъ, заполучивши какимъ-то образомъ Монетный дворъ въ свое владѣніе, обманулъ ихъ, выкинувши имъ, какъ подачку, тысячъ сорокъ на всѣхъ, тогда какъ имъ причиталось гораздо больше. Тяжба кончилась уже въ концѣ XIX вѣка въ пользу Сергѣя Дмитріевича, а его противники только просудили большую часть своихъ средствъ и остались почти ни съ чѣмъ.

Николай Дмитріевичъ былъ женатъ на дочери Андрея Петровича Шестова, Анфисѣ Андреевнѣ, отъ которой у него было три сына и четыре дочери. Онъ умеръ раньше брака Александры Николаевны, оставивъ очень ограниченное состояніе: внучку выдавалъ замужъ дѣдушка Шестовъ.

И сыновья и дочери Николая Дмитріевича были красивы и получили по тому времени недурное образованіе. Я ихъ всѣхъ хорошо помню. Всѣ сыновья умерли холостыми, такъ что мужское потомство этой линіи Лухмановыхъ совсѣмъ пресѣклось. Дочери составили себѣ хорошія партіи: старшая Анна была за Ник. Вас. Блохинымъ, вторая Александра (род. 1826 г.) за моимъ братомъ, Любовь за Александр. Вас. Борисовскимъ, Екатерина за Серг Сем. Кашаевымъ. Старшая и младшая сестры на много пережили двухъ среднихъ и скончались въ началѣ 1900-хъ годовъ.

N. Высочайшая грамота на потомственное почетное гражданство. Золотая медаль.

Отецъ получилъ потомственное почетное гражданство осенью 1841 г. при слѣдующей Высочайшей грамотѣ:

„Божіею милостію, мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая. Манифестомъ нашимъ въ 10-й день апрѣля 1832 года установлено сословіе почетныхъ гражданъ, на правахъ въ ономъ предначертанныхъ; а какъ вѣрноподанный Нашъ Московскій второй гильдіи купецъ Петръ Вишняковъ, представленными актами доказалъ право на потомственное почетное гражданство, то возводя онаго Московскаго второй гильдіи купца Петра Вишнякова съ дѣтьми сыновьями: Иваномъ, Семеномъ, Сергѣемъ, Владиміромъ, Михаиломъ и дочерью дѣвицею Людмилою съ потомствомъ въ сословіе почетныхъ гражданъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ пользоваться какъ имъ, такъ и ихъ потомству всѣми

правами и преимуществами, манифестомъ Нашимъ сему сословію дарованными; во свидѣтельство чего повелѣли Мы сію грамоту Правительствующему Сенату подписать и Государственною Нашею печатью укрѣпить. Дана въ Санктпетербургѣ, сентября 4 дня 1841 года“. Слѣдуютъ подписи четырехъ Сенаторовъ и Кавалеровъ и Герольдмейстера и Кавалера Дмитрія Замятина, а также мѣсто печати *).

Незадолго до кончины отецъ былъ награжденъ медалью. Отношеніе, помѣченное 6 апрѣля 1846 г., было прислано отъ Управленія Московскаго Военнаго Губернатора „на имя бывшаго Засѣдателя отъ купечества Московскихъ Совѣстнаго Суда и Приказа общественнаго призрѣнія почетнаго гражданина Петра В—ва“. При бумагѣ препровождается золотая медаль съ надписью *за усердіе* съ принадлежащей къ ней аннинской лентой, и получатель приглашается къ уплатѣ 30 рублей въ пользу увѣчныхъ. Подписано: князь Щербатовъ. Изъ помѣты видно, что деньги внесены тогда же**).

О. Наше фабричное и торговое дѣло.

Петръ Михайловичъ Вишняковъ занимался производствомъ и торговлею золотокружевными издѣліями. Главнымъ предметомъ производства были золотыя и серебряныя нитки, опряденныя на шелку или на бумагѣ, которыя требовались какъ матеріалъ для выработки парчей и галуновъ, шитья церковныхъ и военныхъ вещей и украшенія національныхъ костюмовъ. Выработка означенныхъ нитокъ производилась ручнымъ способомъ, ручными „пряхами“. Передъ каждой пряхой сидѣлъ рабочій, который приводилъ ногой въ движеніе колесо, навивавшее такъ называемую плющенку и бить на шелкъ или бумагу. Плющенка и бить золотая и серебряная представляли изъ себя тонкую металлическую проволоку или нитку, выплющенную вальцами; онѣ у насъ не выдѣлывались, а покупались готовыми у Алексѣевыхъ, у которыхъ была фабрика этого производства, такъ называемаго золотоканительнаго. Можно сказать, что въ Москвѣ находились чуть ли не единственныя фабрики: Алексѣевская — золотоканительная и Вишняковская — золотопрядильная. Какъ серебряная, такъ и золотая плющенка дѣлалась исключительно изъ серебра 94-й пробы, только золотая была сверху вызолочена огневымъ способомъ: о гальваническомъ золоченіи тогда не имѣли еще понятія. Въ золотой плющенкѣ находилось въ сущности весьма небольшое количество золота: отъ $^1/_2$ до 3 золотниковъ на 100 золотниковъ серебра. — Шелкъ покупался на Нижегородской ярмаркѣ у бухарскихъ евреевъ. Достоинство бухарскаго шелка заключалось въ его чистотѣ, плотности и отсутствіи шишекъ, что въ производствѣ очень важно: теперь такого нѣтъ. Хорошъ

*) Списано съ подлинной Высочайшей грамоты, находящейся во владѣніи А. С. Вишнякова.

** Медаль эта въ настоящее время принадлежитъ мнѣ.

ылъ и итальянскій шелкъ. Какъ-то привозили шелкъ брусскій, но нъ былъ высокъ по цѣнѣ и не пошелъ. Цвѣтъ натуральнаго шелка ѣлый и желтый, но его красили въ подзолотные цвѣта, главнымъ бразомъ въ оранжевый и розовый. Шелкъ-сырецъ покупался въ откахъ, такъ называемыхъ куфтахъ. Такъ какъ онъ всегда очень еровный, то прежде чѣмъ пускать его въ прядево, его отдавали а дома особымъ мастерицамъ „карасницамъ“, для приданія ему звѣстной „ровнины“. Карасницы скручивали шелкъ на особыхъ риборахъ, называемыхъ „карасями“, чѣмъ придавали ему желанную ровнину. Всѣхъ ровнинъ, требуемыхъ производствомъ, было ортовъ пять. Онѣ носили особыя названія: первая, вторая, гречекая и др.

Серебро пряли большей частью на шелку, очень мало на бумажой ниткѣ: послѣдняя шла лишь въ позументы, гдѣ употребленіе шелка было по дороговизнѣ своей невыгодно. Пряденое серебро одержало большей частью на 100 золотниковъ плющенки 50 золотниковъ шелка. Это количество называлось „выходомъ“. Дешевые орта содержали выходъ до 60—70 золотниковъ шелка, тонкіе — е болѣе 35 золотниковъ. Такъ какъ серебро тогда было дорого, тоило коп. 30 за золотникъ, то какъ фабриканты, такъ и покуатели внимательно слѣдили за оттѣнками въ работѣ золотого и еребрянаго прядева. Когда серебряная или золотая плющенка плошь охватывали шелковую нитку, это называлось: сработано *асто;* если шелковинка начинала проглядывать, говорили: сработано *цвѣточкомъ;* если шелковинка выступала еще чаще, такую работу называли: *въ сѣдинку.* Если прядево было сработано черезуръ часто, такъ что плющенка ложилась на плющенку, это называлось *прискоростью.* Требовалось, чтобы нитка была сработана е слишкомъ часто, безъ прискорости, но не слабо. Для распознаія качествъ нитки употреблялись разные пріемы. Тифлисскіе покупатели, напримѣръ, брали катушку и проводили ею себя по щекѣ: если царапаетъ — значитъ слабъ товаръ, а можетъ быть и прискорость. Ни то, ни другое не допускалось.

Нитки золотыя и серебряныя навивались на катушки разныхъ величинъ и составляли главный предметъ торговли. Катушки содержали 2, 3, 5 и 10 золотниковъ товара. Такимъ образомъ, были мелкія и крупныя катушки, хотя сортъ товара былъ одинъ. Катушки упаковывались по десяти штукъ въ пачки. Большія партіи пачекъ лежали, бывало, отъ полу до потолка въ нашей лавкѣ на Нижегородской ярмаркѣ.

Кромѣ пряденаго серебра и золота на катушкахъ, на фабрикѣ мотались *литры,* состоявшія изъ 250—300 *цѣвочекъ.* Цѣвкой или цѣвочкой называлась крученая серебряная нитка, длиной то 4—6 вершковъ; чтобы она не раскручивалась, съ обѣихъ сторонъ въ отверстія вставлялись шелковыя вязки. Популярны были вязки изъ розоваго шелка (анцыря) для литровъ 60 золотниковыхъ, самыхъ тяжелыхъ. Были однако литры и въ 5 золотниковъ, содержавшія мало цѣвочекъ. Мелкіе литры шли на Кавказъ,

а крупные въ 60 золотниковъ вѣсу, называвшіеся по-персидски *глобатонъ*, шли въ Шемаху и Баку.

Такимъ образомъ, главное наше издѣліе было пряденое серебро и золото на шелку. Прежде золотопрядильная фабрика наша помѣщалась въ небольшомъ двухэтажномъ флигелѣ, составлявшемъ часть владѣнія Анны Сергѣевны и выходившемъ на Малую Якиманку, но въ 40-хъ годахъ оно было переведено въ особое зданіе въ Полянскомъ переулкѣ*). Работало на фабрикѣ до 100 человѣкъ, все одни мужчины-прядильщики. Всѣ они жили тутъ же на фабрикѣ, въ томъ же помѣщеніи въ верхнемъ этажѣ, гдѣ работали. Ими завѣдывали при Петрѣ Михайловичѣ фабричные приказчики Петръ Ивановъ Купцовъ и Кирила Борисовъ Коршуновъ, которые распоряжались самостоятельно каждый своей половиной: правая сторона фабрики такъ и называлась Купцовской, а лѣвая Коршуновской. У каждаго изъ нихъ было по 40—50 рабочихъ. Впослѣдствіи должности эти перешли къ ихъ сыновьямъ: Якову Петрову Купцову и Николаю Кирилову Коршунову. Но это было уже послѣ кончины Петра Михайловича.

Кромѣ пряденаго серебра и золота на катушкахъ и въ литрахъ, мы дѣлали изъ этого матеріала разныя издѣлія, но уже не сами, а отдавая эти работы на сторону. Золотокруженныя издѣлія, какъ позументы, галуны, церковные гасы, сѣтки и т. п., работались у *старинчатыхъ* мастеровъ въ деревнѣ, а бахрома и кисти — у мастерицъ въ Москвѣ. „Старинчатыми" назывались мастера либо потому, что издавна занимались этими издѣліями, либо потому, что издавна работали на одну какую-нибудь фирму. Слѣдуетъ замѣтить, что фабриканты неохотно признавались въ сотрудничествѣ этихъ мастеровъ, скрывая ихъ отчасти изъ опасенія, чтобъ ихъ не переманили, отчасти изъ желанія показать дѣятельность собственной фабрики шире, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Позументы или галуны, которые преимущественно выдѣлывались этими мастерами, представляли ткань, у которой основа состояла изъ шелковой или бумажной нитки, а утокъ изъ серебряной или золотой. Для этого мастерамъ отпускался на домъ матеріалъ: пряденыя золотыя и серебряныя нитки, бить и волока золотая и серебряная для утка, шелкъ и бумага для основы. Въ позументы и галуны шло низкопробное золотое прядево въ $^1/_2$, $^3/_4$ золотника, а также полуторное; высокопробное въ 2 и 3 золотника, такъ называемые дубликатъ и трипликатъ, сбывались прямо, преимущественно кавказцамъ, которые сами уже выдѣлывали нужные имъ галуны и шнурки для своихъ костюмовъ. Дешевые позументы бакинскіе и татарскіе работались нашими мастерами въ деревнѣ Орудьевѣ, Дмитровскаго уѣзда. Церковные гасы дѣлали мастера въ селѣ Прутцахъ, также Дмитровскаго уѣзда. Бахромы различныхъ сортовъ: гладкія, съ канителью или жгутиками и т. д., дѣлались мастерицами въ Москвѣ. Онѣ же шили кресты для церковныхъ

*) См. примѣч. на стран. 48 текста.

облаченій; кромѣ того приборы плетеныхъ крестовъ для облаченій работала въ Дмитровѣ извѣстная мастерица Курышкина.

Петръ Михайловичъ торговалъ въ Москвѣ въ своей лавкѣ, помѣщавшейся въ Большомъ Золотокруженномъ ряду, но главный сбытъ товара производился въ Нижегородской ярмаркѣ, куда стекался торговый людъ не только со всѣхъ концовъ Россіи, но и изъ Азіи. Въ Нижнемъ мы торговали въ своей лавкѣ во второмъ отъ Главнаго Дома корпусѣ по бульвару къ собору. Всѣхъ корпусовъ было четыре; бульваръ шелъ по срединѣ. Наша лавка была почти въ самой срединѣ ярмарки и одной стороной выходила на бульваръ, а другой въ Серебряную линію.

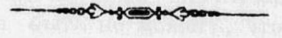
И откуда только не являлся покупатель для покупки товара въ большинствѣ случаевъ сряду на цѣлый годъ?! Какихъ только лицъ и народностей не видывала Вишняковская лавка?! Тогда золотокруженныя издѣлія шли много на русскіе мѣстные и инородческіе національные костюмы. Житель города Каргополя, Олонецкой губерніи, пріобрѣталъ палевый позументъ съ городами для отдѣлки женскаго платья; для той же цѣли покупала серебряную бахрому торговка изъ села Городца, Балахнинскаго уѣзда, Нижегородской губерніи; купчиха изъ Воронежа пріѣзжала за цѣннымъ позументомъ трипликатомъ съ городами для головныхъ уборовъ. Такіе позументы назывались *половинками* и дѣлались на оранжевомъ шелку. Церковные гасы требовались, конечно, преимущественно русскими городами, напр. Петербургомъ, Воронежемъ и т. п. Канительные гасы шли въ Казань, Уральскъ. Для украшенія своихъ костюмовъ приходилъ и уральскій казакъ, и караимъ изъ Крыма, и татаринъ изъ Казани. Въ большомъ количествѣ сбывались позументы и бахрома въ Карасубазаръ, Симферополь и Бахчисарай. И бакинскіе персіяне считали Вишняковскую лавку своею: эти покупали *модный товаръ* (т.-е. бахрому широкую съ канительными жгутами, позументъ частый широкій и т. п.) и везли его своимъ семьямъ, какъ гостинецъ съ ярмарки. За такимъ же сортомъ товара, какъ бакинскіе персіяне, являлся и армянинъ католикъ изъ Карасубазара. Монахиня изъ Арзамасскаго Никольскаго монастыря пріѣзжала за швейнымъ товаромъ. Много покупали его же настоятельницы Арзамасской Алексѣевской общины Варвара Александровна Щетинина и игуменья Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Манефа, которыя бывали у Петра Михайловича въ Нижегородской лавкѣ не только по дѣламъ, но и въ гостяхъ. Можно было видѣть въ ярмарочной лавкѣ и саратовскаго или вятскаго купца, и шемахинскаго жителя, и новочеркасскаго казака, и кавказскаго еврея изъ Хасавъ-Юрта. Нахичеванскіе армяне, состоявшіе также въ дружескихъ сношеніяхъ съ Петромъ Михайловичемъ, увозили нашъ товаръ въ Ставрополь, Моздокъ, Кизляръ, Пятигорскъ, Георгіевскъ, Майкопъ, Армавиръ, Екатеринодаръ, Грозный и т. д. Съ казанскими татарами вслѣдствіе долголѣтнихъ торговыхъ связей установились пріятельскія отношенія. Разсказывали, былъ такой случай. Какъ-то на Пасхѣ три столпа казанскіе: Галей Абсалямовичъ Усмановъ

Абдулъ Бикинѣевичъ Мустакимовъ и Жиганша Мухамметовичъ Усмановъ, пріѣхавъ въ Москву, первымъ долгомъ сочли отправиться съ визитомъ къ Петру Михайловичу, который такъ обрадовался дорогимъ гостямъ, что, забывъ ихъ татарское происхожденіе, бросился цѣловаться съ ними и спохватился лишь тогда, когда уже успѣлъ расцѣловать ихъ по русскому обычаю по три раза. Большіе были покупатели, эти татары, такъ что нѣкоторые дешевые сорта позумента, особенно 3-й по 20 коп. за золотникъ, вѣшались для нихъ прямо пудами на самыхъ большихъ вѣсахъ,— тѣхъ вѣсахъ, на которыхъ обыкновенно вѣшали кипами шелкъ сырецъ. Для богатыхъ татаръ шелъ много канительный гасъ. Кромѣ упомянутыхъ татаръ, еще Ибрагимъ Искаковичъ Апаковъ былъ большимъ покупателемъ нашимъ. Въ высшей степени были они добродушны и пользовались большимъ уваженіемъ какъ въ Казани, такъ и въ Москвѣ. Фирма наша была очень популярна на Кавказѣ; до сихъ поръ еще тамошніе торговцы спрашиваютъ *Вишняковское серебро*. Туда производился громадный сбытъ пряденаго серебра на катушкахъ въ мелкой размоткѣ. Нахичеванскіе и астраханскіе армяне сбывали это серебро въ цѣвкахъ въ той же размоткѣ киргизамъ и калмыкамъ. Нахичеванцы такъ любили Петра Михайловича, что не было случая, чтобъ кто-либо изъ нихъ не уплатилъ денегъ въ срокъ, тогда какъ относительно другихъ фирмъ это случалось. Въ Закавказьѣ у насъ также были пріятели, главнымъ образомъ, жители Тифлиса, которые были большими покупателями пряденаго золота; нѣкоторые изъ нихъ отправляли это золото изъ Нижняго водой въ желѣзныхъ сундукахъ. На ярмарку пріѣзжали и изъ далекой Персіи — Мазандерана, Астрабада, Ардабиля, Испагани. Кромѣ позументовъ и бахромы персіяне покупали сорта товара, носившіе своеобразныя названія: *женжира, ашерманъ, махмали, мураса, гаэтанъ, бахта, зей-бахта* и др., отличавшіеся разноцвѣтной отдѣлкой. Пряденое золото шло въ Елисаветполь, Александрополь, Кутаисъ, Сухумъ, Ахалцыхъ. Изъ обычныхъ посѣтителей ярмарки нѣкоторые бывали и въ Москвѣ. Нахичеванскіе армяне, напримѣръ, собирались въ Москвѣ въ январѣ и производили закупки товара, впрочемъ, незначительныя. Петръ Михайловичъ приглашалъ и ихъ на домъ и принималъ весьма радушно. Въ Петербургъ сбывался товаръ для военной обмундировки; съ главными представителями по этой части, Челпановымъ и Лихачевымъ, издавна существовала у Петра Михайловича дружба. Какъ Челпановъ, такъ и Лихачевъ бывали въ Москвѣ и посѣщали Петра Михайловича по семейному.

Разсматривая наши отношенія къ Алексѣевымъ, можно убѣдиться, что дѣло наше было совершенно самостоятельное, хотя и состоявшее съ Алексѣевымъ въ тѣсной связи, разумѣется, къ обоюдной выгодѣ. Алексѣевы покупали серебро въ слиткахъ, плющили его, имѣли канительную фабрику и большое дѣло съ за-границей, но не имѣли золотопрядильной фабрики. Наше же дѣло было только золотопрядильное; не имѣя своего серебра и золота, мы покупали

у Алексѣевыхъ волоку и плющенку и сами вили ихъ на шелку; съ за-границей у насъ дѣла не было. Такимъ образомъ наше производство шло рука объ руку съ Алексѣевскимъ, безъ всякой конкурренціи. Въ этомъ для насъ, кромѣ матеріальной, была важная, такъ сказать, политическая выгода: у насъ не было никакого повода къ столкновеніямъ. Связь эта выражалась между прочимъ въ томъ, что Петръ Михайловичъ до конца жизни пользовался большимъ авторитетомъ въ Алексѣевскихъ дѣлахъ и при случаѣ властно распоряжался у нихъ въ лавкѣ. Это, разумѣется, не могло бы быть предоставлено человѣку, котораго интересы могли разойтись съ Алексѣевскими.

П. И. Вишняковъ.

Примѣчанія къ приложеннымъ фототипіямъ.

1. Петръ Михайловичъ Вишняковъ. Снимокъ съ принадлежащаго мнѣ оригинала, писаннаго масляными красками (см. стран. 45 текста и приложеніе I на стран. 22). При внимательномъ осмотрѣ подлинника, на лѣвой его сторонѣ оказалась едва замѣтная, сильно потускнѣвшая подпись: N. Argounoff, 1818. Николай Ивановичъ Аргуновъ (род. 1771 г. † послѣ 1829 г.) былъ ученикомъ своего отца, извѣстнаго художника Ив. Петр. Аргунова, учителя Лосенко и Ѳ. Рокотова. Отпущенный на волю своимъ помѣщикомъ, графомъ Шереметевымъ, онъ ѣздилъ съ нимъ за границу, гдѣ и довершилъ свое художественное образованіе. Живя въ Москвѣ, онъ написалъ немало портретовъ. (Этими свѣдѣніями я обязанъ И. Е. Цвѣткову.)

2. Софья Ивановна Вишнякова, рожд. Черокова. Снимокъ съ портрета масляными красками, составляющаго собственность А. С. Вишнякова. Въ поправку къ тому, что сказано объ немъ на стран. 45 текста, слѣдуетъ замѣтить, что, точно говоря, онъ не составляетъ pendant къ портрету отца: его размѣры нѣсколько меньше, и—самое главное—по своему художественному достоинству онъ значительно уступаетъ портрету отца, такъ что сомнѣнія быть не можетъ, что онъ писанъ другимъ, гораздо болѣе слабымъ художникомъ, не подписавшимъ своего имени.

3. Вѣра Михайловна Алексѣева (см. стран. 161).

4. Петръ Михайловичъ Вишняковъ съ оригинала, рисованнаго пастелью Ранделемъ съ дагерротипа (см. стран. 217).

5. Силуэтъ П. М Вишнякова (см. стран. 128).

6. Церковь свв. Іоакима и Анны на Большой Якиманкѣ въ 1880-хъ годахъ. Рядомъ съ колокольней видна богадѣльня, а дальше садъ и часть дома моей матери. Въ настоящее время сада уже не существуетъ: на его мѣстѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ выстроенъ большой каменный домъ.

7. Видъ дома, бывшаго П. М. Вишнякова, съ Малой Якиманки въ настоящее время. За исключеніемъ архитектурной отдѣлки новѣйшаго происхожденія, а также подъѣзда съ улицы, котораго прежде не было, въ общемъ онъ мало отличается отъ своего состоянія въ 1840-хъ и 50-хъ годахъ. Вверху помѣщались дѣтскія; внизу — контора. Изъ девяти оконъ бель-этажа три крайнія слѣва принадлежали залѣ, три среднія первой гостинной, три крайнія правыя второй гостинной. Изъ перваго бокового окна второй гостинной открывается видъ вдоль Малой Якиманки по направленію къ Кремлю: тутъ было любимое мѣсто Петра Михайловича въ послѣдніе годы жизни; тутъ его поразилъ и послѣдній ударъ. Вмѣсто металлической рѣшетки съ этой стороны былъ прежде простой деревянный заборъ.

8. Факсимиле одного изъ писемъ П. М. Вишнякова.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Замѣченныя опечатки

въ текстѣ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
12	21 сверху	обществъ	общества
40	4 снизу	представлялся	предоставлялся
46	15 „	ему	моему
49	11 „	помѣтки	помѣты
62	16 сверху	Онѣ	Они
64	13 снизу	VII	VII a
80	10 „	и	съ
81	2 сверху	были	былъ
86	7 „	нигда	никогда
97	8 „	Ивашевъ, получилъ	Ивашевъ получилъ
128	14 „	и, соснувши	и соснувши
132	8 снизу	жазнь	жизнь
140	4 сверху	а церквамъ	и церквамъ

въ приложеніяхъ:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
3	10 сверху	мѣсто пребыванія	мѣстопребываніе
33	13 „	сряду	сразу

